ДК
30
Н73

В. Ф. Новицкий

"Из Индии
в Фергану"

СПб, 1903

DK
30
H73

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОБЩЕЙ ГЕОГРАФІИ.
ТОМЪ XXXVIII, № 1,
ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Д. ЧЛ. Ю. М. ШОКАЛЬСКАГО.

ИЗЪ ИНДІИ ВЪ ФЕРГАНУ.

ОПИСАНІЕ

путешествія, совершеннаго въ 1898 году изъ Пенджаба черезъ Кашмиръ, Ладакъ, Каракорамское нагорье, Раскемъ и Кашгарію въ Русскій Туркестанъ.

В. Ѳ. НОВИЦКІЙ.
Подполковникъ Генеральнаго Штаба. Дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Съ картой и 18 таблицами фототипій.

1587/5

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

[redacted]И".

Звѣздочкою обозначены изданія, которыхъ больше нѣтъ въ продажѣ.

Т. I*, 1867 г., ц. 2 р. — Ладожское озеро и гидрографическія работы, производящіяся на немъ въ настоящее время (съ картами); А. Андреева. — Географическія замѣтки о восточной части Закубанскаго края (1864 г.) (съ картою); І. Стебницкаго. — Объ изслѣдованіи Девдоракскаго ледника въ 1864 г. (съ планомъ); Гр. Хатисіана. — Общій обзоръ страны, лежащей къ западу отъ Заилійскаго края между р. Чу и р. Сыръ-Дарьею (съ картами); Полторацкаго. — Объяснительная записка къ картѣ Киргизской степи; Полторацкаго и Ильина. — Поѣздка въ западную часть Тянь-Шаня (съ геологическою картою и разрѣзами); Н. А. Сѣверцова. — Поѣздка изъ Вѣрнаго на озеро Иссыкъ-куль въ 1856 г.; П. П. Семенова. — Алматы или укрѣпленіе Вѣрное, съ его окрестностями; Н. А. Абрамова. — Рѣка Караталъ, съ ея окрестностями; Н. А. Абрамова. — Городъ Кбпалъ съ его округомъ въ 1862 г.; Н. А. Абрамова. — Станица Верхлепсинская съ окрестностями, въ 1864 г.; Н. А. Абрамова. — О ходѣ топографическихъ изслѣдованій оз. Балхаша и его прибрежій (съ картою); Бабкова. — Ала-куль (съ картою), А. Голубева. — Путешествіе на оз. Зайсанъ и въ рѣчную область Чернаго Иртыша до оз. Марка-куль и горы Саръ-тау, въ 1863 г.; К. Струве и Г. Потанина. — Зимняя поѣздка на оз. Зайсанъ (1863—64 г.), Г. Потанина. — Поѣздка по восточному Тарбагатою, лѣтомъ 1864 г.; К. Струве и Г. Потанина. — Записка о поѣздкѣ въ китайскій г. Хобдо въ 1863 г. (съ картою); А. Принтца. — Каменьщики, ясачные крестьяне Бухтарминской волости, Томской губ., и поѣздка въ ихъ селенія въ 1863 г.; А. Принтца.

Т. II, 1869 г., ц. 2 р. — Изслѣдованія о Кубанской дельтѣ (съ картою) Н. Я. Данилевскаго. — Нѣсколько мыслей о русской географической терминологіи по поводу словъ: лиманъ и ильмень; Н. Я. Данилевскаго. — Извлеченіе изъ письма Н. Я. Данилевскаго, о результатахъ поѣздки его на Манычъ. — По вопросу о предполагаемомъ обмеленіи Азовскаго м.; Гельмерсена. — Туруханскій край; П. Третьякова. — Очеркъ промысловъ Енисейскаго окр., сѣверной и южной системъ (съ картою); Н. В. Латкина.

Т. III*, 1873 г., ц. 3 р. — Отчетъ объ Олекминско-Витимской экспедиціи; П. Кропоткина и И. Полякова.

Т. IV, 1871 г., ц. 2 р. 50 к. — Гора Богдо; И. Б. Ауэрбаха и Г. Траутшольда — Наши свѣдѣнія о прежнемъ теченіи Аму-Дарьи; Р. Э. Ленца. — Свѣдѣнія о Ходжендскомъ уѣздѣ; А. А. Кушакевича. — Геологическія наблюденія во время Заравшанской экспедиціи; Д. К. Мышенкова. — Объ изборожденныхъ и шлифованныхъ льдомъ валунахъ и утёсахъ, по берегамъ Енисея, къ С. отъ 60° с. ш.; И. А. Лопатина. — Дорожныя замѣтки на пути отъ Пекина до Благовѣщенска черезъ Маньчжурію въ 1870 г.; архимандрита Палладія. — Отчетъ о работахъ въ экспедиціи къ Мурманскому берегу въ лѣто 1870 г.; барона Майделя.

Т. V*, 1875 г., ц. 3 р. — Общій очеркъ орографіи Восточной Сибири; П. Кропоткина. — Матеріалы для орографіи Восточной Сибири; орографическій очеркъ Минусинскаго и Красноярскаго округа Енисейской губ.; П. Кропоткина. — Дневникъ Фань-Шао-Куй'я изъ путешествія на западъ; переводъ П. Попова. — Гипсометрическія и географическія опредѣленія точекъ, основанныя на наблюденіяхъ, сдѣланныхъ въ 1868 — 72 г. въ 12 путешествіяхъ по С. Китаю, Монголіи, Манчжуріи, При-амурскому и Уссурійскому краю архим. Палладіемъ, гг. Пржевальскимъ, Ломоносовымъ, Мосинымъ и Фритше: д-ра Фритше. — Матеріалы по географіи Тянь-Шаня, собранные во время путешествія въ 1869 г. барономъ А. В. Каульбарсомъ. — Отчетъ Булунъ-тохойской экспедиціи. Сосновскаго.

Т. VI, вып. 1, 1875 г., ц. 1 р. 50 к. — Распредѣленіе осадковъ въ Россіи; А. И. Воейкова. — Осадки и грозы съ дек. 1870 г. по ноябрь 1871 г. (съ картами и чертежами); А. И. Воейкова. — Объ облачности Россіи (съ чертежами); Г. И. Вильда. — Суточный ходъ температуры въ С.-Петербургѣ въ ясные и въ пасмурные дни (съ чертажами); М. А. Рыкачева. — Астрономическія, магнитныя и гипсометрическія наблюденія въ 59 пунктахъ отъ Пекина, черезъ Монголію, Нерчинскій заводъ, Иркутскъ, Барнаулъ, Екатеринбургъ и Пермь до С.-Петербурга (съ картою); д-ра Фритше. — Замѣтка о количествѣ осадковъ въ южной части Крыма; В. Кеппена. — О наблюденіи періодическихъ явленій природы; В. Кеппена. — **Вып. 2, 1882 г., ц. 50 к.** — Поднятіе на воздушномъ шарѣ въ С.-Петербургѣ, 20-го мая 1873 г.; М. А. Рыкачева.

Т. VII, 1876 г., ц. 3 р. съ атласомъ. — Изслѣдованія о ледниковомъ періодѣ; 1) о ледниковыхъ наносахъ въ Финляндіи, 2) объ основаніяхъ гипотезы ледниковаго періода; П. Кропоткина.

„Записки по Общей Географіи“ до тома XXVII включительно и тома: XXIX, XXXI и XXXIII закончены и къ нимъ изданы оглавленія и обложки. Тома: XXVIII, XXX, XXXII, XXXIV, XXXV, XXXVI и XXXVIII еще не закончены.

Помощникъ Предсѣдателя Отдѣленія Географіи Физической д. чл. Ю. М. Шокальскій.

Мартъ, 1903 г.
СПБ.

Les „Mémoires de Géographie générale“ de la Société Impériale Russe de Géographie, publiés par les Sections de Géographie Mathématique et de Géographie Physique de la Société sous le titre de „Zapiskï po Obstcheï Guéographiï“ paraissent par livraisons séparées et numérotées. Ces livraisons se réunissent en tomes, pour chacun de ces derniers une couverture et une table de matière sont issues et jointes à la dernière livraison.

Actuellement sont complets les tomes jusqu'au t. XXVII inclusivement, ainsi que les t.: XXIX, XXXI et XXXIII. Les tomes: XXX, XXXII, XXXIV, XXXV, XXXVI et XXXVIII sont en cours de publication.

Adjoint au Président de la Section de Géographie Physique J. de Schokalsky.

Mars, 1903.
St.-Pétersbourg.

1584/15

DE LINDE À LA TERRE-NEUVE.

VOYAGE

fait en 1902 de Pentsâh à travers le Kachmir, Ladac, Caraçorum, Rodokh et Kachgarie jusqu'à la Frontière du Turkestan Russe.

Par M. V. de Novitskv.

Lieutenant-Colonel de l'État-Major et membre effectif de la Société Impériale Russe de Géographie.

Avec une carte et dix tables phototypiques.

ST.-PÉTERSBOURG.

IMPRIMERIE DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES.

(Vas. Ostr., 9 liane, № 12.)

1903.

MÉMOIRES
DE LA SOCIÉTÉ IMPÉRIALE RUSSE DE GÉOGRAPHIE.
SECTION DE GÉOGRAPHIE GÉNÉRALE.
TOME XXXVIII, № 1,
PUBLIÉ SOUS LA RÉDACTION DE M. J. de Schokalsky.

DE L'INDE À LA FERGANA.

VOYAGE,

fait en 1898 de Pendjab à travers le Kachmir, Ladac, Caracorame, Raskem et Kachgarie jusqu'à la frontière du Turkestan Russe.

Par M. V. de Novitsky.
Lieutenant-Colonel de l'Etât Major et membre effectif de la Société Impériale Russe de Géographie.

Avec une carte et 18 tables phototipyques.

ST.-PÉTERSBOURG.
IMPRIMERIE DE L'ACADÉMIE IMPÉRIALE DES SCIENCES.
Vass. Ostr., 9 ligne, № 12.
1903.

DK
30
H 73

ЗАПИСКИ
ИМПЕРАТОРСКАГО РУССКАГО ГЕОГРАФИЧЕСКАГО ОБЩЕСТВА
ПО ОБЩЕЙ ГЕОГРАФІИ.
ТОМЪ XXXVIII, № 1,
ИЗДАННЫЙ ПОДЪ РЕДАКЦІЕЙ Д. ЧЛ. **Ю. М. Шокальскаго.**

ИЗЪ ИНДІИ ВЪ ФЕРГАНУ.

ОПИСАНІЕ

путешествія, совершеннаго въ 1898 году изъ Пенджаба черезъ Кашмиръ, Ладакъ, Каракорамское нагорье, Раскемъ и Кашгарію въ Русскій Туркестанъ.

ОБ'ЕДИНЕННАЯ БИБЛІОТЕКА И. К. П.
173226

В. Ѳ. НОВИЦКІЙ.
Подполковникъ Генеральнаго Штаба. Дѣйствительный членъ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

Съ картой и 18 таблицами фототипій.

САНКТПЕТЕРБУРГЪ.
ТИПОГРАФІЯ ИМПЕРАТОРСКОЙ АКАДЕМІИ НАУКЪ.
Вас. Остр., 9 лин., № 12.
1903.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

стран.

Предисловіе . . . . . I—II

Введеніе . . . . . 1—4

Кашмиръ.

На почтовыхъ до Сринагара . . . . . 5—20

Почтовый трактъ. Тонга. Экка. Мой попутчикъ. Почтовыя станціи. Р. Джелюмъ. Природа Кашмира. До Барамули. Барамуля. Вверхъ по р. Джелюму. Пріѣздъ въ г. Сринагаръ.

Пребываніе въ г. Сринагарѣ . . . . . 20—45

Кашмирскіе купцы. Въ канцеляріи британскаго резидента. У Самадъ-шаха. Поѣздка въ Гульмаркъ. Г. Сринагаръ и его жители. Снаряженіе. Наемъ проводника. Отъѣздъ изъ г. Сринагара.

Въ долинѣ р. Синда . . . . . 45—59

Р. Синдъ. Тибетскій караванъ. Въ горахъ. Сел. Канганъ. До Сонмарка. Птицы долины р. Синда. Сел. Сонмаркъ. Флора долины р. Синда. Къ перевалу. Перевалъ Зоджи-ла.

Ладакъ.

Въ долинѣ р. Драса . . . . . 60—70

Верхняя долина р. Драса. Сел. Матіонъ. Сел. Драсъ. Общій характеръ природы Ладака. Флора. Птицы. Отъ сел. Драса до сел. Ташгама. Долина розъ. Сел. Ташгамъ. До сел. Каргиль.

Отъ р. Драса къ р. Инду . . . . . 70—80

Сел. Каргиль. Отъ Каргиля до Мульбека. Чортены. Сел. Мульбекъ. Два перевала. Будійскія сооруженія. Населеніе. Сел. Лямаюру. Религіозный характеръ населенія. Къ р. Инду.

По рѣкѣ Инду . . . . . 80—88

Р. Индъ. Сел. Каляти. Сел. Снурля. Сел. Саспуль. Сел. Базго. Г. Лей.

СТРАН.

Пребываніе въ г. Лех . . . . . 88— 96

Ознакомленіе съ городомъ. Британскій политическій агентъ. Наемъ людей. Снаряженіе.

Отъ Лея до р. Шейока . . . . . 96—104

Выступленіе изъ Лея. Ночлегъ подъ переваломъ. Перевалъ Кардунгъ. Ущелье р. Кардунгъ. Сел. Кардунгъ.

По рр. Шейоку и Нубрѣ . . . . . 104—115

Р. Шейокъ. Опасная переправа. Сел. Сати. Вверхъ по р. Нубрѣ. Сел. Панамикъ. Сел. Чанглюнгъ. Флора. Птицы. На рубежѣ горной пустыни.

Каракорамское нагорье.

Въ снѣгу и среди ледниковъ . . . . . 116—128

На перевалъ Ляскетъ. Перевалъ Ляскетъ. Ущелье р. Талямъ. Урочище Маргистангъ. Подъ переваломъ Сасыръ. Нашъ образъ жизни. На перевалъ. Перевалъ Сасыръ-ля. Урочище Сирсиль.

Опять въ долинѣ р. Шейока . . . . . 129—138

Р. Шейокъ. Мѣстные проводники. Ледники. Ручей Чипчакъ. Урочище Давлетъ-бегъ-ульды. Ночлегъ подъ Каракорамскимъ переваломъ. Каракорамскій перевалъ. Верховье Раскемъ-дарьи.

Отъ Каракорама до Шахидулы . . . . . 138—151

Урочище Балти-Брангса. Антилопы. Маликъ-ша. Перевалъ Сугетъ. Урочище Кутасъ-джильга. Флора пройденнаго нагорья. Его птицы. Шахидула. Китайскій пограничный чиновникъ.

Раскемъ.

Въ ущельяхъ южнаго Раскема. . . . . . 152—176

Новая географическая область. Внизъ по рѣкѣ Хотанъ-дарьѣ. Мазаръ Ходжа. Киргизское кочевье. Сопротивленіе Шахидульскихъ киргизъ. Тагра-су. Характеръ ущелья. Зіаретъ. Погода. Вечеръ у костра. Затруднительное движеніе. Бѣгство Шахидульскихъ киргизъ. Дальнѣйшее движеніе. Перевалъ Карликъ-даванъ.

Послѣдніе дни въ горахъ Раскема . . . . . 176—188

Ущелье Улюгъ-су. Урочище Такенъ-Тосъ. Внизъ по р. Улюгъ-су. Киргизы изъ Шахидулы. Перевалъ Тупалянгъ-даванъ. Р. Чульганъ. Флора. Аракашъ.

Кашгарія.

По равнинамъ южной Кашгаріи . . . . . 189—209

Общій очеркъ страны. Населеніе. Административное устройство. Акарекъ. Посланецъ Каргалыкскаго уѣзднаго начальника. Г. Каргалыкъ. Посѣщеніе Каргалыкскаго уѣзднаго на-

СТРАН.

чальника. Отвѣтный визитъ амбаня. Мѣстная монета. Депутація индусовъ. Базаръ. Отъѣздъ изъ Каргалыка.

Отъ Каргалыка до Яркенда . . . . . 210—227

Общій характеръ мѣстности. Саушамъ-базаръ. Якшамъ-базаръ. Игарчи-базаръ. Яркендъ-дарья. Встрѣчи. Прибытіе въ Яркендъ. Въ домѣ Мирзы Джана. Характеръ города. Китайская кумирня. Отъѣздъ изъ Яркенда.

На рубежѣ пустыни . . . . . 227—237

Характеръ мѣстности. Сел. Кукъ-раватъ. Пустынный переходъ. Сел. Кизылъ. Общій характеръ Кашгаріи. Пріѣздъ въ Янги-Гисаръ. Характеръ мѣстности. Сел. Япчанъ. Въ Кашгаръ. Янги-шааръ. Кашгаръ.

Пребываніе въ Кашгарѣ . . . . . 237—254

Русское консульство. Британскій агентъ. Характеръ города. Китайская администрація. Визитъ къ дао-таю. Чиновникъ дао-тая. Китайскій обѣдъ. Отвѣтный визитъ дао-тая. Зяфетъ у купеческаго старшины. Войска Кашгаріи. Приготовленія къ отъѣзду.

Въ предгорьяхъ Тянь-Шаня . . . . . 254—267

Опять въ дорогѣ. Андижанъ-кичикъ. Сел. Минъ-юлъ. Канъджуганъ. Флора. Равнина Кизылъ-ой. Киргизскія скачки. Кургашинъ-кани. Долина Уксалыра. Машрупъ. Р. Кизылъ-су. Урочище Сары-ташъ. Китайскій фортъ Улюгчатъ. Награ-Чалды. Р. Кизылъ-су.

Алай . . . . . 268—285

Русско-китайская граница. Иркештамъ. Торговля Русскаго Туркестана съ Кашгаріей. Отъѣздъ изъ Иркештама. Перевалъ Таунъ-Мурунъ. Алайская долина. На киргизскомъ кочевьи. Перевалъ Шартъ-даванъ. Суфи-Курганъ. Урочище Янгрыкъ. Гульча. Внезапная болѣзнь. Лянгаръ. Сел. Мады. Г. Ошъ. Роспускъ каравана. Отъѣздъ въ Андижанъ.

Приложеніе 1-е. Метеорологическая таблица . . . . . 286—288

» **2-е. Графическое изображеніе мѣстности отъ г. Сринагара (въ Кашмирѣ) до г. Ошъ.**

Алфавитный указатель.

Карта странъ, пройденныхъ авторомъ.

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Лѣтомъ 1898 года мнѣ представился случай, возвращаясь изъ Индіи въ Россію, посѣтить Кашмиръ, Ладакъ, Каракорамское нагорье и западную часть Восточнаго Туркестана; описаніе моего трехмѣсячнаго путешествія по этимъ странамъ и составляетъ предметъ книги, предлагаемой читателямъ.

Направленіе моего пути не представляетъ собой ничего новаго; путь изъ Кашмира черезъ Каракорамскій перевалъ въ Кашгарію извѣстенъ индійскимъ и туркестанскимъ купцамъ очень давно; различныя участки его не разъ посѣщались европейскими, преимущественно англійскими путешественниками и описаны болѣе или менѣе подробно. Однако, просматривая свои дневники по возвращеніи домой и вспоминая различныя обстоятельства своего путешествія, я пришелъ къ заключенію, что, можетъ быть, нѣкоторыя изъ моихъ впечатлѣній окажутся не безъинтересными для русскаго читателя, въ сущности, мало знакомаго съ этими отдаленными странами.

Мое путешествіе было предпринято при матеріальной поддержкѣ Императорскаго Русскаго Географическаго Общества. Поэтому, раньше чѣмъ приступить къ изложенію своихъ впечатлѣній, я считаю своей обязанностью принести мою глубокую благодарность Совѣту Общества,

назначившему мнѣ, по ходатайству покойнаго А. А. Тилло, денежную сумму на осуществленіе задуманнаго мною еще въ Россіи путешествія, пройти изъ Индіи сухимъ путемъ на родину.

Сердечно благодарю также Вице-Предсѣдателя Общества многоуважаемаго П. П. Семенова, любезно снабдившаго меня всѣмъ необходимымъ для собиранія коллекціи жуковъ, представленной мною Его Высокопревосходительству по возвращеніи изъ путешествія.

Кромѣ энтомологической, мною собирались геологическая (минералогическая) и ботаническая колекціи. Первая, какъ упомянуто въ своемъ мѣстѣ, погибла на перевалѣ Карликъ-даванъ во время паденія одной изъ моихъ вьючныхъ лошадей, вторая доставлена, хотя не безъ серьезныхъ поврежденій, въ Петербургъ и сдана мною въ гербарій Императорскаго С.-Петербургскаго Ботаническаго Сада.

Кромѣ того, по пути мною исправлялась карта пройденныхъ мною мѣстностей и производились метеорологическія наблюденія, приложенныя въ концѣ книги.

Въ заключеніе, мнѣ остается поблагодарить нашего извѣстнаго ботаника и путешественника по Средней Азіи В. И. Липскаго, оказавшаго мнѣ свое любезное содѣйствіе при разборѣ мною моей ботанической колекціи.

В. Новицкій.

14 Января 1902 г. С.-Петербургъ.

ВВЕДЕНІЕ.

Весной 1898 года я путешествовалъ по Индіи. Еще въ Россіи, собираясь въ путешествіе, я задумалъ вернуться на родину сухимъ путемъ съ цѣлью географическаго обозрѣнія нѣкоторыхъ мѣстностей Центральной Азіи. Не предрѣшая направленія своего пути, я, однако, полагалъ наиболѣе желательнымъ возвращеніе черезъ западный Кашмиръ, Гильгитъ, Канджутъ и Памиры. О направленіи черезъ Афганистанъ я и не думалъ, потому что, при современныхъ англо-русскихъ отношеніяхъ въ Средней Азіи и политическомъ положеніи Афганистана, возвращеніе черезъ эту страну требовало бы предварительныхъ дипломатическихъ хлопотъ, на что у меня не было ни времени, ни охоты.

Находясь въ южной Индіи, въ Болярумѣ (вблизи Гайдерабада), я жилъ въ гостепріимномъ домѣ генерала Монтегю-Жерара (Montegu Gerard), командовавшаго въ то время войсками Гайдерабадскаго контингента [1]). Генералъ, нѣсколько лѣтъ тому назадъ, состоялъ великобританскимъ военнымъ агентомъ въ Петербургѣ, а въ 1895 году былъ представителемъ Англіи въ англо-русской разграничительной комисіи на Памирахъ.

Англійскіе члены этой комисіи слѣдовали на Памиры черезъ Гильгитъ, а потому я имѣлъ возможность получить отъ генерала

1) Такъ называется отрядъ туземныхъ войскъ (6 пѣхотныхъ, 4 конныхъ полка и 4 батареи), содержимыхъ англичанами въ предѣлахъ полунезависимаго туземнаго государства Гайдерабадъ.

Жерара нѣкоторыя свѣдѣнія объ этомъ пути. Генералъ сообщилъ мнѣ, между прочимъ, что этотъ путь едва ли будетъ удобенъ для меня и что болѣе восточные пути представляютъ бо́льшія удобства для движенія. Онъ снабдилъ меня рекомендательнымъ письмомъ къ одному изъ служащихъ въ Министерствѣ Иностранныхъ Дѣлъ въ Симлѣ, гдѣ меня могли хорошо оріентировать въ этомъ вопросѣ.

Проживая въ Калькутѣ у другого члена Памирской разграничительной комисіи, директора Индійскаго музея, доктора Олькока (Allcock), я получилъ и отъ него нѣкоторыя общія свѣдѣнія о Гильгитскомъ пути, хотя ничего опредѣленнаго не узналъ. Олькокъ опредѣлилъ этотъ путь чрезвычайно затруднительнымъ для движенія и выразилъ сомнѣніе въ возможности воспользоваться имъ для возвращенія въ Россію. Такимъ образомъ, ѣдучи въ Симлу, я имѣлъ уже неблагопріятныя свѣдѣнія о намѣченномъ мною направленіи.

Въ Симлѣ я обратился въ Индійское Министерство Иностранныхъ Дѣлъ (The Foreign Office) съ рекомендательнымъ письмомъ отъ генерала Жерара. При первомъ же разговорѣ со мной, одинъ изъ служащихъ въ Министерствѣ, капитанъ Дэли (Daly), не давая мнѣ опредѣленнаго отвѣта, обѣщалъ доложить кому слѣдуетъ о моемъ желаніи слѣдовать въ Россію черезъ Гильгитъ и увѣдомить меня о послѣдующемъ. Въ тотъ же день, вечеромъ, я получилъ отъ него письмо, въ которомъ онъ сообщалъ, что Гильгитскій путь, по ходатайству мѣстныхъ властей, закрытъ для путешественниковъ, въ виду его трудности, большихъ затрудненій, встрѣчаемыхъ на немъ въ добываніи жизненныхъ припасовъ и небезопасности движенія. И такъ какъ въ теченіе послѣдняго времени было отказано въ разрѣшеніи проѣхать въ Гильгитъ нѣсколькимъ англійскимъ офицерамъ, собиравшимся туда на охоту, то Министръ Иностранныхъ Дѣлъ не считаетъ возможнымъ сдѣлать для меня исключенія. Вмѣстѣ съ этимъ отказомъ, мнѣ предложили воспользоваться путемъ, ведущимъ изъ Кашмира въ Ладакъ, а затѣмъ къ сѣверу черезъ

Каракорамское нагорье въ Кашгарію. Для возможности слѣдовать этимъ путемъ, необходимо было имѣть паспортъ отъ китайскаго правительства, безъ котораго невозможно путешествовать во владѣніяхъ Богдыхана, но такого паспорта у меня не было и его негдѣ было достать. Находясь въ такомъ затруднительномъ положеніи, я рѣшилъ принять предложенныя мнѣ въ Министерствѣ письма къ британскому резиденту въ Кашмирѣ и его помощнику въ Ладакѣ и здѣсь же изъ Симлы отправить письмо нашему Генеральному Консулу въ Кашгарѣ съ просьбой посодѣйствовать мнѣ въ свободномъ пропускѣ по Китайскимъ владѣніямъ. По моей просьбѣ, въ Министерствѣ согласились отправить это письмо съ индійской почтой, отправляемой къ британскому политическому агенту въ Кашгарѣ. Это было весьма важно для меня, потому что существующее между Индіей и Кашгаромъ почтовое сообщеніе открыто для общаго пользованія лишь до Гильгита, а на остальномъ своемъ протяженіи — только для сношеній Индійскаго правительства со своимъ политическимъ агентомъ въ Кашгарѣ. Почта идетъ отъ Равальпинди въ Сринагаръ по почтовому, колесному пути; далѣе до Гильгита она передается пѣшими почтарями, совершающими на этомъ участкѣ, по станціямъ, регулярное движеніе взадъ и впередъ. Между Гильгитомъ и Кашгаромъ оно поддерживается заботами Гильгитскаго и Кашгарскаго политическихъ агентовъ, которые содержатъ въ долинѣ Сарыкола, въ Ташъ-Курганѣ, маленькую передаточную почтовую станцію, подъ наблюденіемъ туземца. Пѣшіе почтари-туземцы, смѣняющіеся въ опредѣленныхъ мѣстахъ, ходятъ по мѣрѣ надобности съ кореспонденціей между этими пунктами. На пути отъ Гильгита до Ташъ-Кургана они ходятъ черезъ Гунза-Нагаръ на перевалъ Киликъ.

Впослѣдствіи, благодаря случайнымъ встрѣчамъ со свѣдущими людьми, мнѣ пришлось убѣдиться въ неискренности англичанъ по вопросу о Гильгитской дорогѣ, которая, въ общемъ, достаточно удобна для движенія, особенно съ вьюками, и такъ же безопасна, какъ и прочія дороги Кашмира.

Получивши рекомендательныя письма изъ Министерства и сдавши свое для отправленія въ Кашгаръ, я выѣхалъ 30-го апрѣля 1898 г. изъ Симлы въ Пенджабъ. Въ концѣ мая я закончилъ обзоръ сѣвернаго Пенджаба и сѣверо-западной пограничной полосы Индіи и, съ цѣлью отдохнуть отъ нестерпимаго зноя Пенджабскихъ равнинъ, поѣхалъ въ Мэри (Muree), небольшое дачное мѣсто въ западныхъ Гималаяхъ, находящееся къ сѣверо-востоку отъ Равальпинди.

Мэри расположено на высотѣ 7.500 ф. надъ уровнемъ моря и имѣетъ мягкій, пріятный климатъ. Температура зимой никогда не опускается ниже —6° Ц., а лѣтомъ не превышаетъ +35° Ц. Населеніе Мэри, имѣющее лишь 3.000 человѣкъ постоянныхъ жителей, возрастаетъ до 15.000 человѣкъ въ жаркій періодъ года. Я пріѣхалъ въ Мэри 28-го мая и засталъ здѣсь огромное количество дачниковъ, бѣжавшихъ сюда изъ знойныхъ равнинъ Сѣверной Индіи. Всѣ гостинницы были переполнены, почему нѣкоторыя изъ нихъ разбивали по близости палатки, отдаваемыя въ наемъ пріѣзжающимъ. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ эти палатки составляли цѣлые лагери, придававшіе весьма оригинальный видъ этой дачной мѣстности.

Одна изъ такихъ палатокъ досталась мнѣ отъ гостинницы Поуэля (Powell's Hotel). Внутренность ея раздѣлялась на три помѣщенія: переднюю, спальню и ванную, за что вмѣстѣ съ продовольствіемъ (утромъ и послѣ полудня чай, два завтрака и обѣдъ) я платилъ 5 рупій въ сутки (3 р. 15 к.).

Въ Мэри нѣтъ никакихъ развлеченій и дачники занимаются лишь верховой ѣздой и гуляніемъ по окрестностямъ.

Мэри расположено на почтовой дорогѣ изъ Равальпинди въ Сринагаръ и находится почти на самой границѣ Пенджаба и Кашмирскихъ владѣній.

Отдохнувши здѣсь двое сутокъ, 31-го мая, рано утромъ, я оставилъ Мэри и отправился далѣе къ востоку.

Кашмиръ.

На почтовыхъ до Сринагара.

Почтовый трактъ.

Отъ Равальпинди черезъ Мэри въ Сринагаръ, на протяженіи 288 верстъ, проложено шосе, по которому совершается колесное почтовое движеніе по станціямъ, устроеннымъ черезъ 25—40 верстъ. Почтовый трактъ устроенъ и содержится англо-индійскимъ правительствомъ. Почтовымъ экипажемъ служитъ здѣсь, такъ называемая, тонга (tonga), повсемѣстно принятая для почтоваго колеснаго сообщенія въ Индіи; это — небольшая двухколесная крытая повозка, раздѣленная вдоль оси невысокой спинкой, образующей два сидѣнія: переднее и заднее. На каждомъ сидѣніи два мѣста, изъ коихъ одно на переднемъ — для кучера. Упряжка въ тонгахъ парная, причемъ на Кашмирскихъ трактахъ одна лошадь запрягается въ оглобли, а другая идетъ на пристяжкѣ. На другихъ трактахъ встрѣчается и дышловая упряжка. Тонга, въ сущности, чрезвычайно неудобный и безпокойный экипажъ; поставленная лишь на два колеса, она слѣдуетъ за всѣми движеніями лошади, трясетъ и легко подвержена сильнымъ толчкамъ. Сидѣнья и спинки — твердыя, кожаныя и неизмѣнно грязныя. Но самой возмутительной и непонятной особенностью этого экипажа является полное отсутствіе въ немъ хотя бы малѣйшаго мѣста для багажа, даже ручного. Ѣдущій въ тонгѣ или совсѣмъ не долженъ имѣть багажа или, смотря по количеству его, долженъ взять два мѣста въ экипажѣ или нанять весь экипажъ, чтобы на свободныхъ мѣстахъ разложить свои вещи. Такимъ образомъ, за провозъ

Тонга.

багажа, даже самаго легкаго, путешественникъ долженъ уплачивать полную цѣну за пасажирскія мѣста, которыя онъ занимаетъ своими вещами.

Для перевозки багажа существуютъ, правда, особыя повозки, запряженныя волами, которыя собираются въ обозы (bullock trains) и въ опредѣленные дни отправляются съ конечныхъ станцій. Но движеніе ихъ такъ медленно (по 25—30 верстъ въ день), что отправлять такимъ образомъ возможно лишь большіе грузы и при переѣздѣ на продолжительное время, а никакъ не багажъ туриста, имѣющаго возможность пробыть на одномъ мѣстѣ лишь нѣсколько дней. Стоимость одного пасажирскаго мѣста отъ Равальпинди до Сринагара — 37 рупій ($23^1/_2$ рубля).

Перемѣна лошадей производится здѣсь не только на почтовыхъ станціяхъ, но и между ними, въ опредѣленныхъ мѣстахъ, гдѣ устроены подставы. Лошадей мѣняютъ черезъ 10—12 верстъ. Отъ Равальпинди до Сринагара везутъ, съ двумя ночевками на пути [1]), 60 часовъ.

Экка. Въ Кашмирѣ, какъ и въ Пенджабѣ наиболѣе употребительный типъ повозки, употребляемый туземнымъ населеніемъ — экка (ekka). Это — маленькая, часто крытая, арба, поставленная на весьма высокія колеса. Особенность этой повозки заключается въ ея упряжкѣ: лошадь идетъ въ оглобляхъ, которыя не съуживаются къ шеѣ лошади, а расширяются и помощью ремня, соединяющаго концы оглобель, прикрѣпляются сверху къ черезсѣдельнику, надѣтому на спину лошади непосредственно за холкой. Такимъ образомъ, лошадь тянетъ не грудью, а спиной. Отъ концовъ оглобель, внизъ, подъ брюхо лошади, спускается широкая тесьма, въ родѣ подпруги, которая свободно свѣшивается и пре-

1) Почтовое движеніе между Мэри и Барамулей (послѣдняя станція передъ Сринагаромъ) не производится ночью, во избѣжаніе несчастій при проѣздѣ въ темнотѣ по дорогѣ, проходящей надъ глубокими долинами и ущельемъ рѣки Джелюма.

пятствуетъ оглоблямъ подняться вверхъ и перевернуть экку, въ случаѣ если онѣ оторвутся отъ черезсѣдельника.

Подобная же по идеѣ запряжка принята и въ дышловыхъ англійскихъ тонгахъ въ Индіи, гдѣ къ дышлу прикрѣпляется на вертикальной стойкѣ металическій горизонтальный стержень, приподнятый надъ спинами лошадей и соединяющій ихъ черезсѣдельники.

Мой попутчикъ.

31-го мая утромъ я выѣхалъ изъ Мэри. Моимъ попутчикомъ оказался англійскій инженеръ, ѣхавшій навѣстить свою семью, проживавшую въ одной изъ дачныхъ мѣстностей вблизи Сринагара. Онъ состоялъ на службѣ по гражданскому вѣдомству Пенджаба и въ то время проводилъ шосейную дорогу отъ Когата къ сѣверо-западу въ долину рѣки Курама и далѣе, вверхъ по рѣкѣ, до Пейваръ-Котальскаго перевала.

Почтовыя станціи.

Почтовыя станціи на Кашмирскомъ трактѣ состоятъ изъ большихъ, одноэтажныхъ домовъ-особняковъ, окруженныхъ верандами и называемыхъ бунгалоу (bungalow). Въ каждомъ такомъ бунгалоу имѣется нѣсколько комнатъ съ необходимой мебелью для ночлега проѣзжающихъ и одна общая столовая, въ которой можно получать завтраки и обѣды. За пользованіе станціонными помѣщеніями взимается небольшая плата отъ 40 до 60 коп. за остановку; за потребованное продовольствіе уплачивается особо по таксѣ, утвержденной англійской администраціей. Бунгалоу содержатся чисто, въ должной исправности и представляютъ большія удобства для проѣзжающихъ.

Между Равальпинди и Сринагаромъ имѣется 12 станцій съ подобными бунгалоу.

Рѣка Джелюмъ.

За Мэри дорога спускается въ глубокую, узкую долину рѣки Джелюма и близъ станціи Кохала (Kohala), верстахъ въ 35 отъ Мэри, достигаетъ дна долины, гдѣ, перебѣжавши по хорошему мосту черезъ рѣку, слѣдуетъ вверхъ по ея теченію, по лѣвому берегу вплоть до Сринагара. Мостъ—совершенно новый, построенный лишь въ 1893 году; рядомъ съ нимъ у береговъ уныло торчатъ изъ воды остатки мостовыхъ устоевъ стараго разрушен-

наго моста. Рѣка служитъ здѣсь границей между Пенджабомъ и Кашмиромъ. За переѣздъ черезъ мостъ взимается при въѣздѣ на него въ пользу англо-индійскаго правительства по ½ рупіи (32 коп.) съ человѣка, а за мостомъ, на Кашмирскомъ берегу, еще одна рупія и 4 анны (около 80 к.) за всю тонгу, но уже въ пользу Кашмирской казны.

Характеръ рѣки Джелюма до станціи Барамуля вездѣ одинъ и тотъ же: это быстрый, мѣстами пѣнистый, многоводный потокъ, имѣющій среднюю ширину въ 60—70 саженей, но мѣстами расширяющійся до 150—200 саженей. Паденіе рѣки на всемъ разсматриваемомъ участкѣ почти одно и то же; здѣсь она совершенно непригодна для судоходства, хотя и несетъ весьма много воды. Однако, мѣстное населеніе пользуется рѣкой для сплава лѣса, который пускается внизъ по рѣкѣ, предоставляемый произволу ея быстрыхъ, пѣнистыхъ волнъ. Повсемѣстно до Барамули можно увидѣть плывущія по рѣкѣ бревна, часто скопляющіяся въ большомъ количествѣ у береговъ, особенно на заворотахъ и принимающія видъ большихъ плотовъ.

Въ рѣку Джелюмъ впадаютъ на этомъ участкѣ нѣсколько небольшихъ, но быстрыхъ горныхъ ручьевъ, текущихъ въ глубокихъ, узкихъ ущельяхъ. Дорога идетъ вдоль самой рѣки, постоянно дѣлая большія излучины въ сторону боковыхъ ущелій для того, чтобы перебѣгать по мостамъ бѣгущіе по нимъ горные ручьи въ болѣе узкомъ ихъ мѣстѣ. Наибольшая и живописнѣйшая изъ этихъ излучинъ—у станціи Ури (Uri), гдѣ въ рѣку Джелюмъ впадаетъ съ юга рѣчка Хаджи-Пиръ (Haji-Pir), ущелье которой при впаденіи въ долину сильно расширяется, сохраняя крутизну своихъ каменистыхъ боковъ. Здѣсь шосе поднимается вверхъ по ущелью этой рѣчки, переходитъ по мосту на другую ея сторону въ томъ мѣстѣ, гдѣ ущелье сильно съуживается, и затѣмъ опять спускается въ долину рѣки Джелюма. Мѣстами дорога идетъ по карнизу надъ рѣкой, огражденная съ ея стороны хорошими каменными барьерами.

Природа Кашмира.

Путешествіе по Кашмиру представляетъ собой одно изъ

лучшихъ удовольствій, доступныхъ туристу; любители природы могутъ получить здѣсь цѣлый рядъ впечатлѣній, надолго оставляющихъ по себѣ пріятное воспоминаніе. Природа Кашмира очаровательна. Горы, наполняющія эту страну, не такъ высоки, какъ въ сосѣднихъ горныхъ странахъ, и менѣе дики. Крупный, мягкій рельефъ, сравнительно пологіе скаты и отсутствіе остроконечныхъ пиковъ являются характерными особенностями Кашмирскихъ горъ.

Онѣ сплошь, до линіи вѣчнаго снѣга, покрыты густыми лѣсами, то хвойными, то лиственными, перемежающимися съ обширными рощами всевозможныхъ кустарниковъ. Такой сплошной, богатый и разнообразный уборъ на горахъ можно встрѣтить развѣ только въ Центральныхъ Гималаяхъ. Лѣса покрываютъ собой роскошный травянистый покровъ, одѣвающій скаты горъ; густые папортники и разнообразныя ягодныя растенія образуютъ густые подлѣски, въ которыхъ мѣстами съ трудомъ можно двигаться. Въ свободныхъ отъ лѣса мѣстахъ этотъ травянистый покровъ образуетъ роскошные альпійскіе луга. Обиліе горныхъ ручьевъ, пѣнящихся по каменистымъ ложамъ глубокихъ, узкихъ, поросшихъ лѣсомъ ущелій, живописныя селенія туземцевъ, разбросанныя по долинамъ и на обширныхъ луговыхъ терасахъ горъ,—все это разнообразитъ и оживляетъ ландшафтъ. А мѣстами снѣжныя вершины, ограниченныя снизу сплошной линіей темныхъ горныхъ лѣсовъ и, сіяя своимъ вѣчнымъ снѣгомъ и льдами подъ яркими лучами горячаго, южнаго солнца, величаво вздымаются къ небесамъ, рѣзко обозначаясь на ихъ темной лазури.

Дремучіе лѣса Кашмирскихъ горъ скрываютъ въ своихъ чащахъ всевозможныхъ звѣрей, доставляющихъ англичанамъ обильную и разнообразную охоту. Дичь поставлена здѣсь подъ покровительство англійскихъ законовъ и охота подчиняется извѣстнымъ правиламъ, установленнымъ правительствомъ.

До Барамули.

Въ первый день, 31-го мая, мы съ попутчикомъ-англичаниномъ доѣхали до станціи Гари (Ghari) въ 150 верстахъ отъ

Равальпинди, гдѣ остановились на ночлегъ. Около селенія переброшенъ черезъ рѣку небольшой висячій пѣшеходный мостъ, возлѣ котораго сохранились каменные устои стараго большого моста, когда-то связывавшаго здѣсь оба берега рѣки. Въ Гари есть почтово-телеграфная контора, которой я воспользовался, чтобы послать въ Сринагаръ британскому резиденту полковнику Тальбодту телеграму съ просьбой увѣдомить меня на ст. Барамулю — когда и гдѣ я могу повидаться съ нимъ. Послѣ утомительной тряски въ вагонѣ и жаркаго, пыльнаго переѣзда отъ Мэри, мы съ удовольствіемъ провели вечеръ, сидя въ длинныхъ англійскихъ креслахъ передъ бунгалоу и любуясь окружавшей насъ картиной горъ. На слѣдующій день мы выѣхали дальше.

По кашмирскому шоссе происходитъ довольно оживленное движеніе почтовыхъ тонгъ, эккъ, арбъ и другихъ повозокъ. За нѣсколько десятковъ верстъ до станціи Барамули около станціонныхъ помѣщеній и почтовыхъ подставъ насъ осаждали туземцы, предлагавшіе свои услуги въ качествѣ прислуги различныхъ профессій. Такъ какъ съ наступленіемъ лѣта въ Кашмиръ съѣзжаются изъ Индіи въ большомъ количествѣ любители охоты, то большая часть этихъ туземцевъ состоитъ изъ мѣстныхъ охотниковъ, такъ называемыхъ *шикари* [1]), хорошо знакомыхъ съ мѣстностью, со звѣремъ и со способами мѣстной охоты. Среди нихъ попадалось много лодочниковъ изъ Барамули, пытавшихся перехватить насъ по дорогѣ. Всѣ эти туземцы лишь въ рѣдкихъ случаяхъ знаютъ что-либо по англійски, почему для объясненія съ ними необходимо знать хоть сколько нибудь по индустани. Подходя къ туристу, такой туземецъ, часто не говоря ни слова, протягиваетъ къ нему цѣлую пачку небольшихъ исписанныхъ по-англійски бумагъ,—это удостовѣренія (the certificates), выданныя имъ разновременно туристами, нанимавшими ихъ для различныхъ надобностей, въ которыхъ свидѣ-

1) Шикари—индустанское слово и означаетъ—охотникъ.

тельствуются ихъ знанія, усердіе, хорошее поведеніе и т. п. качества. Выдача такихъ удостовѣреній чрезвычайно распространена повсемѣстно въ Индіи. Трудно встрѣтить въ этой странѣ проводника, прислугу и даже торговца, которые не имѣли бы нѣсколькихъ, а иногда и нѣсколькихъ десятковъ подобныхъ удостовѣреній. Каждый туземецъ, окончивши свою службу, проситъ выдать ему certificate. Выдаются они, конечно, безъ всякаго разбора и часто совершенно не по заслугамъ, почему придавать этимъ документамъ какое-либо значеніе положительно невозможно. Но сами туземцы весьма дорожатъ ими, причемъ настолько, что мнѣ приходилось наблюдать, какъ нѣкоторые охотно мирились съ меньшей платой или съ малымъ «бакшишемъ»[1]), лишь бы получить хорошій certificate.

За станціей Ури горы лѣваго берега рѣки Джелюма мѣстами становятся скалистыми; крутые, каменистые скаты поросли здѣсь роскошными сосновыми лѣсами, придающими имъ весьма оригинальный видъ. Поражаешься, какъ могутъ расти и вырастать такими величественными деревьями эти стройныя сосны на такихъ скалистыхъ, крутыхъ скатахъ!

Верстахъ въ 6 отъ Барамули, узкая долина р. Джелюма становится шире и рѣка, нѣсколько разлившись, течетъ здѣсь уже спокойно. Чувствуется приближеніе большой Сринагарской долины.

Барамуля.

Въ четвертомъ часу пополудни мы прибыли въ небольшое туземное селеніе, расположенное у западной оконечности большой Сринагарской долины, въ томъ мѣстѣ теченія Джелюма, гдѣ рѣка теряетъ характеръ горнаго потока и течетъ спокойно широкимъ русломъ. Это и есть Барамуля. Селеніе разбросано на обоихъ берегахъ рѣки, связанныхъ между собой большимъ деревяннымъ мостомъ, и состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ деревянныхъ домовъ. Дома имѣютъ здѣсь, какъ и вообще въ Кашъ-

1) Бакшишъ—слово арабское и означаетъ, собственно, подарокъ; у туземцевъ Египта и Индіи оно означаетъ деньги, даваемыя сверхъ условленной платы, «на чай».

мирѣ, въ большинствѣ случаевъ, каменный фундаментъ и 2 или 3 этажа; верхній этажъ обыкновенно выстаетъ за нижній; нѣкоторые дома украшены балконами.

Деревенскіе дома въ Кашмирѣ почти ничѣмъ не отличаются отъ городскихъ; они лишь нѣсколько меньше размѣрами и болѣе грязны. Въ Барамулѣ имѣется англійская почтово-телеграфная контора, почтовая станція (tonga office) и правительственное бунгалоу.

Барамуля не отличается живописнымъ мѣстоположеніемъ: горы здѣсь отступаютъ далеко къ горизонту и ближайшія окрестности не представляютъ особаго интереса. Селеніе славится своими пирамидальными тополями. И дѣйствительно, я нигдѣ не видалъ такихъ чудныхъ тополей, какъ здѣсь. Около бунгалоу нѣсколько дорогъ обсажены этими стройными, красивыми деревьями, образующими рѣдкія по красотѣ алеи; мѣстами тополя растутъ сплошной стѣной, стволъ отъ ствола не далѣе 2—3 футовъ. Такими чудными тополями обсажена вся дорога отъ Барамули до Сринагара, на протяженіи 50 верстъ.

Въ Барамулѣ я получилъ телеграму изъ Сринагара отъ помощника британскаго резидента капитана Годфрея (Godfrey), который увѣдомлялъ меня о болѣзни резидента и о своей готовности оказать мнѣ необходимое содѣйствіе.

До послѣдняго времени, когда англійское шоссе не шло дальше Барамули, ѣдущіе въ Сринагаръ продолжали движеніе на лодкахъ по р. Джелюму и озерамъ, черезъ которыя протекаетъ рѣка между Барамулей и столицей Кашмира. Возможно было движеніе и сухимъ путемъ, вьюкомъ по неудобной, неразработанной дорогѣ, по лѣвому берегу рѣки, но такъ какъ такое путешествіе было и неудобно и утомительно, то почти всѣ туристы пользовались рѣкой и ея озерами. Нынѣ, съ проведеніемъ шоссе до Сринагара, движеніе сухимъ путемъ сдѣлалось болѣе быстрымъ, облегчивъ сообщеніе Барамули со столицей; однако, и теперь этой дорогой пользуются лишь тѣ, кто дорожитъ временемъ, а огромное большинство турис-

товъ, ѣдущихъ для удовольствія, попрежнему пользуется воднымъ путемъ, болѣе разнообразнымъ и интереснымъ. Поэтому и послѣ проведенія шоссе до Сринагара движеніе судовъ осталось весьма оживленнымъ.

Суда имѣются здѣсь самыхъ разнообразныхъ видовъ и размѣровъ. Ихъ можно подраздѣлить на двѣ групы: большія или лодки-дома (house-boats), — въ видѣ деревянныхъ домиковъ, поставленныхъ на баржи, и малыя или донги (dungas), приспособленныя для жительства. Лодочные домики имѣютъ различное число комнатъ, съ необходимой мебелью и утварью; донги раздѣлены на нѣсколько помѣщеній, покрываемыхъ сверху и съ боковъ цыновками. На каждомъ суднѣ имѣется необходимый экипажъ изъ туземцевъ. Наемная цѣна этимъ лодкамъ весьма разнообразна и, въ общемъ, недорога. Большія лодки-дома нанимаются, смотря по размѣрамъ дома, за 60—80—100 рупій (38—50—65 руб.), донги — за 30—40—50 рупій (19—25—38 руб.) въ мѣсяцъ.

Я нанялъ небольшую донгу на двѣ недѣли за 15 рупій (10 руб.). Это была лодка, длиной саженей 10, а шириной, по серединѣ, $1\frac{1}{2}$ сажени. Она вся, кромѣ небольшого пространства на носу и кормѣ, была покрыта навѣсомъ изъ плотныхъ соломенныхъ матовъ, спускавшихся съ крыши по бокамъ лодки и составлявшихъ стѣнки моего жилища. Боковые маты можно было поднимать и опускать, подобно оконнымъ шторамъ. Мое помѣщеніе состояло изъ двухъ маленькихъ комнатъ, а мебель—изъ кровати, стола, стула и кресла; кромѣ этого, имѣлась ванна и умывальникъ. Что касается продовольствія, то его необходимо вести съ собой и варить пищу на лодкѣ, потому что ни въ пути, ни въ Сринагарѣ продовольствоваться негдѣ. Я нанялъ въ Барамулѣ за $\frac{1}{2}$ рупіи въ сутки (30—32 коп.) одного кашмирца въ качествѣ слуги и повара и купилъ необходимыхъ продовольственныхъ припасовъ. Кухонная утварь и посуда имѣются, обыкновенно, на лодкахъ, что значительно упрощаетъ снаряженіе.

Къ вечеру въ бунгалоу съѣхалось еще нѣсколько туристовъ

и туристокъ: одни ѣхали въ Сринагаръ, другіе—въ Гульмаркъ, служащій дачнымъ мѣстомъ для англичанъ, живущихъ въ Кашмирской столицѣ. Гульмаркъ находится въ ближайшихъ къ Сринагару горахъ, въ разстояніи 27 верстъ отъ Барамули, которая связана съ нимъ хорошей вьючной тропой; къ услугамъ туристовъ въ Барамулѣ имѣются наемныя верховыя лошади, а для тѣхъ кто не желаетъ совершать этотъ путь верхомъ — носилки, называемыя «дэнди» (dandy). Багажъ переносится носильщиками, называемыми здѣсь (какъ и повсемѣстно въ Индіи)—куліями (coolies). Будучи въ Сринагарѣ, я посѣтилъ Гульмаркъ, а потому въ дальнѣйшемъ изложеніи буду имѣть возможность дать нѣкоторое понятіе объ этой дачной мѣстности Кашмира.

Вечеромъ, вмѣстѣ со своимъ попутчикомъ, я долго сидѣлъ около бунгалоу, любуясь рѣкой и далекими горами. Сумерки быстро сгущались, окутывая мракомъ тихую величавую рѣку, засыпавшее селеніе, алеи серебристыхъ тополей и длинные ряды разнообразныхъ лодокъ, стоявшихъ у берега. Вверхъ по теченію рѣки, далеко, далеко на горизонтѣ возвышались какія то горы, присыпанныя вѣчнымъ снѣгомъ; когда подножія ихъ погружались уже въ сумерки, ихъ снѣга горѣли еще розовымъ отблескомъ вечерней зари, медленно догоравшей на западѣ. Но мало по малу розовые снѣга блѣднѣли, дѣлались сѣрыми, темными и, наконецъ, сами погружались въ мракъ, давно окутывавшій долины. На темномъ небѣ загорались яркія звѣзды, а изъ за густой листвы одной изъ тополевыхъ алей медленно выплывала луна, обливая окрестности серебристымъ свѣтомъ. Въ воздухѣ было тихо, тепло, вода слабо плескалась у низкихъ береговъ, изрѣдка доносился человѣческій голосъ изъ селенія, расположеннаго на противоположномъ берегу рѣки.... Въ эти минуты такъ хорошо мечталось!

Нѣсколько позже поднялся вѣтеръ и зашумѣли, загудѣли высокіе, стройные тополи, мѣрно покачивая своими остроконечными вершинами. Шумъ ихъ то слабѣлъ, то усиливался; то слышался тихій шелестъ листвы, слабо трепетавшей подъ дуновеніемъ вѣтра,

то грозный гулъ быстро проносился по длиннымъ рядамъ тополей, нарушая тишину этой лунной, серебристой ночи.

Лишь около полуночи я отправился спать.

На слѣдующій день, 2-го іюня, рано утромъ, я перебрался со своимъ багажемъ изъ бунгалоу на лодку и часовъ около 8 утра мы оставили Барамулю. Вверхъ по р. Джелюму.

Весь этотъ день мы медленно плыли вверхъ по широкой, спокойной, многоводной рѣкѣ. Вода въ Джелюмѣ довольно грязная, теченіе не быстрое; берега отлоги и низки. Мы подвигались соединенными усиліями трехъ человѣкъ: двое шли по берегу и тянули лодку за длинную бичеву, а третій, стоя на кормѣ, отталкивался длиннымъ шестомъ о дно рѣки. Примѣненіе такой первобытной движущей силы вынуждало насъ постоянно держаться около берега и подвигало лодку очень медленно. Но вѣдь торопиться намъ было некуда; между тѣмъ, подобное плаваніе было полно оригинальной прелести. По обѣ стороны рѣки, верстъ на 5—8 въ обѣ стороны, раскинулась обширная равнина, покрытая воздѣланными полями, лугами со свѣжей, сочной, изумрудной травой и селеніями туземцевъ, окруженными фруктовыми садами. Селенія напоминали мнѣ издали, своими темными деревянными постройками, наши деревни сѣверной и средней полосы Россіи. Мѣстами берега рѣки были покрыты великолѣпными рощами фруктовыхъ деревьевъ, дуба, клена и ивняка. Луга издавали запахъ свѣжей травы, полевыхъ цвѣтовъ и пестрѣли скотомъ, въ изобиліи пасшимся на ихъ широкомъ привольи. За равниной весь горизонтъ былъ обставленъ сплошной стѣной далекихъ горъ, то зеленыхъ, то сѣрыхъ, то черныхъ, изъ коихъ многія были покрыты снѣгомъ; мѣстами же надъ ними вздымались бѣлыя, снѣжныя вершины Кашмирскихъ горъ-исполиновъ. Погода была чудная, солнце ярко свѣтило, обливая своими теплыми лучами рѣку, равнину, пестрѣвшую селеніями и рощами и далекія горы. На рѣкѣ мы часто встрѣчали туземныя лодки съ соломенными навѣсами, медленно плывшія внизъ по рѣкѣ, предоставленныя теченію. Я подолгу просиживалъ въ креслѣ, лю-

буясь окрестностями и слѣдя за работой лодочниковъ. Они медленно двигаются по берегу и тянутъ за собой тяжелую лодку; я слѣжу, какъ они искусно обходятъ кусты и деревья, растущіе по берегу рѣки надъ водой и препятствующіе движенію веревки, какъ осторожно проходятъ они въ бродъ затоны, образующіеся въ мѣстахъ, гдѣ берегъ очень низокъ и гдѣ онъ заливается при каждомъ повышеніи уровня воды. Иногда, если берегъ неудобенъ для движенія или вдоль него тянутся мелкія мѣста, они подходятъ къ лодкѣ, садятся въ нее и, при помощи длинныхъ шестовъ, переводятъ ее къ другому берегу, по которому и продолжаютъ идти бичевой.

Мой слуга кашмирецъ Рахмана оказался довольно сноснымъ поваромъ и кормилъ меня два раза въ день, впрочемъ мало разнообразя англо-индійское меню, успѣвшее мнѣ надоѣсть еще въ Индіи: омлетъ, пориджъ (porridge) — родъ овсянки, весьма распространенный въ Индіи — и традиціонное индійское кэри (curry)—рисовая каша съ острымъ пряным соусомъ и вареными яйцами, вотъ и все, чѣмъ онъ угощалъ меня. Въ этой обстановкѣ, надъ водной гладью рѣки и ея озеръ, среди очаровательныхъ картинъ горной природы, сильнѣе чѣмъ гдѣ-либо сказывалось отсутствіе нашего русскаго чаю,—напитка, составляющаго необходимую принадлежность каждой экскурсіи русскаго человѣка на лоно природы. Вмѣсто него приходилось довольствоваться крѣпкимъ и горькимъ индійскимъ чаемъ, возможнымъ къ употребленію лишь съ молокомъ.

Медленно плывя вверхъ по рѣкѣ, мы около 2 часовъ дня пріѣхали въ большое Кашмирское селеніе Сопуръ, гдѣ остановились на непродолжительное время. Лодочники сошли на берегъ и отправились на базаръ для закупки необходимой провизіи. Я оставилъ на время донгу и отправился бродить по невысокому травянистому берегу.

Селеніе Сопуръ широко раскинулось на правомъ берегу рѣки, напоминая мнѣ своимъ общимъ видомъ большія деревни и мѣстечки Привислянскаго края. Въ селеніи имѣются двухъэтажные,

деревянные дома Кашмирскаго типа, неуклюже возвышающіеся надъ общей массой темныхъ, низкихъ домишекъ. Вблизи берега я замѣтилъ небольшое зданіе сельской школы, съ надписью надъ крыльцомъ на англійскомъ языкѣ. У берега стояли лодки туземцевъ, то открытыя, то съ навѣсами изъ цыновокъ, то съ устроенными на нихъ шалашами изъ сухихъ вѣтвей и соломы. На многихъ изъ нихъ имѣлось постоянное населеніе, состоявшее изъ обитателей Сопура, занимающихся рыбной ловлей и живущихъ въ лѣтнее время года на рѣкѣ.

Селеніе Сопуръ соединено съ лѣвымъ берегомъ большимъ деревяннымъ мостомъ.

Во время нашей стоянки въ этомъ селеніи, съ запада показалась большая, черная туча, медленно надвигавшаяся на насъ; скоро задулъ сильный, порывистый вѣтеръ. Когда мы тронулись въ путь и выѣхали на середину Джелюма, то вѣтеръ поднялъ такое сильное волненіе, что мои лодочники не рѣшались продолжать плаваніе на узкой плоскодонной донгѣ и вошли въ небольшой заливчикъ рѣки. Мы простояли здѣсь часа два. Когда вѣтеръ утихъ, мы поплыли дальше. Туча то расползалась, то опять сгущалась на горизонтѣ, гдѣ-то далеко гремѣло, а надъ нами попрежнему сіяло солнце на голубомъ небѣ. Но внезапно вѣтеръ задулъ съ силой урагана, заливая нашу лодку высоко вздымавшимися волнами и трепля цыновки моего убогаго жилища. Лодку сильно качало и прибивало къ берегу, отъ котораго не могли оторвать ее соединенныя усилія лодочниковъ. Провозившись около часу въ напрасныхъ усиліяхъ направить нашу донгу въ желаемомъ направленіи, мы приткнулись къ берегу, врѣзавшись носомъ лодки въ береговой песокъ и укрылись отъ вѣтра за высокимъ мысомъ, вдававшимся въ рѣку; рядомъ съ нами стояли двѣ туземныя донги, укрывавшіяся здѣсь, какъ и мы, отъ бурной погоды. Вскорѣ все небо заволокло тучами и пошелъ сильный дождь, лившій безъ перерыва до разсвѣта.

Пришлось улечься спать гораздо раньше обыкновеннаго, потому что съ наступленіемъ вечера дѣлать было нечего, такъ какъ

вѣтеръ, врываясь въ мое помѣщеніе, задувалъ огонь, не давая возможности чѣмъ либо заниматься.

Когда я улегся въ постель, ко мнѣ пришелъ Рахмана съ однимъ изъ лодочниковъ; они уложили всѣ мои мелкія вещи подъ кровать, а мой большой чемоданъ привязали къ ея ножкамъ веревками. Рахмана объяснилъ мнѣ на ломаномъ англійскомъ языкѣ, что эти предосторожности не лишни въ отношеніи окрестныхъ жителей, не отличающихся благонадежностью.

Въ этотъ вечеръ я долго не могъ заснуть: шумъ дождя, барабанившаго по крышѣ и бокамъ нашей донги, сильные порывы вѣтра, готоваго сорвать укрывавшія меня цыновки, и призраки воровъ, могущихъ воспользоваться этой бурной ночью для своего промысла, развлекали меня и не давали сомкнуть глазъ до полуночи.

На слѣдующій день, проснувшись рано, я засталъ нашу лодку въ движеніи. Погода стояла тихая и ясная, рѣка попрежнему безшумно несла свои темныя воды, а лодочники, какъ и вчера, то шли бичевой, то отталкивались отъ дна длинными и гибкими шестами. Около 9 часовъ утра берега рѣки стали быстро удаляться одинъ отъ другого, а водная поверхность значительно увеличиваться: мы входили въ большое озеро Вуларъ, широко раскинувшееся среди горъ, окаймлявшихъ горизонтъ сѣрыми громадами, снѣжныя вершины коихъ ослѣпительно сіяли подъ яркими лучами южнаго солнца. Во многихъ мѣстахъ вода на большомъ пространствѣ была покрыта крупными листьями различныхъ водяныхъ растеній, придававшими ей весьма оригинальный видъ. Мы часто встрѣчали лодки Кашмирцевъ, медленно плывшія по теченію. Однѣ изъ нихъ двигались при помощи длинныхъ шестовъ, которыми лодочники отталкивались о дно, другія подвигались короткими деревянными веслами, съ широкой сердцевидной лопастью, безшумно погружаемыми въ воду гребцами.

Озеро Вуларъ—самое большое изъ Кашмирскихъ озеръ. Оно простирается на 16 верстъ съ ю.-з. на с.-в. и верстъ на 8

съ с.-з. на ю.-в. Рѣка Джелюмъ протекаетъ черезъ него. Плаваніе по Вулару на Кашмирскихъ лодкахъ представляется довольно опаснымъ, въ виду господствующихъ здѣсь сильныхъ вѣтровъ и разводимаго ими весьма крупнаго волненія. Плоскодонныя лодки, весьма валкія вслѣдствіе малой осадки, не въ состояніи выдерживать совокупнаго дѣйствія вѣтра и волнъ и легко опрокидываются въ вѣтряную погоду. Въ виду этого, съ цѣлью избѣжать опаснаго плаванія по озеру, Кашмирскимъ правительствомъ прорытъ длинный, но узкій каналъ, соединяющій южный берегъ озера, недалеко отъ мѣста, гдѣ изъ него вытекаетъ р. Джелюмъ, съ верхнимъ теченіемъ этой рѣки, верстахъ въ 15 отъ Сринагара. Этотъ каналъ, избавляя туриста отъ необходимости плавать по бурному Вулару, въ то же время сокращаетъ путь между сел. Сопуръ и г. Сринагаромъ.

Проплывши часа два по озеру вдоль его южнаго берега, мы около полудня вошли въ каналъ и поплыли по немъ къ ю.-в. Каналъ весьма извилистъ, очень глубокъ, но узокъ: мѣстами невозможно разъѣхаться двумъ большимъ лодкамъ. Во многихъ мѣстахъ онъ сопровождается высокимъ земляннымъ валомъ на обоихъ берегахъ, предохраняющимъ окрестныя поля отъ наводненья въ половодье.

Мѣстность, по которой проходитъ каналъ, верстъ на 15—20 въ обѣ стороны имѣетъ совершенно равнинный характеръ. Окрестный ландшафтъ представлялъ поразительное сходство съ южно-русскимъ сельскимъ ландшафтомъ, ничѣмъ не напоминая объ Азіи: желто-зеленыя поля, луга, покрытые высокой, сочной, изумрудной травой, групы ивъ, разбросанныя вдоль канала и по полямъ, великолѣпные чинары, гордо возвышавшіеся своей густой и темной листвой надъ окружающими ихъ деревьями, стада коровъ, лѣниво щипавшихъ траву и большія селенія съ избами, крытыми соломой—все это напоминало Русь и навѣвало воспоминанія о родинѣ.

Послѣ нѣсколькихъ часовъ плаванія по узкому каналу, передъ заходомъ солнца, мы выѣхали въ рѣку Джелюмъ и поплыли

вверхъ по ея теченію. Въ этотъ день, несмотря на всѣ старанія лодочниковъ, намъ не удалось засвѣтло добраться до Сринагара и, съ наступленіемъ сумерокъ, мы остановились ночевать на рѣкѣ, въ нѣсколькихъ верстахъ отъ города. У мѣста нашего ночлега шоссе, ведущее изъ Барамули въ Сринагаръ, подошло близко къ рѣкѣ, по берегу которой оно слѣдуетъ дальше.

Безконечная линія пирамидальныхъ тополей, сопровождающихъ его съ обѣихъ сторонъ, казалась въ вечернихъ сумеркахъ какой то гигантской стѣной. Сонная рѣка окутывалась легкимъ туманомъ, становилось сыро, и мракъ южной ночи быстро спускался на землю.

Пріѣздъ въ г. Сринагаръ.

4-го іюня, тронувшись рано утромъ въ путь, мы подъѣхали въ 9 часовъ утра къ столицѣ Кашмира. При въѣздѣ въ городъ меня встрѣтилъ на рѣкѣ въ маленькой лодкѣ какой то Кашмирецъ, назвавшійся купцомъ Бахаръ-шахомъ; онъ уже зналъ о цѣли моего прибытія и предложилъ мнѣ свои услуги по снабженію меня всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшей дороги.

Сринагарскіе купцы-кашмирцы, отличаясь торгашескими наклонностями, неудержимымъ стремленіемъ къ наживѣ, лукавствомъ и необыкновенной пронырливостью, поддерживаютъ постоянныя сношенія съ туземцами, служащими въ канцеляріи англійскаго резидента и отъ нихъ получаютъ свѣдѣнія о прибывающихъ въ Сринагаръ европейцахъ-туристахъ, которыхъ и перехватываютъ при въѣздѣ въ городъ съ предложеніями своихъ услугъ по расквартированію, найму проводниковъ, покупкѣ вещей и т. п. Конечно, дѣло не обходится безъ конкуренціи, иногда весьма сильной, поселяющей между ними раздоры и возбуждающей ненависть другъ къ другу.

Пребываніе въ г. Сринагарѣ.

Кашмирскіе купцы.

Прибывши въ столицу Кашмира, мнѣ пришлось быть свидѣтелемъ и отчасти дѣйствующимъ лицомъ траги-комической распри двухъ Сринагарскихъ купцовъ, избравшихъ меня жерт-

вой для своихъ надувательствъ. Бахаръ-шахъ, предлагая свои услуги, показалъ мнѣ огромную, толстую книгу въ кожаномъ переплетѣ, напоминавшую своимъ видомъ Библію, въ которой имѣлись многочисленныя собственноручныя записи покупателей о пріобрѣтенныхъ ими у Бахаръ-шаха вещахъ; это были, такъ сказать, краснорѣчивыя доказательства его почтенной репутаціи въ торговлѣ. Среди этихъ записей я нашелъ нѣсколько англійскихъ фамилій, знакомыхъ мнѣ изъ Индіи. Не отказываясь, но и не обѣщая ему ничего опредѣленнаго, я согласился зайти къ нему въ лавку и записалъ свою фамилію на особо отведенной мнѣ страницѣ, предназначенной для будущихъ покупокъ.

По совѣту своего слуги Рахмана я рѣшилъ остановиться на одной изъ окраинъ Сринагара—въ Чинаръ-багѣ или въ саду чинаровъ; такъ называется большая роща великолѣпныхъ, столѣтнихъ чинаровъ, находящаяся на берегу одного изъ каналовъ, на которые разбивается рѣка Джелюмъ въ предѣлахъ Кашмирской столицы. Въ Сринагарѣ нѣтъ гостинницъ, бунгалоу всегда наполнено туристами, а потому здѣсь приходится жить или въ палаткахъ, разбиваемыхъ въ тѣни деревьевъ, или въ донгахъ и лодкахъ-домахъ, прикрѣпляемыхъ къ берегу. Не имѣя еще въ то время палаточныхъ принадлежностей, я рѣшилъ жить въ своей донгѣ.

Не успѣли мы въѣхать въ узкій каналъ, ведущій къ Чинаръ-багу, какъ къ моей донгѣ быстро подъѣхала маленькая лодка съ сидѣвшими въ ней двумя кашмирцами, изъ коихъ одинъ, красивый брюнетъ, въ ярко-зеленомъ халатѣ, ловко прыгнулъ ко мнѣ въ донгу и представился мнѣ купцомъ Самадъ-шахомъ—самымъ богатымъ торговцемъ кашмирскихъ шалей, банкиромъ и агентомъ многихъ европейцовъ, посѣщающихъ Кашмиръ. Въ дополненіе къ такой солидной рекомендаціи, онъ сообщилъ мнѣ, что уполномоченъ помощникомъ резидента встрѣтить меня и быть къ моимъ услугамъ во всѣхъ приготовленіяхъ къ дальнѣйшему путешествію; между прочимъ, онъ сказалъ мнѣ, что капитанъ Годфрей ждалъ меня въ теченіе послѣднихъ дней,

но рано утромъ въ день моего пріѣзда въ Сринагаръ выѣхалъ вмѣстѣ съ резидентомъ полковникомъ Тальбодтомъ на лѣтнее пребываніе въ Гульмаркъ, а, уѣзжая, поручилъ своему помощнику-туземцу, бабу Амернату, оказать мнѣ необходимое содѣйствіе. Это извѣстіе было для меня весьма непріятно, потому что личные переговоры съ резидентомъ или его помощникомъ могли бы въ значительной степени облегчить и ускорить мои сборы въ дорогу. Самадъ-шахъ вызвался проводить меня до канцеляріи резидента и познакомить меня съ бабу[1]) Амернатомъ.

Въ канцеляріи британскаго резидента.

Я переодѣлся и отправился съ Самадъ-шахомъ. По дорогѣ насъ нагналъ неизвѣстно откуда взявшійся Бахаръ-шахъ, вѣроятно уже предчувствовавшій непріятность, которую готовилъ ему его соперникъ.

На крыльцѣ канцеляріи резидента меня встрѣтилъ бабу Амернатъ, индусъ средняго роста, коренастый, съ ярко-рыжей крашеной бородой, подбритой на щекахъ и зачесанной на подбородкѣ въ обѣ стороны въ родѣ бакенбардъ. Онъ былъ одѣтъ по индійски: въ бѣлой рубашкѣ съ надѣтымъ поверхъ нея тонкимъ жилетомъ, въ бѣлыхъ легкихъ брюкахъ, въ кожаныхъ туфляхъ, надѣтыхъ на босую ногу, и въ длинной бѣлой мантіи, перекинутой, въ видѣ огромнаго шарфа, черезъ плечо. Онъ имѣлъ вполнѣ интелигентный видъ и хорошо говорилъ по англійски. Послѣ первыхъ привѣтствій и разспросовъ о дорогѣ, онъ сообщилъ, что уполномоченъ содѣйствовать мнѣ въ приготовленіяхъ къ дальнѣйшему путешествію и что за всѣмъ необходимымъ я могу обращаться къ нему. Узнавши, что я хочу лично повидать помощника резидента, онъ предложилъ мнѣ отправиться верхомъ въ селеніе Манга (въ 23 верстахъ отъ Сринагара), гдѣ капитанъ Годфрей предполагалъ остановиться для ночлега въ прави-

1) Въ Индіи именемъ «бабу» называютъ полуинтелигентныхъ туземцевъ, преимущественно бенгальцевъ, занимающихъ низшія должности на государственной службѣ (напр. начальники ж.-д. и почтовыхъ станцій, мелкіе почтово-телеграфные, канцелярскіе и банковскіе чиновники и т. п.).

тельственномъ бунгалоу. Я рѣшилъ ѣхать. Купцы наперерывъ предлагали свои услуги по доставкѣ мнѣ верховой лошади и проводника и спорили между собой такъ оживленно, что бабу счелъ необходимымъ вмѣшаться въ это дѣло и выругать обоихъ. Самадъ-шахъ, со свойственнымъ ему лукавствомъ, сказалъ мнѣ, что такъ какъ я уже обѣщалъ сдѣлать нѣкоторыя покупки у Бахаръ-шаха, то несправедливо будетъ съ моей стороны не дать возможности заработать кое-что и ему, Самадъ-шаху, а потому я долженъ позволить ему снабдить меня лошадью и проводникомъ. Желая покончить этотъ споръ, я согласился на предложеніе Самадъ-шаха.

Въ разговорѣ съ бабу Амернатомъ я, между прочимъ, справился о нѣкоемъ кашмирцѣ Магометъ-Маликѣ, рекомендованномъ мнѣ въ качествѣ проводника однимъ кашмирскимъ торговцемъ, котораго я встрѣтилъ въ апрѣлѣ въ мѣстечкѣ Дарджилингѣ (въ Центральныхъ Гималаяхъ); торговецъ увѣрялъ меня, что Магометъ-Маликъ, опытный и честный туземецъ, хорошо знакомъ съ горными странами, сопредѣльными съ Кашмиромъ, и исполнялъ уже не разъ трудныя обязанности караванъ-баша [1]) въ экспедиціяхъ европейскихъ путешественниковъ. Бабу отвѣтилъ мнѣ, что этотъ кашмирецъ вполнѣ заслуживаетъ довѣрія, опытенъ, бывалъ въ экспедиціяхъ и въ настоящее время находится въ Сринагарѣ. Самадъ-шахъ, услыхавши нашъ разговоръ о Магометъ-Маликѣ, сталъ увѣрять меня, что этотъ туземецъ находится у него на службѣ и что стоитъ лишь ему пожелать, какъ онъ пойдетъ со мной туда, куда ему будетъ приказано. Въ подтвержденіе своихъ словъ онъ предложилъ мнѣ отправиться къ нему въ домъ для свиданія съ этимъ туземцемъ. Услыхавши такое заманчивое предложеніе, сулившее мнѣ возможность съ перваго же дня найти опытнаго туземца для своего дальнѣйшаго путешествія, я охотно принялъ предложеніе Самадъ-шаха; вер-

У Самадъ-шаха.

1) Караванъ-башемъ зовутъ въ Азіи туземцевъ, состоящихъ начальниками каравановъ. Караванъ-башъ дословно означаетъ — голова каравана.

нувшись въ Чинаръ-багъ, я захватилъ съ собой кое-что изъ своихъ вещей для слѣдованія въ селеніе Манга, пересѣлъ въ маленькую лодку Самадъ-шаха и поѣхалъ къ нему. Насъ сопровождалъ въ своей лодкѣ Бахаръ-шахъ, имѣвшій весьма озабоченный видъ; онъ нѣсколько разъ по пути спрашивалъ меня—не оставилъ ли я своего намѣренія посѣтить его торговое заведеніе? Хотя я и не отказывался отъ посѣщенія, но уже думалъ въ то время, что Самадъ-шахъ едва ли дешево расцѣнитъ свои услуги по снабженію меня хорошимъ проводникомъ и, вѣроятно, потребуетъ за это права доставлять мнѣ все необходимое для моего путешествія. Хорошій проводникъ—это столь важное обстоятельство для путешествій, особенно тѣхъ, которыя предпринимаются съ малыми средствами, безъ знанія туземныхъ языковъ и въ предѣлахъ чужеземнаго государства, что на ряду съ нимъ всѣ остальныя соображенія, относящіяся къ путешествію, отходятъ на задній планъ. Такимъ образомъ, владѣя Магометъ-Маликомъ, Самадъ-шахъ уже побѣждалъ своего соперника.

Когда мы подъѣхали къ дому Самадъ-шаха, Бахаръ-шахъ, проѣзжая мимо насъ, еще разъ приглашалъ меня къ себѣ, а затѣмъ, отъѣхавши на нѣкоторое разстояніе, крикнулъ мнѣ—«не слушайте того, что вамъ будетъ говорить обо мнѣ Самадъ-шахъ, онъ—мой врагъ».

Самадъ-шахъ жилъ въ большомъ двухъэтажномъ, полукаменномъ, полудеревянномъ домѣ, старой постройки, стоявшемъ надъ самой рѣкой. Отъ входныхъ дверей къ водѣ вели широкія каменныя ступени, къ которымъ вплотную причалила наша лодка. Меня провели по узкой деревянной лѣстницѣ во второй этажъ, въ большую свѣтлую комнату, полъ которой былъ устланъ и стѣны коей были увѣшаны разнообразными коврами; это было помѣщеніе для пріема покупателей. Рядомъ съ этой комнатой помѣщались кладовыя, въ которыхъ въ огромномъ количествѣ были сложены различныя матеріи, ковры и всемірно извѣстныя кашмирскія шали.

Пока посылали за Магометъ-Маликомъ, Самадъ-шахъ, же-

лая соблазнить меня прелестями своихъ товаровъ, приказалъ нѣсколькимъ своимъ приказчикамъ, изъ коихъ человѣкъ пять были его собственные сыновья, развернуть и показать мнѣ нѣсколько шалей.

Кашмирскія шали имѣютъ видъ тонкой шерстяной матеріи бѣлаго цвѣта, съ самыми разнообразными пестрыми узорами. Онѣ приготовляются изъ шерсти высоко-горныхъ тибетскихъ козъ и поразительно мягки. Шаль, имѣющая размѣры одѣяла для взрослаго человѣка, свободно проходила въ кольцо, носимое на пальцѣ. Самадъ-шахъ показывалъ мнѣ самыя разнообразныя товары и, перелистывая свою толстую торговую книгу, обращалъ мое вниманіе на нѣкоторыя записи покупателей, сдѣлавшихъ особенно большія покупки. Среди дорогихъ кашмирскихъ шалей, онъ показалъ мнѣ одну того самаго образца, экземпляръ котораго былъ отосланъ Кашмирскимъ магараджей [1]) Англійской королевѣ Викторіи ко дню 60-лѣтняго юбилея ея царствованія. Эта шаль не выдѣлялась своими размѣрами, имѣя въ квадратѣ не болѣе 7—8 футовъ, но качество шерсти и красота ея узоровъ были восхитительны. Купецъ увѣрялъ меня, что магараджа заплатилъ ему за такую шаль 3.000 рупій [2]). Вскорѣ явился Магометъ-Маликъ—туземецъ довольно угрюмаго вида, молчаливый и совершенно не знающій англійскаго языка. Повидимому, ему льстило то, что пріѣзжій туристъ зналъ о немъ еще до пріѣзда въ Сринагаръ и что его требовали и искали. Узнавши направленіе и цѣль моего путешествія, онъ, послѣ нѣкотораго размышленія, сказалъ, что дорога, предстоящая мнѣ, трудна, что обѣщать онъ пока мнѣ ничего не можетъ и что, во всякомъ случаѣ, если бы онъ и согласился пойти со мной, то не дешевле, какъ за 100 рупій (64 руб.) жалованья въ мѣсяцъ. Услыхавши требованіе подобной, ни съ чѣмъ несообразной, платы, я рѣшилъ, что дальнѣйшіе разговоры съ нимъ совершенно

1) Магараджами и раджами называются въ Индіи и Кашмирѣ туземные владѣтельные князья.

2) Около 2.000 рублей.

напрасны, а потому, предложивши ему пораздумать и сообщить мнѣ поскорѣе свое окончательное рѣшеніе, я прекратилъ съ нимъ переговоры.

Послѣ ухода Магометъ-Малика Самадъ-шахъ сказалъ мнѣ, что проводникъ лишь сначала запрашиваетъ такъ много, но что, подумавши, онъ согласится на меньшее; между прочимъ, онъ обѣщалъ повліять на него и убѣдить его поѣхать со мной на болѣе умѣренныхъ условіяхъ. При этомъ онъ добавилъ, что, если я соглашусь запасаться и снаряжаться въ дорогу, пользуясь содѣйствіемъ лишь его, Самадъ-шаха, то онъ обязуется снабдить меня другимъ хорошимъ проводникомъ, если даже Магометъ-Маликъ и не согласится сопровождать меня.

Поѣздка въ Гульмаркъ.

Около 1-го часа дня подали верховыхъ лошадей и я, сѣвши на малорослаго, ширококостнаго пони, поѣхалъ бойкой ходьбой по узкимъ улицамъ Сринагара. Меня сопровождали верхомъ мой слуга Рахмана и туземецъ отъ Самадъ-шаха. Палатка, предоставленная мнѣ послѣднимъ на случай, если бы бунгалоу въ селеніи Манга оказалось занятымъ туристами, и мой небольшой багажъ были навьючены на лошадь, которую велъ за нами пѣшій туземецъ—сайзъ [1]).

Проѣхавши нѣсколько грязныхъ, кривыхъ улицъ, застроенныхъ двухъэтажными деревянными домами, почернѣвшими отъ времени, мы переѣхали по небольшому деревянному мосту одинъ изъ рукавовъ Джелюма и выѣхали за городъ. Ландшафтъ, представившійся теперь моему взору, поразительно напоминалъ мнѣ нашъ Туркестанъ въ его лучшихъ, хорошо воздѣланныхъ, обильно орошенныхъ и густо населенныхъ мѣстахъ. Шосированная дорога представляла собой сплошную алею стройныхъ, пирамидальныхъ тополей, посаженныхъ вдоль оросительныхъ канавъ, ограничивавшихъ дорогу; это и было то самое Барамульское шоссе, которое я видѣлъ съ рѣки Джелюма въ нашу послѣднюю ночевку передъ Сринагаромъ. Въ нѣсколькихъ вер-

1) Сайзами (syze) называютъ въ Индіи и прилегающихъ къ ней странахъ пѣшихъ конюховъ, сопровождающихъ верховыхъ или вьючныхъ лошадей.

стахъ отъ Сринагара мы свернули съ него и поѣхали по другой столь же хорошо шоссированной дорогѣ прямо на западъ. По сторонамъ дороги находились обширныя рисовыя поля, въ то время залитыя водой, медленно стекавшей въ многочисленныя канавы. Во многихъ мѣстахъ встрѣчались селенія съ желтыми, сложенными изъ глинистой земли и камня, постройками, прятавшимися въ тѣни серебристыхъ тополей, могучихъ чинаровъ и различныхъ фруктовыхъ деревьевъ. Окружавшая насъ равнина далеко раскинулась во всѣ стороны, огражденная на горизонтѣ сплошнымъ кольцомъ снѣговыхъ горъ. До селенія Манга, на протяженіи 23 верстъ, дорога слѣдуетъ по равнинѣ; она имѣетъ ширину достаточную для разъѣзда трехъ парныхъ повозокъ и хорошо шосирована. Селеніе Манга не велико и населено кашмирцами-земледѣльцами. Около дороги стоитъ великолѣпное дорожное бунгалоу, содержимое на средства Кашмирскаго правительства и находящееся подъ наблюденіемъ англійскаго резидента. Это—одноэтажный каменный домъ съ верандой и различными службами. Внутреннее помѣщеніе заключаетъ въ себѣ нѣсколько комнатъ, хорошо меблированныхъ, и можетъ дать пріютъ одновременно нѣсколькимъ туристамъ. Въ бунгалоу отпускаютъ завтраки и обѣды по цѣнамъ, утвержденнымъ англійскимъ резидентомъ. За остановку, безразлично на сутки или менѣе, взимается рупія (64 коп.).

Пріѣхавши въ сел. Манга, я узналъ, къ своему сожалѣнію, что резидентъ съ помощникомъ, отдохнувши здѣсь нѣсколько часовъ, отправились въ Гульмаркъ. Приходилось ѣхать за ними. Туземцы, сопровождавшіе меня, перемѣнили верховыхъ лошадей на имѣющейся здѣсь подставѣ[1]), и мы поѣхали дальше. До Гульмарка оставалась еще 21 верста. На первыхъ 8 верстахъ за

1) По нѣкоторымъ направленіямъ, привлекающимъ европейскихъ туристовъ, англичане организовали въ Кашмирѣ верховое, вьючное сообщеніе, расположивъ въ попутныхъ селеніяхъ, черезъ каждыя 20—25 верстъ, подставы изъ верховыхъ лошадей, отпускаемыхъ за особо установленную плату. За верховую лошадь на перегонъ уплачивается одна рупія, за вьючную нѣсколько меньше. Вьючныя лошади сопровождаются проводникомъ сайзомъ.

сел. Манга мѣстность сохраняетъ свой прежній характеръ, но далѣе равнинный ландшафтъ замѣняется холмистымъ. Начинаются подъемы, спуски, и приходится переваливать черезъ небольшіе холмы, — первыя предгорія невысокаго хребта, протянувшагося на нѣсколько сотъ верстъ южнѣе Джелюма съ востока на западъ. Въ то время шоссе не доходило еще верстъ на 15 до Гульмарка и далѣе приходилось ѣхать по широкой вьючной тропѣ, лѣвымъ берегомъ быстраго горнаго ручья, несущаго свои холодныя, мутныя воды въ р. Джелюмъ изъ ледниковъ восточной окраины упомянутаго выше хребта. Тропа постепенно шла въ гору, то извиваясь на одномъ уровнѣ съ ручьемъ, то подымаясь надъ нимъ на нѣсколько саженей. Въ верхнемъ теченіи ручья окружавшій насъ ландшафтъ замыкался громадой горъ, покрытыхъ густыми лѣсами. У самаго подножія этихъ горъ, верстахъ въ 3—4 отъ Гульмарка, тропа оставляетъ теченіе горнаго ручья и, поворачивая вправо, круто взбирается на гору, вступая подъ сѣнь великолѣпнаго хвойнаго лѣса. Подъемъ идетъ здѣсь зигзагами и довольно труденъ для движенія. Моя лошадь, пробѣжавшая съ часу дня болѣе 40 верстъ, сильно устала и часто останавливалась на подъемѣ.

Лѣса, покрывающіе окрестные скаты, состоятъ преимущественно изъ хвойныхъ породъ, съ небольшой примѣсью лиственныхъ деревьевъ и съ весьма густымъ подлѣскомъ изъ ягодныхъ кустарниковъ и высокихъ папортниковъ. Послѣ получасового подъема, въ 7 часовъ вечера, мы выѣхали на вершину горы, обнаженную отъ лѣса, и передъ нами открылся Гульмаркъ. Гульмаркъ служитъ дачнымъ мѣстомъ для англичанъ, живущихъ въ Сринагарѣ. Здѣсь находится десятокъ, другой отдѣльныхъ деревянныхъ домиковъ, разбросанныхъ по небольшому горному плато, покрытому высокой, сочной травой и окруженному густымъ сосновымъ лѣсомъ. Гульмаркъ расположенъ на высотѣ 8.500 Ф. надъ уровнемъ моря и обладаетъ климатомъ весьма сырымъ и прохладнымъ даже въ теченіе лѣта. Вслѣдствіе обилія атмосферныхъ осадковъ, снѣговая линія въ Кашмирскихъ

горахъ лежитъ на высотѣ 10—12.000 ф. надъ ур. моря, почему высота Гульмарка оказывается весьма близкой къ области вѣчнаго снѣга. Уже рядомъ съ Гульмаркомъ, къ западу, возвышаются горы со скатами, покрытыми обширными снѣговыми полями.

Выѣхавши на Гульмаркское плато, мы свернули съ тропы, которая ведетъ далѣе къ небольшому азіатскому базару, и поѣхали къ дачамъ резидента и его помощника. Эти дачи состоятъ изъ небольшихъ, одноэтажныхъ и довольно невзрачныхъ деревянныхъ избушекъ со службами, но внутри убраны съ комфортомъ, свойственнымъ англичанамъ. Онѣ построены на краю плато и даютъ возможность любоваться изъ своихъ оконъ чуднымъ видомъ къ востоку и юго-востоку на большую Сринагарскую равнину.

Подъѣхавши къ дачѣ помощника резидента, я послалъ съ туземнымъ слугой свою визитную карточку и спустя нѣсколько минутъ былъ приглашенъ въ гостиную. Меня встрѣтила миловидная англичанка, оказавшаяся женой капитана Годфрея, и сообщила мнѣ, что мужъ, катаясь на велосипедѣ, сильно ушибъ себѣ ногу, лежитъ въ постели и сегодня ни въ какомъ случаѣ не можетъ принять меня. Она просила меня зайти на слѣдующій день въ 9 час. утра. Хотя утренній визитъ совсѣмъ не устраивалъ меня, такъ какъ я думалъ съ разсвѣтомъ выѣхать обратно въ Сринагаръ, но дѣлать было нечего, — я непремѣнно хотѣлъ повидаться съ помощникомъ резидента. Я отправился въ единственную и лишь недавно открытую гостинницу Гульмарка — Nedou's Hotel, расположенную на невысокомъ, широкомъ холмѣ, возвышающемся среди плато. Наступили уже сумерки и стало свѣжо. Потянуло холоднымъ вѣтромъ съ сосѣднихъ снѣжныхъ полей и окрестный лѣсъ окутался сѣрымъ туманомъ. Я былъ одѣтъ въ бѣломъ лѣтнемъ пиджакѣ, мнѣ было холодно и поэтому я былъ очень обрадованъ, найдя въ гостиницѣ свободную комнату, которая обезпечивала мнѣ теплый ночлегъ и отдыхъ послѣ цѣлаго дня хлопотъ и волненій. Прибывшихъ со мной туземцевъ съ вер-

ховыми лошадьми я отослалъ ночевать на базаръ. Уставши, я не хотѣлъ выходить къ обѣду (въ англійскихъ гостиницахъ подаютъ обѣдъ между 8 и 9 часами вечера) въ общую столовую, а потребовалъ себѣ обѣдъ въ свою комнату. Гостиница оказалась деревяннымъ зданіемъ весьма легкой постройки, барачнаго типа; ночью въ ея неотапливаемыхъ комнатахъ было холодно и каждому жильцу выдавалось отъ гостиницы по два шерстяныхъ одѣяла. Послѣднія оказались особенно полезными мнѣ, потому что моя вьючная лошадь съ багажемъ гдѣ то отстала въ дорогѣ и я остался безъ своихъ дорожныхъ вещей. Послѣ обѣда, завернувшись въ теплыя одѣяла, я быстро заснулъ, утомленный 40-верстнымъ переходомъ и продолжительнымъ пребываніемъ въ сѣдлѣ. На слѣдующій день, въ 9 ч. утра, я уже былъ у помощника резидента. Онъ принялъ меня въ своей канцеляріи, въ маленькомъ деревянномъ домикѣ рядомъ съ его дачей. Мы поговорили о нѣкоторыхъ вопросахъ, касавшихся предстоявшаго мнѣ путешествія, но, къ сожалѣнію, я не получилъ отъ англійскаго капитана ни одного опредѣленнаго указанія ни о транспортныхъ средствахъ, ни о проводникахъ и туземцахъ и ни одного опредѣленнаго совѣта касательно моего снаряженія. А по одному вопросу мы даже никакъ не могли столковаться. Дѣло въ томъ, что, собираясь въ путь, я опасался, какъ бы туземцы, которые будутъ сопровождать меня до г. Лея и которые, какъ я въ то время думалъ, будутъ назначены резидентомъ, не поняли своего назначенія въ смыслѣ сопровожденія меня лишь по большой караванной дорогѣ, а потому я обратился къ помощнику резидента съ просьбой внушить, черезъ бабу Амерната, моимъ будущимъ проводникамъ, что они обязаны слѣдовать за мной и въ сторону отъ большой дороги, если я сочту нужнымъ совершить географическую экскурсію въ окрестныя горы. Англійскій капитанъ отвѣтилъ мнѣ на это, что если я опредѣленно изложу ему свои намѣренія о томъ, какія мѣстности, лежащія въ сторонѣ отъ караванной дороги я желалъ бы посѣтить, то онъ испроситъ для меня по телеграфу разрѣшеніе Министерства Иностранныхъ

Дѣлъ въ Симлѣ. Но подобное предложеніе не соотвѣтствовало моимъ видамъ: я опасался, что Foreign Office заподозритъ меня въ намѣреніи уклониться отъ того направленія, для котораго мнѣ выдали разрѣшеніе и что подобная переписка лишь затянетъ мой выѣздъ изъ Сринагара. Я поблагодарилъ капитана за его готовность телеграфировать въ Симлу, но отказался отъ подобнаго ходатайства. Не запасаться же, дѣйствительно, особымъ разрѣшеніемъ англо-индійскаго правительства для посѣщенія какого либо ледника, боковой долины или туземнаго селенія, расположенныхъ въ 5—10 верстахъ въ сторонѣ отъ большой дороги!

Получивши отъ капитана письмо къ бабу Амернату, въ которомъ подтверждались въ общихъ выраженіяхъ прежнія приказанія, я простился съ англичаниномъ.

Возвращаясь въ гостиницу, я раздумывалъ о только что оконченномъ свиданіи. Кто, думалось мнѣ, кромѣ англичанина могъ бы оказать столь любезно-равнодушный пріемъ иностранцу, проѣхавшему 40 верстъ верхомъ, для того чтобы съ нимъ повидаться? Конечно, претендовать на гостепріимство невозможно, но всякому ясно, что въ подобныхъ случаяхъ слѣдовало бы оказать иностранному туристу нѣсколько болѣе вниманія и удѣлить ему нѣсколько болѣе времени, чѣмъ нужно того и другого для дѣлового разговора. Спрашивается, такъ ли поступилъ бы русскій офицеръ или чиновникъ, живущій гдѣ-либо въ Андижанѣ, Ошѣ или Иркештамѣ, по отношенію къ иностранцу, который посѣтилъ бы одно изъ этихъ захолустій?

Я поспѣшилъ въ гостиницу, чтобы собрать свои вещи и тронуться въ обратный путь. Туземецъ, который велъ вьючную лошадь съ моимъ багажемъ, ночевалъ въ селеніи не доѣзжая Гульмарка и прибылъ въ гостиницу лишь ко времени моего возвращенія отъ помощника резидента. Разсчитавшись въ отелѣ и взявши свѣжихъ лошадей для своихъ туземцевъ и своего багажа, я выѣхалъ около полудня въ Сринагаръ прежней дорогой на селеніе Манга.

По пути мы встрѣчали въ нѣсколькихъ мѣстахъ большіе караваны лошадей, навьюченныхъ различными ящиками, чемоданами и кожаными футлярами, которые слѣдовали въ Гульмаркъ. По разспросамъ оказалось, что это—дачный багажъ англійскаго резидента и его помощника, перевозившійся изъ ихъ зимней резиденціи на дачу. Глядя на эти длинныя вереницы вьючныхъ животныхъ, нагруженныхъ различнымъ имуществомъ, я поражался какъ много вещей нужно этимъ господамъ для двухъ или трехмѣсячнаго пребыванія на лонѣ природы!

Въ седьмомъ часу вечера я вернулся въ Сринагаръ къ дому Самадъ-шаха, гдѣ сдалъ лошадей и на своей донгѣ, дожидавшейся здѣсь моего прибытія, уѣхалъ въ Чинаръ-багъ.

Городъ Сринагаръ и его жители.

Сринагаръ (городъ солнца), столица Кашмира,—обширный, туземный городъ, растянувшійся версты на три по обоимъ берегамъ р. Джелюма, раздѣляющей его на двѣ почти равныя части. Рѣка, въ предѣлахъ города, образуетъ большую излучину къ сѣверу, стороны которой соединены между собой нѣсколькими каналами, облегчающими быстрое сообщеніе по водѣ и придающими городу характеръ азіатской Венеціи. Черезъ рѣку и ея каналы переброшено нѣсколько деревянныхъ мостовъ, довольно ветхихъ и сильно почернѣвшихъ отъ времени. Городъ состоитъ, преимущественно, изъ деревянныхъ домовъ, иногда въ два или три этажа съ плоскими крышами; нѣкоторые изъ нихъ имѣютъ каменные фундаменты и украшены балконами. Лучшая часть города—та, которая прилегаетъ непосредственно къ рѣкѣ; берега рѣки выложены большими плитами известняка, образующими нѣчто въ родѣ набережной, сильно пострадавшей отъ времени и невнимательнаго отношенія къ ней обывателей. Во многихъ мѣстахъ на этой набережной устроены широкія каменныя лѣстницы, ведущія къ водѣ; ихъ ступени мѣстами поросли мохомъ, травой и имѣютъ видъ весьма древнихъ сооруженій. Нѣкоторыя изъ нихъ, имѣющія большіе размѣры и много ступеней, напоминали мнѣ извѣстные «гаты» Бенареса — эти колосальныя каменныя лѣстницы, ведущія отъ многочисленныхъ индусскихъ

Почтовая станція въ Кашмирѣ.

Г. Сринагаръ. Дворецъ магараджи на р. Джелюмѣ

Фототипія В. Клосонъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Пробили Н. Каминскій

храмовъ къ мутнымъ водамъ священнаго Ганга. Изъ построекъ Сринагара лишь очень немногія заслуживаютъ вниманія. Дворецъ магараджи Кашмирскаго находится на набережной праваго берега рѣки и представляетъ собой весьма красивое длинное зданіе въ два этажа, со стѣнами выкрашенными въ красный и бѣлый цвѣта[1]). Главный входъ имѣетъ видъ высокаго крыльца, отъ котораго въ обѣ стороны къ рѣкѣ сдѣланы многочисленныя каменныя ступени. Рядомъ съ дворцомъ стоитъ небольшой индусскій храмъ, за которымъ, вдоль рѣки, разбитъ небольшой садикъ съ красивымъ лѣтнимъ павильономъ. Возлѣ дворца на рѣкѣ стояла огромная раскрашенная яркими красками лодка магараджи, имѣвшая видъ деревяннаго пловучаго дома.

Вдоль рѣки встрѣчаются въ нѣсколькихъ мѣстахъ маленькіе индусскіе храмы, не представляющіе, впрочемъ, особаго интереса. Изъ мечетей заслуживаютъ вниманія двѣ—Джама Масджитъ и Шахъ Хомоданъ. Первая изъ нихъ имѣетъ большіе размѣры и расположена въ сѣверной части города, другая, значительно меньшая, стоитъ на берегу рѣки; обѣ сдѣланы изъ дерева, при чемъ въ первой встрѣчается замѣчательная по красотѣ и качеству работы рѣзьба на деревѣ.

Улицы Сринагара узки, грязны и довольно пустынны. Сообщеніе между различными частями города производится, преимущественно, по водѣ на маленькихъ лодкахъ, постоянно снующихъ взадъ и впередъ по рѣкѣ и ея каналамъ. Грязь и зловоніе составляютъ столь же неизбѣжную особенность Сринагара, какъ и всѣхъ туземныхъ городовъ Азіи, хотя санитарное состояніе города въ значительной степени улучшено англичанами проведеніемъ водопровода, снабжающаго городъ водой изъ горныхъ источниковъ. На каждой улицѣ можно увидѣть водоразборные краны, расположенные столь близко другъ отъ друга, что жителямъ нѣтъ никакой надобности черпать грязную воду изъ каналовъ Джелюма.

1) Въ холодное время года магараджа живетъ въ г. Джаму, на границѣ Пенджаба.

Населеніе Сринагара превышаетъ 100.000 человѣкъ, состоящихъ почти исключительно изъ кашмирцевъ, племени индусскаго происхожденія. Кашмирцы—средняго роста, коренасты и широкоплечи; ихъ лица, въ большинствѣ случаевъ, красивыя, смуглыя, многія съ горбатыми носами; всѣ они—брюнеты; мужчины, какъ это часто бываетъ у восточныхъ народовъ, красивѣе женщинъ. Большинство населенія Кашмира исповѣдуетъ исламъ и лишь небольшая часть—религію индусовъ. Самъ магараджа—индусъ; индусскую религію исповѣдуетъ также высшій, правящій класъ, пришедшій въ Кашмиръ съ магараджами изъ Индіи. Одежда кашмирцевъ обоего пола состоитъ, обыкновенно, изъ длинной бѣлой рубахи и бѣлыхъ штановъ; мужчины носятъ, кромѣ этого, на плечахъ длинный кусокъ бѣлой матеріи, имѣющій видъ большого полотенца, которымъ обматываютъ шею и грудь. Головнымъ уборомъ мужчинъ служитъ бѣлая чалма; женщины не носятъ головного убора, а покрываютъ голову кускомъ бѣлой матеріи.

Кашмирцы по характеру своему несимпатичны; они хитры, корыстолюбивы, любятъ льстить и пользуются всякимъ случаемъ, чтобы обмануть европейца; они обнаруживаютъ большую склонность къ торгашеству и въ странахъ, сопредѣльныхъ съ Кашмиромъ, составляютъ наибольшій процентъ мелкихъ торгашей, лавочниковъ и мѣнялъ.

Сринагаръ ведетъ довольно большую торговлю съ Тибетомъ и съ Индіей; изъ предметовъ мѣстной промышленности слѣдуетъ упомянуть извѣстныя кашмирскія шали, золотую, серебряную и мѣдную посуду чеканной работы, издѣлія изъ папье-маше и изъ кожи. Кашмирцы говорятъ на особомъ языкѣ, представляющемъ смѣсь санскритскаго съ персидскимъ и другими азіатскими языками [1]).

---

1) Хьюмъ (Hume) въ своемъ описаніи Яркендской экспедиціи Форсайта въ 1870 году говоритъ, что кашмирскій языкъ считается смѣсью чуть ли не всѣхъ языковъ Азіи (см. «Lahore to Yarkand», стр. 54).

Въ политическомъ отношеніи Кашмиръ—номинально независимое туземное государство, но фактически всецѣло подчиненное англо-индійскому правительству. Оно составляетъ одно изъ владѣній магараджи Джаму, небольшого индусскаго государства, расположеннаго на южныхъ склонахъ западныхъ Гималаевъ на полупути между Сринагаромъ и Лагоромъ. Въ первой половинѣ XIX-го столѣтія, Кашмиръ вмѣстѣ съ Ладакомъ, Балтистаномъ и Гильгитомъ, составлялъ часть государства сейковъ, распространившихъ свою власть далеко за предѣлы Пенджаба. Въ 1846 г., послѣ завоеванія англичанами Пенджаба и уничтоженія сейкскаго государства, Кашмиръ былъ отданъ ими магараджѣ Джаму за какія то услуги, оказанныя имъ англійскому правительству. Вмѣстѣ съ Кашмиромъ къ Джаму отошли и сосѣднія страны—Ладакъ, Балтистанъ и Гильгитъ.

Въ настоящее время магараджа, подъ предлогомъ неспособности управлять государственными дѣлами, устраненъ отъ управленія страной, которое сосредоточивается въ особомъ совѣтѣ, руководимомъ британскимъ резидентомъ.

Снаряженіе.

6-го іюня, проснувшись утромъ въ Чинаръ-багѣ, я засталъ уже сидѣвшихъ подъ большимъ развѣсистымъ чинаромъ двухъ соперниковъ—Бахаръ-шаха и Самадъ-шаха, дожидавшихся моего пробужденія. Не успѣлъ я сказать съ ними нѣсколькихъ словъ, какъ явился посланный отъ бабу Амерната съ увѣдомленіемъ, что бабу идетъ навѣстить меня, чтобы отдать мнѣ визитъ. Дѣйствительно, скоро показалась среди деревьевъ оригинальная фигура Амерната, важно ступавшаго въ своихъ индійскихъ, съ длинными загнутыми носками, туфляхъ, надѣтыхъ на босыя смуглыя ноги. Его сопровождали двое туземцевъ. Подъ чинаромъ были поставлены два кресла, взятыя изъ моей донги, и мы съ Амернатомъ усѣлись подъ тѣнью высокаго дерева. Я разсказалъ ему о вчерашней поѣздкѣ въ Гульмаркъ и передалъ письмо отъ помощника резидента. Бабу заявилъ мнѣ, что транспортныя средства онъ доставитъ мнѣ по первому моему требованію и совѣтовалъ снаряжаться при содѣйствіи Самадъ-шаха, который

доставитъ мнѣ необходимыя вещи, продовольствіе и даже проводниковъ. Побесѣдовавши со мной нѣсколько минутъ, онъ удалился.

Бахаръ-шахъ, видя полную побѣду своего соперника, казался удрученнымъ, но все еще убѣждалъ меня зайти къ нему, чтобы удостовѣриться въ доброкачественности его товаровъ.

Я объявилъ Самадъ-шаху, что согласенъ снаряжаться при его содѣйствіи, но съ условіемъ, что онъ доставитъ мнѣ хорошаго и опытнаго проводника. Онъ принялъ это условіе, и мы, усѣвшись въ его маленькую лодку, поѣхали къ нему на домъ.

По пути Самадъ-шахъ предложилъ мнѣ оставить Чинаръ-багъ и перебраться къ нему въ домъ, гдѣ онъ предлагалъ мнѣ безъ всякой платы свободную комнату; онъ объяснилъ свое предложеніе отдаленностью Чинаръ-бага отъ его лавки и неудобствомъ доставлять туда различные предметы снаряженія; конечно, не трудно было понять, что онъ поступалъ такъ, желая изолировать меня отъ вліянія своего соперника по торговлѣ.

Тѣмъ не менѣе, переѣздъ на жительство къ Самадъ-шаху показался мнѣ сначала весьма удобнымъ для снаряженія въ дорогу и въ тотъ же день я перебрался со своимъ имуществомъ въ деревянный двухъэтажный флигель его дома, расположенный въ небольшомъ саду. Я занялъ во второмъ этажѣ просторную комнату съ балкономъ, выходившимъ въ садъ. Окна были безъ стеколъ и закрывались рѣшетчатыми ставнями, которыя, защищая комнату отъ солнечныхъ лучей, допускали въ нее свободный притокъ свѣжаго воздуха. Комната была свѣтлая, прохладная; за окнами въ саду шелистили своей серебристой листвой высокіе тополя, абрикосовыя деревья, увѣшанныя золотисто-желтыми плодами, склоняли свои вѣтви подъ ихъ тяжестью, кругомъ было тихо и я съ удовольствіемъ устраивался на новомъ мѣстѣ.

Почти весь этотъ день я надѣялся еще на Магометъ-Малика, изъ-за котораго, собственно, и измѣнилъ Бахаръ-шаху. Когда я сидѣлъ въ магазинѣ Самадъ-шаха, производя различнаго рода

покупки, ко мнѣ пришелъ какой то кашмирецъ, довольно несимпатичнаго вида, вооруженный, какъ и всѣ здѣшніе проводники и охотники, толстой пачкой всевозможныхъ «сертификэйтовъ» и предложилъ мнѣ свои услуги по сопровожденію меня до русской границы. Онъ требовалъ за свои услуги верховую лошадь, теплую одежду и по 80 рупій въ мѣсяцъ жалованья, что, конечно, вынудило меня прекратить съ нимъ дальнѣйшіе переговоры.

Я купилъ у Самадъ-шаха на сто рупій разныхъ мелочей для подарковъ туземцамъ, но, не зная вкусовъ жителей тѣхъ странъ, по которымъ мнѣ предстояло ѣхать, я довѣрился въ выборѣ ихъ его совѣтамъ. Эти вещи состояли, преимущественно, изъ коническихъ цвѣтныхъ шапочекъ, одѣваемыхъ въ Индіи и Кашмирѣ подъ чалму, и шерстяныхъ шейныхъ платковъ, которые, по словамъ Самадъ-шаха, будто-бы, въ большомъ употребленіи у туземцевъ Ладака. Какъ оказалось впослѣдствіи, онъ обманулъ меня, заставивъ купить вещи, совершенно непригодныя для туземцевъ Тибета и Китайскаго Туркестана.

Въ этотъ же день я закупилъ въ городѣ продовольственныхъ припасовъ на два мѣсяца. Они состояли изъ цейлонскаго чая, сахарнаго песку (здѣсь нѣтъ сахара кусками), муки, чайнаго печенья и различнаго рода англійскихъ консервовъ: овсянки, бульона, варенья, сгущеннаго молока, масла и т. п.

Изъ одежды и обуви я купилъ: легкій кашмирскій тулупъ, мѣховую шапку съ наушниками, мѣховые чулки и двѣ пары «чаплей». Послѣдніе представляютъ собой туземную кашмирскую обувь, весьма удобную для ходьбы въ лѣтнее время по горамъ. Онѣ состоятъ изъ двухъ частей: мягкаго, кожанаго чулка со шнуровкой и кожаныхъ лаптей съ толстой подошвой. Нога, одѣтая въ кожаный чулокъ, вкладывается въ лапти, которые плотно обхватываютъ ее нѣсколькими мягкими ремнями. Въ подошву лаптей набиваются снизу короткіе гвозди съ широкими плоскими шляпками, которыя образуютъ шероховатую поверхность, облег-

чающую ходьбу по горамъ. Въ чапляхъ ногамъ весьма легко, почему онѣ незамѣнимы въ жаркое, сухое время года на каменистыхъ горныхъ тропахъ. Въ дождь онѣ не годятся, такъ какъ промокаютъ весьма скоро, а при ходьбѣ по горнымъ осыпямъ или песчаному грунту, песокъ и мелкая галька попадаютъ между кожанымъ чулкомъ и подошвой лаптей и натираютъ ноги.

Изъ теплыхъ вещей я имѣлъ, привезенные съ собой изъ Россіи, мѣховую куртку, теплыя перчатки и высокіе теплые сапоги. Запасшись въ Сринагарѣ, кромѣ этого, нѣсколькими большими войлоками, я надѣялся, что снаряженъ достаточно хорошо для того, чтобы переносить холодъ и вѣтры снѣжныхъ переваловъ и высокихъ нагорій Западнаго Тибета.

Изъ оружія я имѣлъ лишь небольшой шестизарядный револьверъ.

Для бивачной жизни я пріобрѣлъ двѣ англійскія палатки: одну маленькую и низкую для себя, а другую—большую и высокую для сопровождавшихъ меня туземцевъ. Въ моей палаткѣ можно было только сидѣть или лежать, что представляло нѣкоторыя неудобства, но зато она плотно закрывалась со всѣхъ сторонъ и давала хорошее укрытіе отъ непогоды. Покупая различную посуду и утварь, я пріобрѣлъ оригинальный туземный кувшинъ изъ какого то бѣлаго метала, приспособленный для кипяченія воды по способу русскаго самовара; въ немъ было внутреннее помѣщеніе для углей и кольцеобразное пространство для воды; любопытно то, что этотъ приборъ повсемѣстно въ Кашмирѣ называется «самоваромъ». Все мое дорожное имущество должно было размѣщаться во вьюкахъ, а потому слѣдовало позаботиться о хорошей укладкѣ вещей, чтобы безъ нужды не увеличивать числа вьючныхъ животныхъ. Я пріобрѣлъ два деревянныхъ, обшитыхъ кожей, вьючныхъ сундука, въ которыхъ, какъ въ самыхъ прочныхъ вьюкахъ, должно было помѣщаться все наиболѣе драгоцѣнное изъ моего имущества; остальныя вещи были распредѣлены по другимъ вьюкамъ: въ большомъ кожаномъ чехлѣ цилиндрической формы, въ высокой круглой корзинѣ, обшитой ко-

жей и называемой кашмирцами кильтой [1]) и въ двухъ парахъ курджумовъ. [2]) Имущества оказалось на три вьючныхъ лошади, что опредѣлило мой караванъ въ пять лошадей, считая двухъ верховыхъ лошадей для меня и для караванъ-баша; прочіе туземцы, сопровождающіе караванъ, слѣдуютъ, обыкновенно, пѣшкомъ.

Къ вечеру 6-го вся моя комната была завалена сундуками, коробками, войлоками, теплой одеждой, веревками и прочими принадлежностями снаряженія, среди которыхъ я копался съ истиннымъ удовольствіемъ, предвкушая прелесть предстоявшаго мнѣ путешествія. Желая оказать нѣкоторое вниманіе обиженному Бахаръ-шаху, я хотѣлъ съѣздить къ нему и пріобрѣсти у него нѣсколько мелкихъ вещей, но Самадъ-шахъ сталъ усиленно упрашивать меня не ѣздить для этого къ его сопернику, а послать кого-нибудь изъ его людей. Онъ увѣрялъ, что если меня, живущаго въ его домѣ, увидятъ ѣдущимъ къ Бахаръ-шаху и что-либо покупающимъ у послѣдняго, то это будетъ для него, Самадъ-шаха, оскорбленіемъ, потому что люди составятъ себѣ дурное представленіе объ его гостепріимствѣ и исполненіи имъ принятыхъ на себя обязательствъ: точно у Самадъ-шаха, самаго богатаго и знатнаго купца въ Сринагарѣ, нельзя найти всѣхъ тѣхъ вещей, которыя необходимы европейскому путешественнику! Онъ уговорилъ меня написать Бахаръ-шаху письмо съ просьбой прислать мнѣ нѣкоторыя вещи и отослалъ его куда то съ однимъ изъ своихъ многочисленныхъ слугъ. Спустя съ часъ послѣ этого я получилъ отъ Бахаръ-шаха отвѣтъ, въ которомъ онъ сообщалъ, что не имѣетъ ко мнѣ никакихъ претензій, благодарилъ за оказанное ему вниманіе, но отказывался доставить мнѣ заказанныя мною вещи, находя, что я найду ихъ и у Самадъ-шаха, обязавшагося снабдить меня всѣмъ необходимымъ въ дорогу. Я

---

1) Кильта—весьма распространенный въ Кашмирѣ типъ дорожной, вьючной корзины; вьюкъ составляется изъ двухъ кильтъ, прикрѣпляемыхъ къ вьючному сѣдлу вдоль боковъ лошади.

2) Курджумами повсемѣстно въ Азіи называются переметныя сумы, перекидываемыя черезъ сѣдло.

рѣшилъ, что торговецъ обидѣлся и, прочитавши письмо, выбросилъ его.

Наемъ проводника.

Въ 9 часовъ вечера Самадъ-шахъ пришелъ ко мнѣ съ какимъ то высокимъ загорѣлымъ кашмирцемъ, оказавшимся мѣстнымъ охотникомъ, часто бывавшимъ въ Ладакѣ и не разъ сопровождавшимъ европейскихъ путешественниковъ. Онъ сообщилъ мнѣ, что Магометъ-Маликъ едва ли пойдетъ со мной, потому что онъ еще раньше подрядился на какія то работы по ремонту дворца магараджи, получилъ уже задатокъ и теперь считаетъ неудобнымъ покидать Сринагаръ. Взамѣнъ же этого туземца онъ предлагалъ мнѣ стоявшаго передо мной охотника Разаку, готоваго сопровождать меня до города Лея. Онъ совѣтовалъ мнѣ не искать туземца, который могъ бы сопровождать меня до русской границы, потому что въ Кашмирѣ очень трудно найти такого: большой наплывъ въ теченіе лѣта охотниковъ-англичанъ въ предѣлы Кашмира и Ладака даетъ хорошій заработокъ многимъ туземцамъ, нанимающимся къ нимъ въ качествѣ проводниковъ, слугъ и загонщиковъ, а потому они неохотно нанимаются въ дальнюю дорогу. Купецъ увѣрялъ меня, что въ Леѣ легче найти туземцевъ на дальнѣйшій путь, особенно если заблаговременно попросить объ этомъ британскаго политическаго агента.

Я началъ уговариваться съ Разакой. Онъ взялся доставлять мнѣ верховыхъ и вьючныхъ лошадей съ проводниками на всемъ пути до города Лея и исполнять обязанности караванъ-баша. За лошадей я долженъ былъ уплачивать на мѣстѣ ихъ хозяевамъ, по цѣнамъ, установленнымъ Кашмирскимъ правительствомъ; за свои же услуги онъ потребовалъ себѣ верховую лошадь, деньгами пятьдесятъ рупій на своемъ продовольствіи и помощника, котораго онъ брался нанять за пятнадцать рупій на всю дорогу. Не рѣшивши въ этотъ вечеръ ничего окончательно, я просилъ его прійти на слѣдующій день для послѣднихъ переговоровъ.

Къ ночи поднялся сильный вѣтеръ, нагнавшій въ мою комнату сквозь рѣшетчатыя ставни оконъ цѣлыя тучи мелкой пыли, покрывшей сѣрымъ слоемъ всѣ мои вещи.

7-го утромъ я написалъ и отправилъ письмо британскому политическому агенту въ Лех капитану Ченевиксъ Тренчу (Chenevix-Trench) съ просьбой подыскать мнѣ людей для моего путешествія въ Россію. Такъ какъ въ этотъ день Магометъ-Маликъ, несомнѣнно надувавшій меня до сихъ поръ по наущенію Самадъ-шаха, рѣшительно отказался сопровождать меня хотя бы до Лея, то я окончательно уговорился съ Разакой и даже выдалъ ему часть денегъ впередъ. Мы уговорились выѣхать 8-го іюня послѣ полудня, доѣхать на донгѣ внизъ по рѣкѣ Джелюму до впаденія въ нее рѣки Синда и по этой рѣчкѣ до выхода ея изъ горъ у сел. Гандербаля; далѣе мы должны были слѣдовать на лошадяхъ, которыя будутъ приготовлены въ этомъ селеніи къ нашему пріѣзду.

Заканчивая свое снаряженіе, я отправился съ однимъ изъ сыновей Самадъ-шаха въ мѣстную аптеку закупить нѣкоторыхъ простѣйшихъ медикаментовъ на случай болѣзни въ дорогѣ. Заведеніе, въ которое мы пришли, оказалось мало похожимъ на аптеку, а напоминало болѣе москательную лавку довольно неопрятнаго вида. Послѣ продолжительныхъ переговоровъ съ «аптекаремъ», угрюмымъ туземцемъ, мнѣ удалось запастись нѣкоторымъ количествомъ хинина, желудочныхъ пилюль, лимонной кислоты и т. п. продуктовъ. На пути въ аптеку я былъ свидѣтелемъ послѣдняго дѣйствія траги-комической исторіи соперничества Бахаръ-шаха съ Самадъ-шахомъ.

Когда я выскочилъ изъ лодки на берегъ недалеко отъ аптеки, рядомъ со мной появился откуда-то Бахаръ-шахъ, поклонился и съ взволнованнымъ видомъ собирался передать мнѣ письмо, которое онъ держалъ въ своей правой рукѣ. Но сынъ Самадъ-шаха не зѣвалъ и, видя грозившую опасность, бросился къ Бахаръ-шаху, вырвалъ изъ его рукъ письмо и разорвалъ его, убѣждая меня не пускаться съ нимъ въ разговоры. Бахаръ-шахъ, идя за мной, разсказалъ мнѣ, что полученное мною вчера письмо написано не имъ, а Самадъ-шахомъ, который перехватилъ его письмо, и что онъ очень сожалѣетъ, что я не читалъ

этого письма, въ которомъ онъ изобличаетъ своего соперника въ различныхъ продѣлкахъ. Сынъ Самадъ-шаха старался прогнать его и нѣсколько разъ вступалъ съ нимъ на улицѣ въ драку.

Эта распря купцовъ съ каждымъ днемъ надоѣдала мнѣ все болѣе и болѣе и я съ нетерпѣніемъ ожидалъ слѣдующаго дня, который долженъ былъ избавить меня отъ жительства въ домѣ Самадъ-шаха. Онъ и его приближенные надоѣдали мнѣ безпрерывно. Цѣлый день въ моей комнатѣ торчалъ кто-нибудь изъ туземцевъ, то разсматривая мои вещи, то разспрашивая меня о томъ, откуда и куда я ѣду, зачѣмъ и почему предпринимаю это путешествіе, а то просто глядя на меня и мои занятія. Не успѣвалъ я вставать утромъ съ постели, какъ раздавался легкій стукъ въ дверь и я слышалъ утреннее привѣтствіе Самадъ-шаха или одного изъ его сыновей; иногда у меня собиралось нѣсколько человѣкъ туземцевъ, которые усаживались на полъ, о чемъ то болтали между собой и съ удивленіемъ разглядывали русскія буквы моихъ писемъ и дневниковъ. Эти азіаты, повидимому, не допускали мысли, что человѣкъ нуждается въ отдыхѣ, что онъ можетъ желать пробыть нѣкоторое время одинъ, чтобы пораздумать о чемъ-нибудь, написать письмо и т. п. Проживши два дня у Самадъ-шаха, я съ удовольствіемъ вспоминалъ Чинаръ-багъ съ его могучими, столѣтними чинарами, тишиной окрестныхъ садовъ и отсутствіемъ назойливыхъ туземцевъ.

Послѣ полудня одинъ изъ служащихъ у Самадъ-шаха принесъ мнѣ англійское описаніе первой экспедиціи Форсайта въ Яркендъ въ 1870 г. и предложилъ купить это сочиненіе; такъ какъ маршрутъ этой экспедиціи мѣстами совпадалъ съ предположеннымъ мною маршрутомъ, то я охотно купилъ эту книгу и началъ ознакомляться съ мѣстами, которыя мнѣ предстояло въ скоромъ времени посѣтить. Вечеромъ, когда я окончательно укладывался, мой слуга, кашмирецъ Рахмана, продолжавшій свои обязанности повара и въ домѣ Самадъ-шаха, сталъ выпрашивать у меня различныя вещи на память, обращая свое вниманіе, преимущественно, на одежду.

Здѣшніе проводники, слуги, комисіонеры и т. п. туземцы, избалованные легкимъ заработкомъ и подачками англичанъ, отличаются рѣдкой назойливостью. Рахмана уже на слѣдующій день по выѣздѣ изъ Барамули, подавая мнѣ завтракъ, освѣдомлялся, что я ему подарю при разставаніи съ нимъ, и тотчасъ же добавилъ для моего свѣдѣнія, что онъ предпочелъ бы получить что либо изъ одежды.

Я подарилъ ему нѣсколько ненужныхъ мнѣ мелкихъ вещей и выдалъ «сертификэйтъ», безъ котораго ни одинъ туземный слуга не разстанется съ европейцемъ.

8-го, въ день моего отъѣзда изъ Сринагара, уже съ ранняго утра слышны были за дверями моей комнаты голоса и шлепаніе туфель по каменнымъ ступенямъ лѣстницы, и когда я открылъ дверь, моя комната наполнилась туземцами, желавшими поглядѣть на мои сборы въ дорогу: здѣсь были родственники Самадъ-шаха, мои лодочники, туземцы, доставлявшіе мнѣ вьючныя приспособленія и обувь, и туземцы ничего мнѣ не доставлявшіе. Въ десятомъ часу утра я выгналъ изъ своей комнаты всю эту праздную толпу и отправился къ бабу Амернату съ прощальнымъ визитомъ. Не заставши его дома, я оставилъ ему визитную карточку. Въ третьемъ часу дня онъ навѣстилъ меня и вручилъ мнѣ небольшой листъ вощеной бумаги, на которомъ по-кашмирски было написано предписаніе ко всѣмъ попутнымъ туземнымъ властямъ Кашмира объ оказаніи мнѣ полнаго содѣйствія въ моемъ путешествіи. Передъ отъѣздомъ я разсчитался съ Самадъ-шахомъ. Счетъ оказался весьма внушительнымъ; удивительны оказались комисіонные, которые онъ назначилъ себѣ за свои труды и хлопоты по снаряженію меня въ дорогу: они составляли 5% всей суммы, уплаченной мною по счету. Хотя его хлопоты состояли исключительно изъ надоѣдливыхъ посѣщеній, назойливыхъ разспросовъ, тщательныхъ обереганій меня отъ вреднаго вліянія его торговаго соперника и разнаго рода обманныхъ продѣлокъ, тѣмъ не менѣе пришлось уплатить ему за свою неопытность въ обращеніи съ Сринагарскими купцами. Всѣ пріобрѣтенныя мною вещи я могъ

бы купить дешевле непосредственно у различныхъ туземныхъ торговцевъ, которые, доставляя мнѣ все необходимое при посредствѣ Самадъ-шаха и платя ему, безъ сомнѣнія, извѣстный процентъ, назначали, конечно, цѣны больше обыкновенныхъ. Такимъ образомъ, туристъ, незнакомый съ городомъ, съ мѣстной торговлей, съ цѣнами и съ Кашмирскими торгашами, дѣлается легкой добычей хитрыхъ купцовъ, выступающихъ въ роли услужливыхъ комисіонеровъ. Разсматривая съ этой точки зрѣнія дѣятельность канцеляріи британскаго резидента, приходится прійти къ заключенію, что все содѣйствіе, оказываемое ею туристамъ (быть можетъ лишь не-англичанамъ), выражается только въ томъ, что имъ не дѣлаютъ преднамѣренныхъ затрудненій.

Отъѣздъ изъ г. Сринагара.

8-го іюня, въ 5 часовъ пополудни, мой багажъ былъ нагруженъ въ донгу и я, въ сопровожденіи Разака, Рахмана и трехъ лодочниковъ, тронулся въ путь. На набережной у дома Самадъ-шаха собралась большая група знакомыхъ туземцевъ, глядѣвшихъ на наши сборы въ дорогу и провожавшихъ насъ добрыми пожеланіями. «Салямъ, саабъ! good bye, sir!» раздавались возгласы на смѣшанномъ англо-индустанскомъ нарѣчіи. Мы поплыли внизъ по рѣкѣ Джелюму въ сторону Барамули. Около 9 часовъ вечера поднялся сильный вѣтеръ, который заставилъ насъ остановиться и заночевать у берега.

Въ теченіе нѣсколькихъ дней своего пребыванія въ Сринагарской равнинѣ я замѣтилъ, что ежедневно послѣ захода солнца поднимался съ сѣверо-запада сильный вѣтеръ, продолжавшійся часовъ до 10 вечера и достигавшій иногда весьма значительной силы. Такъ какъ Сринагарская равнина представляетъ собой замкнутую горную котловину, то этимъ вѣтрамъ необходимо приписать мѣстное происхожденіе. Они зарождаются вѣроятно надъ озеромъ Вуларъ, являясь результатомъ неодинаковаго нагрѣванія большой водной площади озера и твердой поверхности окружающей его междугорной равнины. Сильно нагрѣтый воздухъ равнины достигаетъ къ вечеру наибольшей теплоты и разрѣженности и, поднимаясь вверхъ, вызываетъ съ менѣе нагрѣтой

поверхности озера теченіе болѣе холоднаго и плотнаго воздуха, стремящагося заполнить нижніе разрѣженные слои атмосферы. Ночью, когда равновѣсіе воздуха возстановляется путемъ болѣе сильнаго и быстраго охлажденія земли—вѣтеръ прекращается.

Въ долинѣ р. Синда.

9-го утромъ, на разсвѣтѣ, мы тронулись въ путь и вскорѣ, оставивши Джелюмъ, поплыли вверхъ по теченію р. Синда. Здѣсь, въ своемъ нижнемъ теченіи, при впаденіи въ р. Джелюмъ, Синдъ течетъ широкой, полноводной, спокойной рѣкой въ низкихъ травянистыхъ берегахъ; раскинувшаяся по сторонамъ рѣки равнина ничѣмъ неотличается отъ мѣстности, сопровождавшей раньше теченіе Джелюма. Въ это утро мнѣ пришлось случайно увидѣть оригинальный способъ рыбной ловли, практикуемый туземцами. Нѣсколько голыхъ кашмирцевъ стояли, широко разставивъ ноги, на узкихъ, плоскодонныхъ челнокахъ и длинными деревянными шестами, имѣвшими на своихъ концахъ металическія копья, били рыбу, выплывавшую близко къ поверхности воды. Челноки были такъ малы и незамѣтны, что казалось, будто эти голые человѣческія фигуры стояли на водѣ, отчетливо отражавшей ихъ на своей гладкой поверхности. Рѣка Синдъ.

Около 1-го часа дня мы подъѣхали къ селенію Гандербаля, состоящему изъ нѣсколькихъ десятковъ невзрачныхъ хижинъ, разбросанныхъ по берегу. Около селенія растутъ рощи великолѣпныхъ чинаровъ, придающихъ необыкновенно красивый видъ окружающему ландшафту. Чинары (Platanus Orientalis) достигаютъ здѣсь огромныхъ размѣровъ какъ въ вышину, такъ и въ толщину и своей густой листвой образуютъ большія тѣнистыя пространства, въ которыхъ укрываются отъ жгучаго южнаго солнца бѣлыя палатки туристовъ-англичанъ, пріѣзжающихъ сюда для охоты, рыбной ловли и отдыха на лонѣ природы. На берегу рѣки около селенія стояло нѣсколько большихъ, красивыхъ палатокъ какой то компаніи туристовъ, разбившей цѣлый

лагерь подъ тѣнью этихъ могучихъ деревьевъ. Здѣсь встрѣчаются чинары, имѣющіе, на высотѣ 4 футовъ отъ земли, толщину стволовъ отъ 25 до 30 ф. въ обхватѣ.

Я думалъ, что въ сел. Гандербаля намъ придется остаться до слѣдующаго утра, но Разака заявилъ, что лошади уже готовы и что сегодня мы легко можемъ доѣхать вверхъ по р. Синду до сел. Канганъ. Мы вошли въ нашей донгѣ въ узкій протокъ, отдѣляющійся отъ рѣки въ предѣлахъ селенія, и скоро увидѣли въ ближайшей рощѣ групу туземцевъ и лошадей. Это были люди и лошади моего будущаго каравана. Мы причалили къ берегу, выгрузили багажъ изъ донги и распредѣлили его между тремя вьючными лошадьми. Кромѣ нихъ, двѣ лошади предназначались подъ верхъ мнѣ и караванъ-башу Разакѣ. Лошади оказались маленькими, невзрачными и своимъ жалкимъ видомъ не внушали къ себѣ никакого довѣрія для горной ѣзды. Мнѣ достался какой то худой, кривой, косматый конь, на котораго я сначала не хотѣлъ даже садиться, но затѣмъ, узнавши отъ Разаки, что лучшихъ лошадей здѣсь не найти, приказалъ засѣдлать его своимъ англійскимъ сѣдломъ, купленнымъ мною въ Сринагарѣ за 12 рупій (около 8 рублей). Вьючныя сѣдла, поставляемыя здѣсь туземцами вмѣстѣ съ лошадьми, состоятъ, обыкновенно, изъ кучи тряпья и соломы, образующихъ на спинѣ лошади нѣчто въ родѣ большого плоскаго сѣдла, употребляемаго въ циркахъ наѣздниками. Къ этимъ сѣдламъ вещи прикрѣпляются весьма искусно крѣпкими волосяными веревками. Въ полчаса мой караванъ былъ готовъ. Съ нами шли пѣшкомъ: туземецъ, нанятый Разакой себѣ въ помощники и хозяева лошадей, которые вели наши вьюки и должны были вернуться обратно въ Гандербаль съ лошадьми.

Передъ выступленіемъ я разсчитался съ лодочниками и съ Рахманой. Съ первыми я раздѣлался легко, давши имъ бакшишъ сверхъ условленной платы, но съ Рахманой разсчитаться оказалось гораздо труднѣе. Недовольный полученнымъ бакшишомъ, онъ назойливо выпрашивалъ у меня прибавки, увѣряя, что всѣ ту-

ристы даютъ много больше, и далеко провожалъ меня, идя рядомъ съ моей лошадью. Я съ трудомъ отдѣлался отъ него.

Около 3-хъ часовъ дня мы тронулись. Слава Богу! Наконецъ то я во главѣ своего маленькаго каравана, медленно двигающагося среди полей и огородовъ Гандербаля къ горамъ, высоко вздымающимся за селеніемъ!

Жарко, солнце сильно припекаетъ, въ воздухѣ тихо, ни одинъ листъ не шевельнется на деревѣ. Впереди, наши пѣшіе туземцы гонятъ вьючныхъ лошадей, поминутно останавливающихся, чтобы пощипать траву или обгрызать сочную листву на придорожныхъ кустарникахъ. Мы съ Разакой ѣдемъ сзади и разговариваемъ. Онъ знакомитъ меня съ характеромъ предстоящей намъ дороги, съ бытомъ туземцевъ и сообщаетъ мнѣ различныя интересующія меня свѣдѣнія. Онъ говоритъ сносно по-англійски и мы не встрѣчаемъ въ разговорѣ никакихъ затрудненій.

Проѣхавши селеніе, мы оказались среди обширныхъ, рисовыхъ полей, затопленныхъ водой и раскинувшихся до горъ на протяженіи нѣсколькихъ верстъ. Дорогой здѣсь служитъ широкая, но мало разработанная тропа, мѣстами далеко отступающая отъ р. Синда. За селеніемъ мы обогнали небольшой тибетскій караванъ, слѣдовавшій на вьючныхъ якахъ въ сел. Драсъ. Сопровождавшіе караванъ тибетцы Ладака были небольшого роста коренастые туземцы съ лицами монгольскаго типа; на нихъ были одѣты длинные темно-сѣраго цвѣта армяки, сдѣланные изъ грубаго сукна, но не было ни штановъ, ни обуви. Ихъ бритыя головы были покрыты небольшими суконными шапочками чернаго цвѣта, съ загнутыми къ верху полями. Тибетцы шли пѣшкомъ и длинными хворостинами лѣниво подгоняли медлительныхъ яковъ. Яками называется крупный рогатый скотъ особой породы, живущій исключительно на высокихъ нагорьяхъ Центральной Азіи, къ разрѣженному воздуху которыхъ онъ приспособленъ отъ природы. Яки размножаются лишь на высотахъ не ниже 9—10.000 ф. надъ ур. моря. Якъ напоминаетъ своимъ общимъ видомъ отчасти буйвола, а отчасти корову; онъ несетъ голову низко надъ землей,

Тибетскій караванъ.

имѣетъ прямые рога и покрытъ густой шерстью, которая свѣшивается длинными пучками на брюхѣ и верхнихъ частяхъ ногъ, но въ прочихъ мѣстахъ коротка; хвостъ яка оканчивается длинной метелкой волосъ, составляющей по длинѣ болѣе половины хвоста. Яки имѣютъ почти исключительно темную, черную шерсть и другихъ мастей встрѣчаются весьма рѣдко. Они чрезвычайно медлительны въ своихъ движеніяхъ, довольно лѣнивы и упрямы, но, привыкшіе къ разрѣженному воздуху большихъ высотъ и къ ходьбѣ по труднымъ горнымъ тропинкамъ, незамѣнимы въ горахъ въ качествѣ вьючныхъ животныхъ.

Въ горахъ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сел. Гандербаля дорога вступаетъ въ горы; здѣсь р. Синдъ имѣетъ уже характеръ горной рѣки и ея русло покрыто во многихъ мѣстахъ крупными валунами, о которые съ шумомъ разбиваются быстрыя волны. Тропа подходитъ лѣвымъ берегомъ къ рѣкѣ, перебѣгаетъ по двумъ деревяннымъ мостамъ черезъ два неширокіе рукава Синда и, круто повернувши къ востоку, направляется правымъ берегомъ вверхъ по долинѣ.

Долина р. Синда имѣетъ, въ общемъ, направленіе съ запада на востокъ, гдѣ она начинается у истоковъ рѣки подъ перевалomъ Зоджи-ля, ведущимъ изъ Кашмира въ Ладакъ. Въ своей нижней части, близъ выхода изъ горъ, она имѣетъ ширину отъ $\frac{1}{2}$ до $1\frac{1}{2}$ версты и ограничена по сторонамъ невысокими горами съ сравнительно пологими скатами. Характеръ горнаго ландшафта точно такой же, какъ и по долинѣ р. Джелюма къ западу отъ Барамули; такъ же хороши здѣсь дѣвственные лѣса, мѣстами сплошь покрывающіе окрестныя горы и такъ же богатъ здѣсь травянистый покровъ, одѣвающій ихъ склоны. Дно долины покрыто во многихъ мѣстахъ рисовыми полями и лишь кое-гдѣ прибрежная рѣчная галька залегаетъ неширокими полосами по обѣ стороны рѣки. Тропа идетъ вдоль рѣки, то удаляясь, то приближаясь къ ней, и часто скрывается въ густой тѣни великолѣпныхъ рощъ, разбросанныхъ по дну и по бокамъ долины.

Моя донга на р. Джелюмѣ.

Ущелье р. Синда.

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ Кадетская лин. №
Провиз. И. Каминскій

Намъ часто приходилось въ этотъ день пересѣкать по ветхимъ деревяннымъ мостикамъ быстрые горные ручьи, бѣгущіе съ окрестныхъ горъ въ р. Синдъ. Наибольшій изъ нихъ—ручей Канкнаи, вблизи селенія Канганъ; черезъ него перекинуты два короткихъ, но высокихъ деревянныхъ моста; ручей течетъ въ довольно большой боковой долинѣ, при впаденіи которой въ долину р. Синда находятся обширныя рисовыя поля. Нѣсколько выше устья, въ долинѣ Канкнайскаго ручья, стоитъ охотничій домикъ Кашмирскаго магараджи.

Мой верховой «пони», какъ зовутъ здѣсь по англійскому обычаю лошадей, оказался весьма неудобнымъ для путешествія: пугался каждаго камня и бревна, встрѣчавшихся на дорогѣ, и, поминутно шарахаясь въ сторону, не давалъ мнѣ возможности слѣдить за насѣкомыми и растеніями, которыя я собиралъ по пути. Проѣхавши нѣкоторое время верхомъ, я слѣзъ съ него, оставилъ его съ вьючными лошадьми и пошелъ пѣшкомъ по тропѣ. Къ вечеру жара спала, на небѣ съ разныхъ сторонъ собирались тучи, грозя дождемъ, но къ заходу солнца разбѣжались, очистивши небосклонъ.

Около сел. Канганъ прибрежная галечная полоса праваго берега широко расползлась, покрывши все дно долины.

Въ 6 час. вечера мы прибыли въ это Кашмирское селеніе, проѣхавши 15 верстъ отъ Гандербаля, и рѣшили здѣсь заночевать. Нашъ бивакъ расположился въ небольшой рощѣ возлѣ селенія. Вблизи насъ находилась какая то невзрачная постройка, которую Разака называлъ дорожнымъ бунгалоу для путешественниковъ, но я предпочелъ провести ночь въ палаткѣ. Развьючили лошадей, разбили палатки, разложились, заварили пищу и чай. Разака исполнялъ обязанности повара и приготовлялъ мнѣ все тѣ же англо-индійскія кушанья, которыя такъ надоѣли мнѣ еще по пути въ Сринагаръ. Послѣ ужина я разбиралъ свой гербарій и записывалъ впечатлѣнія прожитаго дня въ свой походный дневникъ. Высота селенія Канганъ — около 5.900 ф. надъ ур. моря. Вечеръ былъ теплый, но вѣтряный; сѣверо-западный вѣтеръ

Сел. Канганъ.

сильно подулъ послѣ захода солнца, но утихъ къ ночи. Въ 8 час. вечера термометръ показывалъ + 21,0° Ц. на воздухѣ.

Наступила темная и теплая ночь. Нашъ бивакъ мало по малу успокоился, мои туземцы, наболтавшись съ жителями селенія, пришедшими поглядѣть на насъ, разбрелись въ разныя стороны и затихли, лошади, съѣвши ячмень, стояли привязанныя къ деревьямъ, понуро опустивъ головы, костеръ догоралъ, изрѣдка вспыхивая краснымъ огонькомъ, бросавшимъ слабый отблескъ на мою палатку и на неподвижныя фигуры лошадей. Кругомъ было тихо; лишь гдѣ то въ кустахъ однообразно трещалъ неутомимый сверчокъ, да быстрый Синдъ гудѣлъ, стремительно неся свои пѣнистыя воды.

Утро 10-го іюня было чрезвычайно теплое: въ 6 ч. термометръ показывалъ + 14,8° Ц.

За Канганомъ характеръ долины оставался въ общемъ тотъ же, что и вчера, но рѣка становилась уже, паденіе ея все увеличивалось, а теченіе дѣлалось болѣе быстрымъ и бурнымъ. Здѣсь явственно обнаруживается различный характеръ горныхъ скатовъ, ограничивающихъ долину: сѣверные, праваго берега, имѣютъ почти исключительно луговой характеръ и лишь мѣстами покрыты невысокимъ и рѣдкимъ кустарникомъ, южные же, лѣваго берега, сплошь покрыты дремучими лѣсами, внизу—лиственными, выше — мѣшанными, и хвойными — на вершинахъ. Такой характеръ горныхъ скатовъ сохраняется на всемъ протяженіи до истоковъ р. Синда у перевала Зоджи-ля.

До Сонмарка. За сел. Канганъ травянистый покровъ на днѣ долины сдѣлался рѣже. До сел. Ризамъ дорога слѣдуетъ среди многочисленныхъ рощъ, растущихъ вдоль праваго берега р. Синда и укрывающихъ путника отъ горячихъ лучей Кашмирскаго солнца. Мы проѣхали небольшія селенія Серванъ и Гундъ, совершенно скрытыя въ тѣни деревьевъ и окруженныя небольшими рисовыми полями. Поля орошаются здѣсь проведенными изъ рѣки канавами. Избы туземцевъ сложены изъ крупной гальки, въ изобиліи встрѣчающейся по берегамъ р. Синда.

Около 11 ч. у. мы добрались до селенія Ревиль, расположеннаго на высотѣ 7.100 ф. надъ ур. моря, и сдѣлали здѣсь привалъ до 1 ч. дня. На пути отъ Ревиля до сел. Ризамъ мы встрѣтили небольшое селеніе Кулянъ, у котораго тропа перебѣгаетъ по деревянному мосту на лѣвый берегъ рѣки; въ 5 верстахъ отъ этого мѣста, у сел. Ризамъ, она опять возвращается по такому же мосту на правый берегъ. У этого селенія мы видѣли послѣднія рисовыя поля Кашмира. Далѣе характеръ дороги и ближайшихъ ея окрестностей нѣсколько измѣняется. Долина съуживается, горные скаты становятся круче и при своемъ основаніи—болѣе каменисты. Тропа то подымается на каменистые увалы, перегораживающіе долину, то спускается съ нихъ, то вьется по карнизу надъ рѣкой, принимающей здѣсь характеръ бурнаго потока. Мѣстами надъ дорогой возвышаются высокой стѣной голыя скалы, придающія мѣстности суровый характеръ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сел. Сонмаркъ, на горныхъ скатахъ лѣваго берега начинаютъ попадаться большія снѣжныя полосы, спускающіяся въ долину и лишь на нѣсколько футовъ не достигающія до р. Синда. Ихъ нижніе края не спускаются ниже 8.000 ф. надъ ур. моря. Вѣроятно, къ концу іюля и къ августу эти снѣга стаиваютъ совершенно.

Чѣмъ дальше, тѣмъ ущелье становится все уже и уже и наконецъ ограничивается лишь берегами рѣки; тропа вьется по невысокому, но узкому карнизу; возлѣ Сонмарка ущелье сразу расширяется, затѣмъ опять съуживается на мгновеніе у группы жалкихъ хижинъ, образующихъ небольшой выселокъ, и, повернувши къ ю.-в., превращается въ обширную долину.

Птицы долины рѣки Синда.

Лѣса, рощи и луга долины рѣки Синда даютъ пріютъ многочисленнымъ пернатымъ, оживляющимъ ихъ своимъ пѣніемъ, чириканіемъ и порханіемъ.

Изъ хищныхъ здѣсь встрѣчаются *ягнятникъ бородатый* (Gypaetus barbatus), изъ лазящихъ—*дятелъ* (Picus himalayanus), *кукушка* (Cuculus canorus), *пищуха-сверчокъ* (Certhia familiaris),

стѣнолазъ краснокрылый (Tichodroma muraria) и *поползень* (Sitta leucopsis).

Кукушку я слышалъ на всемъ нашемъ пути по долинѣ до перевала Зоджи-ля; стѣнолазъ встрѣчается только въ скалистыхъ мѣстахъ между селеніями Ризамъ и Сонмаркомъ.

Изъ голубиныхъ я встрѣтилъ только *горлицу* (Turtur vitticollis), попадавшуюся стайками, преимущественно на шелковичныхъ деревьяхъ, ягоды которыхъ составляютъ ихъ лакомое блюдо. Изъ голенастыхъ — *песочника* (Actitis hypoleucus), изъ плавающихъ — *лысуху черную* (Fulica atra), встрѣчавшихся повсемѣстно около воды или на водѣ. Изъ воробьиныхъ, которыя встрѣчались чаще другихъ семействъ, здѣсь можно видѣть: возлѣ селеній — *ласточку деревенскую* (Hirundo rustica), *галку* (Colaeus monedula), *ворону* (Corvus intermedius) и *воробья* (Passer indicus), надъ водой въ кустахъ — *зимородка* (Alcedo bengalensis), на лугахъ — *удода* (Upupa epops), *стренатку луговую* (Emberiza cia) и *жаворонка лугового* (Calandrella brachydactyla), въ рощахъ — *иволгу* (Oriolus kundoo), *синицу* (Parus cinereus), *мухолова* (Tschitrea paradisi), *снѣгиря* (Carpodacus erythrinus и Pyrrhula aurantica) и *чеканчика чернохвостаго* (Pratincola rubicola), на водѣ — *оляпку* (Hydrobata cashmiriensis), на поляхъ — *клушицу* (Fregilus graculus) и *скворца чернаго* (Sturnus nitens) и на открытыхъ мѣстахъ при выходѣ рѣки изъ горъ — *сивоворонку* (Corocias garrula).

Сел. Сонмаркъ.

Уже солнце сѣло за горы, когда мы подъѣхали къ сел. Сонмаркъ (Сонамаргъ), гдѣ назначенъ былъ нашъ ночлегъ.

Селеніе расположено на высотѣ 8.900 ф. надъ ур. моря, среди травянистой долины, на лѣвомъ берегу р. Синда. Оно состоитъ изъ нѣсколькихъ кривыхъ, полуразвалившихся домиковъ, сложенныхъ частью изъ бревенъ, частью изъ гальки и имѣющихъ видъ заброшенныхъ развалинъ. Жители—Кашмирцы—живутъ почти исключительно скотоводствомъ, хотя занимаются и земледѣліемъ, воздѣлывая ячмень на нѣсколькихъ пашняхъ, разбросанныхъ по долинѣ. Сонмаркъ окруженъ высокими горами,

переходящими за линію вѣчныхъ снѣговъ и придающими этой долинѣ весьма величественный характеръ. Особенно привлекаетъ вниманіе туриста высокая снѣговая гора, вздымающаяся на продолженіи долины и какъ бы замыкающая ее. Когда солнце уже зашло за окрестныя горы и долина погружалась въ сумерки, на снѣжной вершинѣ этого великана игралъ еще розовымъ отблескомъ послѣдній лучъ заходящаго свѣтила.

Въ этотъ день я встрѣтилъ въ пути нѣсколькихъ англійскихъ туристовъ, возвращавшихся въ Сринагаръ. Нѣкоторые изъ нихъ ѣздятъ любоваться природой, но большинство привлекаетъ сюда охота на различныхъ звѣрей, въ изобиліи водящихся въ дремучихъ лѣсахъ Кашмира.

Съ заходомъ солнца высота ночлега сказалась немедленно. Воздухъ быстро похолодѣлъ, вынудивъ меня одѣть мѣховую куртку и подсѣсть поближе къ ярко пылавшему костру, разведенному среди нашего лагеря азіатами. Ночь простояла весьма свѣжая и къ 6 часамъ утра термометръ упалъ до + 5° Ц.

Флора долины р. Синда отличается не только густотой растительнаго покрова, но, повидимому, и разнообразіемъ видовъ. Флора долины рѣки Синда.

Изъ *древесныхъ* породъ я замѣтилъ здѣсь *тополь* (Populus sp., P. nigra и P. alba), *осину* (Populus tremula), *иву* (Salix sp.), *дикую яблоню* (Pyrus Malus), *дикую грушу* (Pyrus communis), *бузину* (Sambucus nigra), *кленъ* (Acer caesium), *чинаръ* (Platanus orientalis), *дикій абрикосъ* (Armeniaca vulgaris), *шелковицу* (Morus nigra), *ясень* (Fraxinus sp.), *каштанъ* (Castanea vesca) и на высокихъ мѣстахъ горныхъ склоновъ — *березу* (Betula alba), *сосну* (Pinus silvestris) и *пихту* (Abies sp.); изъ *кустарниковъ*— *ломонос*ъ (Clematis orientalis), *жимолость* (Lonicera Caprifolium), *шиповникъ* (Rosa sp.), *боярышникъ* (Crataegus sp.), Desmodium tiliaefolium, *кизильникъ* (Cotoneaster nummularia), *тимьянъ* (Thymus Serpyllum), *барбарисъ* (Bèrberis umbellata), *мирикарію* (Myricaria germanica) и *облѣпиху* (Hippophaë rhamnoides); изъ *травянистыхъ* растеній: *сумочникъ* (Capsella Bursa pastoris), Erysi-

mum sp., *рѣдьку* (Raphanus sp.), *мыкеръ* (Polygonum sp.), *клубнику* (Fragaria elatior), *проломникъ* (Androsace rotundifolia и A. Aizoon), Anagallis arvensis, *дурманъ* (Datura stramonium), *белену* (Hyoscyamus niger), *клеверъ* (Trifolium pratense), *лядвенецъ* (Lotus corniculatus), *чину* (Lathyrus tuberosus), *медунку* (Medicago lupulina), *одуванчикъ* (Taraxacum officinale), *тысячелистникъ* (Achillea Millefolium), *чернобыльникъ* (Artemisia vulgaris), *салатъ* (Lactuca Dissecta), *мелколепестникъ* (Erigeron acris), *кошачью лапку* (Artennaria contorta), *мать- и -мачиху* (Tussilago Farfara), *осоту* (Sonchus oleraceus), *повилику* (Cuscuta planiflora), *вьюнокъ* (Convolvulus arvensis), *змѣеголовникъ* (Drococephalum nutans), *душицу* (Origonum vulgare), *глухую крапиву* (Lamium album), *василистникъ* (Thalictrum minus), *вѣтреницу* (Anemone narcissiflora, A. obtusilobe, A. rupicola и A. tertasepala), *лютикъ* (Ranunculus sp.), *водосборъ* (Aquilegia kunawarensis), *живокость* (Delphinium sp.), *желтоцвѣтъ* (Adonis vilosa и A. chrysocyathus), *подорожникъ* (Plantago lanceolata), *молочай* (Euphorbia sp.), *звѣробой* (Hypericum perforatum), *просвирнякъ* (Malva rotundifolia), *недотрогу* (Impatiens laxiflora), Nephrodium odontoloma, Ferula Iaeschkeana, Prangos pabularia, *синюху* (Polemonium coeruleum), *ворсянку* (Dipsacus inermis), *подмаренникъ* (Galium verum) и *чернокорень* (Cynoglossum sp.).

Около Сонмарка, на высотѣ 8.000 ф. надъ ур. моря, характеръ растительности нѣсколько измѣняется: лиственныя деревья начинаютъ исчезать (Platanus orientalis исчезъ уже около Кангана, 6.000 ф. надъ ур. м.) и на высотѣ этого селенія (около 9.000 ф.) остаются лишь Acer caesium, Populus tremula и Betula alba; послѣдняя встрѣчается здѣсь даже чаще, чѣмъ раньше. Исчезаетъ также и большая часть кустарниковъ, кромѣ Clematis orientalis, Rosa sp., Myricaria germanica и Hippophaë rhamnoides. Травянистый покровъ становится гуще и пестрѣе.

Къ перевалу. 11-го іюня мы пошли къ востоку по широкой, травянистой долинѣ, замыкавшейся высокими снѣговыми горами. Скаты горъ, расположенныхъ къ югу, покрыты здѣсь большими хвойными

лѣсами, среди которыхъ рѣзко выдѣляются красивыя, стройныя пихты, разбросанныя отдѣльными экземплярами. Противоположные скаты—безлѣсны, но покрыты обширными лугами. Пройдя нѣсколько верстъ по долинѣ, мы остановились въ небольшой рощѣ, чтобы перемѣнить мою верховую лошадь на другую, за которой Разака послалъ своего помощника Хабибу въ одно изъ окрестныхъ селеній; такая замѣна являлась необходимой, потому что мой слабый конь, утомленный къ тому же трехдневнымъ движеніемъ, едва ли могъ бы поднять меня на перевалъ Зоджи-ля, къ которому мы приближались. Приведенная мнѣ лошадь оказалась еще меньше и худѣе первой, но, будучи свѣжей, подавала надежды на болѣе успѣшный подъемъ на перевалъ.

На пути отъ Сринагара до Лея сельскіе жители, по особому распоряженію Кашмирскаго правительства, обязаны поставлять путешественникамъ верховыхъ и вьючныхъ лошадей за особо утвержденную плату. Все разстояніе между этими пунктами раздѣлено на 15 переходовъ, по селеніямъ, гдѣ производится перемѣна лошадей, а вмѣстѣ съ ними и людей, слѣдующихъ со своими животными. За каждый переходъ уплачивается по одной рупіи (64 коп.) за верховую и по полъ рупіи за вьючную лошадь; между верховыми и вьючными лошадьми здѣсь нѣтъ рѣшительно никакой разницы и одна и та же лошадь иногда часть пути идетъ въ качествѣ верховой, а часть—въ качествѣ вьючной лошади. Если хозяева лошадей изъявятъ согласіе, то однѣ и тѣ же лошади могутъ идти въ караванѣ путешественника болѣе одного перехода въ день и даже нѣсколько дней подъ рядъ, но расчетъ за нихъ производится все же по утвержденнымъ правительствомъ переходамъ. Если же туземцы не хотятъ идти далѣе одного перехода, то туристъ не имѣетъ права настаивать на ихъ дальнѣйшемъ движеніи и перемѣна лошадей производится обязательно. Вьючныя лошади, взятыя мною въ Гандербалѣ, слѣдовали съ нами дальше, за перевалъ Зоджи-ля, а мой верховой конь, замѣненный новымъ, былъ отправленъ въ ближайшее се-

леніе, куда за нимъ должны были завернуть мои Гандербальскіе туземцы на обратномъ пути домой.

Верстахъ въ 12 отъ сел. Сонмарка долина Синда замыкается горами, черезъ которыя рѣка пробила себѣ путь, стремительно несясь въ чрезвычайно узкой, глубокой трещинѣ. Тропа, перебѣжавшая за селеніемъ на правый берегъ рѣки, покидаетъ здѣсь ея теченіе и, повернувши налѣво, круто взбирается на горы, сжимающія рѣку съ сѣверной стороны. Это—начало подъема на перевалъ Зоджи-ля. У выхода р. Синда изъ трещины, возлѣ горнаго ската, разбросано нѣсколько каменныхъ избушекъ, составляющихъ маленькій выселокъ Балталь. Десятка два туземцевъ живутъ здѣсь по распоряженію Кашмирскихъ властей въ зимнее время года для содѣйствія караванамъ, поддерживающимъ торговыя сношенія Сринагара съ Тибетомъ. Подъемъ на перевалъ въ своей первой половинѣ весьма затруднителенъ; узкая, неразработанная тропа вьется среди скалъ, осыпей и чрезвычайно крута; мѣстами она слѣдуетъ по краю возвышенности надъ отвѣсными скатами, спускающимися въ долину, заставляя людей вести вьючныхъ животныхъ въ поводу и осторожно выбирать дорогу. Особенно опасно здѣсь одно мѣсто, гдѣ тропа идетъ между скалами съ одной стороны и глубокимъ, въ нѣсколько сотъ футовъ глубины, обрывомъ—съ другой. Гандербальскіе туземцы говорили мнѣ, что на дняхъ въ этомъ мѣстѣ караванъ, шедшій изъ Кашмира въ Ладакъ, потерялъ двухъ лошадей, свалившихся въ пропасть. Я заглянулъ за край обрыва и увидѣлъ далеко внизу, на днѣ ущелья, конскій трупъ, надъ которымъ кружились пернатые хищники. Моя новая лошадь оказалась еще хуже прежней: слабая и лѣнивая; мнѣ пришлось слѣзть съ нея и подыматься пѣшкомъ по каменистой тропѣ. Чѣмъ выше мы подымались, тѣмъ бѣднѣе становилась древесная и кустарная растительность: лѣсъ рѣдѣлъ, кусты становились ниже, горные скаты обнажились отъ покрывавшаго ихъ недавно густого хвойнаго лѣса. Послѣ утомительнаго двухчасового подъема, мы вышли на маленькую горную площадку, на которой возвышался

Перевалъ Зоджи-ля.

Мой караванъ поднимается на перевалъ Зоджи-ля.

Тибетскій караванъ на перевалѣ Зоджи-ля.

Фототипія В. Клосонъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Пресмя Н. Каминскій

небольшой холмъ, сложенный изъ камней; въ камни было воткнуто нѣсколько жердей съ развѣвающимися на нихъ лоскутами бѣлой матеріи. Это—тибетское «обо», дорожный памятникъ Божеству, мѣсто, гдѣ путники возносятъ Богу свои благодарственныя молитвы за удачный подъемъ и молятъ объ удачѣ въ дальнѣйшемъ путешествіи. Замѣчательно то, что этотъ чисто тибетскій, будійскій обычай воздвигать «обо» въ честь Божества и горныхъ духовъ, обычай, замѣчаемый почти повсемѣстно въ Тибетѣ, наблюдается и здѣсь, гдѣ будизмъ уже давно вытѣсненъ мусульманствомъ, распространившимъ свое вліяніе и на западную половину Ладака. Около «обо» мы повстрѣчались съ караваномъ Ладакцевъ, слѣдовавшихъ на якахъ изъ сел. Каргиль въ Сринагаръ.

Растительность верхней долины р. Синда, выше сел. Сонмарка до перевала, сохраняетъ тотъ же характеръ, который она пріобрѣтаетъ у этого селенія: отсутствіе древесныхъ лиственныхъ породъ, рѣдкій кустарникъ и богатый травянистый покровъ.

На горныхъ скатахъ лѣса состоятъ изъ *сосны* (Pinus silvestris), *пихты* (Abies sp.) и *березы* (Betula alba); вдоль рѣки встрѣчаются кое-гдѣ небольшія заросли *ломоноса* (Clematis orientalis), *шиповника* (Rosa sp.) и *мирикаріи* (Myricaria germanica); травянистая растительность, въ дополненіе къ раньше встрѣчавшимся видамъ, разнообразится здѣсь нѣкоторыми альпійскими, изъ которыхъ я замѣтилъ слѣдующіе: *подснѣжникъ* (Leontopodium alpinum), *щавель* (Rumex sp.), *вероника* (Veronica Aragallis), *водосборъ* (Aquilegia vulgaris), *звѣздчатка* (Stellaria crispata), *астрагалъ* (Astragalus multiceps), *касатикъ* (Iris Kumaonensis) и *первоцвѣтъ* (Primula sp. pusilla?). Чаще, чѣмъ прежде, стали попадаться Taraxacum officinale, Tussilago Farfara, Ranunculus sp., Thalictrum minus, за то Medicago lupulina и Adonis я не встрѣчалъ уже до перевала. Чѣмъ больше мы приближались къ вершинѣ перевала, тѣмъ бѣднѣе становился и травянистый покровъ; на самой вершинѣ растительность совершенно оскудѣла и измельчала; лишь рѣдкая трава, да разные мхи едва прикрывали каменистую почву.

Отъ «обо» велъ короткій, но крутой спускъ къ руслу р. Синда, къ тому мѣсту, гдѣ рѣка входитъ въ узкое ущелье, которое мы только что обошли. Здѣсь Синдъ былъ покрытъ сплошной ледяной корой на протяженіи одной версты и мы не только не видѣли рѣчной воды, но даже не было слышно ея теченія. Ледяная кора, покрытая большой толщей плотнаго, слежавшагося снѣга, служитъ естественнымъ сводомъ, по которому слѣдуютъ караваны вверхъ по рѣкѣ къ перевалу. Эта ледяная броня не стаиваетъ въ теченіе всего лѣта; огромное скопленіе снѣга именно въ этомъ мѣстѣ объясняется чисто топографическими условіями мѣстности: русло рѣки имѣетъ довольно пологій подъемъ къ перевалу, съ котораго сильные восточные вѣтры сдуваютъ снѣгъ внизъ по рѣкѣ и нагромождаютъ его у входа рѣки въ узкое ущелье; здѣсь снѣгъ задерживается, какъ съуженіемъ рѣчной долины, такъ и высокими боковыми возвышенностями, образующими съуженіе и загораживающими доступъ вѣтрамъ внизъ по теченію р. Синда. Въ зимнее время ледяной корой покрывается и та часть рѣчного русла, которая пролегаетъ въ узкомъ ущельи, а потому караваны предпочитаютъ идти отъ перевала почти до сел. Балталь по ледяному своду, чѣмъ переваливать по глубокому снѣгу ту боковую возвышенность, которую вѣнчаетъ тибетское «обо». Въ разстояніи примѣрно версты отъ входа рѣки въ ущелье ледяной сводъ надъ ея русломъ кончается и рѣка обнаруживается неширокимъ и мелкимъ ручьемъ; здѣсь мы оставили ее вправо и пошли вверхъ по ея маленькому притоку. Рѣка Синдъ имѣетъ свои истоки вблизи этого мѣста у групы небольшихъ висячихъ ледниковъ, залегающихъ немного южнѣе перевала и въ нѣсколькихъ саженяхъ отъ тропы низвергается невысокимъ водопадомъ, шумъ котораго оживляетъ этотъ глухой уголокъ горной природы.

Ручей, вверхъ по которому мы поднимались, привелъ насъ къ небольшому озеру, залегавшему на днѣ маленькой котловины, бока которой были покрыты длинными полосами нестаявшаго снѣга: многочисленные ручьи, бѣжавшіе отъ нихъ, питали это

маленькое озеро, воды котораго стекали къ р. Синду. Въ нѣсколькихъ стахъ шагахъ отъ озера мы перевалили черезъ пологій, едва замѣтный, покрытый снѣгомъ увалъ, обставленный высокими снѣговыми возвышенностями. За этимъ уваломъ снѣговые ручьи, бѣжавшіе отъ снѣжныхъ полосъ, покрывавшихъ окрестные скаты, направлялись уже къ востоку, слѣдовательно, мы находились на водораздѣлѣ, отдѣлявшемъ истоки р. Синда отъ истоковъ р. Драса, текущей отсюда въ Ладакъ. Этотъ водораздѣлъ и есть перевалъ Зоджи-ля, ведущій изъ Кашмира въ Тибетъ. Высота его около 11.300 ф. надъ ур. моря. Несмотря на свою сравнительно небольшую абсолютную высоту, онъ считается однимъ изъ наиболѣе трудныхъ и опасныхъ переваловъ вслѣдствіе обилія снѣга, покрывающаго его бо́льшую часть года.

Перевалъ Зоджи-ля составляетъ рѣзкую границу древесной растительности, почти совершенно исчезающей къ востоку отъ него. Мнѣ никогда и нигдѣ не приходилось наблюдать такого быстраго исчезновенія древесныхъ породъ, какъ здѣсь, на географической границѣ Кашмира съ Ладакомъ. Уже за возвышенностью, на которой находится «обо», встрѣчается одна лишь береза, растущая здѣсь невысокимъ деревомъ, съ рѣдкой листвой, а за переваломъ она превращается въ низкій и корявый кустарникъ (Betula Bhojputra).

Я зналъ, что горы восточнѣе перевала совершенно безлѣсны, а потому, находясь у «обо», съ особеннымъ удовольствіемъ бросилъ послѣдній взглядъ на западъ, гдѣ богатая древесная растительность покрывала горные скаты до линіи вѣчнаго снѣга. Прощайте роскошные, дѣвственные лѣса Кашмира, прощайте тѣнистыя рощи береговъ р. Синда, дарившія намъ прохладу въ жаркіе часы дня и веселившія нашъ взоръ своей свѣжей, сочной листвой! Намъ не видать уже васъ на всемъ своемъ длинномъ пути къ востоку и сѣверу, гдѣ на обширномъ, необъятномъ пространствѣ залегаютъ унылыя, сѣрыя горы, голые бока которыхъ накаляются подъ жгучими лучами горячаго солнца!

Ладакъ.

Въ долинѣ р. Драса.

Верхняя долина р. Драса.

Спускъ съ перевала Зоджи-ля—постепенный и не крутой. Тропа слѣдуетъ по правому берегу р. Драса. Когда мы проходили здѣсь, то вокругъ насъ лежало еще большое количество снѣга. Огромными толщами онъ залегалъ въ боковыхъ лощинахъ, а мѣстами окаймлялъ берега рѣки, несущей свои воды среди снѣговыхъ стѣнъ, достигающихъ болѣе 3 саженей высоты. Въ такихъ мѣстахъ тропа идетъ по снѣгу, сильно разрыхленному на поверхности отъ стаиванія на солнцѣ и затрудняющему движеніе каравана. Чѣмъ ниже по рѣкѣ, тѣмъ снѣга видно меньше, тѣмъ полноводнѣе дѣлается рѣка и тѣмъ шире становится ея травянистая долина. Верстахъ въ 10 отъ перевала послѣдняя достигаетъ ширины до $1\frac{1}{2}$ верстъ и покрыта великолѣпными пастбищами. Большія отары овецъ и табуны лошадей паслись и бродили здѣсь на привольи. Производительная сила земли, казалось, дѣлала здѣсь свое послѣднее напряженіе въ созданіи растительнаго покрова, чтобы уже далѣе надолго заглохнуть въ безжизненныхъ горахъ Ладака.

Справа, къ югу, мѣстами вздымаются высокія, снѣговыя горы, красиво выдѣляющіяся своими бѣлыми вершинами на темно-голубомъ небосклонѣ. Особенно красива одна снѣговая група, главная вершина которой достигаетъ 18.000 ф. надъ ур. моря; отъ нея сползаетъ въ долину р. Драса мощный и красивый ледникъ Моцехой (или Мечой), спускающійся своимъ нижнимъ кон-

Видъ на Кашмирскія горы съ перевала Зоджи-ля.

Ледникъ Моцехой въ верховьи р. Драса.

Фототипія В. Клосонъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Пресмы Н. Каминскій.

немъ до высоты 10.800 ф. Другая снѣговая група, расположенная въ нѣкоторомъ разстояніи отъ первой по ту же сторону рѣки, питаетъ нѣсколько небольшихъ ледниковъ, около которыхъ въ это время года можно встрѣтить много туровъ (горныхъ козловъ), обитающихъ среди скалъ и горныхъ осыпей.

По пути мы часто встрѣчали туземные караваны на якахъ, медленно подвигавшіеся вверхъ по рѣкѣ.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ сел. Матіюнъ тропа немного удаляется отъ рѣки къ окраиннымъ горамъ и до самаго селенія идетъ по дну травянистой долины. Въ ближайшихъ окрестностяхъ селенія уже начинаютъ попадаться голые скаты и галечныя пространства вдоль рѣки, напоминающіе путнику о близкомъ безплодіи горъ.

Мой маленькій конь, ослабѣвшій при подъемѣ на перевалъ, въ долинѣ р. Драса нѣсколько оправился и бодро шагалъ подо мной; но недалеко отъ сел. Матіюнъ онъ нѣсколько разъ останавливался, какъ бы приглашая меня слѣзть и облегчить его спину, а затѣмъ легъ на землю, совершенно отказываясь везти меня далѣе. Пришлось идти пѣшкомъ до ночлега.

Въ восьмомъ часу вечера мы прибыли въ сел. Матіюнъ, находящееся на высотѣ 10.200 ф. надъ ур. моря, и расположились возлѣ него лагеремъ. Вечеръ былъ свѣжій (въ 8 ч. веч. +12,0° Ц.), но было теплѣе и суше, чѣмъ въ Сонмаркѣ. Сел. Матіюнъ.

12-го іюня въ 6 ч. у. термометръ показывалъ + 5,0° Ц. Передъ выступленіемъ изъ Матіюна я перемѣнилъ свою верховую лошадь на новую, которая, оказавшись хорошей въ ѣздѣ, отличалась одной весьма неудобной для путешествія особенностью: не позволяла подходить къ себѣ и не давала на себя садиться. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что съ верховыми лошадьми мнѣ до сихъ поръ не везло.

Вскорѣ за селеніемъ долина съуживается, растительность дѣлается бѣднѣе, скалы и осыпи все чаще и чаще встрѣчаются по берегамъ рѣки и общій характеръ горъ становится все болѣе пустыннымъ. Мѣстами обнаженные скаты даютъ возможность

легко наблюдать строеніе горъ, слагающихся здѣсь исключительно изъ гранитовъ и гнейсовъ. Гигантскіе пласты послѣднихъ имѣютъ наклонъ подъ весьма острымъ угломъ въ наружную сторону долины, образуя открытую складку; ихъ верхнія части обнажены, но нижнія прикрыты мощными толщами конгломератовъ или длинными желтыми осыпями. Такой характеръ окрестныя горы сохраняютъ на большомъ протяженіи къ востоку, до впаденія въ р. Драсъ рѣки Суру.

Верстахъ въ двухъ за селеніемъ Трунгдженъ, пріютившимся у дороги, долина сразу расширяется, образуя довольно большую котловину съ слабымъ уклономъ къ востоку; среди нея извивается мутный Драсъ, спокойно неся свои ледниковыя воды; въ центрѣ котловины по берегу рѣки разбросаны глинобитные
Сел. Драсъ. домики туземцевъ, составляющіе небольшое селеніе Драсъ (10.000 ф. надъ ур. м.). Среди жалкихъ избушекъ рѣзко выдѣляется старинное 4-хъ-угольное укрѣпленіе съ башнями по угламъ, это—старая Кашмирская крѣпость, нынѣ уже совершенно заброшенная. Въ полуверстѣ отъ нея, на восточномъ краю селенія, находится большая роща изъ тополей [1]) и шелковичныхъ деревьевъ, а среди нея небольшой одноэтажный домикъ, въ которомъ помѣщается почтово-телеграфное отдѣленіе и метеорологическая станція, устроенная здѣсь англичанами. Около полудня мы добрались до этой рощи и стали на привалъ подъ благодѣтельной тѣнью ея деревьевъ.

Около сел. Драсъ Ладакъ пріобрѣтаетъ всѣ свои характерныя особенности, сильно отличающія его отъ сосѣднихъ странъ и придающія ему своеобразный характеръ. Мѣстность отъ перевала Зоджи-ля до котловины сел. Драса можетъ быть разсматриваема какъ переходная, промежуточная полоса между Кашмиромъ и Ладакомъ. Отсутствіемъ древесной растительности и частыми обнаженіями горныхъ скатовъ она прибли-

1) Тополь (Populus nigra) въ Ладакѣ—культурное дерево и внѣ селеній не встрѣчается.

жается къ Ладаку, но сплошной травянистый покровъ долины напоминаетъ еще о благодатномъ Кашмирѣ. Недалеко отъ сел. Драсъ этотъ покровъ перестаетъ быть сплошнымъ, становится бѣднѣе, а мѣстами даже и исчезаетъ; природа принимаетъ пустынный и унылый характеръ.

Общій характеръ природы Ладака.

Такъ какъ мы стоимъ теперь на рубежѣ особой географической области, то сдѣлаемъ общій очеркъ ея природы, чтобы ознакомиться съ обстановкой и условіями дальнѣйшаго путешествія.

Въ географическомъ отношеніи Ладакъ представляется чрезвычайно оригинальной областью. Это—высокая горная страна, протянувшаяся по верхнему теченію р. Инда и служащая западной окраиной высокаго Тибетскаго нагорья. Долины Ладака, по которымъ текутъ Индъ и его многочисленные притоки, лежатъ весьма высоко, на высотѣ отъ 9 до 14.000 ф. надъ ур. м. Такая большая абсолютная высота должна бы, казалось, быть причиной большихъ и продолжительныхъ холодовъ, между тѣмъ Ладакъ отличается умѣреннымъ климатомъ, совершенно непохожимъ на суровый климатъ сосѣднихъ высокихъ странъ Центральной Азіи.

Въ теченіе четырехъ мѣсяцевъ въ году, съ конца мая по сентябрь включительно, здѣсь преобладаетъ жаркая погода; въ это время года стоятъ теплыя ночи, дающія возможность ночевать на открытомъ воздухѣ безъ теплой одежды. Въ одномъ переходѣ къ западу отъ перевала Зоджи-ля съ заходомъ солнца приходилось одѣвать мѣховую куртку и подсаживаться къ костру; въ двухъ же или трехъ переходахъ къ востоку отъ того же перевала, я спалъ въ незакрытой палаткѣ, покрываясь лишь обыкновеннымъ шерстянымъ одѣяломъ. Между 8 и 9 часами вечера, т. е. послѣ захода солнца, на высотахъ отъ 10.000 до 14.000 ф. надъ ур. м. температура колебалась во второй половинѣ іюня отъ 12 до 25° по Ц., а между 5 и 6 часами утра, т. е. до нагрѣвающаго дѣйствія солнечныхъ лучей, — отъ 5 до 17° по Ц. Въ Ладакѣ пшеница вызрѣваетъ на высотахъ до 12.000, а

ячмень—до 15.000 Ф. надъ ур. м. Фруктовыя деревья и шелковицу я встрѣчалъ въ селеніяхъ, расположенныхъ на высотѣ 12.000 Ф. надъ ур. м. Слѣдовательно, тамъ, гдѣ во всѣхъ европейскихъ горахъ и во многихъ средне-азіатскихъ залегаютъ вѣчные снѣга и льды, тамъ Ладакъ являетъ картину земледѣльческой культуры.

Эта горная страна чрезвычайно бѣдна атмосферными осадками, выпадающими здѣсь рѣдко и въ весьма незначительномъ количествѣ. Дожди и снѣга даютъ здѣсь въ суммѣ лишь около 4 дм. атмосферныхъ осадковъ въ годъ. Высокій Гималайскій хребетъ, отдѣляющій Ладакъ отъ Индіи, задерживаетъ на своихъ снѣговыхъ вершинахъ послѣднюю влагу мусоновъ Индійскаго океана и пропускаетъ на сѣверную сторону лишь рѣдкія облака, дающія то ничтожное количество атмосферныхъ осадковъ, которое выпадаетъ въ Ладакѣ. Слѣдствіемъ этого является необыкновенная сухость воздуха, бѣднаго водяными парами, и его удивительная чистота и прозрачность. Небо здѣсь почти постоянно безоблачно и вслѣдствіе чистоты и прозрачности воздуха имѣетъ такой темно-голубой цвѣтъ, котораго я нигдѣ не видалъ, даже въ странахъ тропическихъ. Говорятъ, что вслѣдствіе необыкновенной сухости воздуха выпадающій зимою снѣгъ испаряется, не успѣвая растаять. Сухость климата поднимаетъ высоко линію вѣчныхъ снѣговъ, которая лежитъ здѣсь на высотѣ отъ 19 до 20.000 Ф. надъ ур. м., на высотѣ нигдѣ болѣе не наблюдаемой и превышающей линію вѣчнаго снѣга въ Центральныхъ Гималаяхъ, хотя послѣдніе лежатъ на 6° южнѣе, въ жаркой подтропической области.

Общій характеръ горъ Ладака — совершенно пустынный. На нихъ нѣтъ не только древесной и кустарной растительности, но не встрѣчается даже и травянистой. Сѣрожелтыя, раскаляемыя горячими лучами солнца, онѣ утомляютъ взоръ путешественника своимъ однообразіемъ. Растительность встрѣчается только въ долинахъ по теченіямъ рѣкъ и возлѣ селеній, гдѣ жители искуственно орошаютъ свои поля и оживляютъ зе-

ленью небольшіе клочки въ долинахъ. Жители Ладака занимаются почти исключительно земледѣліемъ; скотоводство развито весьма мало, вслѣдствіе недостатка пастбищъ въ безплодныхъ горахъ; изъ домашнихъ животныхъ здѣсь разводятся лошади, ослы, рогатый скотъ и въ небольшомъ количествѣ овцы.

Западная часть Гималайскаго хребта, которую мы перевалили черезъ перевалъ Зоджи-ля, служитъ рѣзкой границей не только физическихъ особенностей мѣстности, климата и флоры, но разграничиваетъ двѣ расы, соприкасающіяся другъ съ другомъ у этого хребта. Къ югу отъ него живутъ Арійцы, распространившіеся далеко по полуострову Индостану, къ сѣверу— Монгольскія племена, разбросанныя на необъятномъ пространствѣ Тибета.

Флора Ладака, на протяженіи нашего пути отъ перевала Зоджи-ля до г. Лея, не отличается большимъ разнообразіемъ. Древесная растительность здѣсь ничтожна, кустарная рѣдка, но обѣ распредѣлены довольно равномѣрно по долинамъ и ущельямъ горъ; большая же часть травянистой сосредоточена на участкѣ отъ перевала до сел. Драса, впрочемъ, не столько въ отношеніи количества видовъ, сколько въ смыслѣ густоты растительнаго покрова. Флора.

Чтобы не возвращаться уже къ этому вопросу въ дальнѣйшемъ изложеніи, я перечислю здѣсь тѣ виды, которые являются, болѣе или менѣе, общими для мѣстностей между переваломъ Зоджи-ля и г. Леемъ, т. е. въ верхнихъ долинахъ рр. Драса и Инда (между 8.000 и 14.000 ф. надъ ур. м.). Изъ древесныхъ породъ я встрѣтилъ здѣсь *иву* (Salix sp. var.) нѣсколькихъ видовъ [1]) и *шелковичное дерево* (Morus nigra); изъ кустарныхъ— *жимолость* (Lonicera sp. var.), *ломонос*ъ (Clematis orientalis), *кизильник*ъ (Cotoneaster sp.), *тамарикс*ъ (Tamarix sp. gallica?), *мирикарію* (Myricaria Hoffmeisteri и M. sp. elegans?), *облѣпиху* (Hippophaë rhamnoides), *тимьян*ъ (Thymus Serpyllum) и *може-*

1) Henderson указываетъ для западнаго Ладака четыре вида Salix—S. acutifolia, S. rubra, S. elegans и S. tetrasperma (см. Henderson and Hume, «Lahore to Jarkand», стр. 336).

вельникъ (Juniperus excelsa); эти кустарники образуютъ мѣстами заросли вдоль теченія рр. Драса и Инда и встрѣчаются, преимущественно, на днѣ долинъ, не поднимаясь на скаты горъ. Изъ травянистыхъ растеній могу упомянуть: *борщевикъ* (Heracleum Candicans), *проломникъ* (Androsace villosa), *первоцвѣты* разные (Primula sp. var.), изобильные на перевалѣ Зоджи-ля и возлѣ него, *вѣтреницу* (Anemone rupicola), *василистникъ* (Thalictrum minus), *лютики* разные (Ranunculus sp. var.), *незабудку* (Myosotis silvatica), *мяту* (Mentha silvestris), *чистецъ* (Stachys sp.), встрѣчающійся, преимущественно, и въ изобиліи, по долинѣ р. Инда, *одуванчикъ* (Taraxacum officinale), *полынь* разную (Artemisia sp. var.), *салатъ* (Lactuca sativa), *клеверъ* (Trifolium pratense), *астрагалы* разные (Astragalus sp. var.), *лядвенецъ* (Lotus corniculatus), *горошекъ* (Vicia Narbonensis), *чину* (Lathyrus sativus), *горохъ* (Cicer songaricum), *злаки* разные (Agropirum sp. Bromus sp. japonicus?), *гречишникъ* (Polygonum viviparum и P. rumicivalium), *щавель* (Rumex orientalis), Christolea crassifolia, *гулявникъ* (Sisymbrium Jrio), *касатикъ* (Jris Kumaonensis), *лукъ* (Allium polyphillum), *ясменникъ* (Asperula humifusa), *ситникъ* (Juncus membranacium), Lepyrodiclis glandulosa, *горицвѣтъ* (Viscaria parviflora) и Physoclaina prealta.

Кромѣ упомянутыхъ здѣсь травянистыхъ растеній, собственно въ долинѣ р. Драса и около сел. Каргиль (на высотѣ 8.000—10.500 Ф.) встрѣчаются еще слѣдующіе виды: Prangos pabularia, Ferula Jaeschkeana, *проломникъ* (Androsace Aizoon), *медунка* (Medicago cashmiriana и M. falcata), *астрагалъ* (Astragalus adesmiaefolis), *донникъ* (Melilotus officinalis), *чернокоренъ* (Cynoglossum sp. и C. maerostilum), *котовикъ* (Nepeta sp. salviaefolia?), *лютикъ* (Ranunculus aquatilis), *желтоцвѣтъ* (Adonis sp. pyrenaica?), *кошачья лапка* (Artennaria contorta), *водосборъ* (Aquilegia vulgaris), *ковыль* (Stipa sibirica) *сурѣпица* (Barbaraea arcuata), Braya alpina, Eremurus sp. spectabilis?, *смолевка* (Silene Wallichiana), *хохлатка* (Corydalis crassifolia) *молодилъ* (Sedum Rhodiola), *герань гималайская* (Geranium Himalaense), *вьюнокъ*

(Convolvulus arvensis), *лапчатка* (Potentilla bifurca и P. sp.) и *подорожникъ* (Plantago tibetica).

Что касается птицъ, то ихъ здѣсь (въ западной части Ладака до г. Лея) гораздо меньше, чѣмъ въ Кашмирѣ, что и понятно, если принять во вниманіе отсутствіе лѣса, рѣдкій кустарникъ и меньшій травянистый покровъ. Однако, въ отношеніи количества видовъ западный Ладакъ мало отличается отъ долины р. Синда. Птицы.

Изъ хищныхъ здѣсь встрѣчаются — *ягнятникъ бородатый* (Gypaetus barbatus), котораго можно наблюдать каждый день парящимъ въ вышинѣ и *пустельга* (Falco tinnunculus); изъ лазящихъ, повидимому, лишь *стѣнолазъ краснокрылый* (Tichodroma muraria), оживляющій своимъ яркимъ опереніемъ и свистомъ скучныя, безжизненныя скалы въ долинахъ рр. Драса и Инда; изъ голубиныхъ—*голубь* (Columba rupicola), собирающійся стайками возлѣ селеній; изъ водяныхъ—*крохаль большой* (Mergus castor) и *лысуха черная* (Fulica atra), попадавшіеся кое-гдѣ около воды и на водѣ; изъ воробьиныхъ, возлѣ селеній—*воронъ* (Corvus intermedius), *сорока гималайская* (Pica bactriana) и *воробей домашній* (Passer indicus), на поляхъ и лугахъ — *клушица* (Fregilus graculus), *жаворонки полевой* и *луговой* (Calandrella brachydactyla и Alauda triborhynchus) и *удодъ* (Upupa epops), въ кустарныхъ зарослях — *чеканъ черногорлый* (Saxicola atrogularis), *краснохвостка краснобрюхая* (Ruticilla erythrogaster), *пѣночка* (Phylloscopus tristis) и *снѣгирь красный* (Carpodacus erythrinus), около ручьевъ и рѣчекъ—*оляпка* (Hydrobata asiatica) и *трясогузка* (Motacilla luzoniensis), а въ скалахъ и обрывахъ ущелій — *дроздъ синій* (Petrocossyphus cyaneus) и *ласточка земляная* (Cotyle rupestris).

Отъ сел. Драса наши Гандербальскіе Кашмирцы, получивши слѣдуемую имъ плату, повернули со своими лошадьми назадъ, въ долину р. Синда. Взявши свѣжихъ лошадей, мы, послѣ двухчасового привала, тронулись дальше. Отъ селенія Драса до сел. Ташгама.

Вскорѣ за селеніемъ долина рѣки съуживается, становится

каменистой и совершенно безплодной. Тропа идетъ среди скалъ, камней и по песчано-каменистымъ осыпямъ горъ.

Долина розъ. Замѣчательной особенностью долины, на переходѣ отъ сел. Драса до сел. Ташгама, гдѣ мы въ этотъ день ночевали, является обиліе кустовъ шиповника (Rosa sp. eglanteria?), растущаго по берегамъ р. Драса и на безплодныхъ пустынныхъ скатахъ окрестныхъ горъ. Кусты, достигающіе весьма большихъ размѣровъ, ютятся у подножія скалъ, большихъ камней, даже растутъ на поверхности безплодныхъ осыпей, заставляя путника недоумѣвать — что можетъ здѣсь поддерживать ихъ существованіе? Когда мы здѣсь проѣзжали, шиповникъ былъ въ полномъ цвѣту; желтые, пунцовые и розовые цвѣты сплошь покрывали колючій кустарникъ, распространяя вокругъ себя пріятный запахъ розоваго масла. Эти пышные благоухающіе кусты составляли рѣзкій контрастъ съ окружающимъ ихъ пустыннымъ ландшафтомъ.

По пути мы часто встрѣчали небольшіе ручьи, снѣгового и родниковаго происхожденія, сбѣгавшіе съ окрестныхъ горъ въ русло шумнаго и пѣнистаго Драса. Мѣстами около нихъ и вдоль рѣки встрѣчалась жидкая трава и рѣдкій, невысокій кустарникъ. Но чѣмъ ближе мы подходили къ сел. Ташгамъ, тѣмъ гуще становился кустарникъ, растущій по берегу; здѣсь росли, кромѣ шиповника, *смородина* (Ribes orientale), *барбарисъ* (Berberis vulgaris) (эти кустарники встрѣчаются также и около Каргиля) и неизмѣнныя *облѣпиха* (Hippophaë rhamnoides), *тамариксъ* (Tamarix sp.) и *мирикарія* (Myricaria elegans), встрѣчающіеся почти во всѣхъ кустарниковыхъ зарослях по теченіямъ рѣкъ Ладака и сосѣднихъ возвышенныхъ странъ; они справедливо могутъ быть названы класическими кустарниками высокихъ рѣчныхъ долинъ Центральной Азіи.

Селеніе Ташгамъ. Къ заходу солнца мы подошли къ сел. Ташгамъ, расположенному на лѣвомъ берегу р. Драса; оно окружено пирамидальными тополями, кустами и полями, изрѣзанными во всѣхъ направленіяхъ оросительными канавками съ водой, проведенной въ нихъ изъ горныхъ ручьевъ.

Здѣшнія селенія расположены весьма оригинально: онѣ лежатъ, обыкновенно, при впаденіи горныхъ ручьевъ въ р. Драсъ, на нѣсколькихъ послѣдовательныхъ узкихъ терасахъ, что даетъ возможность, путемъ соотвѣтственнаго проведенія оросительныхъ канавъ, орошать всѣ поля, окружающія селеніе. Каждое поле обнесено невысокимъ заборомъ изъ крупныхъ камней. Сельскія постройки состоятъ изъ маленькихъ каменныхъ избушекъ съ плоскими крышами.

Въ 7 час. вечера мы расположились на бивакѣ возлѣ небольшого глинянаго караванъ-сарая, на высотѣ 9.000 Ф. надъ ур. м. Въ 8 час. вечера температура воздуха была + 21,0° Ц., что составляло уже рѣзкій контрастъ не только съ вечерней температурой долины р. Синда, но и съ таковой верховьевъ р. Драса.

Наступила теплая, тихая ночь. Нарождавшаяся луна украдкой взошла на темномъ небосклонѣ, усыпанномъ міріадами яркихъ звѣздъ, бросавшихъ на сонную землю слабый отблескъ съ высоты величественнаго неба. Покончивъ свои бивачныя занятія, я легъ въ палатку. Утихло все въ селеніи, заснулъ нашъ бивакъ; лишь слышны были доносившіеся ко мнѣ въ палатку,— шелестъ листвы пирамидальныхъ тополей, глухой шумъ рѣки и журчаніе въ канавкахъ воды, орошавшей скудный посѣвъ бѣднаго жителя этихъ пустынныхъ горъ.

До селенія Каргиль.

13-го іюня мы совершили переходъ въ 20 верстъ до селенія Каргиль,—одного изъ самыхъ большихъ населенныхъ пунктовъ Ладака. Ущелье рѣки Драса сохраняетъ прежній пустынный и каменистый характеръ, но попрежнему благоухаетъ отъ огромнаго количества кустовъ шиповника, ютящихся на голыхъ скатахъ ущелья и покрытыхъ розами различныхъ цвѣтовъ. Тропа вьется по правому берегу рѣки, на который она переходитъ по деревянному мосту за сел. Ташгамъ; она камениста и переваливаетъ черезъ рядъ скалистыхъ отроговъ, во многихъ мѣстахъ преграждающихъ ущелье.

По пути мы встрѣтили на обоихъ берегахъ рѣки нѣсколько

небольшихъ селеній: Карбу, Каксаръ, Аписъ, Киркичу [1]), Чилискомо, Чанагундъ, Хардусъ и Иогмайюль; каждое изъ нихъ состоитъ изъ земляныхъ избушекъ, такихъ же сѣро-желтыхъ и такихъ же унылыхъ, какъ и окружающія ихъ горы. Если бы не поля, разбросанныя вокругъ этихъ селеній, да не тополя и кустарникъ, рѣзко выдѣляющіеся на сѣромъ фонѣ горъ, то трудно было бы ихъ и замѣтить. У сел. Каксаръ, верстахъ въ 10 отъ Ташгама, въ р. Драсъ впадаетъ съ лѣвой стороны рѣчка Шинго, текущая изъ Балтистана. Вода Драса имѣетъ темно-сѣрый, бурый цвѣтъ, а вода Шинго—грязно-зеленый; вслѣдствіе весьма сильнаго теченія въ обѣихъ, воды ихъ, сливаясь, текутъ рядомъ не смѣшиваясь около 2-хъ верстъ, представляя чрезвычайно оригинальную картину двухцвѣтной рѣки. На другомъ берегу рѣки Драса идетъ тропа, ведущая съ сѣвера отъ р. Инда въ сел. Искардо—главному населенному пункту Балтистана.

Въ этотъ день было очень жарко и солнце пекло невыносимо. Вслѣдствіе значительной высоты мѣстности надъ уровнемъ моря и разрѣженности воздуха, солнечные лучи сильно припекали, обжигая лицо, шею и руки. Къ вечеру моя шея была настолько обожжена, что съ нея шелушилась кожа и прикосновеніе къ ней даже мягкаго ворота рубашки причиняло мнѣ сильную боль.

Отъ р. Драса къ р. Инду.

Въ 3-хъ верстахъ отъ сел. Каргиль мы бросили теченіе Драса, круто повернули направо и пошли вверхъ по р. Суру, текущей съ юга и впадающей въ р. Драсъ на высотѣ 8.300 ф. надъ ур. м. близъ сел. Иогмайюль. Послѣднее примыкаетъ къ сел. Каргиль, расположенному на обоихъ берегахъ р. Суру, при впаденіи въ нее справа небольшого ручья Вакха, текущаго съ юго-востока. Правый берегъ р. Суру отъ устья до сел. Каргиль покрытъ полями и зеленѣетъ густыми садами, сопровож-

Сел. Каргиль.

1) Здѣсь находится деревянный мостъ черезъ рѣку.

Долина р. Драса́ (вдали селеніе и фортъ Драсъ).

Нашъ бивакъ въ селеніи Каргиль.

Фототипія В. Клавонъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-3

Пресмы Н. Каминскій

дающими рѣку, лѣвый—бѣденъ даже травянистымъ покровомъ. Около 5 час. пополудни мы прибыли въ Каргиль и расположились бивакомъ на небольшой полянкѣ, окруженной высокими, тѣнистыми деревьями. Нашъ пріѣздъ произвелъ переполохъ въ селеніи. Сбѣжались сельскія власти, собралась толпа, и мы стали предметомъ назойливаго любопытства туземцевъ. Весь вечеръ возлѣ нашего бивака шумѣли тибетцы, болтавшіе съ моими людьми.

Каргиль—весьма большое и разбросанное селеніе. Я замѣтилъ здѣсь старинное, нынѣ уже заброшенное, укрѣпленіе, мечеть и нѣсколько лавокъ, торгующихъ всякой дрянью, сбываемой туземцамъ ловкими торговцами изъ Кашмира.

Теченіе р. Суру можетъ быть принято за приблизительную границу, раздѣляющую Ладакъ въ религіозномъ отношеніи на двѣ неравныя части; къ западу отъ этой рѣки лежитъ меньшая часть, населенная мусульманами-шіитами, а къ востоку—бо́льшая, населенная послѣдователями ученія Буды. Сел. Каргиль—послѣдній мусульманскій населенный пунктъ. Населеніе упомянутой выше западной, меньшей части Ладака, имѣя въ общемъ совершенно одинаковый съ населеніемъ его восточной части полумонгольскій, полутюркскій типъ, въ то же время нѣсколько отличается отъ него своимъ внѣшнимъ видомъ и одеждой, носимой туземцами. Мужчины брѣютъ головы, которыя покрываютъ небольшими шапочками изъ чернаго сукна, и носятъ длинные армяки, поверхъ короткихъ штановъ, заправляемыхъ въ мягкіе сапоги съ голенищами, напоминающіе своимъ видомъ наши валенки. Женщины носятъ длинные волосы, заплетаемые въ косу, покрываютъ голову такими же шапочками, какъ и мужчины, и одѣты въ длинные, темные халаты. Онѣ носятъ много украшеній, состоящихъ изъ цвѣтныхъ камней, браслетовъ, колецъ и т. п. предметовъ, прикрѣпляемыхъ къ волосамъ и вдѣваемыхъ въ уши и въ носъ. Ладакцы-мусульмане показались мнѣ довольно равнодушными къ религіи; хотя ученіе Пророка распространяется все глубже и глубже въ предѣлы Тибета, охва-

тывая все бо̀льшую и бо̀льшую территорію и пріобщая къ исламу новые контингенты тибетцевъ, но они едва ли становятся тѣми правовѣрными мусульманами, которыми изобилуютъ сосѣднія страны. Новообращенные вносятъ въ исповѣдываніе новой вѣры то же равнодушіе къ религіознымъ обрядамъ и поверхностное отношеніе къ вѣроученіямъ, которыя характеризуютъ туземцевъ Ладака, исповѣдующихъ будизмъ.

От Каргиля до Мульбека.

14-го іюня, рано утромъ, взявши свѣжихъ лошадей, мы продолжали наше путешествіе. Выйдя изъ селенія, мы перешли по мосту съ лѣваго на правый берегъ р. Суру и, оставивши ея теченіе, пошли вверхъ по теченію упомянутаго выше ручья Вакха, но не долиной его, а, поднявшись за мостомъ на высокое плато его лѣваго берега, шли высоко надъ ручьемъ, мѣстами совершенно теряя его изъ виду. Отъ сел. Каргиль топографическій характеръ горъ нѣсколько измѣняется; отсюда уже начинаютъ попадаться обширныя плоскогорья, въ видѣ гигантскихъ терасъ, отдѣляющихъ рѣчныя долины отъ сосѣднихъ горныхъ хребтовъ; эти высокія плоскогорья составляютъ характерную особенность Тибета, и чѣмъ дальше мы будемъ углубляться къ сѣверо-востоку, тѣмъ они будутъ встрѣчаться все чаще и будутъ становиться все больше и больше, доходя мѣстами до грандіозныхъ размѣровъ. Эти плоскогорья такъ же пустынны и безплодны, какъ и горные хребты, и представляютъ собой унылую галечную пустыню.

Въ нѣсколькихъ верстахъ за сел. Каргиль мы спустились въ долину ручья Вакха, по которой и шли до ночлега. Тропа, спустившись къ ручью, вьется по горнымъ карнизамъ, поднимаясь мѣстами весьма высоко надъ водой и надъ отвѣсными крутизнами.

Въ этотъ день мы прошли нѣсколько туземныхъ селеній, расположенныхъ въ расширеніяхъ долины ручья, преимущественно въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ ручей разбивается на нѣсколько рукавовъ, на берегахъ которыхъ въ половодіе осаждается слой плодороднаго алювія. Самое большое изъ нихъ—Пашкіумъ, живописно разбросанное по долинѣ, утопающее въ зелени тополе-

Долина р. Вакха. Селеніе Пашкіумъ.

Ладакскія женщины изъ селенія Пашкіумъ.

Фототипія В. Класенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Правил. Н. Каминскій

выхъ рощъ и обрамленное темной листвой кустарниковъ. Въ этомъ селеніи, на высотѣ 9.800 ф. надъ ур. м., я видѣлъ черную шелковицу (Morus nigra), что свидѣтельствуетъ о достаточной мягкости климата. За Пашкіумомъ мы прошли селенія Лоцунъ, Доркитъ и Шерголь (10.600 ф. надъ ур. м.). Во всѣхъ нихъ устроено искуственное орошеніе полей; онѣ окружены обширными полями и зарослями различныхъ кустарниковъ.

На пути къ Мульбеку костюмъ Ладакцевъ нѣсколько измѣняется. Отсюда уже начинаютъ встрѣчаться туземцы и туземки, носящіе за плечами черныя козловыя шкуры, свободно висящія на спинѣ. Назначеніе этихъ шкуръ представляется совершенно непонятнымъ; онѣ носятся Ладакцами постоянно, какъ дома, такъ и внѣ его, какъ при полевыхъ работахъ, такъ и въ дорогѣ, и значенія теплой одежды не могутъ имѣть, потому что не снимаются и въ жаркое время года. Вѣроятно, обычай носить эту странную принадлежность костюма сохранился отъ древнихъ временъ, когда она, можетъ быть, имѣла какое-либо практическое значеніе. Женщины заплетаютъ свои волосы въ нѣсколько тонкихъ косичекъ, которыя на концѣ соединяются металическимъ украшеніемъ въ видѣ неширокой, короткой пластинки и искуственно удлиняютъ свои волосы шерстью или конскимъ волосомъ. Выходя на работу въ поле, онѣ имѣютъ за плечами небольшія, съуживающіяся къ низу, корзины, которыя носятъ на веревкѣ, одѣваемой на верхнюю часть груди.

За Каргилемъ приходится уже встрѣчать туземцевъ-мужчинъ, занятыхъ сученіемъ шерсти. У каждаго имѣется круглая деревянная палочка, на которую наматывается грубая, толстая нитка, вытягиваемая изъ пучка шерсти, находящейся въ другой рукѣ. Восточнѣе, въ глубинѣ Ладака, этимъ дѣломъ заняты въ теченіе цѣлаго дня почти поголовно всѣ мужчины, и здѣсь не рѣдкость увидѣть въ своемъ караванѣ погонщика вьючныхъ лошадей, идущаго рядомъ съ лошадью и занятаго этой работой.

Чортены.

Отъ сел. Шерголь страна начинаетъ принимать уже явно будійскій характеръ. Возлѣ селеній и внутри ихъ уже попада-

ются оригинальныя сооруженія, составляющія характерную особенность каждой ладакской деревни восточнѣе Шерголя. Это—такъ называемыя *чортены*, пирамидальныя глиняныя постройки на прямоугольномъ основаніи, имѣющія высоту отъ 1 до 2 саженей. Возлѣ нѣкоторыхъ изъ нихъ встрѣчаются большія каменныя плиты съ вырѣзанными на нихъ надписями.

Сел. Мульбекъ.

Около Мульбека, куда мы прибыли къ заходу солнца, находится нѣсколько десятковъ чортенъ различныхъ размѣровъ, придающихъ этому мѣсту видъ обширнаго кладбища съ многочисленными надгробными памятниками. Въ этомъ-же селеніи, на высокой горѣ, круто обрывающейся къ долинѣ, находится старинный будійскій монастырь и рядомъ съ нимъ небольшое укрѣпленіе. Селеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ хижинъ съ плоскими крышами, сложенныхъ изъ глины и камней. На крышахъ нѣкоторыхъ хижинъ воткнуты палки съ развѣвающимся на нихъ различнымъ тряпьемъ, столь уважаемымъ будистами, которые вѣрятъ, что эти лоскутья, развѣваемые вѣтромъ по воздуху, возносятъ ихъ молитвы къ небу, способствуя общенію молящихся съ Богомъ. Недостатокъ деревьевъ и прочей зелени придаетъ селенію и его окрестностямъ унылый и непривѣтливый видъ.

Мы стали бивакомъ въ Мульбекѣ, разбивши наши палатки рядомъ съ многочисленными чортенами. Послѣ жаркаго дня насталъ необыкновенно теплый и тихій вечеръ. Несмотря на высоту въ 11.300 ф. надъ ур. м., термометръ показалъ въ 8 час. вечера +21,1° по Ц.

Два перевала.

На слѣдующій день мы тронулись далѣе. Недалеко за селеніемъ, справа у дороги, возвышается большая отдѣльно стоящая скала, въ которой высѣчено колосальное изображеніе Буды. По мѣстнымъ преданіямъ эта фигура сдѣлана очень давно какимъ то будійскимъ ламой, прибывшимъ сюда изъ внутренняго Тибета.

Скоро мы оставили теченіе ручья Вакха, по которому слѣдовали отъ Каргиля, и повернули вверхъ по узкой лощинѣ его

праваго притока, текущаго отъ перевала Намійка. Подъемъ по безплодной лощинѣ—пологій и весьма удобный для вьючнаго движенія. На перевалѣ (13.000 ф. надъ ур. м.) и на окрестныхъ горахъ совершенно не было снѣга; травянистая растительность, кое-гдѣ ютящаяся около камней, бѣдна и не измѣняетъ общаго сѣро-желтаго фона мѣстности. Спускъ съ перевала ведетъ въ узкую и безводную лощину, впадающую вскорѣ въ довольно широкую долину р. Санилюма, текущей съ юга на сѣверъ къ р. Инду. Мы пошли по лѣвому берегу рѣки черезъ большое туземное селеніе Карбу (11.600 ф. надъ ур. м.), гдѣ остановились на привалъ, чтобы отдохнуть отъ знойнаго солнца въ тѣни небольшой рощи у оросительной канавы съ холодной горной водой. За сел. Карбу мы шли вверхъ по рѣкѣ часа три, сначала лѣвымъ, а потомъ, перейдя рѣку по мосту, правымъ берегомъ, а затѣмъ оставили ея теченіе и направились къ перевалу Фоту-ля. Пологій подъемъ идетъ по узкой лощинѣ едва замѣтнаго ручья, впадающаго въ р. Санилюмъ и пересыхающаго лѣтомъ. Высота перевала около 13.400 ф. надъ ур. м.; онъ лѣтомъ безснѣженъ, но окрестныя горы кое-гдѣ присыпаны снѣгомъ, рѣзко обрисовывающимъ ихъ контуры на темной синевѣ яснаго безоблачнаго неба. На обоихъ перевалахъ я нашелъ нѣсколько травянистыхъ растеній, которыхъ еще не встрѣчалъ въ долинахъ Ладака: *молочай* (Euphorbia Thomsoniana и E. Tibetica), *астру* (Aster alpinus), *подснѣжникъ* (Leontopodium alpinum), *бобы* (Oxytropis sp. mocrophylla?) и *липучку* (Echinospermum sp. barbatum?).

Съ перевала видно селеніе Лямаюру, имѣющее видъ ласточкина гнѣзда, прилѣпившагося къ скалѣ.

Съ Фоту-ля мы спустились по длинной лощинѣ, по дну которой бѣжалъ небольшой ручей, текущій къ селенію. Чѣмъ ниже, тѣмъ у́же становилась лощина и вскорѣ превратилась въ узкое ущелье съ высокими, обрывистыми боками, на которыхъ обнажаются мощные пласты озернаго алювія, залегающаго къ востоку отъ перевала. Верстахъ въ двухъ отъ селенія, на правомъ берегу ручья, я увидѣлъ чрезвычайно интересный и рѣдкій

примѣръ размывающаго вліянія атмосферной воды: отвѣсный бокъ ущелья состоитъ здѣсь изъ длиннаго ряда многочисленныхъ высокихъ столбовъ, раздѣленныхъ между собой глубокими бороздами и какъ бы приставленныхъ вплотную къ отвѣсной стѣнѣ. Съ трудомъ вѣрилось, что эти сооруженія образовались сами собой, подъ вліяніемъ атмосферной воды, стекающей по отвѣсному скату, а не высѣчены рукой человѣка.

Будійскія сооруженія.

Около сел. Лямаюру находится необыкновенно много чортенъ, изъ которыхъ нѣкоторыя достигаютъ весьма большихъ размѣровъ. Здѣсь уже начинаютъ встрѣчаться и другого рода будійскія сооруженія. Это—длинные, напоминающіе штабели дровъ, прямоугольники, сложенные изъ камней, верхняя поверхность которыхъ покрыта тонкими плоскими овальными камнями съ надписями на тибетскомъ языкѣ — «Омъ маны падми хумъ», что значитъ—«О, ты сокровище въ лотосѣ»[1]),—любимое восклицаніе религіозно настроеннаго будиста, относящееся къ личности Божества. Эти каменныя сооруженія, которыя я буду называть въ дальнѣйшемъ изложеніи для краткости—«маны падми», строятся, обыкновенно, вдоль дорогъ, и тибетцы проходятъ мимо нихъ непремѣнно съ лѣвой стороны, впрочемъ, не обнаруживая передъ ними особеннаго благоговѣнія. Онѣ имѣютъ высоту отъ 5 до 7, а ширину отъ 10 до 12 футовъ; длина ихъ достигаетъ иногда до 150—200 саженей. Обыкновенно, двѣ чортены ограничиваютъ ихъ по концамъ.

Населеніе.

Отъ сел. Мульбекъ мужчины уже носятъ косы, удлиняемыя иногда шерстью или конскимъ волосомъ. Женщины украшаютъ голову длиннымъ узкимъ кускомъ кожи, покрытымъ крупной, но плохой бирюзой; одинъ конецъ его покрываетъ голову, а другой свободно свѣшивается за спиной. Волосы заплетаются въ нѣсколько длинныхъ и короткихъ косичекъ; длинныя свѣшиваются за шеей, а короткія собираются около ушей и своими кон-

1) Или «О, ты сидящій на лотосѣ!». Фигуры будійскихъ боговъ изображаются, обыкновенно, сидящими или стоящими на листьяхъ лотоса (священнаго дерева Будистовъ).

Изображеніе Буды около селенія Мульбекъ.

Р. Индъ. Мостъ и древнее укрѣпленіе около селенія

цами прикрѣпляются къ небольшимъ кускамъ кожи, покрывающимъ уши. Ладакцы—народъ необыкновенно грязный, платье разъ надѣтое не снимается съ плечъ, пока не превратится въ кучу тряпья, едва прикрывающаго тѣло; ихъ косы даютъ пріютъ цѣлымъ колоніямъ насѣкомыхъ, не дающихъ покоя ихъ обладателямъ. Ладакскій тибетецъ добръ, честенъ и совсѣмъ не корыстолюбивъ. Въ семейныхъ отношеніяхъ здѣсь господствуетъ поліандрія: братья имѣютъ одну общую жену, съ которой сожительствуютъ одновременно.

На пути отъ Мульбека мы встрѣтили партію телеграфистовъ, проводившихъ телеграфную линію отъ Сринагара къ Лею. Они успѣли уже довести линію до Мульбека; на дальнѣйшемъ пути въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я видѣлъ сложенные возлѣ дороги деревянные телеграфные столбы и проволоку, охраняемые туземцами, жившими въ землянкахъ.

Въ настоящее время Лей уже соединенъ съ Сринагаромъ телеграфной проволокой, связавшей еще прочнѣе эту отдаленную окраину Индійской Имперіи съ ея внутренними областями.

Почтовое сообщеніе между Леемъ и Сринагаромъ поддерживается пѣшими почтарями, передающиму почту другъ другу въ опредѣленныхъ мѣстахъ. Мы часто встрѣчали ихъ по дорогѣ. Они ходятъ съ палками, къ которымъ прикрѣплены бубенчики, а на поясныхъ ремняхъ носятъ форменныя бляхи съ надписью «mail runner», что значитъ «почтовый гонецъ». На прохожденіе всего разстоянія отъ Лея до Сринагара почта употребляетъ всего лишь 4 дня.

Селеніе Лямаюру.

Въ седьмомъ часу вечера мы прибыли въ сел. Лямаюру и стали бивакомъ на небольшой лужайкѣ, недалеко отъ палатокъ какихъ то англійскихъ туристовъ, слѣдовавшихъ въ Лей. Высота селенія — около 11.200 ф. надъ ур. м. Оно построено весьма оригинально, на обрывистыхъ скалахъ мощныхъ пластовъ озернаго алювія, мѣстами размытыхъ атмосферной водой и представляющихъ причудливыя фигуры. Здѣсь, какъ и въ Мульбекѣ, находится древній будійскій монастырь, въ которомъ живетъ

нѣсколько десятковъ ламъ, спасающихся отъ суетной жизни въ тиши уединенной обители.

Религіозный характеръ населенія.

Находясь теперь въ глубинѣ будійскаго Ладака, скажемъ нѣсколько словъ о религіозномъ характерѣ населенія.

Ладакъ изобилуетъ будійскими монастырями, заключающими въ своихъ стѣнахъ нѣсколько тысячъ монаховъ или ламъ, принадлежащихъ къ двумъ монашескимъ орденамъ, которые различаются между собой по цвѣту одежды: одни носятъ одежду желтаго, а другіе—краснаго цвѣта. Проживая въ монастыряхъ, ламы ведутъ, въ общемъ, такую же жизнь какъ и миряне, но даютъ обѣтъ безбрачія.

Нѣкоторые монастыри владѣютъ недвижимымъ имуществомъ, иногда весьма значительнымъ, состоящимъ изъ удобной для воздѣлыванія земли, которую обрабатываютъ ламы въ качествѣ простыхъ земледѣльцевъ. Ламы бѣдныхъ монастырей живутъ приношеніями богомольцевъ.

Хорошимъ источникомъ дохода для будійскихъ ламъ служатъ чортены и маны-падми, сооружаемыя подъ ихъ наблюденіемъ и руководствомъ. Во многихъ чортенахъ дѣлаются внутреннія помѣщенія, заполняемыя различными священными предметами, какъ напримѣръ, небольшими глиняными фигурками въ видѣ чортенъ и маленькими изображеніями Буды, сдѣланными въ формѣ иконокъ. Производство этихъ предметовъ, а равно вырѣзываніе на камняхъ, покрывающихъ маны-падми, священныхъ будійскихъ надписей, составляютъ исключительное право ламъ, которымъ они и пользуются въ чрезвычайно обширныхъ размѣрахъ. За надписи на камняхъ они получаютъ довольно крупныя суммы, доходящія иногда до нѣсколькихъ тысячъ рублей. Хотя будизмъ сохранился въ Ладакѣ во всей своей чистотѣ, но населеніе этой страны едва ли возможно назвать религіознымъ. Внѣшній обликъ религіозной системы, въ видѣ ламайскаго духовенства, монастырей съ ихъ общежитіями и различныхъ памятниковъ рѣзко проявляется въ бытѣ туземнаго населенія, но подъ нимъ мы не находимъ того живого религіознаго чувства,

которое только и придаетъ этому облику жизненность и вліяніе на повседневную жизнь человѣка. Ни одинъ народъ, изъ видѣнныхъ мною, не поражалъ меня до такой степени отсутствіемъ религіозности, какъ тибетцы Ладака, которые, въ сущности, не принадлежатъ ни къ какой религіи и причисляютъ себя къ будистамъ болѣе по традиціи, унаслѣдованной отъ предковъ, чѣмъ по характеру своего религіознаго міровоззрѣнія. Они относятся съ чрезвычайнымъ равнодушіемъ къ религіознымъ памятникамъ, воздвигаемымъ ихъ же усердіемъ, которые, въ сущности, не представляютъ собой результата ихъ набожности, а просто являются послѣдствіемъ выполненія извѣстныхъ религіозныхъ обрядовъ, выполняемыхъ по привычкѣ и по завѣтамъ предшествовавшихъ поколѣній.

До какой степени въ религіозной жизни Ладакскаго туземца преобладаетъ форма и сухая, неосмысленная обрядность, можетъ служить доказательствомъ фактъ употребленія при молитвахъ особыхъ приспособленій, которыя могутъ быть названы *молитвенными машинами*. Это — различной величины деревянные или металическіе цилиндры, приводимые во вращеніе ручкой, прикрѣпленной къ ихъ оси; на поверхность этихъ цилиндровъ наматываются полосы изъ бумаги или изъ какой-нибудь бѣлой матеріи, на которыхъ написаны различныя молитвы, употребляемыя будистами. Человѣку, желающему помолиться, достаточно лишь повертѣть нѣкоторое время въ извѣстномъ направленіи подобный цилиндръ—и дѣло сдѣлано. Поразительная экономія времени и мыслительныхъ способностей человѣка! Говорятъ, что въ нѣкоторыхъ мѣстахъ Ладака встрѣчаются подобныя молитвенныя машины огромныхъ размѣровъ, которыя приводятся въ движеніе силой воды, подобно колесамъ водяныхъ мельницъ. Молитвенныя машины составляютъ непремѣнную принадлежность каждаго будійскаго монастыря, а мѣстами лишь въ монастыряхъ и встрѣчаются. Ладакъ признаетъ свою религіозную зависимость отъ Далай-Ламы, проживающаго въ недоступной европейцамъ столицѣ Тибета, въ таинственной Лассѣ.

Къ рѣкѣ Инду.

16-го іюня мы продолжали свой путь внизъ по ущелью ручья, сбѣгающаго съ перевала Фоту-ля. Чѣмъ ниже, тѣмъ это ущелье становится тѣснѣе и обрывистѣе; вскорѣ озерный алювій замѣняется шиферомъ, который, вывѣтриваясь и разслаиваясь въ своихъ обнаженіяхъ, придаетъ скатамъ причудливыя формы и засыпаетъ мѣстами дно ущелья мелкими и тонкими плитками чернаго цвѣта. Верстахъ въ 5-ти за селеніемъ мы обогнали большой транспортъ вьючныхъ лошадей, принадлежавшій нашимъ сосѣдямъ по послѣднему ночлегу въ Лямаюру. Ручей, по которому мы слѣдовали, верстахъ въ 6-ти отъ селенія впадаетъ въ небольшую рѣку Іонъ, текущую съ юга на сѣверъ и несущую свои воды въ р. Индъ, къ которой мы теперь приближались. Ущелье р. Іонъ чрезвычайно глубокое, тѣсное и мрачное. Его высокія отвѣсныя стѣны поднимаются отъ самаго берега рѣки, оставляя надъ головой путешественника лишь узкую полосу синяго неба; рѣка течетъ весьма быстро, съ шумомъ прорываясь черезъ гряды крупныхъ валуновъ, завалившихъ мѣстами ея узкое русло. Теченіе рѣки извилистое, почему, находясь въ ея ущельи между двумя его поворотами, видишь себя въ глубокомъ колодцѣ, изъ котораго, кажется, нѣтъ выхода на свѣтъ Божій, гдѣ сіяетъ горячее солнце, не роняющее сюда ни одного изъ своихъ яркихъ лучей. Горы слагаются здѣсь изъ гранитовъ, сіенитовыхъ гнейсовъ и кристалическихъ сланцевъ. Тропа идетъ по карнизамъ, мѣстами поднимаясь высоко надъ рѣкой, а мѣстами спускаясь къ ея холоднымъ струямъ. Въ ущельи нѣтъ даже травянистой растительности и лишь одни *каперцы* (Capparis spinosa) со своими бѣло-розовыми цвѣтами встрѣчаются на безплодныхъ скатахъ между камней.

По рѣкѣ Инду.

Рѣка Индъ.

Спустившись по этому ущелью до р. Инда, мы повернули къ юго-востоку по его лѣвому берегу. Индъ течетъ здѣсь въ долинѣ, имѣющей ширину отъ $^1/_2$ версты до 2-хъ верстъ; ширина

рѣки отъ 40 до 50 саженей; русло свободно отъ валуновъ; теченіе быстрое, но спокойное. Вода рѣки имѣетъ уже здѣсь тотъ характерный грязно-желтый цвѣтъ, который бросается въ глаза путешественнику на Пенджабскихъ равнинахъ. По сторонамъ рѣки возвышаются пустынныя, безплодныя горы, слагающіяся изъ кристалическихъ породъ, прикрытыхъ внизу каменисто-песчаными осыпями; травянистая растительность здѣсь чрезвычайно бѣдна; изъ кустарниковъ часто встрѣчаются отдѣльные низкіе кусты *капарцовъ* (Capparis spinosa), стебли которыхъ, расходясь отъ центра, стелются по землѣ. Я встрѣчалъ это растеніе по р. Инду на высотахъ между 9.500 и 11.500 ф. надъ ур. м., преимущественно, у подошвы горныхъ скатовъ, покрытыхъ продуктами разрушенія и вывѣтриванія горныхъ породъ.

Путь по р. Инду—необыкновенно скучный и однообразный; ѣхать жарко, гранитныя скалы сильно нагрѣваются солнцемъ и въ узкихъ частяхъ долины воздухъ становится горячимъ и душнымъ.

Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ я замѣтилъ на боковыхъ возвышенностяхъ округленныя, обтесанныя скалы, чаще попадавшіяся въ съуженіяхъ долины. Такія же скалы я видѣлъ въ долинѣ р. Драса и въ ущельяхъ р. Іонъ и нѣкоторыхъ горныхъ ручьевъ между рр. Драсомъ и Индомъ. Не обязаны ли онѣ своей формой древнимъ ледникамъ, нѣкогда заполнявшимъ эти долины и ущелья и совершившимъ эту гигантскую работу округленія мощныхъ, величественныхъ скалъ? А если такъ, то какой огромный промежутокъ времени долженъ былъ пройти съ тѣхъ поръ, если принять во вниманіе, что нынѣ въ этихъ мѣстахъ вершины, имѣющія высоту въ 16.000—17.000 ф. надъ ур. м., бо̀льшую часть года обнажены отъ снѣга и льдовъ!

Пройдя версты 2 по р. Инду, мы перешли на ея правый берегъ по деревянному мосту, перекинутому въ узкомъ мѣстѣ, гдѣ русло сжато обрывистыми берегами изъ мощныхъ конгломератовъ. На правомъ берегу у моста находится старый Каш-

мирскій фортъ, когда то служившій предмостнымъ укрѣпленіемъ, но нынѣ заброшенный и нежилой. Онъ выглядитъ издали весьма живописно и, возвышаясь надъ рѣкой со своими масивными башнями, имѣетъ видъ грознаго укрѣпленія.

Сел. Каляти. Около 10 ч. у. мы прибыли въ селеніе Каляти (Кальчи) (9.900 ф. надъ ур. м.), гдѣ сдѣлали небольшой привалъ. Селеніе расположено въ расширеніи долины и окружено обширными полями, орошаемыми водой изъ р. Инда. Здѣсь имѣется нѣсколько фруктовыхъ садовъ, придающихъ селенію весьма привлекательный видъ [1]). Тѣнистыя алеи вдоль дороги и сельскихъ улицъ, оросительныя канавы съ журчащей въ нихъ водой, яркая зелень травы и прохлада густыхъ садовъ производятъ здѣсь неотразимо пріятное впечатлѣніе послѣ душнаго воздуха скалистыхъ ущелій, послѣ унылой картины пустынныхъ однообразныхъ горъ.

Отдохнувши въ тѣни густолиственнаго дерева, мы тронулись въ путь. Долина р. Инда и окружающія горы на переходѣ до сел. Снурля, гдѣ мы остановились на ночлегъ, имѣютъ тотъ же однообразный, унылый характеръ, какъ и до сел. Каляти. Мы прибыли на ночлегъ весьма рано, около 2-хъ часовъ пополудни, проѣхавши отъ сел. Лямаюру около 25 верстъ. Обыкновенно, когда мой маленькій караванъ подходилъ къ мѣсту ночлега или привала, Разака выѣзжалъ впередъ, чтобы до моего пріѣзда выбрать удобное мѣсто для бивака, озаботиться относительно продовольствія и, въ нѣкоторыхъ случаяхъ, распорядиться о доставкѣ жителями свѣжихъ вьючныхъ или верховыхъ лошадей.

Когда я пріѣзжалъ въ селеніе, меня встрѣчали сельскій старшина, называемый здѣсь лямбардаромъ, съ «салямомъ» (туземнымъ привѣтствіемъ) и толпа праздныхъ туземцевъ, пользующихся случаемъ поглазѣть на иностранца. Туземцы постоянно толкались около бивака моихъ проводниковъ, но держались въ

1) Здѣсь, какъ и повсемѣстно въ Ладакѣ въ сельскихъ садахъ, разводятся яблоня, груша, абрикосовое дерево и грецкій орѣхъ.

отдаленіи отъ моей палатки, не обнаруживая назойливости. Разака, повидимому, человѣкъ бывалый въ этихъ мѣстахъ и хорошо извѣстенъ мѣстному населенію, потому что онъ распоряжался на ночлегахъ и привалахъ, какъ у себя дома и не встрѣчалъ никакихъ затрудненій въ полученіи всего намъ необходимаго.

Что касается моего продовольствія, то оно не отличалось разнообразіемъ. Англійскіе консервы, купленные мною въ Сринагарѣ, я расходовалъ рѣдко и въ небольшомъ количествѣ, сохраняя ихъ для безлюдныхъ мѣстностей, а пока обращался къ мѣстнымъ средствамъ, гдѣ таковыя находились. Моей обыкновенной пищей за послѣдніе дни была туземная простокваша, нѣсколько напоминающая Кавказскій айранъ, но гуще послѣдняго; смѣшанная съ рисомъ и сахаромъ, она превращалась въ жидкую кашу, весьма сытную, недурного вкуса и освѣжавшую въ жаркое время дня. Большимъ лишеніемъ для меня было, какъ теперь, такъ и въ дальнѣйшей дорогѣ, отсутствіе китайскаго (русскаго) чаю, изъ котораго мы приготовляемъ въ Россіи при помощи самоваровъ столь пріятный и утоляющій жажду напитокъ. Имѣвшійся у меня цейлонскій чай Липтона, подобно индійскимъ чаямъ, невкусенъ и даетъ весьма крѣпкій и горькій настой. Англичане повсемѣстно въ Индіи пьютъ индійскій и цейлонскій чай съ молокомъ—смѣсь довольно сносную на вкусъ, но несравнимую съ китайскимъ чаемъ.

Надняхъ къ нашему каравану присоединился одинъ кашмирецъ, шедшій изъ Сринагара въ Лей и добровольно, отъ скуки и бездѣлья, исполнявшій различныя работы, поручаемыя ему Разакой, какъ на бивакахъ, такъ и въ пути.

Мы разбили свой бивакъ въ большомъ тѣнистомъ саду на правомъ высокомъ берегу р. Инда. Такого пріятнаго бивачнаго мѣста мы не имѣли еще отъ верхней долины р. Синда. Соскочивши съ лошади, я съ истиннымъ удовольствіемъ разложилъ свою бурку въ тѣни фруктовыхъ деревьевъ на густую сочную траву и бросился на нее отдохнуть отъ утомительнаго движенія съ караваномъ. Сел. Снурля.

Раннее прибытіе на ночлегъ дало мнѣ возможность заняться больше обыкновеннаго гербаріемъ и колекціей жуковъ. Я привелъ въ порядокъ сборы послѣднихъ дней, высушилъ нѣкоторыя растенія и пополнилъ гербарій новыми экземплярами. Въ Ладакѣ встрѣчается поразительно мало жуковъ, что, конечно, объясняется бѣдностью растительнаго покрова и недостаткомъ влаги.

Селеніе Снурля, подобно всѣмъ ладакскимъ селеніямъ, является оазисомъ среди горной пустыни, составляющимъ зеленью своихъ садовъ и полей рѣзкій контрастъ съ окружающей его мертвой природой. Оно расположено на высотѣ 10.900 ф. надъ ур. мор. Здѣсь было очень тепло: въ 8 ч. вечера температура воздуха была +25,0° по Ц. Спать въ палаткѣ было положительно душно, хотя входное отверстіе ея было открыто для свободнаго доступа воздуха.

На слѣдующій день мнѣ досталась, въ качествѣ верховой лошади, старая бѣлая кляча, лѣнивая, какъ всѣ здѣшніе «пони», и отличавшаяся еще тѣмъ недостаткомъ, что постоянно забирала влѣво, почему одна изъ моихъ ногъ находилась въ постоянной опасности быть прижатой къ скаламъ, ограничивавшимъ тропу слѣва.

Среди гранитныхъ скалъ долины р. Инда встрѣчается много темно-коричневаго и сѣраго гранита съ мелкими вкрапленіями разнаго рода камней; такой гранитъ попадается чаще въ видѣ отдѣльныхъ, округленныхъ глыбъ, рѣже въ видѣ скалъ, соединенныхъ съ общимъ горнымъ масивомъ.

Верстахъ въ 10-ти отъ ночлега мы проѣхали небольшое селеніе Моргю, на лѣвомъ берегу рѣки, а далѣе, въ 5-ти верстахъ за нимъ, на томъ же берегу—сел. Лярдо, къ югу отъ котораго возвышается величественная снѣговая група Спангтынгъ, вѣроятно превышающая 20.000 ф. надъ ур. м. Около полудня
Сел. Саспуль. мы прибыли въ сел. Саспуль (11.200 ф. надъ у. м.), раскинувшееся со своими полями и садами въ сильно расширенной долинѣ р. Инда. Здѣсь мы сдѣлали привалъ, отдохнули, перемѣнили лошадей и поѣхали дальше. Я торопился прибытіемъ въ Лей, гдѣ

Группа Ладакцевъ изъ селенія Ниму (слѣва-кашмирецъ Розака).

Маны-падми съ чортенами.

Фототипія "В. Класенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Провѣм. И. Каминскій

разсчитывалъ быть на слѣдующій день, если ничто не помѣшаетъ въ дорогѣ. За сел. Саспуль стали встрѣчаться небольшія будійскія молельни, не попадавшіяся мнѣ въ болѣе западныхъ частяхъ Ладака. Онѣ имѣютъ видъ деревяннаго узкаго домика безъ лицевой стѣны, съ поломъ высоко поднятымъ надъ землей; внутри молельни поставлены небольшія глиняныя фигуры, изображающія чортены; онѣ украшены разноцвѣтными лентами и раскрашены въ яркіе цвѣта; внутреннія стѣны молельни разрисованы различными символическими изображеніями. На крышѣ втыкаются тонкіе шесты, на которыхъ развѣваются лоскуты разноцвѣтныхъ матерій.

Поля и сады тянутся еще далеко за селеніемъ. Надо удивляться терпѣнію и упорному труду жителей въ орошеніи своихъ полей и въ устройствѣ сложной системы оросительныхъ канавокъ, благодаря которымъ они отвоевываютъ у горной пустыни сравнительно большія пространства земли.

Выѣхавши за поля селенія, мы оставили р. Индъ вправо и пошли вверхъ по ущелью небольшого ручья, впадающаго въ него у селенія. Крутое, узкое ущелье привело насъ вскорѣ къ перевалу Чуги-ля, возвышающемуся на 12.300 ф. надъ ур. м. Вершина перевала весьма обширна, имѣетъ слабый уклонъ къ востоку и сливается съ нешироким, пустыннымъ плато, слегка понижающимся къ югу. Верстахъ въ 5-ти отъ перевала это плато круто обрывается къ востоку въ небольшую котловину, въ которой расположено небольшое селеніе Базго, на высотѣ 11.700 ф. надъ ур. м. Здѣсь, около 5 часовъ вечера, мы остановились на ночлегъ, разбивши свой бивакъ въ тѣнистомъ саду селенія, среди яблонь, абрикосовыхъ и шелковичныхъ деревьевъ. Съ полудня дулъ сильный западный вѣтеръ, который нагналъ много облаковъ, закрывшихъ бо́льшую часть небосклона. Слава Богу! Наконецъ то можно отдохнуть отъ палящихъ лучей солнца, досаждавшаго намъ всю послѣднюю недѣлю. Сел. Базго.

На слѣдующій день, 18-го іюня, мы покинули селеніе Базго рано утромъ, чтобы добраться засвѣтло до Лея, до котораго

остался хоть одинъ, но усиленный переходъ; стоявшая со вчерашняго дня облачная погода позволяла надѣяться, что мы пройдемъ его легко и сегодня же прибудемъ въ столицу Ладака.

Пройдя селеніе, мы вышли на широкое плато, имѣющее легкій уклонъ къ востоку и покрытое пескомъ и мелкой галькой. По пути мы встрѣчали весьма много чортенъ и маны-падми.

Р. Индъ текла вправо отъ насъ въ нѣкоторомъ отдаленіи и была закрыта сосѣдними возвышенностями. На дорогѣ я встрѣтилъ туриста-англичанина, возвращавшагося съ охоты, въ сопровожденіи кашмирскаго проводника. Мы познакомились, поговорили и, обмѣнявшись своими впечатлѣніями, разъѣхались. Верстахъ въ 5-ти отъ ночлега мы встрѣтили обширное селеніе Ниму (Снимо), расположенное уже вблизи Инда, противъ впаденія въ него рѣки Заскаръ, текущей съ юга.

Здѣсь мы мѣняли лошадей и отдыхали. Пока перевьючивали нашихъ животныхъ, какой то тибетецъ въ фескѣ принесъ моимъ туземцамъ небольшой котелъ, наполненный жидкостью шоколаднаго цвѣта, которую они стали пить съ видимымъ удовольствіемъ. Оказалось, что это ладакскій чай или смѣсь кирпичнаго чая, молока, соли и масла,— напитокъ, чрезвычайно распространенный среди жителей Ладака.

За сел. Ниму мы опять отошли отъ р. Инда, перебравшись по невысокому перевалу Ладакъ-Кункъ (12.400 ф. надъ ур. м.) черезъ поперечный горный отрогъ, преграждающій долину рѣки. Спускъ съ этого перевала имѣетъ такой же характеръ, какъ и спускъ съ перевала Чуги-ля: пустынное песчано-галечное плато, обставленное съ сѣвера безплодными горами, круто обрывается въ нѣсколькихъ верстахъ отъ перевала у небольшого ручья, впадающаго въ р. Индъ; на плато расположено сел. Тару, а по ручью—поля и сады небольшого селенія Паянгъ (11.200 ф. надъ ур. м.), отъ котораго остается лишь 10 верстъ до Лея. Желая добраться до этого города непремѣнно въ этотъ же день, мы взяли въ Паянгѣ свѣжихъ лошадей и, не теряя времени на отдыхъ, тронулись далѣе. За селеніемъ дорога приблизилась къ

Инду, вдоль обоихъ береговъ котораго здѣсь разбросано много полей, садовъ и сельскихъ дворовъ, образующихъ мѣстами довольно крупныя селенія. Въ 6-ти верстахъ отъ Лея мы уже навсегда оставили теченіе р. Инда и круто повернули къ сѣверовостоку, поперекъ обширной, песчаной равнины, сильно вдающейся въ горы. Близъ поворота тропы, на небольшой возвышенности, стоитъ будійскій монастырь, въ которомъ находятъ себѣ пріютъ два десятка ламъ, живущихъ приношеніями богомольцевъ. Уже отъ поворота, въ глубинѣ равнины видны обширные сады, окружающіе столицу Ладака. Своимъ общимъ видомъ г. Лей ничѣмъ не отличается отъ прочихъ селеній страны, но превосходитъ ихъ своими размѣрами. Только старый дворецъ прежнихъ раджей Ладака, возвышаясь на горѣ, примыкающей къ городу съ сѣверной стороны, обращаетъ на себя вниманіе оригинальнымъ видомъ своихъ башенъ. Г. Лей.

Предмѣстья Лея покрыты разбросанными дворами, полями, огородами и садами. Проѣхавши по нимъ версты двѣ, мы подъѣхали къ ряду домиковъ, соединенныхъ между собой высокой глиняной стѣной, имѣвшей въ одномъ мѣстѣ высокія деревянныя ворота. Это и есть собственно городскія ворота, отдѣляющія городъ отъ его южныхъ предмѣстій. За воротами мы сразу оказались на главной улицѣ Лея, обсаженной высокими пирамидальными тополями. Она идетъ между двумя рядами двухъ и одноэтажныхъ деревянныхъ строеній, занятыхъ лавками и упирается противоположнымъ концомъ въ небольшой, грязный и вонючій базаръ, на которомъ постоянно толкается толпа туземцевъ, состоящая изъ представителей различныхъ племенъ, населяющихъ окрестныя страны. За базаромъ мы проѣхали нѣсколько узкихъ пустынныхъ переулковъ и остановились передъ небольшимъ глинянымъ одноэтажнымъ домомъ, окруженнымъ травянистой поляной, съ небольшой группой деревьевъ. Это—правительственное бунгалоу для туристовъ; я занялъ имѣвшееся въ немъ свободное помѣщеніе, а туземцевъ съ лошадьми расположилъ бивакомъ около бунгалоу. Послѣднее ока-

залось значительно хуже кашмирскихъ, но и его убогая обстановка показалась мнѣ роскошной послѣ десятидневнаго пребыванія на солнцѣ и на вѣтру и послѣ ночлеговъ въ тѣсной палаткѣ. Мое помѣщеніе состояло изъ двухъ маленькихъ комнатъ и уборной. Въ комнатахъ стояли: кровать, столъ и два стула, хотя и весьма плохого качества, но все же годные къ употребленію; въ уборной находились—умывальникъ и ванна.

Пребываніе въ г. Лехъ.

Ознакомленіе съ городомъ.

Немедленно по прибытіи въ Лей я послалъ Разаку справиться о мѣстопребываніи британскаго резидента, капитана Ченевикса-Тренча (Chenevix-Trench); оказалось, что онъ уѣхалъ въ окрестности Лея на какой то тибетскій праздникъ, но на слѣдующій день долженъ былъ вернуться домой.

Отдохнувши съ дороги, я провелъ весь вечеръ въ проявленіи фотографическихъ снимковъ, накопившихся у меня на пути отъ Сринагара до Лея. Этой работѣ способствовала одна лишь темнота моего помѣщенія, имѣвшаго, кромѣ входной двери, только одно отверстіе въ видѣ маленькаго окна со ставнями; все же остальное создавало для нея весьма неблагопріятныя условія. Вообще слѣдуетъ замѣтить, что въ путешествіи фотографическія работы чрезвычайно затруднительны, а иногда и совсѣмъ невозможны. Главное затрудненіе заключается въ невозможности получить воду хорошаго качества и желаемой температуры: то она заключаетъ въ себѣ много постороннихъ частицъ, то бываетъ слишкомъ холодна, то содержитъ въ растворѣ какія-нибудь вещества, вредно вліяющія на фотохимическіе процесы. Въ виду этого въ путешествіи слѣдуетъ, пожалуй, ограничиваться однимъ сниманіемъ и не увлекаться дальнѣйшими фотографическими работами, заботясь лишь о сохраненіи пластинокъ.

На слѣдующій день, утромъ, я пошелъ съ Разакой на базаръ, чтобы потолкаться въ толпѣ и сдѣлать кое-какія покупки. Отпустивши туземцевъ сел. Паянга съ ихъ лошадьми обратно

Будійская молельня и чортены,

Г. Лей. Главная улица.

Фототипія В. Клосонъ, С.-Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Пресмъ Н. Каминскій

домой, я еще удерживалъ своихъ Кашмирцевъ, Разаку и Хабибу, до выясненія вопроса—возможно ли мнѣ продолжать свое путешествіе въ Яркендъ. На базарѣ я думалъ купить ящикъ для своего гербарія, но, несмотря на продолжительные поиски, подходящаго ящика не нашелъ; пришлось оставить свои растенія во вьючныхъ чемоданахъ, что представляло многія неудобства. Зато я нашелъ здѣсь сѣрую китайскую бумагу, которая оказалась весьма пригодной для сушки и храненія въ ней растеній. Я купилъ ее у одного зажиточнаго ладакскаго купца, который пригласилъ меня въ свой садъ, гдѣ подъ нѣсколькими высокими кустарниками цвѣтущаго шиповника была сдѣлана глинобитная площадка, закрытая отъ солнца парусиннымъ навѣсомъ. Въ тѣни этого навѣса я отдыхалъ послѣ продолжительной прогулки по городу, вдыхая въ себя ароматъ дикихъ розъ и бесѣдуя съ словоохотливымъ хозяиномъ. Онъ ведетъ большую торговлю въ Леѣ и Лассѣ и постоянно поддерживаетъ сношенія между этими двумя пунктами при помощи снаряжаемыхъ имъ торговыхъ каравановъ, которые употребляютъ три мѣсяца на прохожденіе всего пути отъ Лея до Лассы. У этого купца я впервые увидѣлъ китайскіе ямбы,—крупные слитки серебра, имѣющіе форму корабельнаго корпуса съ палубой. Цѣнность ямбовъ колеблется въ зависимости отъ бо̀льшаго или меньшаго прилива ихъ изъ внутренняго Китая, откуда они присылаются въ Восточный Туркестанъ и Тибетъ и отъ общаго хода торговыхъ сношеній между этими странами. Въ то время въ Леѣ ямбъ стоилъ 160 рупій, что составляетъ на наши деньги около 103 рублей. Ямбы размѣниваются на мелкія деньги двояко: или на серебряную и мѣдную монету, которая имѣется въ обращеніи въ странѣ, или раскалываніемъ слитка на желаемое число большихъ и малыхъ кусковъ, принимаемыхъ въ уплату по вѣсу. Послѣдній способъ практикуется почти исключительно во внутреннемъ Тибетѣ, а въ Ладакѣ ямбы размѣниваются на индійскую серебряную монету.

Базаръ въ Леѣ не произвелъ на меня впечатлѣнія бойкаго торговаго мѣста; ни здѣсь, ни въ другихъ частяхъ города я не

видалъ торговыхъ караванъ-сараевъ, въ которыхъ имѣлись бы большіе склады индійскихъ товаровъ. Вообще, слѣдуетъ сказать, что торговля какъ самаго Лея съ Индіей, такъ и транзитная между Индіей и Восточнымъ Туркестаномъ, весьма незначительна, въ чемъ откровенно признался, въ разговорѣ со мной, британскій политическій агентъ. Осязательные результаты торговыхъ сношеній Индіи съ Западнымъ Тибетомъ и Кашгаріей стали обнаруживаться лишь съ конца 80-хъ годовъ XIX ст.; въ 1890 г. годовой оборотъ этой торговли (ввозъ и вывозъ) составлялъ около 2 мил. рублей и, ежегодно увеличиваясь, достигъ въ 1895 г. своей максимальной цифры—4-хъ мил. рублей. Но затѣмъ, вслѣдствіе усилившагося соперничества русской торговли, онъ сталъ падать и къ началу 1899 г. упалъ до 2 мил. 400 тыс. рублей. Въ 1899 г. онъ упалъ еще болѣе: ввозъ изъ Индіи въ Кашгарію составлялъ 1 мил. рублей, а вывозъ изъ послѣдней—лишь около 300 тысячъ. Это, несомнѣнно, доказываетъ тяготѣніе Кашгаріи въ торговомъ отношеніи къ сѣверу. Не подлежитъ также сомнѣнію, что въ ближайшемъ будущемъ, съ развитіемъ въ нашемъ Туркестанѣ желѣзнодорожной сѣти, торговля Кашгаріи съ Индіей еще болѣе ослабѣетъ и сама собой порвется и та слабая торговая связь, которая еще соединяетъ Индію съ этой окраиной Поднебесной Имперіи, естественно принадлежащей по своему географическому положенію къ области торговаго вліянія Россіи.

Населеніе Лея состоитъ, преимущественно, изъ тѣхъ же тибетцевъ-будистовъ, которыхъ мы встрѣчали на всемъ своемъ пути восточнѣе р. Суру; однако, здѣсь встрѣчаются въ большомъ количествѣ и мусульмане, какъ шіиты, такъ и суниты, а также и индусы, занимающіеся торговлей. Въ Леѣ обращаетъ на себя вниманіе ношеніе мусульманами фесокъ, что встрѣчается въ Центральной Азіи чрезвычайно рѣдко. Большинство туземцевъ здѣсь такъ же грязны и неопрятны, какъ и въ селеніяхъ Ладака. На базарѣ я встрѣтилъ ладакскую дѣвушку, одежда которой состояла изъ однѣхъ лохмотьевъ: грудь была совершенно обна-

жена, а голое тѣло было покрыто черной корой отвратительной грязи. Однако, въ то же время она имѣла на головѣ обычное украшеніе туземокъ — длинный кусокъ кожи, усыпанный крупными камнями бирюзы. Удивительное совмѣщеніе нищеты и безстыдства съ роскошью и женскимъ кокетствомъ!

Британскій политическій агентъ.

20-го іюня, утромъ, вернулся капитанъ Тренчъ и послѣ полудня въ тотъ же день состоялось наше свиданіе въ его небольшомъ двухъэтажномъ глиняномъ домикѣ, расположенномъ среди обширнаго сада. Резиденція британскаго политическаго агента весьма скромна по размѣрамъ и по внутренней обстановкѣ, что объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что онъ живетъ въ Леѣ только 3 — 4 мѣсяца въ году, въ теченіе лѣта, пока производятся торговыя сношенія Ладака съ сосѣдними странами [1]). Капитанъ Тренчъ встрѣтилъ меня чрезвычайно радушно; послѣ первыхъ разспросовъ онъ сообщилъ мнѣ, что въ его канцеляріи есть пакетъ, адресованный на мое имя, и черезъ нѣсколько минутъ вручилъ мнѣ большой, холщевой конвертъ; въ немъ я нашелъ письмо нашего генеральнаго консула въ Кашгарѣ, Н. Ѳ. Петровскаго, китайскій паспортъ, выданный Кашгарскимъ даотаемъ, и проходное свидѣтельство отъ нашего консульства. Трудно выразить словами то удовольствіе, которое я испытывалъ, читая любезныя строки письма многоуважаемаго Н. Ѳ. и разсматривая каракули китайскаго и тюркскаго языковъ, на которыхъ былъ написанъ мой паспортъ,—огромныхъ размѣровъ листъ толстой, сѣрой китайской бумаги. Теперь мое тревожное и неопредѣленное положеніе кончилось и я зналъ, что уже не имѣется никакихъ препятствій для моего возвращенія въ Россію сухимъ путемъ, о чемъ я такъ часто мечталъ, путешествуя въ Индіи.

Н. Ѳ. Петровскій писалъ, что Кашгарскій даотай (сановникъ въ родѣ нашего губернатора) сдѣлалъ распоряженіе объ оказаніи мнѣ содѣйствія на всемъ пути отъ китайской границы

1) Остальное время года онъ живетъ въ г. Сринагарѣ.

до Кашгара, а самъ Н. Ѳ. приказалъ старшинѣ нашихъ туркестанскихъ купцовъ, живущихъ въ Яркендѣ, встрѣтить меня въ этомъ городѣ, принять и помочь мнѣ, въ чемъ будетъ необходимо. Въ заключеніе, Н. Ѳ. приглашалъ меня, по пріѣздѣ въ Кашгаръ, воспользоваться его гостепріимствомъ и остановиться въ консульскомъ помѣщеніи. Разговоръ съ капитаномъ Тренчемъ по вопросу о снаряженіи каравана привелъ къ весьма утѣшительнымъ результатамъ. Оказалось, что въ Леѣ есть много туземцевъ, не разъ ходившихъ съ торговыми караванами и съ экспедиціями европейцевъ въ различныя сосѣднія страны, а потому найти здѣсь людей для дальнѣйшаго путешествія—дѣло совсѣмъ не трудное. Лошадей необходимо покупать, потому что по пути не вездѣ возможно нанимать ихъ, а нанять вьючныхъ животныхъ на всю дорогу—невозможно.

Наемъ людей.

Капитанъ приказалъ позвать одного изъ извѣстныхъ ему бывалыхъ туземцевъ и черезъ полчаса передъ нами стоялъ туземецъ Корбанъ, полутибетецъ, полуиндусъ мусульманскаго вѣроисповѣданія[1]). Смуглый, съ живыми блестящими глазами, онъ производилъ пріятное впечатлѣніе своимъ открытымъ простодушнымъ лицомъ, обѣщавшимъ въ немъ хорошаго спутника въ путешествіи, что вполнѣ и подтвердилось впослѣдствіи. Онъ согласился сопровождать меня до Русскаго Туркестана и составить караванъ, нанявши для этого необходимое число туземцевъ. Бывши уже однажды въ Яркендѣ и владѣя тюркскимъ языкомъ, на которомъ говорятъ туземцы Китайскаго Туркестана, онъ вполнѣ соотвѣтствовалъ назначенію караванъ-баша. Нехорошо было лишь то, что онъ совершенно не зналъ англійскаго языка, но такъ какъ найти проводника, владѣющаго этимъ языкомъ, было невозможно, то пришлось примириться съ этимъ обстоятельствомъ и пользоваться въ разговорахъ съ нимъ своимъ скуднымъ запасомъ индустанскихъ словъ, вывезенныхъ изъ Индіи.

1) Туземцы-метисы, рождающіеся отъ смѣшанныхъ браковъ между ладакскими жителями и выходцами изъ Индіи и Кашгаріи называются въ Ладакѣ — аргунами.

Вынужденный необходимостью, я пополнялъ этотъ запасъ на бивакахъ, читая карманный англо-индустанскій самоучитель. Корбанъ спросилъ 35 рупій жалованья въ мѣсяцъ на своемъ продовольствіи и 10 рупій единовременнаго пособія на обзаведеніе въ дорогу. Эти условія показались мнѣ поразительно дешевыми послѣ требованій кашмирскихъ проводниковъ, а потому я немедленно на нихъ согласился.

Мой будущій караванъ-башъ находилъ необходимымъ нанять трехъ туземцевъ и, принимая во вниманіе количество имѣвшагося у меня багажа, купить пять лошадей, считая три—подъ вьюки, а двѣ—подъ верхъ, мнѣ и себѣ. Какъ туземцевъ, такъ и лошадей онъ обѣщалъ привести на слѣдующій день, когда мы должны были окончательно условиться о различныхъ подробностяхъ. Я хотѣлъ размѣнять у британскаго агента оставшіяся у меня индійскія бумажныя деньги на серебро, но капитанъ Тренчъ совѣтовалъ мнѣ не дѣлать этого, потому что перевозка серебра затруднительна, а бумажныя деньги я могъ легко обмѣнять на китайскую серебряную монету въ городахъ Китайскаго Туркестана. Для дороги я имѣлъ запасъ индійскихъ рупій, собранныхъ мною для этого путешествія еще въ Индіи и достаточный для необходимыхъ платежей по пути.

Въ этотъ день я завтракалъ и обѣдалъ у англійскаго капитана, въ обществѣ съ какимъ то молодымъ англичаниномъ. Туристы въ Леѣ довольно многочисленны въ это время года и Тренчъ говорилъ мнѣ, что скучать здѣсь не приходится, имѣя у себя весьма часто гостей изъ Индіи. Моимъ сосѣдомъ по бунгалоу оказался высокій и пожилой американецъ, постоянно жаловавшійся на усталость, малоподвижный и проводившій цѣлый день въ креслѣ подъ шатромъ, разбитымъ на дворѣ. Онъ оказался весьма интереснымъ собесѣдникомъ, снабжалъ меня англійскими книгами, которыхъ возилъ съ собой огромное количество, но смѣшилъ насъ своими постоянными разговорами о своихъ болѣзняхъ и жалобами на трудность пути отъ Сринагара до Лея. Вечеромъ я разсчитался со своими Кашмирцами и отпу-

стилъ ихъ домой. Такъ какъ въ бунгалоу не было прислуги, если не считать сторожа, наблюдающаго за домомъ, то я нанялъ въ тотъ же вечеръ посуточно до своего отъѣзда молодого аргуна Лясу, обязавшагося за полъ рупіи въ сутки варить мнѣ пищу и исполнять разныя порученія. Этотъ туземецъ сопровождалъ англійскаго капитана Уэльби (Welby) въ его путешествіи отъ Лея черезъ Тибетъ до Пекина и упоминается въ его сочиненіи «Чрезъ невѣдомый Тибетъ» (Through Unknown Tibet). Мой Кашмирецъ Хабиба, узнавъ объ этомъ изъ разговора моего съ Лясу, убѣдительно просилъ меня при прощаніи не забыть упомянуть о немъ въ моемъ сочиненіи о своемъ путешествіи, которое, онъ былъ увѣренъ, я напишу, вернувшись на родину.

Нынѣ, вспоминая объ этомъ, я надѣюсь, исполняю его тщеславное желаніе.

21-го іюня я нанялъ трехъ туземцевъ и купилъ трехъ вьючныхъ и двухъ верховыхъ лошадей, приведенныхъ мнѣ Корбаномъ. Люди были наняты за чрезвычайно умѣренную плату: по 15 рупій (10 р.) въ мѣсяцъ на собственномъ продовольствіи, съ выдачей имъ по 10 рупій (около 7 р.) единовременно на обзаведеніе въ дорогу. На обратный путь какъ этимъ туземцамъ, такъ и Корбану, я обязанъ былъ выдать половинное жалованье за такой же періодъ времени, какой мы употребимъ для движенія въ передній путь.

Двое изъ нанятыхъ туземцевъ, Умаръ-Шахъ и Рахимъ, должны были ходить за лошадьми, вьючить и развьючивать ихъ; третій, Азисъ, былъ нанятъ въ качествѣ повара и на немъ лежала забота о продовольствіи личнаго состава нашей маленькой экспедиціи; однако, при движеніи онъ обязанъ былъ помогать первымъ двумъ въ веденіи вьючныхъ лошадей и исполнять прочія порученія. Всѣ трое, какъ и Корбанъ, были ладакцы, уроженцы г. Лея, мусульмане-суниты смѣшаннаго происхожденія; и насколько въ Корбанѣ видна была примѣсь индусской крови, настолько въ ихъ лицахъ видна была тюркская кровь. Симпатичные на видъ, всегда веселые, работящіе и честные, они

прекрасно служили мнѣ при всякихъ обстоятельствахъ путешествія, не разъ заставляя меня мысленно благодарить англійскаго капитана, оказавшаго мнѣ содѣйствіе при наймѣ ихъ.

Снаряженіе.

Лошади оказались дешевыми: каждая, вмѣстѣ съ вьючнымъ сѣдломъ, обошлась мнѣ въ среднемъ 50 рупій (около 35 р.). Впрочемъ, онѣ здѣсь очень мелки, а вьючныя сѣдла состоятъ изъ простыхъ соломенныхъ подушекъ, покрытыхъ разнымъ тряпьемъ. Для насъ и для лошадей пришлось купить весьма много различныхъ предметовъ: подковъ съ гвоздями, нѣсколько мѣшковъ, веревокъ, кожаное ведро для воды, торбы для лошадей, кухонную утварь и т. п.

Туземцы просили меня не выѣзжать раньше 24-го, потому что имъ необходимо было 2—3 дня на приготовленія въ дорогу; хотя сидѣть въ Леѣ безъ дѣла было весьма скучно, но пришлось согласиться и ждать.

Вечеръ 21-го и слѣдующіе два дня я провелъ весьма однообразно, съ нетерпѣніемъ ожидая 24-го. Почти цѣлый день я проводилъ на верандѣ бунгалоу, читая англійскіе журналы и газеты, которыми снабжалъ меня мой сосѣдъ американецъ, мистеръ Ричъ, раза два сходилъ на базаръ, да заглянулъ въ большой караванъ-сарай, гдѣ стояли купленныя мною лошади. Гулять въ Леѣ положительно негдѣ; кругомъ бунгалоу разбросаны отдѣльные дворы и сады, окруженные глиняными стѣнами; чтобы выйти на просторъ, за городъ, нужно пройти большое разстояніе, но и тамъ не увидишь ничего интереснаго: пустынная равнина охватила городъ со всѣхъ сторонъ и протянулась до горъ.

Съ 18-го іюня въ Леѣ стояла облачная погода, — явленіе весьма рѣдкое для Ладака; воздухъ былъ прохладенъ, ночи стояли свѣжія, вынуждавшія съ вечера запирать окна и двери бунгалоу. Говорятъ, что большая высота Лея надъ ур. моря (около 12.000 ф.) оказываетъ неблагопріятное вліяніе на европейцевъ, и мистеръ Ричъ постоянно жаловался на одышку при ходьбѣ и легкое удушье во время сна; что касается меня, то я не замѣтилъ на себѣ вреднаго вліянія разрѣженнаго воздуха Лея.

23-го, вечеромъ, наканунѣ отъѣзда, Корбанъ купилъ на дорогу два мѣшка муки и рису, мѣшочекъ соли и принесъ мнѣ въ подарокъ оригинальную тибетскую нагайку съ толстой рукоятью изъ какого то красно-желтаго дерева. Онъ сообщилъ мнѣ, что, такъ какъ за Леемъ намъ придется подыматься на перевалъ Кардунгъ, возвышающійся болѣе чѣмъ на 17.000 ф. надъ ур. м., то для сбереженія лошадей необходимо взять изъ Лея четырехъ яковъ для подъема нашихъ вьюковъ на перевалъ. Я приказалъ ему нанять этихъ животныхъ, а самъ отправился съ прощальнымъ визитомъ къ капитану Тренчу, котораго засталъ въ постели, страдающимъ лихорадкой. Послѣ непродолжительной бесѣды, поблагодаривши его за необыкновенно любезное содѣйствіе, которое онъ оказалъ мнѣ при моемъ снаряженіи, я сердечно распрощался съ нимъ. Пользуюсь настоящимъ случаемъ, чтобы выразить ему еще разъ мою искреннюю признательность за радушіе, съ которымъ онъ принялъ меня въ Леѣ, и за рѣдкое вниманіе, съ которымъ онъ снарядилъ меня въ дальнее путешествіе.

Отъ Лея до р. Шейока.

Выступленіе изъ Лея.

24-го іюня, въ 9 ч. у., мой караванъ выступилъ изъ Лея въ составѣ шести туземцевъ [1]), пяти лошадей и четырехъ яковъ. Яки были наняты Карбаномъ каждый за одну рупію въ сутки и подняли почти всѣ наши вьюки; лошадямъ остались лишь нѣкоторыя мелкія вещи. Передъ отъѣздомъ я разсчитался съ Лясу, заплативши ему больше, чѣмъ слѣдовало по уговору. Но каково же было мое удивленіе, когда, получивши отъ меня слѣдуемыя ему деньги, онъ что то быстро проговорилъ по индустани, бросилъ деньги на землю и ушелъ. Я спросилъ Корбана—въ чемъ дѣло? и узналъ, что Лясу недоволенъ моимъ вознагражденіемъ, потому что онъ надѣялся получить отъ меня вдвое больше. Сочтя такое поведеніе Лясу за обычное попрошайничанье ту-

1) Изъ нихъ двое были взяты временно съ яками, нанятыми на перевалъ.

земцевъ и находя вознагражденіе вполнѣ достаточнымъ, я не обратилъ на этотъ случай особеннаго вниманія и поѣхалъ за своимъ караваномъ.

Толпа туземцевъ провожала насъ до окраины Лея, за которой разстилались поля, окружающія городъ. Мы взяли направленіе на сѣверъ, къ перевалу Кардунгъ [1]).

Этотъ перевалъ, имѣющій высоту въ 17.570 ф. надъ ур. м., находится въ длинномъ, узкомъ, но чрезвычайно высокомъ хребтѣ, протянувшемся вдоль праваго берега р. Инда отъ озера Пангонкъ на востокѣ до сліянія рѣкъ Инда и Шейока на западѣ и служащемъ водораздѣломъ между упомянутыми рѣками. Путь, пролегающій отъ Лея черезъ Каракорамское нагорье въ Кашгарію, пересѣкаетъ этотъ хребетъ по перевалу Кардунгъ.

Лей расположенъ у самаго подножія южнаго склона хребта, а потому уже за городомъ начинается подъемъ на его южные отроги. Тропа, по которой мы слѣдовали, шла вверхъ по маленькому ручью, извивавшемуся сначала среди полей, а далѣе по мелкой каменистой лощинѣ. За культурной полосой, опоясывающей городъ, лежала та же безплодная, унылая пустыня, которую мы видѣли на пути отъ верховьевъ Драса до г. Лея; новый хребетъ представился намъ въ томъ же непривлекательномъ нищенскомъ уборѣ, который такъ наскучилъ мнѣ на пройденномъ мною пути. Растительность, въ видѣ рѣдкой травы, встрѣчалась лишь по берегамъ ручья, поддерживающаго своей влагой ея печальное существованіе. На окрестныхъ холмахъ были видны многочисленныя чортены. Тропа сохраняла по лощинѣ ручья постепенный подъемъ, однако, дававшій себя чувствовать вслѣдствіе значительной высоты мѣстности. Чѣмъ дальше мы шли, тѣмъ чаще останавливались наши лошади и тѣмъ труднѣе имъ было дышать. Яки шли чрезвычайно медленно, но дышали свободно и не обнаруживали усталости; они положительно незамѣнимы въ горахъ и на высокихъ азіатскихъ плоскогорьяхъ; поднимая вьюкъ

1) Его другое названіе—Ляоучи.

значительно больше лошадинаго, эти животныя отличаются при-этомъ изумительно вѣрной поступью. Они свободно идутъ нѣсколько часовъ по горнымъ тропамъ, сплошь усыпаннымъ камнями, ни разу не спотыкнувшись и легко проходятъ броды въ стремительныхъ горныхъ рѣкахъ, дно которыхъ покрыто скользкими валунами. Яки требуютъ мало ухода и неприхотливы въ пищѣ, довольствуясь той чахлой травой, которая кое-гдѣ пробивается у камней по горнымъ скатамъ и по берегамъ горныхъ ручьевъ.

На высотѣ 15.300 ф. надъ ур. м. мы встрѣтили возлѣ тропы признаки человѣческаго жилища: здѣсь стояла маленькая избушка, сложенная изъ камней, около которой былъ разбросанъ пометъ яковъ въ значительномъ количествѣ; на окрестныхъ скатахъ мы замѣтили нѣсколько пасущихся яковъ и овецъ. Это—урочище Ганлисъ (Цгунглясъ), гдѣ проживаютъ нѣсколько ладакцевъ, неизвѣстно зачѣмъ и кѣмъ поселенные въ этомъ безотрадномъ уголкѣ пустынныхъ горъ. Около избушки ручей, котораго мы не покидали, составляется изъ двухъ меньшихъ ручьевъ: одинъ, правый, течетъ съ большого снѣжнаго поля, расположеннаго къ западу, среди снѣговыхъ горъ, а другой, лѣвый—съ перевала Кардунгъ. Мы продолжали движеніе вверхъ по послѣднему. Отъ избушки подъемъ становится круче.

Ночлегъ подъ переваломъ.

Послѣ часового подъема мы остановились на ночлегъ, на берегу ручейка, на небольшой ровной площадкѣ. Бивачное мѣсто оказалось самымъ безотраднымъ: кругомъ были камни да песокъ, почти безъ признака травянистой растительности. Отсутствіе тѣни было чрезвычайно чувствительно, потому что мы разбили свой бивакъ въ третьемъ часу дня, когда горячіе лучи южнаго солнца нестерпимо жгли въ этомъ разрѣженномъ и чистомъ воздухѣ. Высота нашего ночлега—15.700 ф. надъ ур. м.; она сказывалась при ходьбѣ и при сильныхъ тѣлодвиженіяхъ, возбуждая одышку и быстрое утомленіе. Окрестныя горы въ общемъ безснѣжны и лишь нѣкоторыя вершины покрыты снѣгомъ, спускающимся съ нихъ длинными полосами. Около нашего бивака по-

стоянно кружились тибетскіе вороны (Corvus Thibetanus), надоѣдавшіе намъ своимъ отвратительнымъ карканіемъ. Эти большія смѣлыя птицы подходили весьма близко къ нашимъ палаткамъ, вынуждаемыя голодомъ къ дерзкимъ попыткамъ утащить что-либо съѣдобное изъ котловъ, въ которыхъ варилась наша пища.

Бродя между камнями, разбросанными вокругъ бивака, мнѣ удалось найти здѣсь нѣсколько десятковъ черныхъ жуковъ, пополнившихъ мою бѣдную колекцію.

Передъ заходомъ солнца на нашемъ бивакѣ появился какой то туземецъ, пришедшій изъ Лея и подалъ мнѣ конвертъ съ печатью британскаго политическаго агента. Въ конвертѣ я нашелъ, писанную по англійски, жалобу Лясу на имя Тренча, въ которой онъ просилъ взыскать съ меня 4 рупіи, будто бы не доплаченныя ему мною и надпись на ней англійскаго капитана съ просьбой удовлетворить просителя, въ случаѣ если жалоба окажется справедливой. Упоминая про это письмо, я долженъ сказать, что меня удивило въ данномъ случаѣ не столько нахальство и несправедливыя домогательства туземца, готоваго налгать сколько угодно для полученія лишней рупіи, сколько то, что подобной жалобѣ могъ повѣрить англійскій офицеръ, знавшій меня и бывшій свидѣтелемъ моихъ денежныхъ расчетовъ съ туземцами. Я написалъ Тренчу письмо съ объясненіемъ всего дѣла и отправилъ его съ пришедшимъ изъ Лея туземцемъ.

Съ мѣста нашего ночлега ясно была видна равнина, на которой стоитъ г. Лей, но самъ городъ скрывался во мглѣ. Замѣчательно красиво выдѣлялся на югѣ, на темной синевѣ неба, высокій Заскарскій хребетъ, вершины котораго были покрыты обильнымъ снѣгомъ, питающимъ многочисленные притоки р. Заскара.

Послѣ захода солнца температура сразу упала и въ 8 ч. вечера термометръ показалъ только +11,0° по Ц.

Дувшій передъ заходомъ солнца сильный юго-западный вѣтеръ утихъ и наступилъ тихій, прохладный вечеръ. Уже равнина

Лея, окрестныя горы и нашъ бивакъ погрузились въ темноту, а далекіе снѣга величественнаго Заскарскаго хребта освѣщались еще послѣдними лучами солнца.

Ночь была холодная; вода въ ручьѣ замерзла у береговъ, покрывшись тонкими бѣлыми льдинками, но къ утру стало теплѣе.

Перевалъ Кардунгъ.

Мы выступили съ ночлега въ 7 ч. у. и направились къ перевалу. Наши лошади шли безъ вьюковъ; я ѣхалъ верхомъ на рыжемъ, безобразномъ якѣ безъ роговъ, котораго велъ одинъ изъ туземцевъ за веревку, прикрѣпленную къ кольцу, продѣтому сквозь ноздри животнаго. Тропа едва обозначалась среди камней и круто подымалась въ гору. По сторонамъ попадались большія снѣжныя полосы, мѣстами пересѣкавшія нашу тропу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ручей былъ скованъ льдомъ, подъ которымъ сочилась лишь тонкая струйка воды, извивавшаяся среди камней. Солнце скрывалось еще за сосѣдними горами и мы съ нетерпѣніемъ ждали его перваго теплаго луча, который долженъ былъ обогрѣть насъ послѣ холодной ночи. Хотя я ѣхалъ въ мѣховой курткѣ и теплыхъ перчаткахъ, но съ удовольствіемъ поглядывалъ на убывавшія тѣни горныхъ вершинъ, уже озаренныхъ лучами восходящаго солнца.

Травянистая растительность взбирается здѣсь весьма высоко, имѣя своихъ миніатюрныхъ представителей у самой границы вѣчнаго снѣга.

Около $8^1/_2$ ч. у., пройдя нѣсколько десятковъ шаговъ по крутому, скользкому снѣговому скату, мы взобрались на перевалъ. Онъ покрытъ сплошнымъ и глубокимъ снѣгомъ, на поверхности котораго мѣстами нагромождены огромныя кучи камней.

На перевалѣ я отпустилъ туземца съ верховымъ якомъ и мы начали спускаться. Спускъ оказался крутой, а въ самомъ началѣ и не безопасный; здѣсь пришлось идти по крутому снѣжному косогору, имѣя по лѣвую руку отъ себя глубокое дно ущелья, въ которое мы спускались. Мои ноги были обуты въ кашмирскія чапли, оказавшіяся совершенно негодными къ упо-

Мои Ладакцы (считая слѣва Корбанъ, Умаръ-шахъ, Рахимъ и Азисъ).

Мой караванъ на перевалѣ Кардунгъ.

Фототипія В. Кассонъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 1–2.

Правил Н. Каминскій

требленію на снѣгу: кожаные чулки сильно промокали, а шляпки гвоздей, вбитыхъ въ подошву, не проникали въ плотный снѣгъ и ноги поминутно скользили. Глядя на яковъ, я удивлялся, какъ увѣренно и смѣло ступали они своими копытами по скользкому косогору, ни разу не спотыкнувшись и не поскользнувшись на обледенѣлой поверхности снѣга.

Пройдя по снѣгу саженей триста, мы перешли на каменистый скатъ, по которому вьется едва замѣтная тропинка; въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ее можно узнать лишь по сухому помету вьючныхъ животныхъ. Около нея сочится между камнями ручеекъ, сбѣгающій съ перевала. По каменистому скату мы спустились на дно ущелья, къ небольшому озеру съ зеленовато-голубой водой, къ которому подходитъ большое снѣговое поле, покрывающее крутой сѣверный склонъ перевала и обрывающееся у озера.

Туземцы мнѣ говорили, что это маленькое красивое озеро очень глубоко; оно имѣетъ около 100 саженей длины и 60 саженей ширины. На его берегу мы сдѣлали небольшой привалъ, чтобы дать отдыхъ нашимъ вьючнымъ животнымъ.

На сѣверномъ склонѣ перевала снѣжный покровъ опускается на 800 ф. ниже, чѣмъ на южномъ, гдѣ онъ встрѣчается лишь около самой вершины.

Ущелье р. Кардунгъ.

Отъ озера передъ нами открылась узкая долина съ незначительнымъ паденіемъ къ сѣверу, по которой мы продолжали наше движеніе. Въ своей верхней части она образуетъ рядъ маленькихъ котловинъ, въ одной изъ которыхъ мы нашли другое озеро еще меньшихъ размѣровъ, чѣмъ первое.

Съ окрестныхъ скатовъ, покрытыхъ кое-гдѣ снѣгомъ, а также и съ перевала текутъ ручьи, несущіе свои воды къ сѣверу. Вслѣдствіе оригинальнаго строенія верхней части долины, образующей рядъ котловинъ съ раздѣляющими ихъ невысокими увалами, вода этихъ ручьевъ, не имѣя возможности стекать по земной поверхности, проложила себѣ, повидимому, путь подъ землей, потому что верстахъ въ 6—7 отъ перевала, въ томъ

мѣстѣ гдѣ долина пріобрѣтаетъ постоянное паденіе къ сѣверу, эти воды сразу обнаруживаются изъ-подъ камней, покрывающихъ дно долины, довольно крупнымъ ручьемъ, мѣстами даже затруднительнымъ для переправы. Этотъ ручей—верховье р. Кардунгъ, текущей къ сѣверу въ долину р. Шейока. На разстояніи нѣсколькихъ верстъ отъ истоковъ ручья тропа идетъ вдоль него, слѣдуя преимущественно его лѣвымъ берегомъ; но затѣмъ ручей углубляется въ узкое ущелье, а тропа вьется высоко надъ нимъ по крутому каменистому берегу. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ паденіе ущелья увеличивается и ручей превращается въ быстрый потокъ, пѣнящійся среди каменныхъ грядъ и валуновъ. Движеніе по тропѣ среди камней, обломковъ скалъ и щебня весьма затруднительно. Недалеко отъ сел. Кардунгъ камни образуютъ колосальныя гряды, принимающія мѣстами характерную форму боковыхъ ледниковыхъ моренъ. Весьма возможно, что когда то верхняя долина этой рѣки была покрыта ледникомъ, спускавшимся съ перевала. Растительность на окрестныхъ горахъ такъ же бѣдна, какъ и по южную сторону перевала; горы угрюмы и пустынны; длинныя, узкія песчано-каменистыя осыпи спускаются съ нихъ въ долину.

Сел. Кардунгъ.

Въ 3 ч. пополудни мы стали на ночлегъ въ сел. Кардунгъ. Селеніе расположено на высокой и обширной терасѣ лѣваго берега рѣки, въ нѣкоторомъ отъ нея отдаленіи. Общій его характеръ, его поля, искуственное орошеніе—все такое же, какъ и по южную сторону хребта. Въ окрестностяхъ селенія я видѣлъ чортены и «маны падми», но значительно меньшихъ размѣровъ, чѣмъ къ западу отъ Лея. Чортены имѣютъ здѣсь внутреннее помѣщеніе, въ которое ведутъ два небольшихъ окна, прорѣзанныя съ противуположныхъ сторонъ; въ одной изъ здѣшнихъ чортенъ я видѣлъ небольшую молитвенную машину на вертикальной оси.

Жители какъ этой части Ладака, такъ и болѣе сѣверныхъ мѣстностей до верховій р. Нубры, ничѣмъ не отличаются ни въ одеждѣ, ни въ обычаяхъ, ни въ образѣ жизни, ни въ языкѣ отъ населенія мѣстностей, прилегающихъ къ р. Инду.

Путешествуя въ Ладакѣ, приходится останавливаться на бивакъ непремѣнно въ самомъ селеніи, потому что только здѣсь, гдѣ имѣется искуственное орошеніе, возможно найти травянистую лужайку или группу деревьевъ. Въ сел. Кардунгъ мы заѣхали въ маленькій садъ, окруженный невысокой стѣной и расположились подъ тѣнью небольшихъ деревьевъ, едва укрывавшихъ насъ отъ лучей горячаго солнца.

Здѣсь я разсчиталъ и отпустилъ обратно въ Лей туземцевъ съ вьючными яками. Съ ихъ уходомъ нашъ бивакъ сдѣлался менѣе шумнымъ и каждый занялся своимъ дѣломъ: я писалъ дневникъ, приводилъ въ порядокъ свой гербарій и собиралъ жуковъ, а туземцы чинили конскую сбрую, чистили посуду и устраивали на ночь уставшихъ лошадей....

Вечеромъ я услыхалъ доносившійся изъ палатки моихъ туземцевъ совершенно несвойственный этой части свѣта веселый звукъ русской гармоники. Оказалось, что Корбанъ игралъ на небольшомъ индустанскомъ инструментѣ, похожемъ на дудку, который издавалъ звуки весьма близкіе къ звукамъ гармоники. Въ дальнѣйшемъ пути этотъ инструментъ, вѣроятно, испортился, потому что его звуки уже больше не оглашали нашихъ молчаливыхъ биваковъ.

Послѣ весьма теплой и тихой ночи мы выступили на слѣдующій день въ восьмомъ часу утра. Передъ нашимъ выѣздомъ изъ селенія ко мнѣ явился туземецъ изъ Лея и вручилъ мнѣ письмо отъ капитана Ченевиксъ-Тренча. Послѣдній извинялся за безпокойство, доставленное мнѣ ложной жалобой Лясу и увѣдомлялъ меня, что наложитъ взысканіе на лживаго и строптиваго туземца. Я написалъ ему короткій отвѣтъ и отправилъ гонца обратно въ Лей.

Меня поразила необыкновенная быстрота, съ которой туземный пѣшій гонецъ доставилъ мнѣ письмо изъ Лея: въ однѣ сутки онъ прошелъ около 50 верстъ по горамъ, одолѣвши высокій снѣговой перевалъ съ его крутыми, каменистыми склонами.

Отъ сел. Кардунгъ нашъ маленькій караванъ увеличился: я

рѣшилъ, гдѣ возможно, нанимать одну вьючную лошадь для облегченія нашихъ лошадей, силы которыхъ необходимо было беречь для дальнѣйшаго пути и для такихъ мѣстъ, гдѣ нельзя было найти вьючныхъ животныхъ.

Оставивши селеніе, мы пошли по обширной терасѣ лѣваго берега рѣки, дошли до того мѣста, гдѣ эта тераса обрывается въ узкое ущелье небольшого горнаго ручья, впадающаго слѣва въ рѣку, и внизъ по этому ручью спустились въ долину р. Кардунгъ, по которой продолжали нашъ путь къ сѣверу. Отсюда и до своего выхода въ долину р. Шейока долина р. Кардунгъ сохраняетъ одинъ и тотъ же характеръ: она узка, глубока, имѣетъ небольшое паденіе и поросла вдоль рѣчныхъ береговъ густымъ кустарникомъ; древесной растительности здѣсь нѣтъ, но вблизи сліянія рѣки съ р. Шейокомъ на высотѣ 11.500 ф. надъ ур. м. я замѣтилъ два абрикосовыхъ дерева (Armeniaca vulgaris), растущихъ здѣсь въ дикомъ состояніи. Травянистый покровъ здѣсь ничтоженъ, какъ и повсемѣстно въ Ладакѣ.

Окрестные скаты совершенно безплодны: кругомъ камень и песокъ. Горы слагаются, преимущественно, изъ гранитовъ, но ихъ подножія прикрыты колосальными толщами конгломератовъ.

Тропа то вьется по неширокому карнизу надъ рѣкой, то пролегаетъ по песчанымъ косогорамъ осыпей. По послѣднимъ движеніе чрезвычайно затруднительно для лошади; подвижной матеріалъ осыпи расползается подъ ногами, которыя уходятъ глубоко въ песокъ, сползающій внизъ вмѣстѣ съ лошадью. Рѣка здѣсь неглубока, но течетъ чрезвычайно быстрымъ потокомъ.

По рр. Шейоку и Нубрѣ.

Р. Шейокъ. Въ 8—10 верстахъ отъ сел. Кардунгъ рѣка выходитъ въ широкую долину р. Шейока, поворачиваетъ къ западу, нѣкоторое время течетъ паралельно послѣдней, но затѣмъ онѣ обѣ сливаются. Въ этомъ мѣстѣ долина р. Шейока имѣетъ ширину отъ 2 до $2^1/_2$ верстъ; она покрыта пескомъ и крупной галькой,

среди которой рѣка течетъ къ западу двумя или тремя рукавами. Травянистой растительности здѣсь нѣтъ, а кустарная образуетъ мѣстами небольшія заросли. Переѣхавъ въ бродъ р. Кардунгъ, мы пересѣкли узкое галечное пространство, раздѣляющее обѣ рѣки, и подъѣхали къ берегу Шейока.

Р. Шейокъ течетъ здѣсь двумя рукавами, шириной около 60 саженей каждый, раздѣленными другъ отъ друга низкой отмелью, заливаемой въ половодье. Первый, южный рукавъ течетъ быстро, но спокойно, неглубокъ и легко проходимъ въ бродъ; второй же, сѣверный, представляетъ собой грозный, ревущій потокъ, очень глубокій, несущій свои воды со страшной быстротой и вздымающій волны до 3 ф. высотой. Въ обоихъ рукавахъ вода имѣетъ цвѣтъ молочнаго кофе. Южный рукавъ мы прошли благополучно въ бродъ, руководствуясь указаніями какого то туземца, откуда то появившагося и шедшаго въ водѣ впереди насъ; бродъ оказался лишь по брюхо лошади. Но когда мы выбрались на галечную отмель рѣки и передъ нами открылось русло второго рукава, то я съ ужасомъ глядѣлъ на своего караванъ-баша, спокойно ѣхавшаго на своемъ рыжемъ конѣ къ берегу этого стремительнаго потока, какъ будто бы онъ намѣревался переправиться въ бродъ. Окинувши взоромъ теченіе рѣки на всемъ видимомъ пространствѣ, я нигдѣ не замѣтилъ ни моста, ни парома и недоумѣвалъ—неужели же и черезъ этотъ рукавъ необходимо переправляться на лошади? Но недоумѣніе мое было непродолжительно: подъѣхавши къ рѣкѣ, мы увидѣли за прибрежнымъ бугромъ большую туземную лодку и человѣкъ 6 туземцевъ, сидѣвшихъ на берегу. Теперь я понялъ, откуда взялся нашъ проводникъ, указавшій намъ бродъ черезъ первый рукавъ. Оказалось, что жители сел. Сати (или Чети), расположеннаго на правомъ берегу рѣки, въ разстояніи одной версты отъ нея, содержатъ здѣсь переправу для проѣзжающихъ каравановъ, взимая за свои услуги чрезвычайно умѣренную плату. Переправа производится здѣсь слѣдующимъ порядкомъ: лошади разсѣдлываются, развьючиваются и пускаются вплавь, а весь багажъ и

Опасная переправа.

люди помѣщаются въ лодку. Страшно было смотрѣть на нашихъ лошадей, когда ихъ погнали въ рѣку; глядя на быстрый потокъ, животныя неохотно шли въ воду и если бы не сильное теченіе, которое сразу подхватило ихъ, когда они вошли въ воду по брюхо, то пришлось бы долго возиться съ ними. Въ одно мгновеніе надъ водой остались лишь однѣ лошадиныя головы, которыя неслись съ ужасной быстротой по теченію; по ихъ движенію было видно, что животныя старались стать туловищемъ подъ угломъ къ теченію рѣки, чтобы сопротивляться напору воды и выбиться къ берегу; высокія волны заливали ихъ головы и были мгновенія, когда на поверхности воды ихъ не было видно, и мы считали своихъ лошадей погибшими; саженяхъ въ 200 отъ мѣста переправы рѣка дѣлаетъ небольшой поворотъ влѣво, гдѣ вода, въ своемъ стремительномъ теченіи не успѣвая слѣдовать за извилинами русла, набѣгаетъ на изгибъ праваго берега; здѣсь наши лошади были прибиты теченіемъ къ берегу и благополучно выбрались изъ воды. Не будь этой извилины русла, вѣроятно, еще долго пришлось бы имъ нестись по теченію.

Наша переправа на лодкѣ оказалась болѣе безопасной, чѣмъ переправа нашихъ лошадей. Лодка была прочно сколочена, имѣла въ длину сажени три, въ ширину сажень, а борты ея подымались фута на 3—4 надъ водой. Когда багажъ былъ уложенъ и люди сѣли въ лодку, мы отчалили отъ берега, предоставивши себя на произволъ стремительнаго теченія; лодочники, сидѣвшіе на кормѣ и на носу, быстро гребли толстыми короткими лопатами, стараясь приблизить нашу лодку къ противоположному берегу. Нѣсколько минутъ мы быстро неслись внизъ по теченію, но близъ того мѣста, гдѣ выбрались изъ воды наши лошади, лодочникамъ удалось бросить длинный канатъ, закрѣпленный на лодкѣ, нѣсколькимъ туземцамъ, бѣжавшимъ за нами по берегу. Схвативши канатъ, они послѣ продолжительныхъ усилій остановили нашу лодку и притянули ее къ себѣ. Быстро былъ выгруженъ багажъ, навьюченъ на лошадей и мы тронулись дальше.

Пройдя съ версту по песчано-галечному пространству, мы въѣхали въ сел. Сати (11.700 ф. надъ у. м.) и около 12 часовъ дня расположились на бивакъ въ небольшомъ саду на краю селенія. Это былъ первый бивакъ въ моемъ путешествіи, на которомъ мы терпѣли нужду въ хорошей водѣ и должны были пить мутную, сѣро-желтую воду, проведенную въ селеніе изъ р. Шейока и употребляемую здѣсь какъ для пищи, такъ и для орошенія полей. Здѣсь я встрѣтилъ каравáнъ какого то купца изъ Лея, слѣдовавшій изъ Яркенда въ Ладакъ на мулахъ. Сел. Сати (Чети).

Весь день стояла жаркая и безвѣтряная погода; хотя къ вечеру задулъ сильный сѣверо-западный вѣтеръ, но къ 8 ч. вечера термометръ все же показалъ +23° по Ц.

Дальнѣйшій нашъ путь отъ сел. Сати (Чети) шелъ внизъ по правому берегу р. Шейока до впаденія въ нее справа р. Нубры и затѣмъ вверхъ по послѣдней рѣкѣ. Вверхъ по р. Нубрѣ.

27-го іюня мы добрались до сел. Кіагуръ, расположеннаго въ долинѣ р. Нубры, верстахъ въ 25 отъ сел. Сати.

По пути близъ сліянія упомянутыхъ двухъ рѣкъ мы проѣхали сел. Тиритъ, широко раскинувшееся на правомъ берегу р. Шейока, а въ долинѣ р. Нубры встрѣтили сел. Лякзунъ и Сумуръ. Всѣ онѣ поражаютъ своей разбросанностью и тянутся иногда на нѣсколько верстъ по рѣкѣ. Общій характеръ долинъ рр. Шейока и Нубры почти одинаковъ: рѣки держатся на значительномъ протяженіи своего теченія какой-либо одной стороны долины, оставляя съ другой—широкую песчано-галечную береговую полосу, по которой проходитъ тропа, пересѣкающая быстрые горные ручьи, сбѣгающіе съ сосѣднихъ возвышенностей. Мѣстами рѣки текутъ нѣсколькими рукавами, раздѣленными низкими галечными отмелями. Травянистой растительности здѣсь очень мало; древесная же встрѣчается лишь въ селеніяхъ, гдѣ пирамидальный тополь, абрикосовое дерево и ива образуютъ большія рощи; кустарники растутъ вдоль рѣкъ, покрывая мѣстами большія площади прибрежныхъ полосъ ихъ долинъ. Невыразимо пріятно бываетъ, послѣ нѣсколькихъ часовъ ѣзды по

песчано-галечной равнинѣ, въѣхать въ густыя заросли кустовъ облѣпихи, тамарикса и шиповника. Хотя они даютъ и мало тѣни и растутъ на голой землѣ, почти обнаженной отъ травянистаго покрова, но одинъ видъ зеленыхъ вѣтвей и шелестъ ихъ листвы, приводимой въ движеніе вѣтромъ, пріятно дѣйствуютъ на настроеніе путешественника, утомленнаго видомъ безплодныхъ горъ и пустынныхъ долинъ. Въ окрестностяхъ сел. Кіагуръ песчано-галечное дно долины замѣняется песчанымъ и здѣсь мѣстами обширныя площади покрыты глубокимъ пескомъ.

Въ попутныхъ селеніяхъ мы встрѣчали много чортенъ и «маны падми»; въ одной чортенѣ, имѣвшей внутреннее помѣщеніе, я нашелъ огромное количество маленькихъ каменныхъ вальковъ съ расширеніями на обоихъ концахъ, напоминающихъ своимъ видомъ катушки для наматыванія нитокъ. При въѣздѣ въ сел. Кіагуръ находятся нѣсколько колосальныхъ «маны падми», изъ коихъ нѣкоторыя, повидимому, построены весьма давно, потому что уже поросли высокимъ и толстымъ кустарникомъ. Верхняя площадь этихъ сооруженій покрыта не овальными плоскими камнями, какъ въ южномъ Ладакѣ, а огромными плитняками, на которыхъ вырѣзаны ламами священныя надписи. Одинъ изъ этихъ священныхъ каменныхъ валовъ, находящійся въ самомъ селеніи, вѣроятно, во избѣжаніе разрушенія, сцементированъ и скрѣпленъ по сторонамъ толстыми деревянными брусьями. Въ Кіагурѣ находятся двѣ будійскія молельни и нѣсколько чортенъ, имѣющихъ огромные размѣры: сажени 3—4 въ діаметрѣ и сажени 4 высоты. Нѣкоторыя изъ нихъ увѣнчаны высокими шестами.

Высота сел. Кіагуръ—около 11.400 ф. надъ ур. м.

Сел. Панамикъ.

Переночевавши здѣсь подъ сѣнью большихъ абрикосовыхъ деревьевъ, мы продолжали на слѣдующій день нашъ путь лѣвымъ берегомъ р. Нубры до сел. Панамикъ. На пути мы встрѣтили нѣсколько туземныхъ селеній—Чамшингъ, Васкинъ и Тиритша на нашемъ берегу и Чараса, Кури, Мурги и Энса—на противуположномъ. Въ сел. Панамикъ намъ предстояла двухдневная остановка.

Дѣло въ томъ, что, двигаясь къ сѣверу, мы приближались къ пустынному, безлюдному нагорью Западнаго Тибета, гдѣ невозможно достать ни лошадей, ни фуража, ни продовольственныхъ запасовъ. Сел. Панамикъ—послѣднее крупное селеніе въ долинѣ р. Нубры, въ которомъ можно запастись кое-чѣмъ необходимымъ для путешествія. Въ виду этого, я рѣшилъ провести здѣсь два дня, чтобы нанять до китайской границы двухъ вьючныхъ лошадей, которыя подняли бы двухнедѣльный запасъ фуража для каравана и пополнить наши запасы муки, яицъ и другихъ сельскихъ продуктовъ, бывшихъ у насъ на исходѣ.

При въѣздѣ въ селеніе нашъ караванъ былъ встрѣченъ толпой тибетцевъ во главѣ съ сельскимъ старшиной (лямбардаромъ); послѣдній былъ одѣтъ въ длинный темный халатъ и носилъ красную турецкую феску. Онъ проявилъ много распорядительности и вниманія при размѣщеніи насъ въ селеніи и оказалъ намъ большое содѣйствіе въ нашемъ снаряженіи для дальнѣйшаго пути по Тибетскому нагорью. Мы заняли въ Панамикѣ отдѣльный дворъ и я расположился на крытой верандѣ небольшого каменнаго дома.

Переходъ этого дня былъ однимъ изъ наименѣе жаркихъ переходовъ, пройденныхъ нами съ верховій р. Драса. Съ утра временами накрапывалъ дождь, облака то закрывали солнце, то открывали его—вообще, погода стояла перемѣнная и прохладная.

Передъ вечеромъ мой караванъ-башъ Корбанъ явился ко мнѣ въ сопровожденіи лямбардара для переговоровъ о закупкѣ ячменя, наймѣ лошадей съ проводниками и т. п. дѣлахъ. Снявши по индійскому обычаю туфли, они усѣлись, по моему приглашенію, на разостланную на верандѣ бурку, и Корбанъ сообщилъ мнѣ условія, на которыхъ лямбардаръ брался снабдить насъ всѣмъ необходимымъ. Двѣ вьючныя лошади съ пѣшимъ проводникомъ каждая до китайской границы (собственно до китайскаго укрѣпленія Шахидула) стоили 40 рупій, при чемъ проводники и лошади должны были быть на собственномъ про-

довольствіи. Если принять во вниманіе, что на пути до Шахидулы мы должны были пересѣчь западную окраину высокаго Тибетскаго нагорья, чрезвычайно труднаго для движенія каравана, и что этотъ путь невозможно было сдѣлать менѣе чѣмъ въ десять дней, то цѣна, предложенная мнѣ лямбардаромъ, окажется совсѣмъ незначительной. Запасъ ячменя для нашихъ пяти лошадей на весь переходъ до Шахидулы лямбардаръ согласился доставить мнѣ за 8 рупій. Вечеромъ мы получили ячмень и зашили его въ два большіе мѣшка, образовавшіе одинъ увѣсистый вьюкъ. Лямбардаръ доставилъ намъ нѣсколько десятковъ яицъ, которыя мы помѣстили въ небольшія корзины съ мягкой подстилкой изъ листвы, имъ же заготовленныя для этой цѣли.

Мой бивакъ на верандѣ отличался однимъ существеннымъ недостаткомъ: ночью онъ посѣщался сотнями маленькихъ муравьевъ, кусавшихся весьма больно; для огражденія меня отъ безпокойства, причиняемаго этими маленькими насѣкомыми, Корбанъ принесъ мнѣ цѣлый снопъ свѣжей полыни. Я обложилъ себя этой травой со всѣхъ сторонъ, положилъ ее подъ подушку, но долго не могъ заснуть отъ ея сильнаго одуряющаго запаха, который устрашалъ, однако, моихъ маленькихъ непріятелей.

Слѣдующій день, 29-го іюня, былъ такой же облачный и прохладный, какъ и предыдущій. Я бродилъ по селенію, разсматривалъ чортены, «маны падми», собиралъ жуковъ, пополнялъ свой гербарій; благодаря любезности лямбардара, мнѣ удалось достать изъ внутренняго помѣщенія одной чортены нѣсколько глиняныхъ иконокъ съ изображеніемъ Буды и нѣсколько глиняныхъ моделей чортенъ; послѣднія сдѣланы очень грубо и мало похожи на большія чортены; иконки же сдѣланы значительно лучше и четырехрукая фигура Буды изображена на нихъ весьма отчетливо. Для приготовленій этихъ иконокъ ламы, вѣроятно, употребляютъ штампъ, которымъ выбиваютъ изображеніе Божества на сырой глинѣ, потому что иконки совершенно тождественны между собой, какъ общими размѣрами, такъ и въ подробностяхъ.

На нашемъ бивакѣ шли дѣятельныя приготовленія къ выступленію. Мои люди стирали бѣлье, пекли хлѣбъ, рѣзали барана, заготовляя запасы мяса въ дорогу.... Когда привели нанятыхъ нами лошадей, пошла пригонка вьючныхъ сѣделъ, приспособленіе вьюковъ, перековка лошадей и т. п.

Здѣшнія вьючныя сѣдла состоятъ изъ двухъ соединенныхъ между собой узкихъ подушекъ, набитыхъ травой, которыя накладываются на спину лошади по сторонамъ позвоночника, нѣсколько ниже послѣдняго. На эти подушки кладутъ толстую грубую попону съ нагрудникомъ и подхвостникомъ, покрывающую спину и бока лошади. На попону накладываютъ уже вьюкъ, прикрѣпляя его веревками, какъ удобнѣе.

Цѣлый день на нашемъ дворѣ и на плоскихъ крышахъ сосѣднихъ домовъ сидѣли групами туземцы, глазѣя на меня, на нашихъ лошадей и на работу моихъ людей; нѣкоторые изъ нихъ были заняты сученіемъ шерсти, накручивая на палочку грубую шерстяную нитку. Какъ грязны, а иногда и отвратительны на видъ эти Ладакскіе жители! Ни у одного изъ нихъ я не замѣтилъ и признаковъ бѣлья, которое, кажется, здѣсь совсѣмъ не употребляется населеніемъ. На черное отъ грязи тѣло надѣвается грубый сѣрый армякъ, составляющій единственную одежду ладакца; армякъ подпоясанъ узкимъ длиннымъ кускомъ холста, на которомъ постоянно висятъ различные предметы, необходимые въ обиходѣ туземца—небольшой ножъ, точилка, кремень съ огнивомъ и т. п. Головнымъ уборомъ служитъ небольшая мѣховая шапка, мѣхомъ внутрь, низко спускающаяся на затылкѣ, а иногда маленькая цвѣтная шапочка, похожая на тюбетейки, носимыя въ Туркестанѣ. Обувью служатъ туфли или короткія валенки, одѣваемыя на босую ногу; нѣкоторые обматываютъ себѣ икры, по индійскому обычаю, длинной узкой лентой, замѣняющей голенища высокихъ сапогъ.

Къ вечеру всѣ наши приготовленія въ дорогу были окончены. Лямбардаръ, сдѣлавши все, что отъ него зависѣло, пришелъ ко мнѣ передъ вечеромъ, чтобы откланяться, потому что по ка-

кому то дѣлу ему необходимо было отправиться въ тотъ же день въ одно изъ сосѣднихъ селеній. Онъ получилъ отъ меня небольшой подарокъ и «сэртификэйтъ», удостовѣряющій оказанное имъ мнѣ содѣйствіе.

30-го іюня въ 7 ч. у. мы покинули сел. Панамикъ, чтобы сдѣлать послѣдній переходъ по Ладаку и подойти къ окраинѣ высокаго Каракорамскаго нагорья. Характеръ рѣки, долины и окружающихъ горъ на этомъ переходѣ—совершенно такой же, какъ и въ нижнемъ теченіи. На пути мы встрѣтили селенія Покачу, Таксей и Сасонга, а противъ нихъ на правомъ берегу рѣки—сел. Кубетъ, Эій и Аруну. Пройдя верстъ 18, мы подошли къ маленькому сел. Чанглюнгъ, состоящему изъ нѣсколькихъ жалкихъ избушекъ, окруженныхъ деревьями. Хотя мы прибыли сюда очень рано, около полудня, но такъ какъ далѣе, по словамъ Панамикскихъ туземцевъ, намъ предстоялъ тяжелый подъемъ на перевалъ, а мѣстъ, пригодныхъ для остановки на ночлегъ нашего каравана, поблизости за Чанглюнгомъ не было, то мы рѣшили заночевать около этого селенія и выступить на слѣдующее утро.

Селеніе Чанглюнгъ.

Къ вечеру рядомъ съ нашимъ бивакомъ появился другой бивакъ, на которомъ расположились какіе то туристы, повидимому, англичане. Они прибыли со стороны перевала Сасыръ, куда намъ предстояло идти на слѣдующій день, но доходили ли они до перевала или нѣтъ и зачѣмъ ѣздили въ ту сторону—я не знаю, потому что не знакомился съ ними. За часъ до ихъ прибытія, въ селеніе пріѣхалъ какой то чрезвычайно смуглый господинъ въ европейской одеждѣ, оказавшійся англизированнымъ туземцемъ, исполнявшимъ обязанности караванъ-баша. По его приказанію нѣсколько тибетцевъ, сопровождавшихъ вьюки, разбили двѣ палатки такихъ большихъ размѣровъ, что, глядя на нихъ, я ожидалъ прибытія многочисленной экспедиціи, взамѣнъ которой увидѣлъ лишь двухъ человѣкъ—мужчину, ѣхавшаго верхомъ на якѣ и даму, шедшую пѣшкомъ. Войдя въ палатку, они уже не выходили изъ нея, а рано утромъ, до нашего выступленія, ушли внизъ по р. Нубрѣ.

Къ ночи небо покрылось тучами и вскорѣ по полотнищамъ моей маленькой палатки забарабанилъ крупный, теплый дождь, прекратившійся лишь къ разсвѣту. Въ сѣверной части Ладака, какъ кажется, атмосферные осадки выпадаютъ въ большемъ количествѣ, чѣмъ въ прочихъ его частяхъ, что, вѣроятно, объясняется близостью къ источникамъ влаги—къ колосальнымъ ледникамъ и снѣгамъ, покрывающимъ главный хребетъ Куэнъ-Люня.

Однако, несмотря на это, флора здѣсь болѣе бѣдна, чѣмъ къ западу отъ Лея. Изъ древесныхъ породъ я видѣлъ только одну *иву* (Salix sp.)[1]), а изъ кустарниковъ—*джиду* (Elaeagnus hortensis), *облѣпиху* (Hippophaë rhamnoides), *мирикарію* (Myricaria elegans), *тамарикса* (Tamarix sp. gallica?), *сугакъ* (Lycium Ruthenicum), *ломоносъ* (Clematis orientalis), *шиповникъ* (Rosa sp. eglanteria?) и *смородину* (Ribes orientale). Эти кустарники, вмѣстѣ съ ивнякомъ, образуютъ всѣ тѣ заросли по долинамъ и ущельямъ сѣвернаго Ладака, о которыхъ я неоднократно упоминалъ выше. Травянистая растительность тоже бѣдна, какъ количествомъ видовъ, такъ и размѣрами своего покрова. Я нашелъ здѣсь: *кисличу* (Oxyria digyna), Bibersteinia odora, *молодинъ* (Sedum Rhodiola), *горохъ* (Cicer Songaricum), *бобы* (Oxytropis myriophylla), *донникъ* (Melilotus officinalis), *котовикъ* (Nepeta longebracteata), *чистецъ* (Stachys sp.), Perowskia abretanioides, *астру альпійскую* (Aster alpinus), *чертополохъ* (Cnicus argyracanthus), *полынь* (Artemisia stricta), *лапчатку* (Potentilla sericea и P. multifida), *бѣлоголовникъ* (Eurotia ceratoides) и Physoclaina prealta. Изъ этихъ травъ Aster alpinus, Oxytropis myriophylla, Potentilla sericea и Eurotia ceratoides встрѣчались на весьма высокихъ мѣстахъ, между 14.000 и 17.000 ф. надъ у. м.; Artemisia stricta попадалась на всевозможныхъ высотахъ до 16.000 ф. Stachys sp. и Perowskia abretanioides—весьма распространенныя здѣсь растенія. Флора.

1) Не считая двухъ случайныхъ экземпляровъ Armeniaca vulgaris въ долинѣ р. Шейока и культурныхъ деревьевъ въ селеніяхъ.

Птицы.

Орнитологическая фауна разсматриваемой части Ладака мало отличается отъ таковой же долинъ рр. Драса и Инда. Здѣсь встрѣчаются почти тѣ же виды, что и тамъ, но со слѣдующими исключеніями: *пустельга* (Falco tinnunculus), *ласточка земляная* (Cotyle rupestris), *дроздъ синій* (Petrocossyphus cyaneus) и *чеканъ черногорлый* (Saxicola atrogularis) не встрѣчались мнѣ совершенно, но зато появились *воронъ тибетскій* (Corvus Thibetanus) и *индѣйка горная* или *уларъ* (Megaloperdix himalayensis).

На рубежѣ горной пустыни.

1-го іюля мы должны были покинуть долину р. Нубры и взобраться на западный край обширнаго нагорья, составляющаго пустынную и безлюдную окраину Тибета. Здѣсь, вблизи сел. Чанглюнгъ, кончаются населенныя мѣста; нѣсколько выше по р. Нубрѣ еще встрѣчаются отдѣльные поселки туземцевъ, но уже далѣе къ сѣверу и къ востоку находятся совершенно необитаемыя мѣстности. Въ географическомъ отношеніи здѣсь кончается Ладакъ съ его величественными пустынными хребтами и раздѣляющими ихъ узкими глубокими долинами, здѣсь находится естественная граница этой страны контрастовъ, совмѣщающей въ себѣ безплодные, каменистые хребты съ воздѣланными, мѣстами цвѣтущими, долинами, недостатокъ атмосферныхъ осадковъ съ обиліемъ водъ, наполняющихъ русла многочисленныхъ рѣкъ и ручьевъ, и большую высоту рѣчныхъ долинъ, возвышающихся до 12.000 ф. надъ ур. м., съ умѣреннымъ климатомъ. Далѣе, къ сѣверу и къ востоку, разстилается высочайшее въ мірѣ нагорье, рѣзко отличающееся своимъ характеромъ отъ пройденнаго нами Ладака и образующее особенную географическую область. Въ политическомъ отношеніи часть этого нагорья принадлежитъ Ладаку, т. е. составляетъ владѣнія Кашмирскаго магараджи; граница между владѣніями Кашмира и Китайскими землями никогда еще не была точно установлена, проходя примѣрно по гребню хребта Куэнъ-Люня, составляющаго позвоночный столбъ этого нагорья. Все пространство отъ р. Нубры до верхняго теченія р. Хотанъ-дарьи совершенно необитаемо, а потому принадлежность его къ тѣмъ или другимъ владѣніямъ не

имѣетъ нынѣ никакого политическаго значенія для обѣихъ сторонъ; это нагорье составляетъ какъ бы нейтральную полосу, раздѣляющую Индію отъ западнаго Китая.

Я буду называть эту обширную горную страну Каракорамскимъ нагорьемъ, по имени высочайшаго перевала, ведущаго черезъ главный кряжъ могучаго Куэнъ-Люня.

Каракорамское нагорье.

Въ снѣгу и среди ледниковъ.

На перевалъ Ляскетъ.

1-го іюля, въ 6 ч. у., выступивши съ бивака у сел. Чанглюнгъ, мы направились къ востоку, поперекъ рѣчной долины, къ горамъ лѣваго берега р. Нубры. Непосредственно за селеніемъ тропа поднимается въ гору,—это начало подъема на нагорье Каракорама. Я ѣхалъ верхомъ на крупномъ ворономъ якѣ съ длинными рогами, нанятомъ въ сел. Чанглюнгъ до слѣдующаго почлега. Вьючныя лошади шли подъ вьюками. За нашимъ караваномъ бѣжалъ одинокій баранъ, купленный моими туземцами въ Чанглюнгѣ для собственнаго продовольствія; подгоняемый Азисомъ, онъ жалобно блеялъ, какъ бы предчувствуя свою близкую кончину.

Тропа поднимается на перевалъ короткими зигзагами, довольно крута и камениста. Скаты горъ скалисты, безлѣсны и лишь мѣстами покрыты короткой травой, растущей пучками возлѣ камней. Я замѣтилъ здѣсь нѣсколько кустовъ шиповника (Rosa sp.), который взбирается здѣсь до высоты 13.000 ф. надъ ур. м. Среди скалъ мы встрѣчали весьма много горныхъ индѣекъ или уларовъ (Megaloperdix himalayensis), быстро бѣгавшихъ между камнями и при нашемъ приближеніи шумно взлетавшихъ со свистомъ. Эту птицу я встрѣчалъ въ дальнѣйшемъ нашемъ пути почти ежедневно вплоть до равнинъ Восточнаго Туркестана и, преимущественно, на весьма большихъ высотахъ, свыше 13.000 ф. надъ ур. м.

Поднявшись на высоту 14.500 ф., мы добрались до не-

большого горнаго уступа, гдѣ на ровной травянистой площадкѣ отдохнули отъ тяжелаго подъема и дали возможность нашимъ животнымъ пощипать свѣжую, сочную траву, столь рѣдкую въ этой горной пустынѣ. Съ этого мѣста уже былъ виденъ перевалъ Ляскетъ, къ которому мы приближались. Онъ имѣетъ высоту 15.200 ф. надъ ур. м. и находится въ небольшомъ узкомъ хребтѣ, отдѣляющемъ долину р. Нубры отъ ущелья ручья Талямъ; послѣдній течетъ съ с.-в. въ р. Нубру и, прорвавшись чрезъ узкую и извилистую трещину въ горахъ ея лѣваго берега, изливается въ нее южнѣе сел. Чанглюнгъ, у сел. Сасонга. Перевалъ Ляскетъ.

Около перевала травянистая растительность нѣсколько лучше, чѣмъ въ нижней части подъема, но состоитъ исключительно изъ мелкихъ растеній. На перевалѣ, несмотря на его большую абсолютную высоту, снѣга не оказалось, но на окрестныхъ горахъ, превышающихъ его на 2—3.000 ф., были видны большія снѣжныя полосы. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ мы нашли здѣсь сложенныя изъ камней невысокія пирамиды, а возлѣ тропы стояло странное сооруженіе, имѣвшее форму невысокаго прямоугольника изъ плоскихъ овальныхъ камней, расположенныхъ правильными слоями. На поверхности этого памятника былъ водруженъ шестъ съ прикрѣпленнымъ къ нему кускомъ бѣлой матеріи. Подобныя постройки относятся, вѣроятно, къ разряду тѣхъ «обо», о которыхъ я говорилъ при описаніи перевала Зоджи-ля.

Съ перевала Ляскетъ крутой спускъ ведетъ въ ущелье р. Талямъ. Тропа идетъ по крутому, каменисто-песчаному косогору, высоко надъ ручьемъ, извивающимся въ узкомъ и глубокомъ ущельи. Спустившись къ ручью, она слѣдуетъ сначала его правымъ берегомъ, а въ 7 верстахъ отъ перевала переходитъ на лѣвый берегъ. Ущелье р. Талямъ.

Растительность восточнаго склона перевала точно такъ же бѣдна, какъ и западнаго; вдоль ручья Талямъ нѣтъ совершенно кустарной растительности.

Почти у самаго перевала, при спускѣ съ него, огибая лежавшій у тропы большой обломокъ скалы, мы наткнулись на

свѣжій трупъ лошади, окруженный пернатыми хищниками. Здѣсь было нѣсколько крупныхъ тибетскихъ вороновъ и два большихъ грифа. Увидѣвши насъ, вороны испуганно сорвались и полетѣли въ сосѣднія скалы; грифы спокойно осмотрѣлись кругомъ, вытянувши свои длинныя, голыя шеи, и, поднявшись безшумно съ падали, спокойно улетѣли къ ручью, медленно и плавно махая своими большими крыльями. Усѣвшись на выступѣ скалы, они слѣдили за движеніемъ нашего каравана, и я видѣлъ, какъ, пропустивши насъ саженей на 100 отъ лошадинаго трупа, они такъ же спокойно вернулись къ нему. Это была первая, встрѣченная нами, падаль въ той длинной вереницѣ труповъ павшихъ животныхъ, которая сопровождаетъ путь по Каракорамскому нагорью до верхняго теченія р. Хотанъ-дарьи. Отсюда уже мы встрѣчали почти черезъ каждую версту то высохшіе трупы лошадей и ословъ, возлѣ которыхъ кружились хищныя птицы, то ихъ бѣлые скелеты, очищенные отъ мяса и кожи хищниками, вѣтрами и дождемъ, то конскіе черепа, то отдѣльныя кости....

Если принять во вниманіе ничтожность караваннаго движенія по Каракорамскому нагорью, то обиліе падали лучше всего свидѣтельствуетъ о трудностяхъ этого пути и о суровыхъ климатическихъ условіяхъ нагорья.

Р. Талямъ течетъ быстрымъ, мутнымъ потокомъ, имѣющимъ ширину отъ 10 до 15 саженей, и принимаетъ въ себя съ обѣихъ сторонъ нѣсколько горныхъ ручьевъ, низвергающихся съ боковыхъ ущелій. Непривѣтливо выглядитъ ущелье Таляма. Безплодныя, высокія горы сжимаютъ его, закрывая далекіе снѣговые хребты, которые, выдѣляясь изъ общей массы сѣрыхъ, угрюмыхъ горъ, развлекаютъ взоръ путешественника и разнообразятъ картину; большія, длинныя осыпи тянутся по обѣимъ сторонамъ ручья, угрожая запрудить его быстрое теченіе; кругомъ тихо, ни звука; лишь изрѣдка раздастся какой то грохотъ, точно раскатъ отдаленнаго грома, разнесется по унылому ущелью, забѣжитъ во всѣ его уголки, гдѣ то за сосѣдними го-

рами раскатится горнымъ эхомъ и замолкнетъ: то оторвался кусокъ скалы, упавшій на дно ущелья, или обрушилась крутая осыпь, наполнившая ущелье пылью, которая послѣ этого еще долго носится въ воздухѣ.

Послѣ трехчасового движенія отъ перевала Ляскетъ, около двухъ часовъ пополудни, мы остановились на ночлегъ, на лѣвомъ берегу ручья, на небольшой полянѣ. Это — урочище Маргистангъ[1]), имѣющее высоту 14.200 ф. надъ ур. м. Ни возлѣ него, ни въ его окрестностяхъ нѣтъ никакого человѣческаго жилья. Однако, подходя къ мѣсту ночлега, мы встрѣтили здѣсь небольшое стадо козъ и овецъ, пасшихся возлѣ ручья. Изъ разспросовъ оказалось, что какъ ни ничтожна травянистая растительность, встрѣчающаяся въ этихъ горахъ, но и она служитъ подножнымъ кормомъ тибетскимъ стадамъ, пригоняемымъ сюда изъ ближайшихъ селеній долины р. Нубры.

Урочище Маргистангъ.

Уже сегодня климатическія условія Каракорамскаго нагорья обнаружились во всей ихъ непривлекательности. Во время нашего подъема на перевалъ Ляскетъ шелъ холодный дождь и температура не поднималась выше + 7,5° по Ц. Около полудня нѣсколько распогодилось, но вблизи ночлега опять пошелъ дождь, который къ вечеру смѣнился снѣжной крупой, падавшей, съ перерывами, въ теченіе всей ночи.

Въ ближайшихъ окрестностяхъ нашего бивака не оказалось никакого топлива и мы разводили костеръ изъ запаса дровъ, взятаго нами изъ сел. Чанглюнгъ.

Мои туземцы, къ моему удивленію, несмотря на измѣнившіяся климатическія условія, были одѣты такъ-же легко, какъ и прежде: Рахимъ шелъ сегодня всю дорогу въ кашмирскихъ чапляхъ, одѣтыхъ на босую ногу, а всѣ они имѣли на себѣ обыкновенные армяки, открытые на груди и плохо укрывавшіе ихъ отъ холода. Впослѣдствіи я узналъ, что они не везли съ собой никакой

---

1) Названія урочищъ, ручьевъ и ледниковъ сообщались мнѣ ладакцами, нанятыми мною въ Панамикѣ.

теплой одежды, употребивши на другія потребности тѣ деньги, которыя я имъ выдалъ въ Леѣ на заведеніе теплыхъ вещей. Съ такой легкой одеждой и съ такимъ суровымъ образомъ жизни, какой вели они въ дорогѣ, можетъ мириться одинъ лишь тибетецъ, привыкшій къ холодамъ, вѣтрамъ и разрѣженному воздуху этихъ высокихъ нагорій.

Съ этого ночлега настали плохіе дни для нашихъ лошадей, лишенныхъ хорошаго корма. Ячмень выдавался имъ прежними порціями, но сѣна взять было не откуда и имъ приходилось довольствоваться той травой, которую онѣ могли розыскать между камнями на скатахъ горъ, когда, послѣ выкормки ячменемъ, ихъ пускали пастись вокругъ бивака до слѣдующаго утра. Урочище Маргистангъ представляло въ этомъ отношеніи еще сносныя условія, но въ дальнѣйшемъ пути нашихъ лошадей ждали гораздо большія лишенія.

2-го іюля, утромъ, мы продолжали наше движеніе вверхъ по ручью Талямъ. На окрестныхъ скатахъ замѣтенъ былъ свѣжій снѣгъ, выпавшій въ теченіе ночи, но на днѣ ущелья не осталось никакихъ слѣдовъ снѣжной крупы, падавшей со вчерашняго вечера: сухой воздухъ нагорья поглотилъ ее безъ остатка. Погода была пасмурная, какъ и вчера; большія тяжелыя тучи ползли по небу, временами задѣвая горныя вершины и окутывая ихъ густымъ, сѣрымъ туманомъ; онѣ то разбѣгались въ стороны, открывая синее небо, то скоплялись и заволакивали его сплошной пеленой. Недалеко отъ нашего ночлега ручей вытекаетъ изъ ледника Маргистангъ. Ледникъ имѣетъ весьма большіе размѣры: въ длину около 12 верстъ, при ширинѣ до одной версты и принадлежитъ къ числу долинныхъ ледниковъ; онъ течетъ съ сѣвера на югъ и имѣетъ незначительное паденіе. Въ своей верхней части онъ составляется изъ четырехъ ледниковъ, почему несетъ на себѣ ясно выраженныя срединныя морены, которыя ближе къ устью сливаются съ боковыми моренами, расползаются и покрываютъ собой почти всю поверхность ледника, давая матеріалъ для образованія мощной конечной морены. Лѣ-

вый (западный) край ледника при его устьѣ не примыкаетъ вплотную къ крутому скату ущелья и отдѣленъ отъ послѣдняго высокимъ валомъ ледниковаго щебня. Толщина ледника на его нижнемъ концѣ—отъ 15 до 20 саженей. Нижній край его находится на высотѣ 14.300 ф. надъ ур. м. При выходѣ ручья Талямъ изъ ледника, въ него впадаетъ другой небольшой ручей, текущій съ сѣверо-запада съ перевала Сасыръ, вверхъ по которому мы продолжали наше движеніе. Теперь мы шли по узкому, весьма каменистому ущелью, совершенно лишенному растительности. Въ небольшомъ разстояніи отъ ледника Маргистангъ, на западномъ склонѣ ущелья, я замѣтилъ висячій ледникъ, залегавшій между двумя высокими валами ледниковаго щебня.

Примѣрно съ высоты 15.000 ф. надъ ур. м. ручей бѣжитъ среди снѣговыхъ береговъ, а мѣстами и подъ сплошнымъ снѣжнымъ покровомъ; хотя мы встрѣчали уже много свѣжаго снѣга, но видно было, что и зимній стаялъ не весь. Изъ птицъ я замѣтилъ здѣсь стайку уларовъ на сосѣднихъ скатахъ горъ, да нѣсколькихъ крупныхъ вороновъ, кружившихъ возлѣ нашего каравана.

Верстахъ въ 7 отъ ночлега въ верховьи небольшого бокового ущелья, впадающаго съ востока въ ущелье Сасырскаго ручья, залегаетъ огромный ледникъ Гумулюнъ, окруженный нѣсколькими снѣговыми вершинами; нижній край ледника находится на высотѣ около 15.600 надъ ур. м.. Съ западной стороны, почти напротивъ него, въ трехъ ущельяхъ, раздѣленныхъ скалистыми снѣговыми горами, залегаютъ обширные ледники. Нѣсколько далѣе по ущелью мнѣ пришлось увидѣть ледникъ, который своей необыкновенной формой и удивительнымъ положеніемъ на горѣ можетъ поразить не только обыкновеннаго путешественника, но и спеціалиста-геолога. Онъ имѣетъ форму длиннаго, чрезвычайно правильнаго прямоугольника, нѣсколько сотъ саженей въ длину, саженей 200 въ ширину и отъ 30 до 40 саженей въ вышину. Онъ состоитъ почти изъ чистаго льда, присыпаннаго на поверхности снѣгомъ; ни на немъ, ни вблизи него нѣтъ ни мо-

ренъ, ни ледниковаго щебня. Онъ виситъ на крутомъ скатѣ горы надъ тропой, не доходя до нея своимъ нижнимъ краемъ саженей на 100. Верхній край ледника лежитъ между двумя снѣжными вершинами, въ небольшой котловинѣ, имѣющей видъ снѣгового цирка.

Подъ переваломъ Сасыръ.

Въ полуверстѣ за этимъ ледникомъ ущелье расширилось и превратилось въ круглую, почти ровную котловину, саженей 200 въ поперечникѣ, еще совершенно мокрую отъ недавно стаявшаго снѣга. Сасырскій ручей вытекаетъ здѣсь изъ снѣгового поля, залегающаго въ сѣверо-восточномъ углу котловины; около его истока находится небольшое голубоватое озеро со снѣжными берегами. Отъ этого мѣста начинается уже подъемъ на перевалъ Сасыръ. Около полудня мы стали на бивакъ около озера, въ урочищѣ Пангтанса, на высотѣ 16.250 ф. надъ ур. м.

По дорогѣ временами насъ мочилъ холодный дождь, а на бивакѣ повалилъ снѣгъ, смѣнявшійся иногда снѣжной крупой. Было холодно, мрачно и скучно. Небо было затянуто тучами, снѣжная крупа барабанила по полотнищамъ палатки, а сильный вѣтеръ выл на всевозможные лады, врываясь въ мою палатку. Къ вечеру земля покрылась сплошнымъ снѣжнымъ покровомъ и наши измученныя лошади, пущенныя на свободу послѣ небольшой дачи ячменя, нетерпѣливо разбрасывали копытами свѣжій снѣгъ, розыскивая подъ нимъ рѣдкую траву, кое-гдѣ ютившуюся между камнями. Вечеромъ снѣгъ пошелъ сильнѣе и закрутила метель. Перевалъ Сасыръ встрѣчалъ насъ весьма недружелюбно.

Нашъ образъ жизни.

Въ первые же дни по выступленіи изъ Лея въ нашемъ караванѣ установился извѣстный образъ жизни, почти не измѣнявшійся на всемъ пути до русской границы. Мы выступали съ бивака между 6 и 8 часами утра и шли безъ привала верстъ 25—30, становясь на ночлегъ между 12 и 3 часами пополудни. Лишь иногда, въ самыхъ пустынныхъ мѣстахъ, гдѣ трудно было выбрать мѣсто удобное для бивака, мы шли болѣе 30 верстъ и становились на ночлегъ позднѣе. Я и Корбанъ ѣхали верхомъ,

Сѣверный склонъ перевала Қардунгъ.

Мой караванъ на перевалѣ Саcыръ-ля.

Фототипія В. Классонъ, С. Петербургъ, Надеждинская № 7-3

Печаталъ Н. Каменскій

а Умаръ-шахъ, Азисъ и Рахимъ, а равно и временно нанимаемые туземцы, шли пѣшкомъ, подгоняя вьючныхъ животныхъ. На пути до верхней Нубры, какъ и въ Кашмирѣ и западномъ Ладакѣ, я часто слѣзалъ съ лошади и шелъ пѣшкомъ, потому что ноги сильно уставали отъ продолжительнаго сидѣнія въ сѣдлѣ при медленномъ движеніи каравана, да, кромѣ того, собираніе растеній и жуковъ вынуждало меня спѣшиваться; но съ подъемомъ на Каракорамское нагорье пришлось отказаться отъ этихъ прогулокъ, потому что значительная высота мѣстности надъ ур. моря быстро утомляла меня при ходьбѣ. Здѣсь, на этомъ нагорьи, мы шли обыкновенно на высотѣ отъ 15.000 до 18.000 ф. надъ ур. м., т. е. на уровнѣ высочайшихъ горъ Швейцарскихъ Альпъ и Кавказа. Однако, несмотря на это, мои пѣшіе туземцы шли легко, не обнаруживая признаковъ особой усталости и не жалуясь на одышку.

При выборѣ нами бивака непремѣннымъ условіемъ являлись: до верхней Нубры наличность топлива и травы, а съ подъемомъ на нагорье, гдѣ кустарникъ исчезъ и топливо пришлось везти съ собой, наличность подножнаго корма; о водѣ не приходилось заботиться, потому что страна изобилуетъ ею, а мы двигались всегда вдоль горныхъ ручьевъ, обозначавшихъ своимъ теченіемъ дорогу для каравана. По прибытіи на бивакъ, вьюки снимались съ лошадей и немедленно же разбивалась моя палатка; но такъ какъ она была очень низка и узка и въ ней можно было лишь лежать или сидѣть на полу, то я пользовался ею только для сна и для работы въ ненастную погоду, когда дождь, снѣгъ, а особенно вѣтеръ мѣшали заниматься на открытомъ воздухѣ; въ остальныхъ же случаяхъ, уложивши свои вещи въ палатку, я разстилалъ возлѣ нея кавказскую бурку и проводилъ здѣсь время, разбирая свои колекціи, составляя дневникъ и читая. Пока разбивали мою палатку, нашъ поваръ Азисъ складывалъ изъ камней незатѣйливый очагъ, зажигалъ топливо и прилаживалъ надъ нимъ котелки, въ которыхъ приготовлялась для насъ пища. Я питался яичницей, рисовой кашей и чаемъ съ

тонкими пшеничными лепешками, которыя пекли каждый день мои люди; для приготовленія послѣднихъ одинъ изъ туземцевъ мѣсилъ тѣсто въ кастрюлѣ, затѣмъ накладывалъ его тонкимъ слоемъ на горячій камень, вынутый изъ очага и ставилъ вплотную къ огню; хотя тѣсто мѣсилось руками, не знавшими мыла, и хотя часто передъ печеніемъ хлѣба Умаръ-шахъ или Рахимъ возились около потныхъ лошадей, но горный воздухъ и утомленіе дѣлали свое дѣло, и сѣрыя лепешки съ примѣсью земли и угля съѣдались съ удивительнымъ апетитомъ; къ тому же тамъ, гдѣ не было ничего другого, брезгать не приходилось. Кромѣ этой пищи, я мало по малу истреблялъ англійскіе консервы, закупленные въ Сринагарѣ и состоявшіе изъ масла, сгущеннаго молока, варенья и чайныхъ печеній.

Туземцы ѣли баринину, которую везли съ собой, тѣ же пшеничныя лепешки и пили бурый ладакскій чай, постоянно варившійся въ небольшомъ котлѣ, висѣвшемъ надъ огнемъ. Послѣдній, какъ и въ западной части Ладака, приготовлялся ими изъ плиточнаго чая, молока, сала, муки и соли.

Мои люди оказались весьма хорошими слугами; постоянно они были заняты какой-нибудь работой, касавшейся нашего каравана. То чинили вьючныя сѣдла, то ходили за лошадьми, то отправлялись собирать топливо... Они были весьма заботливы къ лошадямъ и если ни одна изъ нихъ не заболѣла въ нашемъ, обильномъ всякими лишеніями, путешествіи, то этимъ я обязанъ исключительно ихъ тщательному уходу за ними. Тибетцы даютъ лошадямъ выстаиваться послѣ работы очень долго; наши лошади стояли подъ вьючными сѣдлами часовъ по 6—8 послѣ прибытія на бивакъ и получали свою дачу ячменя обыкновенно не ранѣе наступленія темноты. Послѣ этого онѣ пускались на волю и бродили около бивака до утра, розыскивая себѣ пищу. По вечерамъ мы собирались у пылающаго очага или у костра, если топливо было въ изобиліи, и я болталъ съ моими туземцами, насколько позволялъ мнѣ мой скудный запасъ словъ языка индустани.

Всю ночь со 2-го на 3-ее іюля съ небольшими лишь перерывами шелъ снѣгъ и дулъ сильный юго-западный вѣтеръ. Къ разсвѣту снѣгъ покрывалъ землю слоемъ въ $^1/_2$ фута толщиной и придавалъ окружавшей насъ мѣстности совершенно зимній характеръ. Въ 6 ч. у. ртуть въ термометрѣ стояла на нулѣ, но ночью, несомнѣнно, былъ морозъ, потому что наружная поверхность палатки и нѣкоторые предметы, лежавшіе ночью на снѣгу, совершенно обледенѣли. Панамикскимъ тибетцамъ не хватило мѣста въ палаткѣ моихъ туземцевъ и они ночевали подъ открытымъ небомъ; для того, чтобы укрыться отъ холоднаго вѣтра, они сложили изъ камней круглую стѣнку, высотой около 2 футовъ, съ небольшимъ выходнымъ отверстіемъ, обращеннымъ въ сторону противуположную вѣтру и улеглись спать подъ защитой этого своеобразнаго сооруженія; въ нашемъ дальнѣйшемъ пути по тибетскому нагорью мы не разъ встрѣчали эти круглыя стѣнки, служащія мѣстомъ отдыха и ночлега тибетцамъ, слѣдующимъ съ караванами.

Сегодня, 3-го іюля, выступая въ дорогу, я одѣлся совершенно по зимнему; на мнѣ были: высокіе теплые кавказскіе сапоги, мѣховая куртка, теплые перчатки и большая баранья шапка. Мои азіаты одѣли темныя очки съ боковыми сѣтками для предохраненія глазъ отъ вреднаго вліянія сильнаго блеска снѣговъ.

На перевалъ.

Корбанъ сообщилъ мнѣ, что на разсвѣтѣ мимо нашего бивака прошла на перевалъ небольшая партія туземцевъ.

Мы выступили въ началѣ восьмого часа утра и пошли вверхъ по ручью, скованному толстымъ льдомъ, выдерживавшимъ тяжесть нашего каравана. Скоро мы бросили ручей и стали подниматься по крутому каменистому скату, обильно покрытому снѣгомъ. Справа отъ нашей тропы, надъ истоками Сасырскаго ручья, питающагося снѣгами окрестныхъ скатовъ, я замѣтилъ колосальную глыбу зеленоватаго льда, имѣвшую ширину до 200, при толщинѣ въ 25—30 саженей и изукрашенную на своихъ

отвѣсныхъ бокахъ многочисленными ледяными сосульками. Длину этого оригинальнаго ледника, доходившую до версты, возможно было охватить глазомъ лишь послѣ подъема на возвышенность, на которую мы взбирались; за нею слѣдовала котловина, на днѣ которой находилось небольшое голубовато-зеленое озеро, скованное у береговъ ледяной каймой. Ледникъ оказался перекинутымъ въ эту котловину и достигалъ ея противуположнаго ската, заполняя собой бо́льшую ея часть. Поднимаясь на перевалъ, мы прошли три подобныхъ котловины съ маленькими озерами и толщами льдовъ, окружающихъ ихъ и доставляющихъ имъ неисчерпаемый источникъ влаги. Отъ этихъ озеръ нѣтъ никакихъ ручьевъ на поверхности, а потому, несомнѣнно, они должны имѣть подземные стоки, по которымъ уносится вода, постоянно доставляемая въ огромномъ количествѣ скопленіями льдовъ и снѣговъ, покрывающихъ сосѣдніе скаты. Пройдя эти котловины, мы стали подниматься на самый перевалъ по крутымъ каменистымъ скатамъ, покрытымъ снѣгомъ и льдомъ. Мѣстами возлѣ тропы валялись конскіе скелеты, черепа и отдѣльныя кости....

Перевалъ Сасыръ-ля.

Перевалъ Сасыръ-ля (17.800 ф. надъ ур. м.) имѣетъ видъ обширной сѣдловины среди небольшихъ скалистыхъ возвышенностей, ограничивающихъ ее съ сѣверной и южной сторонъ. Сѣверная имѣетъ длинный и пологій скатъ, южная—крутой и короткій. Весь перевалъ покрытъ круглый годъ сплошнымъ снѣжнымъ покровомъ, достигающимъ мѣстами весьма большой толщины и образующимъ нѣсколько обширныхъ снѣговыхъ полей, раздѣленныхъ небольшими скалистыми обнаженіями. Снѣгъ оказался весьма рыхлымъ, почему движеніе по перевалу было очень затруднительно. Хотя впереди нашего каравана шелъ одинъ изъ Панамикскихъ тибетцевъ, пробовавшій палкой прочность снѣга и выбиравшій дорогу, тѣмъ не менѣе наши вьючныя лошади проваливались въ снѣгъ по брюхо и съ трудомъ выкарабкивались изъ него. Сначала я ѣхалъ верхомъ, но когда моя лошадь нѣсколько разъ погрузилась въ снѣгъ, я слѣзъ съ нея и пошелъ

Нашъ бивакъ подъ переваломъ Сасыръ-ля.

Ледникъ въ окрестностяхъ перевала Сасыръ-ля.

Фототипія В. Клясонъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Просмк. И. Каминскій

пѣшкомъ возлѣ каравана. Въ одномъ мѣстѣ двѣ лошади такъ глубоко застряли въ снѣгу, что не было никакой возможности поднять ихъ съ вьюками; пришлось обѣихъ развьючить и поднять на веревкахъ, а вьюки нести на людяхъ черезъ весь перевалъ. Жалко было смотрѣть на бѣдныхъ животныхъ, бившихся въ рыхломъ снѣгѣ, покрывавшемъ почти все ихъ туловище, и тщетно старавшихся найти вокругъ себя точку опоры.

Пройдя большое снѣжное поле, покрывавшее вершину перевала, мы пересѣкли нѣсколько каменистыхъ площадей, покрытыхъ тонкимъ слоемъ снѣга, и стали круто спускаться въ узкое ущелье, на днѣ котораго шумѣлъ мутный, желтый потокъ. Въ ущельи снѣгъ лежалъ лишь мѣстами и было замѣтно, что по эту сторону перевала его меньше, чѣмъ по другую, гдѣ онъ залегалъ обширными снѣговыми полями и давалъ тѣ колосальныя скопленія льда, которыя заполняли собой упомянутыя выше котловины. Высота снѣговой линіи по обѣ стороны перевала находится между 16.500 и 17.000 ф. надъ ур. м., при чемъ на западной сторонѣ она нѣсколько ниже, чѣмъ на восточной.

Въ этотъ день мы шли по снѣгу въ теченіе 5-ти часовъ, при чемъ 3 часа—по сплошнымъ снѣговымъ полямъ съ весьма глубокимъ снѣговымъ покровомъ. Здѣсь я еще разъ убѣдился въ полной пригодности для ходьбы по глубокому снѣгу моихъ кавказскихъ бурочныхъ сапогъ съ твердыми подошвами, которые употреблялись мною не разъ въ моихъ альпійскихъ экскурсіяхъ въ снѣговыхъ горахъ Центральнаго Кавказа. Головки этихъ сапогъ дѣлаются изъ бурки волосомъ внутрь и обшиваются мягкой козловой кожей, а длинныя голенища—изъ бурки волосомъ наружу безъ всякой обшивки; эта обувь чрезвычайно тепла, плохо пропускаетъ сырость и весьма легка, что такъ важно для ходьбы по горамъ.

Продолжая спускаться по каменистому ущелью, мы встрѣтили травянистую растительность уже на высотѣ около 16.000 ф. надъ ур. м., но какъ здѣсь, такъ и въ болѣе низкихъ мѣстахъ ущелья, она была очень бѣдна.

Спускаясь, мы замѣтили ниже себя небольшое стадо антилопъ изъ 15—20 головъ; завидя насъ, звѣри бросились со всѣхъ ногъ къ скату сосѣдней возвышенности и скоро исчезли за скалами. Ручей, по которому мы шли, течетъ лишь на протяженіи 4—5 верстъ и затѣмъ впадаетъ въ р. Шейокъ, съ которой намъ пришлось опять встрѣтиться по эту сторону перевала. Возлѣ впаденія ручья, на высокомъ берегу р. Шейока, около тропы, на высотѣ 15.400 ф. надъ ур. м., стоитъ невысокая, сложенная изъ камней, стѣна, огораживающая небольшое пространство, нѣчто въ родѣ маленькаго караванъ-сарая, а около нея стоитъ низкая каменная изба. Въ этой избѣ живутъ постоянно восемь туземцевъ изъ Ладака, которые по распоряженію Кашмирскаго правительства обязаны находиться здѣсь для содѣйствія караванамъ при подъемѣ на перевалъ и для указыванія имъ бродовъ на р. Шейокѣ, которую приходится пересѣкать нѣсколько разъ въ дальнѣйшемъ пути къ сѣверу. Это мѣсто называется Сирсиль (Дехни-Мурги). Прійдя сюда, мы застали здѣсь уже расположившійся на ночлегъ небольшой туземный караванъ, тотъ самый, который въ этотъ день утромъ прошелъ мимо нашего бивака на перевалъ.

Урочище Сирсиль. (Дехни-Мурги).

Мы разбили нашъ бивакъ возлѣ туземной избушки нѣсколько въ сторонѣ отъ загороженнаго пространства, потому что оно было завалено пометомъ и обильно усѣяно черепами и костями вьючныхъ животныхъ.

Погода стояла нехорошая; съ перевала дулъ сильный, холодный вѣтеръ; небо было покрыто большими темными облаками, безпрестанно закрывавшими солнце; пока оно свѣтило—было тепло и даже временами жарко, но какъ только набѣгала туча — становилось холодно и снѣжная крупа бѣлой пеленой покрывала землю. Въ такую погоду трудно установить костюмъ: то лѣзешь въ мѣховую куртку, то одѣваешь лѣтній пиджакъ. Въ 8 ч. вечера термометръ показалъ +5,2° по Ц.

Опять въ долинѣ р. Шейока.

Съ нашего бивака открывался видъ на долину р. Шейока, текущей здѣсь въ меридіанальномъ направленіи и обставленной по обѣ стороны темными, безплодными горами; абсолютная высота этихъ горъ чрезвычайно большая, но относительная—невелика, потому что долина рѣки приподнята надъ уровнемъ моря на весьма значительную высоту, доходящую въ этихъ мѣстахъ до 15.000 ф. Долина имѣетъ ширину болѣе версты, песчано-галечное дно, прорѣзаемое въ двухъ-трехъ направленіяхъ мутными рукавами Шейока и совершенно безплодна. Р. Шейокъ.

На слѣдующій день мы выступили въ началѣ седьмого часа утра, спустились на дно долины и пошли вверхъ по правому берегу рѣки. Утро было весьма холодное, дулъ сильный вѣтеръ, а солнце, закрываемое густыми облаками, ползавшими по небу, лишь изрѣдка выглядывало, чтобы согрѣть насъ своими горячими лучами. Одновременно съ нами выступили и туземцы, которыхъ мы встрѣтили на послѣднемъ ночлегѣ; они сопровождали насъ до Китайской границы.

Р. Шейокъ течетъ своими рукавами то у одного, то у другого берега долины, подходя мѣстами вплотную къ горамъ; извилистость теченія вынуждаетъ часто переходить съ одного берега рѣки на другой и искать бродовъ. Для указанія послѣднихъ съ нами отправились изъ Сирсиля двое тибетцевъ, которые должны были сопровождать насъ до послѣдняго брода, а затѣмъ вернуться домой. Мѣстные проводники.

Уже въ разстояніи нѣсколькихъ десятковъ саженей отъ ночлега намъ пришлось перебраться черезъ главное русло рѣки на длинную отмель, по которой мы шли съ версту, а затѣмъ опять перешли на правый берегъ. Броды, какъ и всѣ дальнѣйшіе, оказались, въ общемъ, неглубокими,—по брюхо лошади; впрочемъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ вода достигала сѣдла и подмачивала вьюки. Дно рѣки повсемѣстно твердое, каменистое. Теченіе—сильное, хотя и много слабѣе, чѣмъ въ предѣлахъ Ладака, гдѣ

эта рѣка принимаетъ значительно большіе размѣры. Впереди нашего каравана шли проводники-тибетцы съ длинными палками, которыми они пробовали дно; раньше, чѣмъ лѣзть въ рѣку, они бросали въ воду въ различныхъ мѣстахъ камни, по паденію которыхъ судили о глубинѣ. Несмотря на то, что дулъ весьма холодный вѣтеръ и что въ нѣкоторыхъ рукавахъ рѣки съ слабымъ теченіемъ вода была промерзшей у береговъ, эти туземцы снимали штаны и обувь, высоко поднимали свои рваные тулупы и обнаженные до поясницы шли въ воду, холодную, какъ ледъ [1]). Если слѣдующій бродъ былъ недалеко, то они не трудились даже одѣваться и шли полуголые на холодномъ вѣтру, отъ котораго у меня коченѣли руки въ теплыхъ шерстяныхъ перчаткахъ. Судя по ихъ веселому настроенію, подобное купаніе не доставляло имъ особеннаго неудовольствія и они оживленно болтали съ моими тибетцами, ступая босыми ногами по холодной и скользкой галькѣ. Въ этотъ день намъ пришлось восемь разъ перебираться съ одного берега на другой, при чемъ 6 разъ—по ихъ указанію. Если принять въ среднемъ, что рѣка въ этихъ мѣстахъ протекала не менѣе какъ двумя рукавами, то выходитъ, что туземцы изъ Сирсиля 12 разъ шли въ ледяной водѣ, достигавшей имъ выше пояса. За 12 подобныхъ ваннъ они потребовали себѣ одну рупію (60—65 коп.), что составляетъ лишь 30 копѣекъ вознагражденія каждому.

Слѣдуя долиной Шейока, мы иногда удалялись отъ рѣки, пробираясь по конгломератовымъ холмамъ у подножія горныхъ скатовъ, но чаще шли по дну долины близко къ рѣкѣ. Растительность, какъ въ долинѣ, такъ и на горахъ, совершенно ничтожная. Снѣговыя горы встрѣчаются рѣдко, но тѣ, мимо которыхъ намъ пришлось сегодня пройти, представляютъ изумительно-обильныя скопленія снѣга и льда, сползающихъ въ видѣ мощныхъ ледниковъ въ долину Шейока. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ урочища Сирсиль на правомъ берегу рѣки высоко взды-

Ледники.

1) Мои пѣшіе туземцы, при переправахъ въ бродъ, садились на крупы вьючныхъ лошадей.

мается величественная снѣговая група Акъ-ташъ[1]), высшая точка которой, вѣроятно, не ниже 24.000 ф. надъ ур. м.; отъ нея сползаетъ въ долину длинный, но узкій ледникъ, который питаетъ водой бурный ручей, впадающій въ Шейокъ. Верстахъ въ 16-ти за нимъ находится колосальный ледникъ Чумъ-Хумданъ, истоки котораго находятся въ горахъ, расположенныхъ далеко къ западу. Всѣ эти ледники спускаются до самаго дна долины, имѣя свои нижніе края на высотѣ отъ 15.300 до 15.700 ф. надъ ур. м. Нижній край Чумъ-Хумдана имѣетъ ширину около версты и обрывается отвѣсными ледяными стѣнами, высотой отъ 30 до 40 саженей. Ледникъ вблизи своего устья представляетъ нагроможденіе огромныхъ ледяныхъ глыбъ, изъ которыхъ нѣкоторыя имѣютъ чрезвычайно оригинальныя, причудливыя формы. Изъ-подъ него течетъ ручей, сливающійся съ рѣкой и покрытый мѣстами ледянымъ покровомъ; ледяная кора начинаетъ встрѣчаться уже и на Шейокѣ, который отсюда сильно мельчаетъ.

За ледникомъ Чумъ-Хумданъ я отпустилъ нашихъ проводниковъ и они ушли обратно въ Сирсиль.

Отъ этого мѣста горы замѣтно понижаются, снѣга убываютъ, горные скаты становятся положе, мягче, толщи конгломератовъ, прикрывающія подножія горъ, больше. Мѣстность начинаетъ принимать все болѣе однообразный характеръ и превращается въ безбрежныя равнины, весьма характерныя для Каракорамскаго нагорья. Присутствіе въ нихъ значительныхъ отложеній озернаго алювія наводитъ на мысль, что онѣ были когда-то заняты обширными водными басейнами.

Пройдя еще нѣкоторое разстояніе къ сѣверу, мы остановились на ночлегъ въ полуверстѣ отъ рѣки, на конгломератовомъ уступѣ ея праваго берега, возлѣ небольшого ручья. Высота нашего бивака—15.800 ф. надъ ур. м.

Мѣстность, по которой мы сегодня двигались, имѣетъ совер-

1) Это первое тюркское названіе, которое мнѣ пришлось услышать на пути изъ Индіи. Акъ-ташъ на тюркскомъ языкѣ означаетъ «бѣлый камень».

шенно пустынный характеръ. Изъ птицъ я видѣлъ лишь нашихъ старыхъ знакомыхъ — тибетскихъ вороновъ, нарушавшихъ своимъ непріятнымъ карканіемъ безмолвіе горъ; въ одномъ мѣстѣ я замѣтилъ слѣды большого стада антилопъ. Но за то скелеты и трупы вьючныхъ животныхъ встрѣчаются здѣсь въ изобиліи и чѣмъ дальше двигаешься къ сѣверу, тѣмъ ихъ больше и больше. Нѣкоторые изъ нихъ, нетронутые хищниками, подъ вліяніемъ сухого воздуха и холодовъ избѣгли разложенія и засохли, хорошо сохранивши свои формы.

Нашъ бивакъ оказался не лучше предыдущаго. Мы стояли на открытомъ мѣстѣ, гдѣ холодный сѣверо-западный вѣтеръ положительно не давалъ покоя, мѣшая всякой работѣ.

Ночью было очень холодно и я вынужденъ былъ воспользоваться всѣми теплыми вещами, которыя имѣлись у меня съ собой, чтобы укрыться отъ сильныхъ порывовъ холоднаго вѣтра, врывавшагося въ палатку.

На слѣдующее утро мы спустились опять къ Шейоку, переправились въ бродъ на его лѣвый берегъ и продолжали нашъ путь въ сѣверномъ направленіи; пройдя съ версту отъ ночлега, мы оставили рѣку и повернули направо, вверхъ по небольшому ручью Чипчакъ, текущему съ востока. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы покинули Шейокъ, онъ вытекаетъ изъ длиннаго узкаго разлива, покрытаго льдомъ (Тзо). Разливъ имѣетъ видъ небольшого озера и питается водой ручьевъ, стекающихъ въ изобиліи съ многочисленныхъ ледниковъ, окружающихъ его.

Ручей Чипчакъ.

Ручей Чипчакъ вездѣ проходимъ въ бродъ, имѣетъ ширину не болѣе 3—5 саженей, течетъ по каменистому, галечному руслу и несетъ, въ противуположность мутному Шейоку, чистую, прозрачную воду.

Мѣстность, по которой мы шли въ этотъ день, мало напоминала намъ, что мы находимся въ одной изъ высочайшихъ въ мірѣ горныхъ странъ. Отъ мѣста ночлега горы, окаймляющія долину Шейока, разступились, давши мѣсто обширному, почти ровному плато, имѣющему подъемъ къ сѣверу; сами онѣ стали

относительно ниже, формы ихъ мягче и круглѣе; мы находились среди равнины, окаймленной на горизонтѣ невысокими холмами, которые представляли собой гребни высочайшихъ горныхъ хребтовъ. Эта равнина имѣетъ высоту отъ 16.000 до 17.000 ф. надъ ур. м., совершенно пустынна, покрыта мелкой галькой, лишена всякой растительности и усѣяна скелетами, костями и высохшими трупами лошадей иословъ [1]). Холодный вѣтеръ свободно гуляетъ по широкому простору этой непривѣтливой пустыни, вынуждая путника плотнѣе и крѣпче запахиваться въ тулупъ.

Почти цѣлый день шелъ снѣгъ, но снѣжнаго покрова нигдѣ не было видно: сухой воздухъ съ вѣтромъ способствовалъ его быстрому испаренію.

Урочище Давлетъ-бегъ-ульды.

Нашъ путь къ Каракорамскому перевалу лежалъ сначала по ручью Чипчакъ, но верстахъ въ 15-ти за сліяніемъ его съ Шейокомъ, возлѣ урочища Давлетъ-бегъ-ульды, мы оставили его, уклонившись къ сѣверу, вверхъ по его правому притоку, текущему отъ перевала. Я буду называть этотъ притокъ — Каракорамскимъ ручьемъ.

Верстахъ въ 6-ти отъ Давлетъ-бегъ-ульды, около урочища Гумбасъ (или Пулё) мы повернули вверхъ по ручью къ сѣверозападу и вошли въ узкую лощину, непосредственно ведущую къ перевалу.

Лощина окаймлена небольшими пологими возвышенностями, состоящими изъ конгломератовъ и глинистаго сланца. Мѣстами глинистыя обнаженія имѣютъ здѣсь кроваво-красный цвѣтъ, рѣзко выдѣляющійся на сѣромъ фонѣ окрестныхъ горъ.

По пути мои туземцы наткнулись на слѣды брошеннаго бивака и нашли здѣсь нѣсколько разбитыхъ чашекъ, деревянныхъ черпаковъ, котелковъ, ножей, мѣшечковъ и т. п. предметовъ, доста-

---

1) На всемъ пути по Каракорамскому нагорью я замѣтилъ лишь одинъ верблюжій скелетъ, что указываетъ на то, что эти животныя рѣдко употребляются здѣсь для караваннаго движенія.

вившихъ имъ нѣкоторое развлеченіе въ скучномъ движеніи съ караваномъ. За урочищемъ Гумбасъ я замѣтилъ, въ разстояніи менѣе версты отъ нашего каравана, четырехъ звѣрей, похожихъ на антилопъ. Они паслись на скатѣ горы, но, завидѣвши нашъ караванъ, стали сначала отходить шагомъ, а затѣмъ ускакали въ небольшую каменистую лощину, откуда нѣкоторое время наблюдали за нами. Положительно удивляешься — чѣмъ живутъ эти животныя въ этихъ безплодныхъ горахъ, почти совершенно лишенныхъ растительности?

Ночлегъ подъ Каракорамскимъ переваломъ.

Верстахъ въ 5 отъ урочища Гумбасъ, въ 4 часа пополудни, мы остановились на ночлегъ на берегу Каракорамскаго ручья, на высотѣ 17.000 ф. надъ ур. м., въ урочищѣ Чаждежильга; это — небольшое ровное глинистое пространство, укрытое отъ вѣтра, но безъ топлива и подножнаго корма.

Всѣ наши ночлеги до китайскаго укрѣпленія Шахидула выбирались нами въ мѣстахъ, которыми обыкновенно пользуются здѣсь для остановки на ночлегъ торговые караваны; каждое изъ нихъ имѣетъ свое особое названіе [1]). Возлѣ однѣхъ есть ключи, возлѣ другихъ — сносная трава, а нѣкоторыя представляютъ собой мѣста, хорошо укрытыя отъ непогоды. Но всѣ онѣ имѣютъ одинъ общій недостатокъ — совершенное отсутствіе топлива; во всей окрестной пустынѣ нѣтъ ни одного дерева, ни одного куста. Для добыванія топлива мы принимали особыя мѣры: съ выступленіемъ каравана съ ночлега двое туземцевъ съ мѣшками и топоромъ слѣдовали въ сторонѣ отъ него и выкапывали изъ земли толстые, деревянистые корни бѣлоголовника (Eurotia ceratoides) [2]), травянистаго растенія, встрѣчающагося здѣсь въ небольшомъ количествѣ повсемѣстно. Оно растетъ въ видѣ небольшого кустика съ блѣдно-зеленой листвой, достигаетъ въ высоту до $^1/_2$ фута и имѣетъ толстый деревянистый корень длиной 2—3 фута.

1) Нѣкоторыя изъ этихъ названій сообщалъ мнѣ Корбанъ, ходившій раньше этимъ путемъ, а остальныя — панамикскіе тибетцы, знакомые съ этими мѣстами.

2) Это растеніе называютъ въ Ладакѣ «аюкъ», а въ Раскемѣ — «буртса».

Корни Eurotia даютъ хорошее, медленно горящее топливо, но оставляютъ очень мало угля; дымъ горящихъ корней имѣетъ слегка ароматическій запахъ. Если бы не это растеніе, столь драгоцѣнное въ этой пустынѣ, намъ пришлось бы испытывать весьма большія лишенія, страдая отъ холода и отсутствія горячей пищи. Мы встрѣчали бѣлоголовникъ на высотахъ отъ 15.000 до 18.000 ф. надъ ур. м. Наши лошади не ѣли его, но яки охотно ѣдятъ это растеніе.

На ночлегѣ 5-го іюля высота мѣста сильно сказывалась на организмѣ. Возившись въ палаткѣ съ укладкой вещей, съ умываніемъ и переодѣваніемъ, я настолько утомлялся, что принужденъ былъ нѣсколько разъ ложиться и отдыхать: усиленное сердцебіеніе и одышка мѣшали продолжительнымъ движеніямъ.

Вечеромъ пошелъ снѣгъ и къ 8 часамъ температура упала до $+3^{\circ}$ Ц. Было холодно, скучно и уныло. Я скоро покончилъ свою бивачную работу, потому что въ этой пустынѣ не было ни жуковъ, ни растеній, залѣзъ въ свою маленькую палатку, завернулся въ теплыя одежды и заснулъ. На слѣдующій день, 6-го іюля, мы продолжали движеніе къ перевалу.

Передъ выступленіемъ съ бивака я узналъ отъ Корбана, что одинъ молодой туземецъ изъ того каравана, который сопровождалъ насъ отъ Дехни-Мурги, проходя перевалъ Сасыръ-ля безъ темныхъ очковъ, повредилъ себѣ глаза и въ настоящее время съ трудомъ можетъ смотрѣть. Дѣйствительно, я вспомнилъ, что вчера замѣтилъ одного молодого туземца съ красными, слезившимися глазами, которые онъ постоянно прикрывалъ рукой отъ солнца. У меня были двѣ пары темныхъ очковъ, а потому я рѣшилъ отдать другую больному туземцу. Онъ поносилъ ихъ четыре дня и подъ Шахидулой съ благодарностью вернулъ мнѣ ихъ обратно: глаза его совсѣмъ поправились, хотя онъ и прошелъ съ нами за это время два снѣговыхъ перевала.

Выступивши съ ночлега, мы продолжали наше движеніе вверхъ по Каракорамскому ручью, постоянно переходя съ одного берега на другой; мы шли то по косогору надъ ручьемъ, то по

дну его узкой лощины, которая имѣетъ сильный подъемъ къ перевалу, мѣстами камениста, но, въ общемъ, вполнѣ удобна для движенія съ караваномъ. Утро стояло холодное, въ ручьѣ возлѣ береговъ вода промерзла, покрывшись крѣпкимъ льдомъ, но сѣверный вѣтеръ былъ мало чувствителенъ, потому что мы были прикрыты горами, примыкавшими къ перевалу. На горномъ скатѣ по другую сторону лощины я замѣтилъ нѣсколько антилопъ, съ любопытствомъ слѣдившихъ за движеніемъ нашего каравана.

Мы съ Корбаномъ ѣхали впереди и сильно опередили наши вьюки; верстахъ въ 7 отъ ночлега мы бросили теченіе ручья, истоки котораго были уже недалеко среди группы снѣговыхъ горъ, замыкавшихъ лощину, и стали круто взбираться на возвышенность ея лѣваго берега. Подъемъ былъ непродолжительный, но весьма трудный, вслѣдствіе огромнаго превышенія надъ уровнемъ моря; наши лошади съ трудомъ подвигались впередъ, поминутно останавливаясь, чтобы отдышаться. Поднявшись на нѣсколько десятковъ саженей надъ ручьемъ, мы повернули въ сухую, короткую лощину, которая и привела насъ на самую высшую точку моего пути—на Каракорамскій перевалъ (18.550 ф. надъ ур. м.). На перевалѣ мы нашли очень мало снѣга: онъ лежалъ кое-гдѣ пластами не толще нѣсколькихъ дюймовъ и только въ углубленіяхъ и лощинкахъ по сторонамъ залегалъ небольшими сугробами. Такое незначительное количество снѣга на столь высокомъ перевалѣ можетъ быть объяснено топографическими условіями мѣстности, не способствующими скопленію снѣговъ, а также небольшимъ количествомъ атмосферныхъ осадковъ и сильными вѣтрами, постоянно сдувающими снѣгъ съ перевала.

Каракорамскій перевалъ.

Высоко вздымающійся надъ ур. м. Каракорамскій перевалъ лишь на нѣсколько сотъ футовъ превышаетъ русла горныхъ ручьевъ, бѣгущихъ съ его скатовъ, и потому принадлежитъ къ числу весьма доступныхъ и легко проходимыхъ переваловъ.

На его высшей точкѣ стоитъ небольшая четырехугольная, глиняная будійская молельня, въ одной изъ стѣнъ которой сдѣлана неглубокая ниша съ маленькимъ сквознымъ отверстіемъ. Несмотря

Қаракорамскій перевалъ (18.550 ф. надъ ур. м.).

Ңашъ бивакъ въ верховьи р. Шейока.

Фототипія В. Классенъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. №7-2
[illegible] Н. Каминскій

на наши старанія разсмотрѣть сквозь это отверстіе ея внутреннее помѣщеніе, мы ничего не могли увидать въ темнотѣ.

На перевалѣ намъ пришлось дожидаться минутъ 20 нашего каравана и въ теченіе этого времени мы такъ смерзли отъ сильнаго холоднаго вѣтра, дувшаго съ сѣвера, что вынуждены были укрыться отъ него за стѣнами молельни, прижавшись къ ней съ подвѣтренной стороны. Къ тому-же, несмотря на наше возвышенное положеніе, любоваться было рѣшительно нечѣмъ.

Съ перевала совершенно не видно окружающихъ его хребтовъ, потому что вслѣдствіе его малой относительной высоты ближайшія возвышенности стѣсняютъ кругозоръ и закрываютъ дальнія горы.

Спускъ съ перевала весьма короткій, но крутой и ведетъ въ лощину небольшого ручья, вытекающаго изъ-подъ перевала. Спустившись не болѣе, какъ на 1.000 ф., мы пошли внизъ по его теченію; паденіе лощины здѣсь чрезвычайно малое и ручей течетъ весьма медленно въ слабо обозначенномъ руслѣ. Этотъ ручей — верховье одной изъ величайшихъ рѣкъ Центральной Азіи, орошающей обширныя пространства Китайскаго Туркестана, рѣки Яркендъ-дарьи, называемой въ своемъ верхнемъ теченіи, до выхода изъ Раскемскаго хребта, Раскемъ-дарьей, а въ своемъ нижнемъ теченіи близъ впаденія въ оз. Лобъ-норъ — р. Таримомъ. Верховье Раскемъ-дарьи.

На сѣверной сторонѣ перевала, въ томъ мѣстѣ, гдѣ кончается крутой спускъ, смѣняющійся слабымъ паденіемъ лощины ручья, стоитъ каменная, полуразрушенная пирамида, высотой до 5 футовъ; это — памятникъ англичанину Дальглейшу. Возлѣ него лежала въ то время сброшенная на землю небольшая мраморная плита, на которой вырѣзана черными буквами слѣдующая надпись на англійскомъ языкѣ: «Here fell Dalgleish murdered by an Afghan» (Здѣсь палъ Дальглейшъ, убитый афганцемъ); подъ англійской надписью находится переводъ ея на языкѣ индустани.

Англичанинъ Дальглейшъ, въ 80-хъ годахъ XIX столѣтія, долго скитался въ Кашгаріи, живя то въ Кашгарѣ, то въ Яр-

кендѣ, частью въ качествѣ купца, а частью въ качествѣ негласнаго политическаго агента, наблюдавшаго за распространеніемъ русскаго вліянія въ Китайскомъ Туркестанѣ. Однажды, слѣдуя съ торговымъ караваномъ изъ Кашгаріи въ Индію, онъ повздорилъ съ однимъ изъ сопровождавшихъ его афганцевъ, съ которымъ у него были прежніе счеты; афганецъ убилъ Дальглейша, но, какъ разсказываютъ, тутъ же покончилъ и съ собой.

Памятникъ стоитъ одиноко среди горной пустыни, наводя путешественника на грустныя размышленія.

Отъ Каракорама до Шахидулы.

Урочище Балти-Брангса.

Оставивши перевалъ, мы пошли по теченію ручья. На первыхъ 8 верстахъ ручей течетъ въ сѣверо-западномъ направленіи, но далѣе поворачиваетъ на сѣверъ. Его долина имѣетъ ширину около 2-хъ верстъ и окаймлена невысокими, безснѣжными горами. Верстахъ въ 16-ти отъ перевала она съуживается въ ущелье, шириной отъ 5 до 15 саженей и длиной около версты, но затѣмъ опять расширяется, образуя широкую, совершенно гладкую, слегка покатую къ сѣверу равнину, по которой тихо течетъ въ галечномъ руслѣ Раскемъ-дарья. Эта равнина тянется верстъ на 7—8 къ сѣверу и имѣетъ ширину около 3-хъ верстъ. Ее ограничиваютъ то снѣговыя, то безснѣжныя горы, относительная высота которыхъ совсѣмъ незначительна. Онѣ слагаются преимущественно изъ кристалическихъ сланцевъ, шифера и глинистыхъ сланцевъ кирпично-краснаго цвѣта, прикрытыхъ у подножія конгломератами. Южная оконечность этой равнины, вблизи ущелья, называется Балти-Брангса.

Пройдя эту равнину, которая къ сѣверу становилась нѣсколько уже, мы шли еще версты 2 и около 4-хъ часовъ пополудни стали на ночлегъ на небольшой травянистой площадкѣ, на высотѣ 16.700 ф. надъ ур. м. Это мѣсто называется Кизылъ-тагъ (красныя горы) и, дѣйствительно, изобилуетъ по сосѣдству красными глинами.

Антилопы.

По дорогѣ мы нѣсколько разъ встрѣчали антилопъ, водящихся здѣсь въ изобиліи. Онѣ попадались то въ одиночку, то парами, то партіями по 4—6 головъ и обнаруживали весьма различную степень пугливости и недовѣрія къ человѣку: однѣ подпускали насъ чрезвычайно близко, поднимаясь съ земли въ нѣсколькихъ шагахъ отъ моей лошади и подбѣгая съ любопытствомъ къ нашему каравану, другія, завидя насъ, пускались, съ разстоянія въ 500—800 шаговъ, опрометью въ горы. Недалеко отъ нашего ночлега двѣ антилопы, пасшіяся въ сторонѣ, увидя нашъ караванъ, быстро поскакали къ нему и, играя, кружили около насъ, то останавливаясь какъ вкопанныя, то пускаясь въ бѣшеную скачку. Всѣ антилопы, которыхъ я встрѣчалъ здѣсь, были ростомъ съ годовалаго теленка, имѣли очень короткій хвостъ, рыжую шерсть и длинные прямые рога, поставленные почти вертикально на граціозныхъ головкахъ. На бѣгу онѣ часто опускали голову внизъ, производя движеніе, похожее на боданіе [1]). Не тревожимыя ни человѣкомъ, ни хищнымъ звѣремъ, онѣ гуляютъ здѣсь на необъятномъ просторѣ холодныхъ, пустынныхъ плоскогорій, довольствуясь скудной пищей, предоставляемой имъ пустыней.

По сѣверную сторону перевала вѣтеръ оказался столь же назойливымъ, какъ и по южную. Онъ дулъ съ юго-запада то сильными порывами, то съ постоянной силой, пробирая холодомъ, бросая въ дрожь и приводя человѣка въ нервное настроеніе. Изъ всѣхъ неблагопріятныхъ климатическихъ условій своего путешествія я сохранилъ самое непріятное воспоминаніе объ этихъ ужасныхъ вѣтрахъ, положительно изводящихъ путешественника. Ни зной Индійскихъ равнинъ, ни палящіе лучи Ладакскаго солнца, ни разрѣженный воздухъ большихъ высотъ, ни холодъ Каракорамскаго нагорья не могутъ сравниться съ этими постоянными вѣтрами въ своемъ неблагопріятномъ вліяніи на человѣческій организмъ.

1) Мнѣ кажется, что здѣсь встрѣчаются антилопы двухъ видовъ — Antilope subgutturosa и A. Hadgsoni (хара-сульта и оронго).

Покончивъ съ бивачной работой, я зашелъ погрѣться къ очагу, на которомъ варилась наша пища; но здѣсь рвалъ и металъ холодный вѣтеръ, разбрасывавшій наше скудное топливо, горѣвшее между камнями; Корбанъ пригласилъ меня въ палатку тибетцевъ, гдѣ въ землѣ была вырыта небольшая ямка, наполненная горящими угольями Eurotia, вокругъ которой сидѣли мои туземцы. Жаръ отъ угольевъ распространялся по палаткѣ, пріятно согрѣвая озябшіе члены. Я долго сидѣлъ здѣсь, переворачивая палочкой красные уголья и слушая разсказъ Корбана о его странствованіяхъ съ англичаниномъ Филиппсомъ на Памирахъ, гдѣ они спасались отъ холода, устраивая въ юртахъ такія же ямы съ угольями, какъ и наша.

7-го іюля намъ пришлось выступить съ ночлега лишь въ 10 ч. у., благодаря непредвидѣнной случайности. Наши лошади, пущенныя съ вечера на подножный кормъ, розыскивая рѣдкую траву, лишь мѣстами покрывающую галечную поверхность нагорья, отошли за ночь очень далеко отъ нашего бивака и утромъ моимъ людямъ стоило не мало труда розыскать ихъ; лишь въ 9 часовъ утра, укладывая свои вещи во вьюки, я увидѣлъ на горизонтѣ въ сторонѣ Каракорамскаго перевала нашихъ лошадей, подгоняемыхъ тибетцами: ихъ нашли вблизи урочища Брангса, верстахъ въ 7 отъ бивака. Этотъ случай побудилъ меня запретить моимъ туземцамъ выпускать лошадей на подножный кормъ въ этой пустынѣ, потому что подобные случаи, которые могли повторяться почти ежедневно, задерживали наше выступленіе и могли привести къ пропажѣ лошадей, которымъ эти ночныя прогулки не приносили, въ сущности, никакой пользы, вслѣдствіе ничтожнаго количества травы и ея плохого качества. Въ этихъ горныхъ пустыняхъ можетъ найти себѣ пропитаніе только мѣстный звѣрь, который бродитъ цѣлый день по обширному раіону и кочуетъ изъ однѣхъ мѣстъ въ другія.

Въ этотъ день мы шли по мѣстности совершенно однообразной, по широкой плоской долинѣ р. Раскемъ-дарьи, имѣющей слабое паденіе къ сѣверу, усѣянной галькой и лишенной расти-

тельности; рѣка течетъ въ ней чрезвычайно медленно, разбиваясь на нѣсколько рукавовъ; по сторонамъ долины тянутся невысокія, чаще безснѣжныя, холмообразныя, съ мягкими скатами горы, сложенныя изъ сланцевъ, преимущественно, глинистыхъ и конгломератовъ. Послѣдніе залегаютъ мощными пластами у подножія горъ, образуя длинные пологіе скаты или наклонныя терасы, спускающіяся къ долинѣ, но затѣмъ круто обрываются, образуя по сторонамъ долины конгломератовыя стѣнки-обрывы, высотой отъ $1^1/_2$ до 5 саженей. Мы нѣсколько разъ переходили съ одного берега рѣки на другой, но все время шли, преимущественно, по дну долины. Верстахъ въ 4-хъ отъ ночлега мы пересѣкли ручей Бахсумъ-Булакъ, вытекающій изъ снѣговъ окрестныхъ возвышенностей и впадающій справа въ Раскемъ-дарью. Въ 8 верстахъ отъ этого ручья находится урочище Вогабъ-джильга, небольшая травянистая площадь, вдающаяся въ видѣ короткой лощины въ горные скаты праваго берега. Въ 10 верстахъ отъ этого мѣста мы стали на ночлегъ, въ 5-мъ часу вечера, на правомъ берегу рѣки, противъ устья ручья Маликъ-ша, впадающаго въ Раскемъ-дарью, на высотѣ 15.900 ф. надъ ур. м. Вблизи Маликъ-ша конгломератовые обрывы сходятся, съуживая долину, а далѣе исчезаютъ и конгломератовыя терасы, горы ближе подходятъ къ рѣкѣ и въ $^1/_2$ верстѣ отъ Маликъ-ша рѣка, круто поворачивая на сѣверо-западъ около урочища Акъ-тагъ, вступаетъ въ узкое ущелье. Маликъ-ша.

Погода попрежнему намъ неблагопріятствовала; цѣлый день шелъ снѣгъ, дулъ холодный вѣтеръ и солнце показывалось только на нѣсколько минутъ, не успѣвая насъ обогрѣвать своими лучами. Антилопы встрѣчались здѣсь въ такомъ же изобиліи, какъ и прежде.

Недалеко отъ ручья Маликъ-ша, Азисъ нашелъ пустую чугунную гранату со свинцовой оболочкой и съ выступами. Откуда могъ появиться здѣсь этотъ артилерійскій снарядъ европейской фабрикаціи? Не попалъ ли онъ сюда въ тѣ времена, когда Якубъ-бекъ Кашгарскій получалъ отъ турокъ и англичанъ огнестрѣльные припасы черезъ Индію?

Ночью шелъ снѣгъ и морозило; въ 6 ч. у. термометръ стоялъ еще на нулѣ. Холодная ночь смѣнилась облачнымъ, безвѣтреннымъ утромъ. Мы выступили въ 7 ч. у. и, оставивши урочище Акъ-тагъ слѣва, пошли прямо на сѣверъ поперекъ конгломератовой отлогости праваго берега Раскемъ-дарьи, которую мы здѣсь бросили, чтобы не встрѣчаться съ нею уже до самаго Яркенда, гдѣ она, измѣнивши свое названіе, течетъ могучей, многоводной рѣкой. Пройдя съ версту, мы пересѣкли узкую безводную долину, прошли рядъ невысокихъ холмовъ и вступили въ широкую песчано-галечную долину, по дну которой замѣтно было высохшее русло ручья. Этотъ ручей обнаружился лишь въ 4-хъ верстахъ выше по долинѣ и оказался текущимъ съ сѣверо-запада. Долину окаймляютъ невысокіе конгломератовые холмы, кое-гдѣ присыпанные снѣгомъ. Она сохраняетъ почти одинъ и тотъ же характеръ на протяженіи 16-ти верстъ, до урочища Чибра, гдѣ сильно съуживается, превращаясь въ мелкое, но крутое ущелье. Съ этого мѣста начинается подъемъ на перевалъ Сугетъ (17.600 ф. надъ ур. м.), ведущій черезъ высокій снѣговой хребетъ, протянувшійся по паралели. Подъемъ идетъ по весьма пологому каменистому косогору, кое-гдѣ покрытому снѣгомъ, но, въ общемъ, не затруднительному для движенія съ вьюками. Повсемѣстно поблизости перевала залегаютъ мощныя толщи конгломератовъ, изъ-подъ которыхъ обнаруживаются на дневную поверхность гнейсовые пласты. Вся окружающая мѣстность лишена всякой растительности. Перевалъ, на который мы взобрались около 2-хъ час. дня, былъ покрытъ сплошной пеленой снѣга и встрѣтилъ насъ сильными порывами холоднаго вѣтра. Временами шелъ снѣгъ, но скоро переставалъ, не успѣвши намъ сдѣлать никакихъ непріятностей.

Перевалъ Сугетъ.

Достигнувъ перевала, мы хотѣли было отдохнуть на холодныхъ камняхъ, угрюмо выглядывавшихъ изъ-подъ снѣга, но вѣтеръ заставилъ насъ поспѣшить внизъ. Спускъ съ перевала — весьма крутой и ведетъ въ глубокое, узкое ущелье

рѣчки, стекающей съ снѣжныхъ полей сѣвернаго склона Сугета. Спустившись по извилистой, крутой и весьма каменистой тропѣ, мы прошли по ущелью около 10 верстъ; оно имѣетъ здѣсь ширину въ 100—150 саженей, завалено обломками горныхъ породъ и обставлено невысокими безснѣжными горами, изъ-за гребней которыхъ выглядываютъ величественныя вершины снѣговыхъ горъ. Ни древесной, ни кустарной растительности въ ущельи нѣтъ, а травянистая такъ же скудна, какъ и по южную сторону перевала.

Около 4-хъ час. пополудни мы разбили свой бивакъ въ полверстѣ отъ рѣчки, на ея правомъ берегу, въ небольшой лощинѣ, которую мои тибетцы называли «Кутасъ-джильга», что значитъ по-тюркски «ущелье яковъ». Здѣсь пробивалась между камнями пожелтѣвшая трава, которая могла послужить съ пользой нашимъ измученнымъ лошадямъ и здѣсь мы были укрыты отъ вѣтра. Погода и температура вполнѣ соотвѣтствовали высотѣ нашего бивака (15.800 ф. надъ ур. м.): было холодно, порошилъ снѣжокъ, вѣтеръ гналъ большія, сѣрыя облака, окутывавшія гребни и вершины окрестныхъ горъ и сползавшія по ихъ каменистымъ голымъ бокамъ въ глубокія и темныя ущелья. Все кругомъ было мрачно и уныло. Я забрался въ свою палатку, укрылся потеплѣе и не выходилъ изъ нея до слѣдующаго утра. Скоро угомонились и мои туземцы; въ ихъ палаткѣ затихъ разговоръ и изъ нея раздавались лишь по временамъ глухіе звуки тяжелаго кашля. Съ этого вечера меня началъ безпокоить вопросъ о здоровьи Корбана: онъ сталъ сильно кашлять по ночамъ и жаловался на боли въ груди, не дававшія ему покоя; я сожалѣлъ, что не могъ оказать ему никакой помощи, потому что имѣлъ съ собой лишь желудочныя капли и небольшое количество хинина.

Урочище Кутасъ-джильга.

Слѣдующій день, 9-го іюля, былъ послѣднимъ днемъ нашего движенія по суровому, негостепріимному Каракорамскому нагорью. Въ этотъ день мы достигли долины р. Хотанъ-дарьи у китайскаго поста Шахидулы.

Послѣ тихой, холодной ночи мы выступили рано утромъ внизъ по теченію рѣчки Сугетъ, слѣдуя ея правымъ берегомъ. На лѣвомъ берегу горы вплотную подходятъ къ рѣкѣ, сопровождая ея теченіе непрерывной стѣной, присыпанной снѣгомъ, но на правомъ находятся лишь небольшія возвышенности, то въ видѣ высокихъ плато, то въ видѣ холмистыхъ терасъ, круто обрывающихся въ ущелье. Мы шли высоко надъ рѣкой, то приближаясь къ ней, то удаляясь отъ нея, но верстахъ въ 12-ти отъ ночлега спустились къ рѣкѣ и шли по дну ущелья всю остальную часть перехода. Дно ущелья весьма каменисто, но, въ общемъ, не затруднительно для движенія. Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ форта Шахидулы ущелье расширяется, а вблизи него выходитъ въ широкую долину Хотанъ-дарьи, сливая свои воды съ водами послѣдней. Чѣмъ ниже спускались мы по ущелью, тѣмъ чаще встрѣчали травянистыя полянки съ цвѣтущими растеніями и кусты лозняка. Холодная погода, стоявшая до полудня, смѣнилась въ окрестностяхъ Шахидулы теплымъ, солнечнымъ днемъ. Когда мы увидѣли въ туманной дали, у подошвы высокаго, мрачнаго хребта глиняныя стѣны Шахидулы, Корбанъ уѣхалъ впередъ, чтобы приготовить намъ помѣщеніе и предупредить о моемъ прибытіи китайскаго амбаня.

Флора пройденнаго нагорья.

Оглядываясь теперь на пройденное нагорье Каракорама, необходимо отмѣтить крайнюю бѣдность его растительнаго царства. Древесной и кустарной растительности я не встрѣчалъ здѣсь ни разу [1]); травянистая же чрезвычайно скудна, разбросана небольшими полянками среди пустыни и отличается мелкими экземплярами. Я видѣлъ въ этой горной пустынѣ слѣдующія растенія: *ромашку* (Pyrethrum pamiricum), Saussurea sp., *одуванчикъ* (Taraxacum officinale), *астру* (Aster sp. alpinus?), *полынь* (Artemisia laciniata), *эстрагонъ* (Artemisia Dracunculus), *горохъ* (Cicer son-

1) Заросли Salix sp., встрѣтившіяся мнѣ около Шахидулы, уже принадлежатъ къ другой географической области.

garicum), *астрагалъ* (Astragalus sp. ciceriformis?), *бобы* (Oxytropis miriophylla), *ревень* (Rheum Webbinus), *мыкеръ* (Polygonum viviparum), *мытникъ* (Pedicularis Himalaica), Christolea pamirica, Braya sp.[1]), *кипрей* (Epilobium sp.), *молодилъ* (Sedum Rhodiola), *змѣеголовникъ* (Dracocephalum Heterophyllum), Physoclaina prealta, *лапчатку* (Potentilla multifida), *лукъ многолистный* (Allium polyphillum), *крапиву* (Urtica sp.), *бѣлоголовникъ* (Eurotia ceratoides), Pleurospermum sp., *песчанку* (Arenaria musciformis) и Thermopsis alpina.

Его птицы.

Птицъ я встрѣчалъ на нагорьи весьма рѣдко, хотя, казалось бы, что обиліе падали должно привлекать сюда нѣкоторые виды пернатыхъ. Изъ хищныхъ я видѣлъ *грифа бураго* (Gups himalayensis) и *ягнятника бородатаго* (Gupaetus barbatus), изъ воробьиныхъ—*ворона тибетскаго* (Corvus thibetanus) и *жаворонка гималайскаго* (Otocorys longirostris) и изъ куриныхъ—*индѣйку горную* или *улара* (Megaloperdix himalayensis).

Шахидула.

Шахидулой называется небольшое китайское укрѣпленіе, построенное при впаденіи рѣчки Сугетъ въ Хотанъ-дарью[2]), на высотѣ 11.900 ф. надъ ур. моря. Оно занимаетъ весьма важное географическое положеніе, находясь въ узлѣ всѣхъ путей, ведущихъ съ Каракорамскаго нагорья черезъ Раскемскій хребетъ въ Кашгарію.

До появленія Якубъ-бека[3]) въ Кашгаріи, мѣстность, на которой стоитъ Шахидульскій фортъ, принадлежала Кашмирскому магараджѣ, по распоряженію котораго когда то здѣсь былъ построенъ небольшой глиняный фортъ, имѣвшій въ теченіе нѣсколькихъ лѣтъ гарнизонъ изъ Кашмирскихъ солдатъ. Въ 70-хъ годахъ XIX стол. эта мѣстность была занята Кашгарцами; Каш-

1) Повидимому, новый видъ; В. И. Липскій предполагаетъ назвать его моимъ именемъ—Braya Novitskii, Lipsk.

2) Эта рѣка имѣетъ еще другое названіе, Каракашъ, извѣстное болѣе въ ея верхнемъ теченіи.

3) Онъ извѣстенъ въ исторіи Средней Азіи также подъ названіемъ Аталикъ-гази и Бадаулета.

мирское укрѣпленіе было заброшено, а Кашгарскій гарнизонъ расположился въ небольшомъ форту, возведенномъ нѣсколько ниже по р. Хотанъ-дарьѣ, при впаденіи въ нее слѣва небольшой рѣчки Халь-чушкинъ. Со смертью Аталикъ-гази и съ присоединеніемъ Кашгаріи къ Китаю, китайцы обновили и перестроили старый Кашмирскій фортъ и сдѣлали его мѣстопребываніемъ пограничнаго чиновника, обязаннаго наблюдать за караваннымъ движеніемъ изъ Кашмира въ Кашгарію.

Шахидульскій фортъ — квадратнаго начертанія (25—30 саженей въ сторонѣ); онъ построенъ изъ глины и имѣетъ толстыя зубчатыя стѣны, высотой около 2 саж. Входъ одинъ, съ западной стороны, въ ворота, надъ которыми виситъ деревянная доска съ китайской надписью; какія то надписи изображены и на боковыхъ стѣнкахъ воротъ. Внутреннее помѣщеніе форта образуетъ обширный дворъ съ различными постройками вдоль его стѣнъ: по сторонамъ воротъ находятся помѣщенія для туземцевъ, служащихъ въ форту, у стѣны противуположной воротамъ — квартира китайскаго амбаня, вдоль боковыхъ стѣнъ форта — помѣщенія для проѣзжающихъ, а между послѣдними, въ серединѣ двора — конюшни. Всѣ эти помѣщенія грязны, темны, не имѣютъ оконъ и дверями выходятъ на дворъ.

Укрѣпленіе стоитъ одиноко среди широкой, голой, каменистой долины, окаймленной высокими снѣговыми горами. Скучное, безотрадное мѣсто!

Около 1 ч. дня, во главѣ своего маленькаго каравана, я подъѣхалъ къ Шахидулѣ. У воротъ форта меня ожидали—Корбанъ и пестрая толпа киргизъ, находящихся на службѣ у китайскаго амбаня. Здѣсь я увидѣлъ первыхъ представителей киргизскаго населенія, обитающаго въ сосѣднемъ Раскемскомъ хребтѣ и его предгоріяхъ, спускающихся къ Яркенду. Глядя на ихъ невысокія, коренастыя фигуры въ засаленныхъ халатахъ съ длинными рукавами, на ихъ плоскія загорѣлыя лица съ узкими глазами, съ жиденькими бородками и грязными тюбетейками, сдвинутыми на бритый затылокъ, я узнавалъ въ нихъ хорошо

знакомыхъ мнѣ кочевниковъ нашего Туркестана. Это были тѣ же самые киргизы, которыхъ я встрѣчалъ въ Оренбургскихъ степяхъ, около Аральскаго моря и въ Ташкентѣ.

Какъ велика, какъ обширна область распространенія этихъ полудикихъ кочевниковъ! Отъ сѣверной подошвы Тибетскаго нагорья до южной границы дремучихъ лѣсовъ Западной Сибири и отъ приволжскихъ равнинъ до озера Байкала разбрелись эти дѣти степей со своими войлочными юртами и со своими безчисленными стадами!

Я въѣхалъ со своимъ караваномъ во дворъ и направился къ приготовленному для меня помѣщенію; но такъ какъ оно оказалось темнымъ чуланомъ, который я принялъ сначала за хлѣвъ, то поневолѣ пришлось уклониться отъ гостепріимства китайскаго амбаня, предназначавшаго для меня такое скверное помѣщеніе.

Я вывелъ свой караванъ изъ форта и разбилъ бивакъ на берегу рѣчки, среди кустарника. Хотя здѣсь и не было тѣни и негдѣ было укрыться отъ жгучихъ лучей солнца, ярко свѣтившаго на голубомъ небѣ, но я предпочелъ это мѣсто грязной конурѣ китайскаго укрѣпленія.

Отдохнувши и переодѣвшись, я захватилъ съ собой китайскій паспортъ и два кашмирскихъ платка для подарка амбаню [1]) и, въ сопровожденіи моего караванъ-баша, отправился съ визитомъ къ китайскому начальнику. Около помѣщенія амбаня уже стояла толпа халатниковъ, съ любопытствомъ осматривавшихъ русскаго «сахиба», прибывшаго изъ далекихъ странъ въ это скучное захолустье.

Китайскій пограничный чиновникъ.

У входа меня встрѣтилъ плотный китаецъ средняго роста, одѣтый въ синюю курму [2]) съ изображенными на ней причудливыми цвѣтками; подъ курмой на немъ былъ одѣтъ длинный свѣтло-сѣрый халатъ, закрывавшій его ноги ниже колѣнъ и узкія черныя брюки съ завязками; на ногахъ—мягкіе китайскіе

1) Такъ называютъ туземцы вообще всякаго китайскаго начальника (окружного, уѣзднаго и т. п.).

2) Кофта, носимая китайцами въ качествѣ верхняго платья.

сапоги съ толстой подошвой; на головѣ онъ имѣлъ круглую и низкую шапочку, изъ-подъ которой висѣла традиціонная китайская коса. На подбородкѣ и надъ губами китайца вмѣсто бороды и усовъ росли рѣдкія рыжеватыя колючки, придававшія его лицу неопрятный и непривлекательный видъ. Это и былъ китайскій пограничный чиновникъ. Увидя меня, онъ добродушно улыбнулся, оскаля свои некрасивые желтые зубы, и жестомъ руки пригласилъ меня войти въ помѣщеніе. Мы вошли въ небольшую полутемную комнату безъ оконъ, гдѣ, обернувшись, онъ протянулъ мнѣ руку, дружески пожалъ мою и предложилъ мнѣ сѣсть на особое мѣсто, предназначенное для свиданій амбаня съ проѣзжающими европейцами. Это мѣсто находилось у стѣны, противуположной входу, на небольшомъ глинобитномъ возвышеніи, посрединѣ котораго стоялъ низенькій столикъ, обитый краснымъ сукномъ. Я сѣлъ вправо отъ столика, амбань —по лѣвую сторону. Толпа халатниковъ вошла вслѣдъ за нами и остановилась у дверей; возлѣ меня стоялъ Корбанъ, возлѣ амбаня его переводчикъ. Амбань обращался по-китайски къ своему переводчику, тотъ передавалъ сказанное Корбану по-тюркски, а послѣдній мнѣ—по-индустани. При такихъ условіяхъ нашъ разговоръ велся, конечно, весьма медленно. Амбань освѣдомился о моемъ здоровьи и справился не испытывали ли мы какихъ-либо лишеній въ дорогѣ. Послѣ первыхъ привѣтствій и вопросовъ я вручилъ китайцу два Кашмирскихъ платка и извинился, что не имѣю возможности сдѣлать ему какого-либо болѣе цѣннаго подарка.

Вскорѣ намъ подали чай въ маленькихъ фарфоровыхъ китайскихъ чашкахъ, прикрытыхъ крышечками; китайцы заваривают чай прямо въ чашки, въ каждую отдѣльно, почему въ нихъ обязательно плаваютъ чаинки; по ихъ мнѣнію, при такомъ способѣ заварки чай сохраняетъ свой ароматъ и дѣлается гораздо вкуснѣе. За чаемъ мой караванъ-башъ переговорилъ съ амбанемъ о доставкѣ намъ продовольствія, фуража, о наймѣ одной вьючной лошади съ проводникомъ и о разныхъ другихъ вопросахъ, касавшихся нашего путешествія. Я предъявилъ амбаню свой китайскій пас-

портъ, который онъ передалъ одному изъ своихъ служащихъ, исполнявшему обязанности секретаря: на паспортѣ необходимо было сдѣлать помѣтку о моемъ проѣздѣ черезъ Шахидулу. Наконецъ, я всталъ и, согласно китайскому этикету, существенныя правила котораго мнѣ уже заранѣе преподалъ мой караванъ-башъ, пожалъ амбаню руку, вышелъ изъ комнаты, но за дверями обернулся назадъ и опять поклонился ему. Затѣмъ я поспѣшилъ на бивакъ, чтобы приготовить тамъ все необходимое для его пріема, потому что онъ долженъ былъ тотчасъ же придти ко мнѣ съ отвѣтнымъ визитомъ. Вслѣдъ за мной на нашъ бивакъ явился секретарь амбаня съ книгой, въ которую записалъ наши имена и составъ каравана. Для пріема амбаня мы разостлали большой коричневый войлокъ, поставили на немъ другъ противъ друга два кожаныхъ вьючныхъ сундука, покрыли ихъ голубыми войлоками и устроили возлѣ нихъ небольшой столикъ при помощи круглой дорожной корзины. Заваренъ былъ чай, были разложены—англійское варенье, чайное печеніе и свѣжеиспеченый хлѣбъ. Вскорѣ принесли чайную чашку амбаня, что послужило признакомъ его скораго прибытія, а затѣмъ показался и самъ онъ, окруженный толпой своихъ служащихъ. Послѣ дружескихъ рукопожатій мы сѣли на сундуки, намъ подали чай и мы приступили къ разговорамъ.

Я сообщилъ амбаню, что, раздумывая о дальнѣйшемъ пути въ Кашгарію, пришелъ къ рѣшенію не идти хорошо извѣстной дорогой на перевалы Киліангъ и Санджу, а попробовать пересѣчь Раскемскій хребетъ въ болѣе западномъ направленіи, по перевалу, который хотя и наносился нѣкоторыми путешественниками на карту по разспроснымъ свѣдѣніямъ, но никѣмъ изъ европейцевъ еще не посѣщался. Въ виду этого, я просилъ его содѣйствія по найму проводника и снабженію насъ всѣмъ необходимымъ для дальнѣйшаго путешествія. Амбань, любезно выслушавъ мое сообщеніе, отвѣтилъ, что онъ готовъ посодѣйствовать мнѣ во всемъ, въ чемъ будетъ возможно, но, что, къ сожалѣнію, онъ затрудняется въ пріисканіи проводника; что хотя перевалъ, о

которомъ я упоминалъ, и дѣйствительно существуетъ и извѣстенъ мѣстнымъ киргизамъ подъ именемъ Карликъ-давана, но считается непроходимымъ, что никто изъ киргизъ не пользуется имъ для сообщенія съ Кашгаріей и какъ добраться до него—мѣстнымъ кочевникамъ совершенно неизвѣстно. Ко всему этому хитрый китаецъ добавилъ, что онъ считаетъ своей обязанностью заботиться объ удобствахъ моего путешествія, что онъ отвѣчаетъ передъ высшимъ китайскимъ начальствомъ за мою безопасность, а потому не можетъ скрыть отъ меня того, что путешествіе въ желательномъ для меня направленіи сопряжено съ лишеніями и небезопасно. Я, конечно, понялъ истинный смыслъ словъ плутоватаго амбаня: давно извѣстно, что китайцы не долюбливаютъ европейскихъ путешественниковъ и ихъ географическія изслѣдованія малоизвѣстныхъ земель Имперіи Богдыхана; каждый китайскій начальникъ старается какъ можно скорѣе спровадить европейца подальше отъ себя, а потому, естественно, онъ предпочитаетъ направить послѣдняго по хорошей торной дорогѣ, по которой путешественникъ могъ бы слѣдовать безъ всякихъ задержекъ и постоянно находиться подъ наблюденіемъ китайской администраціи.

Корбанъ, къ моему удивленію, принялъ сторону амбаня и началъ убѣждать меня въ опасности движенія на неизвѣстный перевалъ, удобопроходимость котораго сомнительна. Такъ какъ спорить съ обоими было безполезно, то я прекратилъ этотъ разговоръ, рѣшивши вмѣсто напрасныхъ переговоровъ приступить къ исполненію своего плана на слѣдующій же день; пока же я потребовалъ отъ амбаня къ завтрашнему утру одну вьючную лошадь съ проводникомъ, необходимую намъ для облегченія въ горахъ собственныхъ лошадей, такъ какъ Панамикскіе туземцы изъ Шахидулы возвращались на родину.

Предложивши мнѣ, въ качествѣ подарка, лукошко яицъ и связку какихъ то вонючихъ овощей, амбань распрощался со мной и удалился къ себѣ въ укрѣпленіе.

Вечеромъ я позвалъ къ себѣ караванъ-баша и пристыдилъ

его въ потворствѣ амбаню; я сказалъ ему, что британскій резидентъ въ Ладакѣ отзывался объ немъ съ похвалой и ручался за его вѣрность слову и за повиновеніе волѣ сахиба, но что теперь я вижу, какъ ошибся, надѣясь найти въ немъ вѣрнаго помощника и добросовѣстнаго слугу. Эти упреки немедленно оказали свое дѣйствіе. Корбанъ, задѣтый ими за живое, сталъ увѣрять меня, что высказывалъ свое мнѣніе, не намѣреваясь оказывать сопротивленія и что я могу быть увѣреннымъ, что онъ пойдетъ за мной всюду, куда я пожелаю идти, а за нимъ пойдутъ и всѣ его тибетцы, за повиновеніе которыхъ онъ отвѣчаетъ.

Я предупредилъ его, что непремѣнно хочу пройти Раскемскій хребетъ по новому перевалу, но запретилъ ему говорить объ этомъ, опасаясь, что амбань можетъ затруднить выполненіе моего плана.

Послѣ тихаго, жаркаго дня, наступилъ теплый, но вѣтряный вечеръ: съ запада дулъ сильный порывистый вѣтеръ, нагнавшій къ ночи много тучъ, закрывшихъ звѣздное небо.

Раскемъ.

Въ ущельяхъ южнаго Раскема.

Новая географическая область.

Около Шахидулы мы покинули Каракорамское нагорье и перешли въ новую географическую область, которая служитъ переходной ступенью отъ высокихъ пустынь Западнаго Тибета къ безбрежнымъ равнинамъ Кашгаріи. Примѣрно отъ 30° вост. долготы (отъ Пулкова) до верхняго теченія р. Хотанъ-дарьи протянулся высокій снѣговой Раскемскій хребетъ, служащій сѣверной оградой Каракорамскаго нагорья. Онъ отдѣленъ отъ него глубокой, узкой долиной р. Раскемъ-дарьи, несущей свои воды отъ урочища Акъ-тагъ въ сѣверо-западномъ направленіи, а въ окрестностяхъ Шахидулы упирается въ излучину Хотанъ-дарьи, гдѣ эта рѣка измѣняетъ направленіе своего теченія съ сѣверо-западнаго на сѣверо-восточное. Этотъ хребетъ круто обрывается къ югу, а къ сѣверу постепенно понижается въ своихъ многочисленныхъ предгоріяхъ и являетъ собой уже периферическую горную область. Нетронутые, цѣльные, однообразные масивы высокихъ нагорій остались за нами; впереди насъ находилась горная страна, служащая имъ окраиной и испытавшая уже на себѣ разрушительное вліяніе могучихъ силъ природы.

Спустившись въ долину Хотанъ-дарьи, мы оставили высокія плато, мелкія, широко раскинувшіяся долины съ текущими по нимъ маловодными, спокойными рѣчками и невысокія горы съ

округлыми вершинами и пологими скатами. Мы вступили теперь въ глубокія, узкія ущелья съ крутыми, отвѣсными боками, по дну которыхъ бѣшено мчатся покрывшіяся пѣной горныя рѣчки, находящіяся въ постоянной борьбѣ съ валунами, загражданющими ихъ теченіе; мы то взбирались по крутымъ скатамъ скалистыхъ горъ, то спускались съ нихъ по каменистымъ тропамъ въ глубокія ущелья. Насъ окружали острыя вершины горъ, да узкіе гребни мелкихъ кряжей, обступившихъ главный хребетъ. Но одно осталось попрежнему безъ измѣненія, это — безплодіе горъ, столь же голыхъ, угрюмыхъ и непривѣтливыхъ, какъ и на сосѣднемъ нагорьи.

Внизъ по рѣкѣ Хотанъ-дарьѣ.

10-го іюля, утромъ, мы выступили изъ Шахидулы при ясной, теплой погодѣ, но съ сильнымъ сѣверо-западнымъ вѣтромъ. Ночью слегка моросило, но близъ перевала Сугетъ, повидимому, былъ сильный дождь, потому что къ утру рѣчка вздулась и несла мутную, желтоватую воду. Передъ выступленіемъ я разсчиталъ Панамикскихъ тибетцевъ, далъ каждому приличный «бакшишъ», по коробкѣ спичекъ и неизмѣнный «сертификейтъ» за ихъ хорошую службу. Оставшись довольны вознагражденіемъ, они долго благодарили меня, а одинъ изъ нихъ даже сталъ на колѣни и приложилъ свой лобъ къ носку моего сапога. Прощаясь съ ними, я поручилъ имъ передать мой поклонъ Панамикскому лямбардару.

Наемная лошадь съ вожакомъ и киргизомъ, какъ это обыкновенно бываетъ, запоздала къ часу, назначенному для выступленія, что сильно обозлило моего караванъ-баша; его дурное расположеніе духа часто отражалось на его подчиненныхъ, что случилось и въ это утро: я видѣлъ, какъ онъ стегалъ нагайкой Рахима. Несмотря на излишне строгое обращеніе Корбана со своими подчиненными, вмѣшательство въ ихъ отношенія казалось мнѣ всегда неудобнымъ: у нихъ были свои счеты, а мое вмѣшательство неизбѣжно вызвало бы между ними ссору. Черезъ часъ я убѣдился въ справедливости моихъ соображеній: Рахимъ разговаривалъ съ Корбаномъ самымъ дружескимъ образомъ и, взявши у него табакерку, сдѣланную изъ маленькой кувшинообразной

тыквы, вытряхивалъ изъ нея скверный черный табакъ; оба захватили своими грязными, закорузлыми пальцами по щепоткѣ табаку и заложили его себѣ подъ языкъ, зажмуривъ отъ удовольствія глаза: не могло быть сомнѣнія, что мирныя отношенія установились у нихъ попрежнему.

Шахидульскій амбань назначилъ для сопровожденія насъ до населенныхъ мѣстъ Каргалыкскаго округа коннаго киргиза, который долженъ былъ оказывать намъ содѣйствіе при встрѣчахъ съ мѣстными кочевниками и исполнять обязанности проводника. Это былъ высокаго роста, сухощавый и флегматичный киргизъ, сидѣвшій на малорослой, вороной и злой лошади; онъ ѣхалъ впереди, постоянно помахивая своей короткой нагайкой и указывалъ намъ броды.

Съ бивака мы направились къ сѣверо-западу внизъ по Хотанъ-дарьѣ, верстахъ въ двухъ отъ ночлега обогнули небольшую излучину рѣки, за которой, вмѣстѣ съ рѣкой, круто повернули къ сѣверо-востоку, переправившись въ бродъ на ея правый берегъ. За поворотомъ долина рѣки съуживается до полуверсты и тропа идетъ то вплотную къ рѣкѣ, часто пересѣкая ея мелкіе притоки, то по отлогимъ скатамъ примыкающихъ къ ней горъ. При впаденіи слѣва въ Хотанъ-дарью небольшой рѣчки Халь-чушкинъ, текущей въ узкомъ и глубокомъ ущельи, на правомъ ея берегу стоитъ небольшой четырехугольный глиняный фортъ (кала), построенный еще при Якубъ-бекѣ кашгарцами. Это то самое укрѣпленіе, о которомъ я упоминалъ при описаніи Шахидулы. На лѣвомъ берегу той же рѣчки, напротивъ калы, находится невысокая, но широкая башня, мазаръ Ходжа — надгробный памятникъ на могилѣ мусульманскаго святого.

Мазаръ Ходжа.

Вѣтеръ, дувшій съ ночи, не затихалъ ни на минуту, срывая у меня съ головы широкополую индійскую шляпу, доставлявшую мнѣ немало хлопотъ въ вѣтряную погоду. Наконецъ, я вынужденъ былъ отдать ее одному изъ туземцевъ, а самъ надѣлъ киргизскую тюбетейку Корбана, которую онъ постоянно возилъ въ карманѣ.

На этомъ переходѣ улары попадались намъ такъ же часто, какъ и въ предыдущіе дни.

Около полудня мы достигли небольшого киргизскаго кочевья, но такъ какъ вблизи него не нашлось удобнаго мѣста для бивака, то мы перешли въ бродъ на лѣвый берегъ рѣки и расположились здѣсь на небольшой травянистой площадкѣ. Около бивака, по берегу рѣки росли кустарники, образовавшіе мѣстами густыя заросли, въ которыхъ бродили худые верблюды, принадлежавшіе, вѣроятно, киргизамъ сосѣдняго кочевья.

Среди кустовъ облѣпихи, мирикаріи, шиповника и джиды я встрѣтилъ здѣсь *ломонос тангутскій* (Clematis Tangutica), обвивавшій своими тонкими длинными стеблями сосѣдніе кустарники. Это растеніе я видѣлъ только по Хотанъ-дарьѣ и по Тагра-су, а по сѣверную сторону Раскемскаго хребта уже не встрѣчалъ его болѣе.

Направивши вьюки на мѣсто бивака, я, Корбанъ и нашъ проводникъ, отправились посмотрѣть кочевье. У юртъ насъ встрѣтили съ ожесточеннымъ лаемъ огромныя сторожевыя собаки, которыя обошлись бы съ нами весьма недружелюбно, если бы на ихъ лай не вышли къ намъ два молодыхъ киргиза, съ трудомъ отогнавшіе отъ насъ этихъ свирѣпыхъ животныхъ. Мы слѣзли съ лошадей и вошли въ ближайшую юрту, устройство и внутреннее убранство которой оказалось совершенно такимъ же, какъ и у нашихъ киргизъ въ Туркестанѣ. Глядя на киргизокъ, одѣтыхъ въ длинные и пестрые халаты, съ высокими бѣлыми тюрбанами на головахъ, я думалъ, что нахожусь въ киргизскомъ аулѣ Сыръ-Дарьинской или Семирѣченской областей, до такой степени одежда и внѣшній видъ Раскемскихъ киргизъ напоминали мнѣ нашихъ кочевниковъ. Киргизское кочевье.

Въ юртѣ мы застали трехъ женщинъ, старика и двухъ дѣтей. Старикъ лежалъ, покрытый тулупами и разнымъ тряпьемъ, стоналъ и охалъ: у него опухли обѣ ноги, ломило въ поясницѣ и вообще его одолѣли старость и недуги; его, конечно, ничѣмъ не лѣчили.

Купивши у киргизъ свѣжаго молока яковъ, мы вернулись къ себѣ на бивакъ, гдѣ уже были разбиты палатки и гдѣ Азисъ уже возился у очага съ котелками.

Несмотря на сѣверо-западный вѣтеръ, дувшій съ постоянствомъ, приводившимъ меня въ озлобленіе, день стоялъ жаркій и я долго грѣлся на солнцѣ. Послѣ Каракорамскаго нагорья съ его холодомъ, снѣгомъ и облаками, закрывавшими небо, было пріятно сидѣть подъ лучами ярко свѣтившаго солнца.

За обѣдомъ мнѣ пришлось разочароваться въ подаркѣ Шахидульскаго амбаня: яйца, подаренныя имъ, оказались весьма страннаго вида и съ запахомъ гнили. Впослѣдствіи ознакомившись съ китайской кухней, я узналъ, что китайцы умышленно подвергаютъ вареныя яйца гніенію какимъ то особеннымъ способомъ и находятъ ихъ въ такомъ видѣ весьма вкусными.

Съ наступленіемъ сумерекъ мои азіаты, обрадовавшись обилію топлива, развели вблизи бивака огромный костеръ, около котораго я просидѣлъ до поздняго вечера.

На слѣдующій день мы продолжали нашъ путь по р. Хотанъ-дарьѣ. То взбираясь по отлогостямъ праваго берега, то спускаясь къ самой рѣкѣ, которая постепенно увеличивалась въ размѣрахъ отъ горныхъ ручьевъ, стекавшихъ съ окрестныхъ горъ по узкимъ крутымъ лощинамъ, мы подошли вскорѣ къ мѣсту впаденія въ нее слѣва ручья Тагра-су. Здѣсь уже появились первые признаки земледѣльческой культуры — небольшія поля ячменя, принадлежащія мѣстнымъ киргизамъ; онѣ орошались при помощи канавъ, выводимыхъ выше по теченію изъ Хотанъ-дарьи и охранялись сторожемъ, жившимъ на берегу рѣки въ жалкой каменной лачугѣ. Около этого мѣста мы встрѣтили небольшой караванъ на лошадяхъ, который шелъ изъ Яркенда въ Ладакъ.

У сліянія рр. Тагра-су и Хотанъ-дарьи намъ слѣдовало повернуть къ западу, потому что я твердо рѣшилъ осмотрѣть часть Раскемскаго хребта западнѣе переваловъ Санджу и Киліанга и попытаться пройти въ Каргалыкъ переваломъ Карликъ-даванъ.

Подъѣхавши къ Тагра-су, нашъ караванъ остановился и Шахидульскіе киргизы стали о чемъ то болтать съ киргизомъ, сторожившимъ поля.

Когда я сказалъ караванъ-башу, что намѣренъ повернуть вверхъ по Тагра-су, какъ это было мною предположено въ Шахидулѣ, Корбанъ опять пытался убѣдить меня отказаться отъ новаго направленія, пугая трудностью пути, обиліемъ воды въ Тагра-су и незнаніемъ мѣстности; но послѣ нѣсколькихъ настоятельныхъ заявленій съ моей стороны онъ замолчалъ. Не такъ легко оказалось сломить сопротивленіе Шахидульскихъ киргизъ и заставить ихъ повернуть въ незнакомое ущелье. Когда я повернулъ своего коня къ западу и мой караванъ потянулся за мной каменистымъ берегомъ Тагра-су, они заявили, что не пойдутъ за нами. Я слѣзъ съ коня и приказалъ своимъ людямъ перевьючить съ наемной киргизской лошади кожаные яхтаны[1]) на мою лошадь, а киргизамъ объявилъ, что они могутъ немедленно же возвратиться въ Шахидулу; самъ я рѣшилъ, за неимѣніемъ лишней лошади, идти пѣшкомъ. Подобное, неожиданное для туземцевъ рѣшеніе, повидимому смутило ихъ: Корбанъ соскочилъ со своей лошади, подвелъ ее ко мнѣ и сказалъ, что не допуститъ, чтобы «сахибъ» шелъ пѣшкомъ; Шахидульскій проводникъ сконфузился и заявилъ, что онъ не можетъ уѣхать обратно, не исполнивши возложеннаго на него амбанемъ порученія; молчалъ только собственникъ наемной лошади. Я былъ сильно взволнованъ, мнѣ было досадно сознавать, что упрямое сопротивленіе какого-нибудь лѣниваго азіата, который пользуется всякимъ удобнымъ случаемъ для того, чтобы поставить европейца въ затруднительное положеніе и сорвать съ него лишнее, можетъ нарушить планы путешественника.

Сопротивленіе Шахидульскихъ киргизъ.

Я нанималъ киргиза для движенія съ нами вообще на сѣверную сторону хребта, не обѣщая идти перевалами Санджу или Киліангъ, а потому въ правѣ былъ требовать, чтобы онъ шелъ

1) Вьючные сундуки.

туда, куда ему будетъ приказано. А потому, видя его упорство, я приказалъ Корбану передать ему, что, такъ какъ онъ нарушаетъ своимъ отказомъ условія найма, то я прогоню его, не заплативши ему ни одной рупіи, а если онъ будетъ тормозить наше движеніе въ дальнѣйшемъ пути, то я, кромѣ этого, еще отдую его нагайкой; эта угроза повлекла за собой быстрый и неожиданный результатъ: киргизъ, взявши поводъ своей лошади, быстро зашагалъ съ ней впереди нашего каравана. Я приказалъ Корбану передать также и Шахидульскому проводнику, что если онъ, вмѣсто содѣйствія, будетъ дѣлать намъ по пути затрудненія подобно только что происшедшему, то я прибѣгну и по отношенію къ нему къ столь же рѣшительнымъ мѣрамъ. Смущенный киргизъ молчалъ, боязливо озираясь на меня, на мою нагайку и на мой револьверъ, висѣвшій у сѣдла.

Тагра-Су. Мы продолжали движеніе вверхъ по р. Тагра-су, ущелье которой, широкое при впаденіи ея въ Хотанъ-дарью, теперь все болѣе и болѣе стѣснялось горами. Рѣчка имѣетъ ширину не болѣе 10—12 саж., не глубока, во многихъ мѣстахъ проходима въ бродъ, но съ весьма сильнымъ теченіемъ. Дно ущелья забросано обломками горныхъ породъ и камнями всевозможныхъ размѣровъ. Нашъ караванъ медленно подвигался по каменистому ущелью, съ трудомъ выбирая себѣ путь, возможный для движенія съ вьюками. Кое-гдѣ ущелье рѣчки расширялось, давая мѣсто небольшимъ пологостямъ, свободнымъ отъ камней и занятымъ киргизскими пашнями ячменя, который воздѣлывается здѣсь кочевниками въ подспорье къ своему бѣдному хозяйству. Возлѣ одной изъ пашенъ я замѣтилъ рядъ пещеръ, весьма искусно вырытыхъ въ отвѣсныхъ бокахъ конгломератовыхъ скалъ; киргизы говорили мнѣ, что въ этихъ пещерахъ живутъ кочевники, когда они съѣзжаются сюда для обработки полей.

Верстахъ въ 6-ти отъ поворота съ Хотанъ-дарьи мы замѣтили на лѣвомъ берегу рѣчки травянистую площадку и, не зная найдемъ ли дальше подножный кормъ, рѣшили остановиться здѣсь для ночлега. Перебравшись въ бродъ черезъ рѣчку, мы

разбили наши палатки подъ крутыми обрывами ея лѣваго берега. Кромѣ хорошей сочной травы, здѣсь росли небольшіе кусты, доставившіе намъ необходимое топливо.

Шахидульскіе киргизы обнаруживали на бивакѣ поразительную дѣятельность. Одинъ изъ нихъ даже изъявилъ готовность нанять для насъ яковъ для облегченія подъема на перевалъ и велъ съ этой цѣлью продолжительные переговоры со своимъ соплеменникомъ съ сосѣдняго кочевья, который пришелъ посмотрѣть на насъ. Къ сожалѣнію, эти переговоры не привели къ желательному результату и мы продолжали наше путешествіе безъ яковъ.

Шахидульскіе киргизы были, повидимому, весьма религіозны: съ восходомъ и закатомъ солнца они быстро находили направленіе на Мекку, клали на землю халатъ, становились на немъ рядомъ на колѣни и долго, долго молились. Молились они и въ этотъ вечеръ и, глядя на бритые затылки ихъ головъ, преклоненныхъ къ землѣ, мнѣ казалось, что они молятъ Аллаха о ниспосланіи всякихъ бѣдъ проклятому гяуру, вздумавшему лѣзть по этимъ мрачнымъ горамъ къ какому то невѣдомому перевалу и вынуждавшему ихъ, правовѣрныхъ, слѣдовать за нимъ въ эти мѣста, обитаемыя лишь шайтаномъ [1]).

Характеръ ущелья.

Небольшой переходъ слѣдующаго дня мало чѣмъ отличался отъ предыдущаго. Характеръ ущелья, размѣры рѣки и условія движенія были тѣ же; рѣка извивалась среди высокихъ горъ, подходя вплотную то къ одному, то къ другому берегу ущелья и вынуждала насъ то взбираться на боковые контръ-форсы, преграждавшіе его, то перебираться съ одного берега на другой, что представляло иногда серьезныя неудобства. Несмотря на сравнительно незначительные размѣры горныхъ рѣкъ и небольшую ихъ глубину, броды въ нихъ бываютъ часто весьма опасными: вода несется съ стремительной быстротой, покрытая бѣлой пѣной, не позволяющей разсмотрѣть характеръ дна, а

1) Шайтаномъ называется по-тюркски чортъ.

крупные, скользкіе валуны, въ безпорядкѣ разбросанные по рѣчному ложу, составляютъ серьезное препятствіе для движенія. Въ этотъ день намъ пришлось нѣсколько разъ переходить съ одного берега на другой по весьма непріятнымъ бродамъ. Особенно памятенъ мнѣ одинъ изъ нихъ, чуть было не стоившій мнѣ одной лошади.

Въ этомъ мѣстѣ дно рѣки было сплошь завалено крупными валунами, образовавшими каменистое ложе, по которому рѣка несла свои быстрыя, холодныя воды; глубина доходила лишь до брюха лошади, но мѣстами послѣднія попадали ногами въ промежутокъ между валунами и, не имѣя прочной опоры для ногъ, не могли совладать съ теченіемъ. Моя верховая лошадь провалилась задними ногами и съ трудомъ выбилась на берегъ; но одна изъ вьючныхъ лошадей чуть не погибла, провалившись всѣмъ туловищемъ: сильное теченіе опрокинуло ее и она нѣсколько мгновеній билась въ пѣнистыхъ волнахъ, стараясь зацѣпиться копытами за острый камень, выставлявшій изъ воды. Если бы не своевременная помощь Умаръ-шаха съ Рахимомъ, переходившихъ бродъ пѣшкомъ, то теченіе унесло бы лошадь и разбило бы ее на смерть о камни.

На этомъ переходѣ мы опять разстались съ обитаемыми мѣстами: у впаденія въ Тагра-су горнаго ручья Читыкурмозинъ мы встрѣтили послѣднее поле ячменя, вблизи котораго, по
Зіаретъ. словамъ Шахидульскаго проводника, еще кочуютъ киргизы. Здѣсь, на лѣвомъ берегу, среди камней находится зіаретъ, состоящій изъ нѣсколькихъ могилъ, служащихъ мѣстомъ вѣчнаго упокоенія какихъ то мусульманскихъ святыхъ, про которыхъ, впрочемъ, киргизы не могли мнѣ сообщить никакихъ свѣдѣній. Двѣ могилы, вѣроятно, болѣе почитаемыя, обнесены невысокими стѣнками изъ овальныхъ камней. Вокругъ зіарета воткнуто нѣсколько высокихъ шестовъ, на которыхъ развѣваются цвѣтныя тряпки, конскіе и яковые хвосты; къ нѣкоторымъ прикрѣплены рога различныхъ звѣрей. Эти украшенія представляютъ собой даръ богомольцевъ, собирающихся

сюда съ окрестныхъ кочевій. Передъ столь священнымъ мѣстомъ не могло устоять даже религіозное равнодушіе моихъ тибетцевъ и они, вслѣдъ за киргизами, приблизились къ могиламъ, сложили на груди руки, слегка склонили головы и простояли въ этомъ положеніи нѣсколько минутъ въ безмолвіи.

Около 2-хъ часовъ дня мы встрѣтили на правомъ берегу рѣки большую травянистую площадку, послужившую намъ для бивака.

До сихъ поръ движеніе по ущелью Тагра-су не представляло особенныхъ затрудненій; главное лишеніе заключалось въ недостаткѣ подножнаго корма, что вынуждало насъ дѣлать маленькіе переходы и пользоваться каждой лужайкой для отдыха и выкормки лошадей. Но это встрѣчалось и раньше, а потому я мало безпокоился, уже привыкши къ суровымъ условіямъ нашего путешествія. Мы были довольны и тѣмъ, что растущій мѣстами кустарникъ доставлялъ намъ топливо и позволялъ имѣть каждый день горячую пищу и чай.

Мои тибетцы, попрежнему, пекли хлѣбныя лепешки на горячихъ камняхъ, разогрѣваемыхъ въ кострѣ и варили въ большомъ котлѣ свой Ладакскій чай, за которымъ они забывали тягости путешествія. Я широко пользовался своимъ запасомъ консервовъ, съ удовольствіемъ мечтая о тѣхъ дняхъ, когда мы будемъ въ состояніи имѣть свѣжую провизію, фрукты и овощи. Но это еще не скоро! Для того, чтобы добраться до этихъ прелестей, необходимо перевалить этотъ громадный хребетъ, который своими снѣговыми вершинами закрываетъ намъ горизонтъ къ сѣверу. Хорошо, если окажется возможнымъ перевалить его..... А если нѣтъ, то прійдется идти обратно по этимъ дикимъ, пустыннымъ мѣстамъ.

Погода.

Погода въ Раскемскомъ хребтѣ доставила намъ мало разнообразія: послѣ двухъ теплыхъ дней въ долинѣ Хотанъ-дарьи опять наступила облачная погода; часто накрапывалъ дождь, свѣжій вѣтеръ дулъ цѣлыми часами, и хотя днемъ не было холодно, но ночью приходилось укрываться, поверхъ одѣяла, еще

шубой. Высота нашихъ ночлеговъ, убывавшая до Тагра-су, стала опять увеличиваться, колеблясь между 12.500 и 14.500 Ф. надъ ур. м.

Вечеръ у костра.

Вечеръ 12-го іюля я провелъ у костра въ разговорахъ со своими тибетцами. Хотя они, за исключеніемъ Корбана, знали индустанскій языкъ такъ же плохо, какъ и я, но это нисколько не мѣшало намъ объясняться; люди, постоянно изо дня въ день находящіеся вмѣстѣ, быстро привыкаютъ понимать другъ друга.

Мы всѣ сидѣли возлѣ ярко пылавшаго костра, на берегу Тагра-су, съ шумомъ проносившей мимо насъ свои холодныя воды. Для меня было устроено почетное сидѣніе — большой мѣшокъ ячменя изъ нашихъ фуражныхъ запасовъ; туземцы сидѣли на землѣ; кто попивалъ изъ чашки Ладакскій чай, кто подбрасывалъ въ костеръ сырыя сильно дымившія вѣтки, издававшія трескъ, а кто глядѣлъ на огонь, слѣдя за движеніемъ огненныхъ языковъ, перебѣгавшихъ съ вѣтки на вѣтку. Одинъ лишь Умаръ-шахъ сидѣлъ за работой. Глядя на его фигуру, согнувшуюся надъ сѣрой кошмой [1]), которую онъ рѣзалъ ножомъ, я удивлялся его трудолюбію. Вспоминая теперь дни, проведенные въ путешествіи, я не помню, чтобы когда-нибудь онъ сидѣлъ безъ дѣла, проспалъ, опоздалъ или исполнилъ что либо небрежно. Въ тотъ день одна изъ нашихъ лошадей сильно натерла себѣ вьюкомъ бокъ, на которомъ образовалась большая рана. Умаръ-шахъ, покончивши работы по устройству бивака, сейчасъ же принялся за передѣлку вьючнаго сѣдла этой лошади и приспособилъ его для надѣванія на ея израненный бокъ. Онъ присыпалъ рану смѣсью соли съ золой, увѣряя, что это способствуетъ заживленію. Сидя за работой, Умаръ-шахъ разсказывалъ мнѣ нѣкоторые эпизоды изъ путешествія къ Ласѣ англичанина Литльделя, въ караванѣ котораго онъ былъ погонщикомъ муловъ. Долго просидѣлъ я у костра, слушая раз-

1) Кошма—войлокъ.

сказы бывалаго туземца. Уже совершенно стемнѣло, окружавшія насъ горы погрузились въ мракъ, а на темномъ облачномъ небѣ кое-гдѣ проглядывали яркія звѣзды. Кругомъ было тихо: ночное безмолвіе нарушалось лишь однообразнымъ шумомъ рѣки, фырканіемъ щипавшихъ траву лошадей и трескомъ древесныхъ сучьевъ, пылавшихъ въ кострѣ.

Поздно, около полуночи, мы разошлись по палаткамъ при слабомъ свѣтѣ догоравшаго костра, въ которомъ то вдругъ вспыхивало небольшое пламя, озарявшее ближайшіе камни и траву, то потухало, погружая ихъ въ темноту.

13-го іюля, рано утромъ, выступая съ ночлега, я былъ увѣренъ, что мы идемъ уже на перевалъ: ущелье рѣки становилось все у́же и у́же, паденіе его увеличивалось, а высокія, снѣговыя горы тѣсно обступили насъ, закрывая намъ горизонтъ. Однако, въ этотъ день мы не увидѣли желаннаго перевала и много еще затрудненій пришлось испытать намъ въ теченіе двухъ дней, пока оказалось возможнымъ одолѣть этотъ суровый, негостепріимный хребетъ.

Хорошо было хоть то, что теперь намъ благопріятствовала погода: къ разсвѣту всѣ тучи разбѣжались за отдаленныя горы и темно-голубое небо раскинулось надъ нами; это былъ, кажется, первый безоблачный день со времени нашего пребыванія въ долинѣ р. Нубры въ Ладакѣ.

Затруднительное движеніе.

Идя съ ночлега по дну ущелья, мы верстахъ въ 4-хъ отъ бивака достигли мѣста, гдѣ рѣка текла въ узкомъ коридорѣ съ крутыми высокими боками; приходилось искать обхода. Мы воспользовались теченіемъ небольшого ручья, впадающаго вблизи этого мѣста въ Тагра-су и обошли по его неглубокому ущелью тотъ гранитный контръ-форсъ, который сжималъ теченіе рѣки. Затѣмъ мы шли нѣкоторое время по широкой терасѣ праваго берега и опять спустились на дно ущелья. Но здѣсь насъ ожидали непредвидѣнныя препятствія, которыя, затрудняя наше движеніе, казалось, стремились оправдать дурную славу тринадцатаго числа. Пройдя по ущелью не болѣе 5—6 верстъ, мы 10

разъ переходили въ бродъ съ одного берега на другой, потому что то съ одной, то съ другой стороны къ рѣкѣ вплотную подходили крутыя высокія скалы. Дно ущелья было завалено огромными валунами, а его скаты—обломками горныхъ породъ, среди которыхъ мы съ трудомъ прокладывали себѣ дорогу.

Туземцы ворчали, выбиваясь изъ силъ съ вьючными лошадьми, которыя неохотно шли въ воду и съ трудомъ ступали по острымъ камнямъ, царапавшимъ имъ ноги. Загорѣлыя лица киргизъ обнаруживали неудовольствіе и при всякомъ новомъ препятствіи они молчаливо покачивали своими бритыми головами.

Уже солнце стояло высоко, когда мы наткнулись на преграду, задержавшую на нѣсколько часовъ наше движеніе. На правомъ берегу отвѣсная скала подошла къ рѣкѣ и повисла надъ ней; на лѣвомъ, по которому мы шли въ этомъ мѣстѣ, крутой скатъ горы былъ сплошь заваленъ гранитными глыбами, изъ которыхъ нѣкоторыя достигали въ высоту до сажени; по нимъ нужно было пробираться какъ по крутой лѣстницѣ съ огромными ступенями. По этимъ ступенямъ трудно было двигаться человѣку, а для лошадей это было положительно невозможно. Идти по дну ущелья было тоже не легче: оно покрыто въ этомъ мѣстѣ большими валунами, образующими пороги, по которымъ рѣка несетъ со страшной силой свои мутныя пѣнящіяся воды. Послѣ непродолжительнаго совѣщанія, рѣшивши, что необходимо расчистить путь на скатѣ ущелья, чтобы пройти это мѣсто со всѣмъ караваномъ, мы быстро принялись за работу. Сбросивши нѣкоторыя глыбы гранита въ рѣку, перемѣстивши другія, набросавши въ промежуткахъ между ними мелкихъ камней, мы образовали нѣчто въ родѣ тропы, на которой могли умѣститься копыта лошади.

Лошадей мы разъвьючили и проводили по одиночкѣ, а вещи переносили на рукахъ къ тому мѣсту, гдѣ ущелье дѣлалось проходимымъ. Одна изъ моихъ лошадей не захотѣла пробираться среди камней и никакими усиліями нельзя было заставить ее

Ущелье р. Тагра-су.

Ущелье р. Тагра-су. Мы разрабатываемъ тропу.

Фототипія В. Клясенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2.

Правил. И. Каминскій

пройти по устроенной нами тропѣ. Киргизы побоялись вести своихъ лошадей за нашими, а потому я приказалъ имъ, прихвативши и мою упрямую лошадь, попытаться пробраться по дну рѣки. Много трудовъ стоило провести ихъ и этимъ путемъ: лошади пугались стремительнаго теченія, проваливались между валунами и спотыкались о камни, покрывавшіе дно.

Одолѣвши это препятствіе мы завьючили лошадей и тронулись далѣе. Въ разстояніи версты отъ этого злополучнаго мѣста, ущелье нѣсколько расширяется, образуя двѣ травянистыя площадки. Около нихъ въ отвѣсномъ конгломератовомъ обрывѣ я замѣтилъ огромную пещеру, которая могла бы вмѣстить въ себя не менѣе сотни людей. Осмотрѣвши ея внутреннее помѣщеніе, я пришелъ къ заключенію, что это — искуственное сооруженіе. Совершенно непонятно — кто и когда могъ заниматься здѣсь этой работой? Мы остановились около пещеры передохнуть и порѣшить о направленіи нашего дальнѣйшаго движенія, потому что становилось невозможнымъ слѣдовать далѣе по ущелью. Окинувши взглядомъ возвышенности праваго берега Тагра-су, я замѣтилъ узкую, крутую ложбину, спускавшуюся въ ущелье. Я рѣшилъ попытаться взойти по этой ложбинѣ на сосѣднія возвышенности, откуда надѣялся осмотрѣть окрестности и составить себѣ представленіе о томъ — возможно ли намъ продолжать нашъ путь въ поискахъ перевала; въ ущельи мы находились точно въ глубокомъ колодцѣ, видя надъ собой только узкую полосу неба, по сторонамъ — унылыя каменистыя скалы, а впереди — полутемную щель въ горахъ, нависшихъ надъ рѣкою.

Туземцы были рады выбраться изъ мрачнаго ущелья и охотно двинулись къ ложбинѣ, по которой мы стали карабкаться. Намъ приходилось нѣсколько разъ останавливаться, чтобы дать отдышаться лошадямъ, которыя съ трудомъ взбирались со своими вьюками. Одолѣвши подъемъ, мы оказались на обширной конгломератовой терасѣ, сопровождавшей теченіе Тагра-су на протяженіи нѣсколькихъ верстъ; ширина ея достигала мѣстами

до версты и ограничивалась къ югу относительно невысокими горами. Мы пошли по ея гладкой, пустынной поверхности, стараясь найти на твердой, сухой землѣ слѣды человѣка или вьючныхъ животныхъ; но, кромѣ нѣсколькихъ звѣриныхъ тропъ, проложенныхъ горными козлами или антилопами, мы ничего не нашли. Кругомъ, насколько можно было охватить глазомъ, не видно было ни куста, ни травинки,—пусто, уныло. Но мы были довольны и тѣмъ, что легко было идти, потому что возня съ вьючными лошадьми намъ порядочно надоѣла. Однако, наше пріятное настроеніе было скоро нарушено: нашъ путь по горной терасѣ былъ прегражденъ двумя узкими глубокими трещинами, по дну которыхъ текли ручьи, впадающіе въ Тагра-су. Спускъ и подъемъ на первомъ ручьѣ былъ такъ труденъ и потребовалъ столько времени, что, спустившись ко второму ручью, протекавшему въ 2-хъ верстахъ отъ перваго, мы чувствовали себя совершенно измученными; найдя здѣсь нѣсколько кустиковъ Eurotia ceratoides и небольшую лужайку травы, мы разбили въ 5-мъ часу вечера свой бивакъ возлѣ ручья, среди скалъ, загражданшихъ это маленькое ущелье.

Недалеко отъ бивака мы вспугнули небольшой выводокъ уларовъ — самку съ птенцами. Рахимъ погнался за ними и поймалъ одного изъ птенцовъ. Но когда мы пришли на бивакъ и я захотѣлъ осмотрѣть эту птицу, оказалось, что онъ успѣлъ уже убить и ощипать ее, торопясь закусить свѣжей дичью.

Кромѣ *улара* (Megaloperdix himalayensis), встрѣчавшагося намъ, то одиночными экземплярами, то стайками въ 5—10 птицъ, ежедневно на нашемъ пути отъ Шахидулы до выхода на равнины Кашгаріи, я видѣлъ очень немного пернатыхъ. Изъ хищныхъ встрѣчался все тотъ же *ягнятникъ бородатый* (Gupaetus barbatus), который сопровождалъ насъ отъ долины р. Синда въ Кашмирѣ, изъ воробьиныхъ — *краснохвостка краснобрюхая* (Ruticilla erythrogasta), *славка пересмѣшка* (Sylvia curruca), *трясогузка* (Motacilla luzoniensis), *воронъ тибетскій* (Corvus thibetanus), *жаворонокъ гималайскій* (Otocorys lon-

girostris) и *чеканчикъ краснохвостный* (Pratincola rubicola) и изъ водяныхъ—*курочка водяная* (Porzana pygmaea).

Уныло выглядѣлъ нашъ бивакъ въ этомъ каменистомъ сѣромъ ущельи. Мы съ трудомъ нашли среди камней достаточно мѣста, чтобы разбить наши палатки, быстро сварили чай и, утоливши мучившую насъ жажду, рано улеглись отдыхать.

Я долго не могъ заснуть, ворочаясь на своей жесткой постели: подъ моимъ войлокомъ то здѣсь, то тамъ торчали ребра камней, немилосердно давившіе члены, уставшіе за день. Я слышалъ кашель и кряхтѣніе караванъ-баша и шопотъ киргизовъ, приткнувшихся подъ скалой возлѣ нашихъ палатокъ. Откинувши полу, закрывавшую входъ, я выглянулъ изъ палатки. Дулъ свѣжій вѣтеръ. Ущелье уже было наполнено темными холодными тѣнями, но наверху, на ближайшихъ высотахъ, еще лежалъ слабый, красновато-желтый свѣтъ заходящаго солнца. Въ палаткѣ моихъ тибетцевъ скоро все стихло, не успокоились еще только киргизы, которые стояли колѣнопреклоненные и усердно молились Алаху.

Бѣгство Шахидульскихъ киргизъ.

Рано утромъ, 14-го, я былъ разбуженъ голосомъ Корбана, который просунувъ голову въ мою палатку, окликалъ меня.

— «Что такое?» спросилъ я его.

— «Большая непріятность», отвѣтилъ караванъ-башъ, выбирая изъ моей палатки вещи, которыя онъ долженъ былъ укладывать каждое утро. «Ночью убѣжали Шахидульскіе киргизы со своими лошадьми».

Затѣмъ онъ разсказалъ мнѣ, что, проснувшись передъ разсвѣтомъ, видѣлъ киргизъ, спящихъ возлѣ нашихъ палатокъ, а ихъ лошадей пасшихся вмѣстѣ съ нашими, а потому, рѣшивши что бѣглецы оставили бивакъ не ранѣе восхода солнца и не могли уйти далеко, онъ предпринялъ съ Умаръ-шахомъ, еще до моего пробужденія, небольшую погоню; однако, они не только не видали бѣжавшихъ киргизъ, но не могли даже разыскать ихъ слѣдовъ на твердой, сухой поверхности конгломератовой терасы, по которой мы шли вчера надъ ущельемъ.

Бѣгство киргизъ ставило насъ въ затруднительное положеніе. Не говоря уже о томъ, что мы лишались содѣйствія двухъ человѣкъ въ тяжелыхъ работахъ по развьючиванію и завьючиванію лошадей, по разбивкѣ биваковъ, по сбору топлива и т. п., но, главное, мы лишались одной вьючной лошади, на которую, къ слову сказать, Корбанъ клалъ самый тяжелый вьюкъ изъ нашего багажа; онъ всегда поступалъ такъ съ наемными лошадьми для облегченія нашихъ, объясняя это тѣмъ соображеніемъ, что наемная лошадь идетъ подъ вьюкомъ лишь нѣсколько дней, а наши лошади — всю дорогу.

Теперь приходилось дѣлать новое распредѣленіе вьюковъ, назначивши часть вещей и на верховыхъ лошадей.

Киргизы убѣжали, не получивши платы за пройденный путь, но и не тронувши ничего изъ нашихъ вещей, хотя имѣли полную возможность обокрасть насъ.

Дальнѣйшее движеніе.

Лишь въ восьмомъ часу утра мы выступили съ бивака, взобрались по крутому скату на возвышенную терасу праваго берега Тагра-су и пошли по ней далѣе къ западу, придерживаясь ея глубокаго, узкаго ущелья; я надѣялся, что въ верховьи этой рѣки мы найдемъ перевалъ. Поверхность терасы имѣла здѣсь такой же унылый и непривлекательный видъ, какъ и на вчерашнемъ переходѣ; кое-гдѣ попадались мѣста, покрытыя рѣдкой, невысокой травой, но общій характеръ окружающей мѣстности былъ совершенно пустынный. Чѣмъ дальше мы подвигались къ западу, тѣмъ уже становилась горная тераса и тѣмъ ближе подходили мы къ рѣкѣ, ущелье которой, вслѣдствіе своего болѣе крутого подъема, имѣло здѣсь меньшую глубину. Верстахъ въ 5-ти отъ ночлега мы спустились съ терасы по пологому скату въ ущелье рѣки, которое становится въ этомъ мѣстѣ нѣсколько шире. На скатахъ и по дну ущелья здѣсь встрѣчаются мощные выходы гранитовъ, среди которыхъ Тагра-су пробила себѣ узкую, глубокую ложбину и образовала рядъ небольшихъ, но стремительныхъ водопадовъ.

Вблизи того мѣста, гдѣ мы спустились къ рѣкѣ, послѣдняя

принимаетъ въ себя съ обѣихъ сторонъ два небольшихъ ручья, съ шумомъ вливающихся въ ея гранитное ложе. Намъ необходимо было теперь рѣшить, куда слѣдуетъ двигаться дальше, т. е. продолжать ли движеніе вверхъ по р. Тагра-су или направиться по ея притоку, текущему съ сѣвера. Но одинъ взглядъ на рѣку и на горы, толпившіяся у ея истоковъ, не оставлялъ никакихъ сомнѣній въ томъ, что продолжать движеніе въ этомъ направленіи было совершенно безполезно; рѣка вытекала изъ узкаго глубокаго ущелья, по которому невозможно было идти, а горы, замыкавшія это ущелье, состояли изъ высокихъ, скалистыхъ пиковъ съ такими крутыми боками, что на многихъ изъ нихъ не держался снѣгъ, хотя ихъ вершины далеко заходили за линію вѣчныхъ снѣговъ. Несомнѣнно, что въ этой сторонѣ не могло быть никакого перевала; нужно было искать его при истокахъ того ручья, который впадалъ въ Тагра-су съ сѣвера: его ущелье казалось болѣе доступнымъ, а горы, возвышавшіяся въ его верховьи, имѣли болѣе мягкія очертанія и болѣе пологіе скаты.

Мы передохнули у сліянія трехъ горныхъ рѣчекъ и пошли по ущелью ручья къ сѣверу. Движеніе оказалось не затруднительнымъ. Мы шли то по дну ущелья, то по отлогостямъ высокихъ холмовъ, окаймлявшихъ его, то взбирались на вершины послѣднихъ; подъемы и спуски были удобны и безопасны. По пути мы видѣли очень много уларовъ, бѣгавшихъ небольшими стадами по скатамъ холмовъ и Рахимъ неоднократно охотился за ними при помощи своей палки, которую онъ бросалъ въ убѣгавшихъ птицъ, но охотился неудачно.

Въ началѣ 11-го часа утра мы добрались до верховій ручья, длина котораго оказалась не болѣе 5—6 верстъ; здѣсь ущелье превратилось въ мелкую лощину, заваленную камнями, покрывавшими не только ея дно, но и ея пологіе скаты; однако, между камнями попадались и травянистыя лужайки, составлявшія своей зеленью рѣзкій контрастъ съ сѣрымъ фономъ окрестныхъ возвышенностей. Ручей питается частью тающими снѣгами, а частью водой подземныхъ ключей, встрѣчающихся здѣсь въ изобиліи, осо-

бенно на травянистыхъ лужайкахъ. Лощина ручья замыкается крутымъ снѣговымъ гребнемъ, имѣющимъ превышеніе надъ ней не болѣе 1500 ф. Такая небольшая относительная высота гребня и слабое паденіе лощины, давали намъ возможность надѣяться, что мы имѣемъ передъ собой если и труднопроходимый, то все же доступный перевалъ, который долженъ былъ привести насъ на сѣверную сторону Раскемскаго хребта. Снѣгъ начинался уже у истоковъ ручья, но залегалъ здѣсь тонкимъ слоемъ, мѣстами покрытымъ камнями; чѣмъ выше, тѣмъ снѣжный покровъ дѣлался толще, а на самомъ гребнѣ снѣгъ лежалъ въ огромномъ количествѣ, свисая надъ его крутымъ склономъ длинными пластами, толщиной до 15—20 футовъ.

Мы поправили вьюки, надѣли темныя очки для предохраненія глазъ отъ сильнаго блеска снѣговъ и начали подниматься на гребень.

Перевалъ Карликъ-даванъ.

Подъемъ оказался тяжелымъ. Черезъ каждые 20—30 шаговъ наши лошади останавливались, поворачивались бокомъ къ склону горы и старались отдышаться. Снѣгъ уже сильно размякъ подъ горячими лучами солнца и лошади погружались въ него по колѣно, а мѣстами и глубже, съ трудомъ подвигаясь впередъ. Мѣняя нѣсколько разъ направленіе подъема, чтобы сдѣлать его болѣе пологимъ, мы около 12 ч. дня достигли снѣгового гребня. Я и Корбанъ слѣзли съ лошадей и приступили къ осмотру окружавшей насъ мѣстности. Корбанъ взобрался на невысокую скалу гребня, осмотрѣлся кругомъ и сказалъ мнѣ, что мы зашли Богъ вѣсть куда и что идти дальше едва ли возможно. Я поднялся къ нему, посмотрѣлъ къ сѣверу и нѣсколько минутъ стоялъ молча и неподвижно, пораженный открывшимся видомъ: такъ хороша, такъ величественна была панорама горъ, развернувшаяся передъ нами! Слѣва, т. е. съ запада, протянулся колосальный хребетъ снѣговыхъ горъ, направлявшихся къ востоку; на гребнѣ этого большого хребта стояли мы съ своимъ караваномъ; подъ прямымъ угломъ къ нему примыкали слѣва и справа отъ насъ высокія, тоже снѣговыя цѣпи горъ, убѣгавшія далеко

къ сѣверу. Какой чудный, величественный видъ имѣли эти хребты съ ихъ причудливыми, скалистыми пиками, присыпанными снѣгомъ, съ обширными снѣжными полями и ледниками, блестѣвшими на солнцѣ, и съ глубокими ущельями, которыя, извиваясь среди горъ, прятались подъ ихъ нависшими скалами! Мнѣ часто приходилось видѣть картины горной природы и не разъ стоялъ я въ заоблачныхъ высяхъ горъ, обвѣваемый холоднымъ вѣтромъ ихъ снѣжныхъ полей и охваченный сыростью набѣжавшаго облака. И тѣмъ не менѣе каждый разъ, когда мнѣ приходится быть среди высокихъ снѣговыхъ горъ, я не могу оторвать своего взора отъ ихъ суровыхъ, величественныхъ красотъ. Созерцаніе этихъ красотъ переноситъ человѣка въ совершенно новую область самосознанія, возвышая его душу, погрязшую въ дрязгахъ обыденной жизни. Съ этихъ высотъ, въ этомъ свѣжемъ, прозрачномъ воздухѣ горъ, подъ сводомъ темно-синяго неба, которое раскинулось такъ близко надъ головой, что, кажется, можно достать до него рукой, отсюда человѣческая жизнь представляется въ особенномъ свѣтѣ. Все въ ней кажется мелкимъ, пустымъ и тщетнымъ; слава, любовь, честолюбіе, тщеславіе, зависть, злоба,..... вся эта жизненная борьба во всей ея совокупности представляется чѣмъ то пошлымъ, чѣмъ то смѣшнымъ. Научныя изобрѣтенія и открытія, стремленіе человѣка проникнуть въ тайники природы и подчинить себѣ ея могучія силы—какія это ребяческія попытки достигнуть того, что недостижимо! И глядя на эти молчаливые, застывшіе въ своемъ гордомъ величіи, суровые хребты, завернувшіеся точно въ саваны въ бѣлую пелену снѣговъ, чувствуешь молчаливый укоръ этихъ великановъ человѣчеству за его суету, которую оно считаетъ своимъ высшимъ призваніемъ!

— «Что же мы будемъ дѣлать?» услышалъ я голосъ караванъ-баша, вернувшій меня изъ области мечтаній къ дѣйствительности. Я вынулъ изъ сумки анероидъ и компасъ и приступилъ къ наблюденіямъ. Первый показалъ высоту точки стоянія въ 17.500 Ф. надъ ур. м. Пользуясь компасомъ, я ориен-

тировался среди горныхъ хребтовъ, опредѣливши ихъ главныя направленія. Разбираясь въ хаосѣ горъ, раскинувшихся передъ нами, я искалъ ущелья, которое могло бы вывести насъ къ сѣверу, на равнины Кашгаріи. Внизу подъ нами было глубокое, узкое ущелье, на днѣ котораго бурлилъ пѣнистый ручей, но направленіе этого ущелья шло съ запада на востокъ и затѣмъ оно скрывалось среди многочисленныхъ горъ. Однако, внимательное наблюденіе за направленіемъ горныхъ кряжей убѣдило меня въ томъ, что это ущелье получаетъ затѣмъ сѣверное направленіе. Это обстоятельство давало право надѣятся, что, спустившись на сѣверную сторону хребта, мы будемъ идти къ равнинамъ Кашгаріи. Я сообщилъ свои наблюденія караванъ-башу и мы рѣшили немедленно же спускаться, чтобы успѣть еще засвѣтло выбрать мѣсто для ночлега, что не всегда бываетъ легко въ этихъ голыхъ, безплодныхъ горахъ.

Мои тибетцы быстро набрали камней, разбросанныхъ въ изобиліи по гребню и на томъ мѣстѣ, гдѣ стоялъ нашъ караванъ, набросали невысокую горку — маленькое «обо» въ честь горныхъ духовъ, этихъ таинственныхъ обитателей горъ, распоряжающихся судьбой путешественниковъ.

Мы начали искать мѣста, удобнаго для спуска съ вьючными лошадьми, но это оказалось не такъ легко, какъ можно было подумать. Сѣверный склонъ круто спускался въ ущелье и былъ покрытъ толстымъ слоемъ снѣга, образовавшаго на гребнѣ перевала большіе сугробы, пологіе къ сѣверу, но круто обрывавшіеся къ югу; послѣдніе и составляли тѣ мощные снѣжные пласты, которые мы видѣли снизу свисавшими надъ лощиной ручья. Образованіе этихъ снѣжныхъ обрывовъ объясняется болѣе сильнымъ таяніемъ снѣга на южномъ склонѣ, чѣмъ на сѣверномъ.

Мы выбрали мѣсто, гдѣ сѣверный склонъ показался намъ менѣе крутымъ и приготовились къ спуску. Впереди каравана шелъ Корбанъ, ведя за собой въ поводу свою верховую лошадь, за нимъ—я со своей лошадью, а за нами—гуськомъ, частью

вели, а частью подгоняли вьючныхъ лошадей остальные туземцы. Мы спускались по косогору, съ трудомъ пробивая въ глубокомъ снѣгу тропу для лошадей, которыя двигались весьма неохотно. Снѣгъ уже подтаялъ на поверхности, почему мы проваливались въ него выше колѣнъ, что, впрочемъ, составляло весьма благопріятное обстоятельство, потому что склонъ перевала былъ очень крутъ и если бы намъ приходилось ступать по твердому снѣгу, то мы едва-ли могли бы удержаться на немъ. Мы часто мѣняли направленіе нашего движенія спускаясь зигзагами, чтобы ослабить крутизну ската, спускъ по которому прямо внизъ былъ невозможенъ.

На мѣстѣ перваго поворота вьючныя лошади остановились, утомленныя движеніемъ въ снѣгу, но Корбанъ продолжалъ медленно спускаться. Когда мы собрались продолжать наше движеніе, случилось происшествіе, которое могло бы доставить намъ много непріятностей, но, благодаря счастливой случайности, не имѣвшее для насъ дурныхъ послѣдствій. Во главѣ каравана Азисъ велъ въ поводу мою лучшую, вороную вьючную лошадь, нагруженную двумя яхтанами, которые заключали въ себѣ самую драгоцѣнную часть моего походнаго имущества. Во время остановки на поворотѣ лошадь стояла неспокойно, постоянно переступала ногами, съ трудомъ вытягивая ихъ изъ глубокаго снѣга и, наконецъ, въ поискахъ за болѣе удобнымъ мѣстомъ для ногъ, повернулась задомъ къ спуску, поскользнулась задними ногами и упала. Азисъ попытался удержать ее за поводъ и помочь ей встать, но всѣ его усилія оказались напрасными. Побарахтавшись нѣсколько секундъ, лошадь своею тяжестью оборвала поводъ и вмѣстѣ съ вьюкомъ покатилась внизъ. Мы въ нѣмомъ ужасѣ глядѣли, какъ эта масса, состоявшая изъ живой лошади и огромнаго вьюка, съ страшной быстротой катилась въ глубокое, скалистое ущелье. Сундуки скоро оторвались отъ лошади и покатились отдѣльно; одинъ изъ нихъ задержался на виду у насъ за снѣжный бугоръ, а другой вслѣдъ за лошадью скрылся за выступомъ скалы, возвышавшейся надъ

снѣгомъ. Мы молча и неподвижно стояли еще нѣсколько мгновеній, какъ бы не рѣшаясь—что теперь дѣлать? Но, какъ обыкновенно бываетъ, послѣ такого оцѣпенѣнія наступила усиленная дѣятельность. Мы рѣшили развьючить лошадей, погнать ихъ внизъ налегкѣ, а вьюки нести на рукахъ. Однако, послѣднее оказалось весьма неудобнымъ: вещей было слишкомъ много сравнительно съ числомъ людей, почему снести ихъ сразу было бы невозможно; приходилось бы возвращаться за ними наверхъ, что, при крутизнѣ ската, представляло бы огромныя затрудненія. Но пока мы развьючивали лошадей, Корбанъ, спустившійся значительно ниже насъ, крикнулъ намъ, что онъ видитъ внизу нашу лошадь и сундуки: лошадь стояла спокойно въ снѣгу, а сундуки были, повидимому, невредимы. Это убѣдило насъ въ томъ, что на пути, по которому катилась лошадь и сундуки нѣтъ никакихъ препятствій и мы рѣшили спустить по снѣгу вслѣдъ за упавшими сундуками нѣкоторыя другія вещи. Этимъ способомъ мы отправили внизъ палатки, тюкъ съ войлоками, мѣшки съ ячменемъ, кожаный чемоданъ и пр.; остальныя вещи распредѣлили между собой и продолжали спускаться. Чѣмъ ниже мы спускались, тѣмъ труднѣе становилось движеніе, потому что тѣмъ мягче становился снѣгъ, въ которомъ мы проваливались иногда по поясъ. Приходилось прибѣгать къ содѣйствію рукъ, чтобы, цѣпляясь за камни, вылѣзать изъ рыхлаго снѣга и потихоньку сползать. Сильно затрудняли наше движеніе лошади: онѣ спускались весьма неохотно, поминутно останавливались въ глубокомъ снѣгу, не дѣлая никакихъ усилій, чтобы выбраться изъ него, а иногда забирались въ такія мѣста, откуда невозможно было спускаться. Намъ приходилось терять время и силы, чтобы постоянно подгонять ихъ, направлять ихъ на болѣе удобныя мѣста и даже помогать имъ выбиваться изъ снѣга. Наконецъ, мы достигли того мѣста, гдѣ лежалъ одинъ изъ сундуковъ, свалившійся съ лошадью; возлѣ него мы нашли и нашъ кожаный чемоданъ. Сундукъ оказался совершенно цѣлымъ, но чемоданъ сильно пострадалъ: онъ разорвался, вѣроятно, ударившись гдѣ-

нибудь о камень и растерялъ большую часть находившихся въ немъ вещей; особенно досадна для насъ была потеря значительнаго количества чаю и сахару и поломка походнаго фонаря, весьма нужнаго на бивакѣ.

Захвативши сундукъ съ чемоданомъ, мы продолжали спускаться съ такими же затрудненіями и такъ же медленно, какъ и раньше. Снѣгъ таялъ уже такъ сильно на солнцѣ, что подъ нимъ журчали безчисленные ручьи; они подмывали снѣжный покровъ, который мѣстами сползалъ подъ нашими ногами, ежеминутно грозя увлечь насъ въ ущелье.

Къ 3 ч. пополудни мы добрались до того мѣста, гдѣ стояла наша лошадь, оказавшаяся совершенно невредимой, если не считать небольшой царапины на ногѣ. Возлѣ нея лежалъ нашъ второй сундукъ; его задняя стѣнка была выбита на половину, но ни одна вещь не выпала изъ него. Намъ оставалось теперь преодолѣть меньшую и болѣе легкую часть спуска: мы отдохнули, завьючили нашихъ лошадей и тронулись далѣе. Только около 4 ч. пополудни, на высотѣ 16.000 ф. надъ ур. м., мы оставили сплошной снѣгъ и начали спускаться по обломкамъ горныхъ породъ и кучамъ щебня, нагроможденнымъ здѣсь въ поразительно большомъ количествѣ. Ниже снѣговой линіи, между камнями, обнаружились два стремительные потока, сливавшіеся въ ущельи въ одинъ быстрый и мутный ручей.

Въ началѣ 5-го часа мы уже были у сліянія этихъ потоковъ, окончивши спускъ съ перевала. Еще около часу мы карабкались по камнямъ, образующимъ въ ущельи колосальныя нагроможденія, которыя, несомнѣнно, составляли когда то боковыя и конечныя моренъ древняго ледника. Уже наступали сумерки когда мы оставили это царство камней и достигли небольшой травянистой площадки на лѣвомъ берегу ручья. Мѣсто оказалось болотистое, безъ топлива, но мы такъ устали за день, что рѣшили остановиться здѣсь на ночлегъ. Разбивши наскоро лагерь, мы накопали корней травянистыхъ растеній и съ трудомъ согрѣли чай, который нѣсколько оживилъ наши изнуренные

члены. Я пересмотрѣлъ свое имущество въ сундукахъ и нашелъ многое поломаннымъ и разбитымъ. Между прочимъ, собранная мною колекція образцовъ горныхъ породъ и минераловъ, не имѣвшая этикетокъ наклеенныхъ на камни, а снабженная надписями на бумажкахъ, въ которыя были завернуты эти образцы, перемѣшалась отъ сотрясенія при паденіи сундуковъ и, конечно, потеряла для меня всякое значеніе. Пострадалъ также немного и гербарій.

Рахимъ и Азисъ, бродившіе около бивака въ поискахъ топлива, сообщили мнѣ, что по близости должны быть люди, потому что они видѣли пометъ яковъ и лошадей. Это предположеніе сдѣлалось болѣе вѣроятнымъ, когда, подувшій послѣ захода солнца, сѣверный вѣтеръ принесъ на нашъ бивакъ запахъ дыма, а вмѣстѣ съ нимъ и надежду встрѣтить на слѣдующій день человѣческое жилье. Когда мы подкрѣпились чаемъ и холодной закуской, да понѣжились возлѣ огня, слабо пылавшаго въ кучѣ корней и травы, мы почувствовали себя въ полномъ благополучіи; и отъ суроваго перевала, оставшагося позади, сохранилось лишь веселое воспоминаніе какъ о какомъ то трудномъ состязаніи, которое, невзирая на сопряженныя съ нимъ опасности, необходимо было и удалось окончить благополучно.

Послѣдніе дни въ горахъ Раскема.

Ущелье Улюгъ-су.

На слѣдующій день необходимо было сдѣлать дневку, чтобы дать отдыхъ людямъ и лошадямъ и привести въ порядокъ наши вещи. Мы рѣшили спуститься ниже по ущелью, въ надеждѣ встрѣтить человѣческое жилье, возлѣ котораго можно бы было отдохнуть, починиться и раздобыться топливомъ и продовольствіемъ. Искать жилья пришлось намъ недолго. Спустившись съ пологаго холма, на вершинѣ котораго былъ нашъ бивакъ, мы вскорѣ увидѣли большое стадо козъ и овецъ, пасшихся на луговыхъ возвышенностяхъ лѣваго берега. Однако, подъѣхавши къ стаду, которое, сбившись въ кучу, испуганно глядѣло на насъ, мы не

нашли пастуха, у котораго надѣялись получить свѣдѣнія о ближайшемъ жильѣ; впрочемъ, пастухъ оказался не нужнымъ: верстахъ въ 3 отъ ночлега, спускаясь съ луговыхъ скатовъ къ рѣчкѣ, мы замѣтили на правомъ берегу небольшое кочевье. Переправившись въ бродъ на противуположный берегъ, черезъ полчаса мы уже подъѣзжали къ киргизскимъ юртамъ. Конечно, первыми насъ привѣтствовали большія злыя собаки, которыя кидались съ остервенѣніемъ на лошадей, стараясь ухватить ихъ за хвосты; онѣ то отбѣгали въ сторону, храбро отбиваемыя градомъ камней моими пѣшими туземцами, то опять бросались въ атаку. За собаками выскочили изъ юртъ нѣсколько киргизовъ, которые весьма радушно встрѣтили насъ, приняли нашихъ верховыхъ лошадей и помогали намъ снимать и раскладывать вьюки. Кочевье оказалось весьма небольшимъ: здѣсь жили лишь три семьи, ютившіяся въ старыхъ, закоптѣлыхъ и рваныхъ юртахъ; все ихъ богатство заключалось въ 2—3-хъ десяткахъ яковъ, да въ стадѣ козъ и овецъ, которое мы встрѣтили по дорогѣ. Киргизы сообщили намъ, что урочище, гдѣ разбито ихъ кочевье, называется Такенъ-Тосъ (13.300 ф. надъ ур. моря), рѣчка—Улюгъ-су, а перевалъ, по которому мы прошли съ такими приключеніями, — Карликъ-даваномъ. Между прочимъ, они удивлялись, узнавши что мы одолѣли этотъ перевалъ, потому что никогда не слыхали, чтобы кто-нибудь проходилъ черезъ него на южную сторону хребта и считали его непроходимымъ. Они оказались кочевниками Каргалыкскаго уѣзда, кочующими лѣтомъ по ущелью р. Улюгъ-су, а на зимовки уходящими обратно въ предгорія; до Каргалыка они считали лишь 5 дней хода.

Урочище Такенъ-Тосъ.

Мы рѣшили простоять на Такенъ-Тосѣ цѣлый день и разбили свой бивакъ на самомъ берегу рѣчки въ сторонѣ отъ юртъ, потому что къ нимъ сгоняли на ночь скотъ и вся мѣстность вблизи нихъ была покрыта сплошнымъ слоемъ навоза. Киргизы принесли намъ топлива, молока, хлѣба и мяса; лошадей, накормивши ячменемъ, погнали подъ присмотромъ киргиза на

ближайшее пастбище. Мы ѣли, пили, грѣлись на солнцѣ, болтали съ простодушными хозяевами кочевья, словомъ отдыхали и душой и тѣломъ отъ вчерашнихъ трудовъ. Корбанъ нашелъ у киргизъ какой то первобытный инструментъ въ родѣ гитары и почти цѣлый день бренчалъ на немъ, сидя при входѣ въ палатку.

Ущелье рѣчки до ур. Такенъ-Тосъ ограничено крутыми скатами, покрытыми, особенно въ іюлѣ, прекрасными пастбищами, достигающими мѣстами до линіи вѣчнаго снѣга. Здѣсь могла бы найти кормъ для своихъ стадъ не одна сотня кочевниковъ, но мы встрѣтили въ этомъ ущельи лишь одно малочисленное кочевье; это объясняется труднодоступностью верховьевъ Улюгъ-су и отдаленностью этого мѣста отъ киргизскихъ зимовокъ. И въ ущельи, и на окрестныхъ горахъ нѣтъ ни кустарниковъ, ни древесной растительности. Горы состоятъ здѣсь преимущественно изъ кристалическихъ породъ.

Киргизы пасли своихъ яковъ на окрестныхъ высотахъ. Когда мы прибыли на кочевье, яки находились еще возлѣ юртъ и нѣсколько грязныхъ киргизокъ спѣшно кончали доеніе коровъ, торопясь выгнать стадо на пастбище. Скоро ихъ погнали за рѣчку, гдѣ они разбрелись въ разныя стороны по склонамъ ущелья. Телята остались на кочевьи въ загородкахъ, откуда цѣлый день раздавалось ихъ жалобное мычаніе, не разъ привлекавшее въ теченіе дня заботливыхъ матерей, прибѣгавшихъ на ихъ зовъ съ противуположнаго берега. Часть собакъ отправлялась за стадомъ на пастбище, а часть оставалась возлѣ юртъ, чтобы не пускать яковъ на кочевье раньше вечера. Я съ удивленіемъ глядѣлъ, какъ эти собаки добросовѣстно исполняли свои обязанности: какъ только какая-нибудь корова, привлеченная мычаніемъ теленка, переправлялась черезъ рѣчку и приближалась къ юртамъ, онѣ стремительно кидались на нее, лаяли, хватали за хвостъ и ноги и не отходили отъ нея до тѣхъ поръ, пока испуганное животное, покрутившись на мѣстѣ, не убѣгало опять за рѣчку на пастбище.

Передъ заходомъ солнца я смотрѣлъ, какъ гнали яковъ съ пастбища на кочевье, убѣдившись еще разъ въ поразительной способности этихъ животныхъ къ ходьбѣ по горамъ. Сначала на крутой возвышенности противуположнаго берега показался столбъ пыли, а потомъ я увидѣлъ десятка два яковъ, спускавшихся вскачь по крутой и извилистой тропинкѣ; за ними съ гиканьемъ бѣжали пастухи-киргизы. Спускъ по тропинкѣ былъ такъ крутъ, что, не будь я случайнымъ свидѣтелемъ этой картины, я съ трудомъ допустилъ бы по ней даже медленное движеніе яка; между тѣмъ стадо неслось весьма быстро, безъ остановокъ, круто поворачивая на извилинахъ узкой тропы; страшно было смотрѣть, когда яки мчались надъ высокими скалистыми обрывами, потому что — одинъ невѣрный шагъ и животное могло бы упасть и разбиться о камни. Но яки благополучно сбѣжали внизъ, около рѣчки убавили ходъ, а погрузившись въ мутныя струи Улюгъ-су, долго стояли въ водѣ, утоляя жажду и освѣжая себя послѣ продолжительной скачки.

Скоро въ ущельи раздалось мычаніе вернувшагося стада и молчаливое кочевье засуетилось, заволновалось. Уже звѣзды ярко блестѣли на темномъ небѣ, когда въ ущельи все стихло и урочище Такенъ-Тосъ погрузилось въ сонъ.

Внизъ по р. Улюгъ-су.

16-го іюля мы продолжали движеніе въ сопровожденіи ѣхавшаго на якѣ киргиза, который согласился быть нашимъ проводникомъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. На всемъ переходѣ этого дня р. Улюгъ-су течетъ въ чрезвычайно узкомъ, глубокомъ ущельи, бока котораго во многихъ мѣстахъ состоятъ изъ конгломерата, съ вырытыми въ немъ многочисленными пещерами всевозможныхъ размѣровъ. Вблизи Такенъ-Тоса паденіе рѣчки весьма велико, но далѣе оно постепенно уменьшается. Верстахъ въ 4 отъ него, Улюгъ-су круто измѣняетъ сѣверо-западное направленіе теченія на сѣверное, которое и сохраняетъ уже впослѣдствіи.

Многочисленные ручьи, вытекающіе изъ боковыхъ ущелій, быстро увеличиваютъ размѣры рѣчки, которая уже верстахъ въ

10—15 ниже Такенъ-Тоса несетъ весьма много воды. Въ этомъ намъ пришлось лично убѣдиться, перейдя 17 разъ въ бродъ съ одного берега на другой и подмочивши нѣсколько разъ свои вьюки.

Склоны горъ, ограничивающихъ ущелье, не имѣютъ здѣсь уже того травянистаго покрова, который веселитъ глазъ путешественника при истокахъ Улюгъ-су; они совершенно безплодны, каменисты и придаютъ мѣстности весьма унылый характеръ. Однако, по дну ущелья мы очень часто встрѣчали небольшія травянистыя площадки и даже отдѣльные кустарники. Спустившись по ущелью нѣсколько ниже, мы нашли и древесную растительность—ивнякъ и березу. Чѣмъ далѣе мы шли по теченію рѣчки, тѣмъ чаще встрѣчали и кустарники и деревья и тѣмъ больше и гуще становились ихъ заросли. По пути мы встрѣтили нѣсколько десятковъ верблюдовъ, которыхъ киргизы гнали на пастбища къ истокамъ одного изъ ручьевъ, впадающихъ въ Улюгъ-су. Наши Кашмирскія лошади, не видавшія никогда верблюдовъ, пугливо озирались на этихъ огромныхъ животныхъ, храпѣли отъ страха и кидались отъ нихъ въ сторону.

Съ утра погода стояла пасмурная и прохладная, ночью шелъ дождь, но къ полудню нѣсколько прояснилось и потеплѣло; послѣ полудня началъ дуть свѣжій сѣверный вѣтеръ, сразу понизившій температуру.

Около часа дня мы стали бивакомъ въ небольшой рощѣ на лѣвомъ берегу рѣчки, гдѣ трава, топливо и вода имѣлись въ изобиліи.

Вечеромъ, послѣ ужина, Умаръ-шахъ, который не нашелъ для своей дѣятельной натуры болѣе полезнаго занятія, принесъ на бивакъ нѣсколько стволовъ павшихъ деревьевъ, кучу сухихъ вѣтокъ и принялся разводить костеръ. Скоро узкое ущелье озарилось блѣдно-желтымъ свѣтомъ, дрожавшимъ на его темныхъ бокахъ и то взбѣгавшимъ высоко на горы, то спускавшимся внизъ. Сухой буреломъ разгорался все сильнѣе и сильнѣе, и

все свѣтлѣе становилось на нашемъ бивакѣ; но тѣмъ чернѣе казалась намъ ночь, охватившая это молчаливое ущелье.

Переходъ 17-го іюля почти ничѣмъ не отличался отъ предыдущаго: тотъ же характеръ рѣки и ея ущелья, та же растительность, тѣ же безплодныя, постепенно понижающіяся къ сѣверу, горы. Рѣка попрежнему принимаетъ много горныхъ ручьевъ, бѣгущихъ въ крутыхъ, каменистыхъ лощинахъ. По словамъ нашего проводника-киргиза, въ верховьи ручья Больголюкъ, впадающаго въ Улюгъ-су съ лѣвой стороны, находится верстахъ въ 20 перевалъ Больголюкъ-даванъ, которымъ можно выйти къ Каргалыку.

По пути мы опять встрѣтили верблюдовъ, которыхъ киргизы гнали куда то вверхъ по рѣкѣ. Любопытные кочевники, увидѣвши насъ, бросили своихъ животныхъ, подъѣхали къ моимъ людямъ и, оживленно болтая съ ними, долго сопровождали нашъ караванъ.

Около 2 ч. дня мы разбили свой лагерь на лѣвомъ берегу рѣки, вблизи небольшого киргизскаго поля, засѣяннаго ячменемъ, подъ сѣнью старыхъ, развѣсистыхъ тограковъ (тополь—Populus diversifolia). Здѣсь ущелье Улюгъ-су становится шире, горы значительно понижаются, а теченіе рѣки сопровождается высокими терасами, которыя спускаются къ рѣкѣ весьма круто, мѣстами образуя обрывы. Эти терасы состоятъ исключительно изъ конгломератовъ и лишены всякой растительности, въ противуположность ущелью, изобилующему тограковыми рощами. Киргизъ-проводникъ сообщилъ мнѣ, что этотъ характеръ возвышенностей, ограничивающихъ ущелье, сохраняется на значительномъ протяженіи внизъ по рѣкѣ, но само ущелье съуживается, почему дальнѣйшее движеніе по р. Улюгъ-су становится весьма затруднительнымъ: по береговымъ терасамъ вслѣдствіе того, что поверхность ихъ часто разсѣкается крутыми промоинами, по которымъ стекаютъ въ ущелье весеннія воды, а по дну ущелья вслѣдствіе извилистаго теченія рѣки, ея глубины и скопленія камней, вымываемыхъ рѣкой въ половодье изъ конгломератовыхъ береговъ; подъемъ же изъ ущелья на терасы и спускъ

съ послѣднихъ во многихъ мѣстахъ совершенно невозможны. Въ виду этого намъ нужно было оставить теченіе рѣки Улюгъ-су и направиться къ сѣверо-западу на перевалъ Тупалянгъ-даванъ, что мы и сдѣлали на слѣдующій день. Хотя киргизъ долженъ былъ съ этого ночлега вернуться домой, но такъ какъ здѣсь мы измѣняли направленіе нашего движенія, то и уговорили его довести насъ до перевала.

На слѣдующее утро мы оставили р. Улюгъ-су и уже болѣе не возвращались къ ней въ дальнѣйшемъ путешествіи. Прямо отъ ночлега мы поднялись на высокую, обрывистую терасу лѣваго берега и пошли вдоль ущелья; наблюдаемое съ этой терасы, оно кажется довольно живописнымъ: рѣка разбивается здѣсь на рукава, извивающіеся серебристыми змѣйками среди красивыхъ тограковыхъ рощъ, выдѣляющихся своей темной зеленью на сѣромъ фонѣ глинисто-каменистаго ущелья.

Киргизы изъ Шахидулы.

Не успѣли мы отъѣхать отъ ночлега и версты, какъ за нами послышался конскій топотъ и человѣческіе голоса и спустя минуту къ намъ быстро подъѣхали два верховыхъ киргиза, соскочили съ лошадей и почтительно привѣтствовали меня «селямомъ». Потныя взмыленныя лошади и усталый видъ киргизъ свидѣтельствовали о томъ, что они ѣхали быстро и издалека. Начались разспросы—кто они, откуда и куда ѣдутъ? Киргизы отвѣчали, что они находятся на службѣ у Шахидульскаго амбаня и командированы имъ для сопровожденія насъ взамѣнъ убѣжавшихъ киргизъ. Оказалось, что амбань приказалъ высѣчь бѣглецовъ въ первый же день по ихъ возвращеніи въ Шахидулу, а имъ строго наказалъ догнать насъ, какимъ бы путемъ мы ни шли, и сопровождать насъ до населенныхъ мѣстъ Каргалыкскаго уѣзда. Киргизы проѣхали весь путь отъ Шахидулы въ три дня на однѣхъ и тѣхъ же лошадяхъ,—скорость поразительная при движеніи въ горахъ. Они прошли Раскемскій хребетъ Карликъ-даваномъ и сильно жаловались на трудность этого перевала, при спускѣ съ котораго даже покалѣчили своихъ лошадей.

Закончивъ разспросы, мы отпустили проводника, взятаго нами съ Такенъ-Тоса, и продолжали движеніе уже въ сопровожденіи двухъ новыхъ проводниковъ.

Вскорѣ мы оставили рѣку вправо и повернули въ сухое, узкое ущелье, которое служитъ стокомъ въ р. Улугъ-су дождевыхъ и снѣговыхъ водъ съ сосѣднихъ возвышенностей. Оно извивается среди невысокихъ, совершенно безплодныхъ горъ, имѣющихъ весьма мягкій рельефъ и слагающихся преимущественно изъ различныхъ сланцевъ.

Перевалъ Тупалянгъ-даванъ.

Пройдя версты 4, мы бросили это ущелье, повернули влѣво въ болѣе узкую, но менѣе глубокую и весьма пологую лощину и, поднимаясь по ней все выше и выше, около 10 ч. утра достигли узкой сѣдловины среди небольшихъ глинистыхъ возвышенностей; это—перевалъ Тупалянгъ-даванъ (13.500 ф. надъ ур. м.). Почти на самомъ перевалѣ мы встрѣтили двухъ киргизъ, ѣхавшихъ съ какими то вьюками къ р. Улугъ-су. Корбанъ, конечно, не могъ ихъ пропустить, не поболтавши съ ними и на прощанье получилъ отъ нихъ угощеніе въ видѣ нѣсколькихъ горстей миндаля и изюма.

Р. Чульгенъ.

Спускъ съ перевала оказался гораздо круче подъема и привелъ насъ въ узкое ущелье, по дну котораго протекаетъ съ юга на сѣверъ горная рѣчка Чульгенъ (Чюжгенъ). По словамъ киргизъ, встрѣтившихся намъ на Тупалянгъ-даванѣ, эта рѣчка течетъ отъ перевала Больголюкъ-даванъ, о которомъ говорилъ намъ вчера проводникъ съ Такенъ-Тоса. На западномъ склонѣ Тупалянгъ-давана травянистая растительность оказалась гораздо богаче, чѣмъ на восточномъ. Чульгенъ не многоводенъ, не глубокъ, имѣетъ ширину въ 5—6 саженей и несетъ поразительно чистую и вкусную воду. Весь остальной путь до ночлега мы шли по его ущелью, часто перебираясь съ одного берега на другой; бока ущелья обрывисты, мѣстами скалисты и неизмѣнно безплодны, но по его дну встрѣчаются небольшія травянистыя площадки и рѣдкій кустарникъ.

Нѣсколько позже полудня мы замѣтили на лѣвомъ берегу

рѣчки одинокую юрту, возлѣ которой и разбили бивакъ; въ юртѣ проживало нѣсколько пастуховъ, сторожившихъ небольшія стада овецъ и рогатаго скота, которыя паслись по сосѣдству.

Весь переходъ мы совершили при пасмурной, прохладной погодѣ; одно время даже моросилъ небольшой дождь.

Развьючивши лошадей, мы отправили ихъ съ однимъ изъ пастуховъ въ ближайшее стадо на пастбище, а сами приступили къ обычнымъ бивачнымъ занятіямъ.

Слѣдующій день, 19-го іюля, былъ уже послѣднимъ днемъ нашего пребыванія въ горахъ на пути до Кашгара, за которымъ насъ опять охватили на непродолжительное время со всѣхъ сторонъ и снѣговые и безснѣжные великаны горныхъ хребтовъ.

Уже вблизи нашего ночлега ущелье р. Чульгенъ начало расширяться, горы стали мельчать, пріобрѣтать все болѣе и болѣе мягкіе контуры, а травянистая и кустарная растительность, какъ по дну ущелья, такъ и по горнымъ склонамъ, становилась гуще и разнообразнѣе. На нѣкоторыхъ горахъ я замѣтилъ небольшія рощи хвойныхъ деревьевъ; повидимому, это были обыкновенныя сосны (Pinus silvestris).

Флора. Растительность пройденнаго нами Раскемскаго хребта и его предгорій значительно богаче и разнообразнѣе, чѣмъ на Каракорамскомъ нагоріи. Какъ видно изъ описанія нашего пути, теченія горныхъ рѣчекъ во многихъ мѣстахъ сопровождались зарослями кустарниковъ, а по Улюгъ-су — и рощами деревьевъ. Кромѣ растеній, уже упоминавшихся, мною были найдены въ разныхъ мѣстахъ хребта еще слѣдующія: изъ древесныхъ — *береза* (Betula alba), *ива* (Salix sp. viminalis?) и *тополь* (Populus sp.); изъ кустарныхъ — *облѣпиха* (Hippophaë rhamnoides), *мирикарія* (Myricaria sp. germanica?), *джида* (Elaeagnus hortensis), *ломонос* (Clematis orientalis), *барбарис* (Berberis Kashgarica), *шиповникъ* (Rosa sp.), Hololachne shawiana, *хвойникъ* (Ephedra vulgaris) и *тростникъ* (Phragmites communis); изъ травянистыхъ — *герань* (Geranium collinum), *лапчатка* (Po-

tentilla multifida, P. bifurca и P. fruticosa), *сабельникъ* (Comarum Salessovii), Christolea pamirica, Pleurospermum sp., *салатъ* (Lactuca longifolia), *одуванчикъ* (Taraxacum officinale), *крестовникъ* (Senécio sp. pedunculatus?), *чертополохъ* (Cnicus argyracanthus), *эстрагонъ* (Artemisia Dracunculus), *полынь* (Artemisia sp. tibetica?). Mulgedium Tataricum, Karelina nigrum, *бѣлоголовникъ* (Eurotia ceratoides), *проломникъ* (Androsace globifera), *млечникъ* (Glaux maritima), *первоцвѣтъ* (Primula sp. sibirica?), *мыкеръ* (Polygonum viviparum), *тріостренникъ* (Triglochin palustre) и *паслена* (Solanum nigrum).

Пройдя нѣсколько верстъ по Чульгену, мы начали встрѣчать уже признаки земледѣльческой культуры, которая пріютилась здѣсь по сосѣдству съ живительной влагой горныхъ ручьевъ. Это были небольшія поля ячменя, разбросанныя коегдѣ по широкому ущелью, преимущественно при впаденіи въ него боковыхъ лощинъ. Почти возлѣ каждаго поля стоялъ глинобитный домикъ или юрта, въ которыхъ жили съ семьями сторожа, — частью киргизы, а частью Каргалыкскіе сарты. Они выходили къ намъ навстрѣчу въ своихъ рваныхъ, засаленныхъ халатахъ, радушно привѣтствовали насъ и угощали кислымъ молокомъ, которое выносили въ деревянныхъ чашкахъ. Мы часто останавливались возлѣ нихъ, разговаривали съ ними, пили довольно вкусное, хотя и грязное молоко и двигались дальше. Ни одинъ изъ этихъ туземцевъ не бралъ отъ насъ денегъ за угощеніе и при видѣ монеты, которую я старался сунуть каждому изъ нихъ въ руку, они качали головами, говорили «іокъ» [1]) и добродушно улыбались, оскаливая свои желтые зубы.

О, милая, добродушная Азія, населенная варварами! Въ твоихъ варварскихъ нравахъ сохранились еще въ чистѣйшемъ видѣ правила гостепріимства, проводимыя въ жизнь съ трогательной простотой, вполнѣ соотвѣтствующей условіямъ твоего

1) По тюркски—«нѣтъ».

первобытнаго состоянія: голоднаго накорми, жаждущаго напои, путника пріюти.

Чѣмъ дальше, тѣмъ чаще мы встрѣчали поля и сторожки туземцевъ. Послѣднія скоро смѣнились небольшими выселками изъ нѣсколькихъ домиковъ, окруженныхъ глиняной стѣной, со скотными дворами и огородами. Ихъ населеніе состояло въ это время, преимущественно, изъ женщинъ и дѣтей, которыя вслѣдъ за первымъ же лаемъ собакъ, грѣвшихся на солнцѣ, выбѣгали изъ своихъ жилищъ и разсматривали насъ съ любопытствомъ.

Около одного изъ такихъ выселковъ мы стали бивакомъ послѣ полудня. Шахидульскіе киргизы выѣзжали впередъ и выбрали весьма хорошее мѣсто для бивака въ тѣни великолѣпныхъ карагачей въ сторонѣ отъ грязныхъ туземныхъ жилищъ.

Высота мѣста оказалась лишь около 8.600 ф. надъ ур. м. Такого низкаго ночлега я не имѣлъ уже около $1\frac{1}{2}$ мѣсяцевъ, на всемъ пути отъ верхняго Инда.

Аракашъ. Встрѣтившіе насъ туземцы сообщили намъ, что это мѣсто называется—Аракашъ и что отсюда уже не болѣе двухъ дней пути до г. Каргалыка. Они принесли намъ персиковъ, яицъ и молока.

Ближайшія окрестности выселка Аракашъ не имѣютъ уже гористаго характера; кругомъ раскинулась широкая, песчано-галечная долина, ограниченная небольшими пологими холмами, которые, разступаясь въ стороны, постепенно понижаются къ сѣверу; они совершенно безплодны и состоятъ, преимущественно, изъ глинистыхъ сланцевъ и конгломератовъ. Рѣчка Чульгенъ, разбираемая здѣсь оросительными канавами на поля туземцевъ, мельчаетъ и разбивается на нѣсколько рукавовъ. Дно долины покрыто слоемъ плодороднаго мергеля, который при хорошемъ орошеніи могъ бы давать богатые урожаи.

Мѣстами долина имѣетъ густой травянистый покровъ и изобилуетъ кустарникомъ Sophora alopcuroides, который достигаетъ здѣсь высоты человѣческаго роста и встрѣчается сплош-

ными зарослями. Въ то время кусты этого растенія были покрыты еще несозрѣвшими стручками.

Сидя подъ благодѣтельной тѣнью густыхъ деревьевъ (было жарко) и окидывая взоромъ окрестности, я испытывалъ теперь какое то особенное ощущеніе простора, точно я вырвался изъ узкаго, глухого переулка въ открытое поле.

Горы остались уже позади и, закрытыя спустившимися на нихъ тучами, не были даже видны, по сторонамъ бивака тянулись невысокіе увалы и пологіе холмы, а впереди, тамъ гдѣ послѣдніе разсыпались, разстилалась безбрежная равнина. Къ ней тянулся теперь взоръ, уставшій отъ тѣсныхъ, глубокихъ ущелій, крутыхъ подъемовъ, мрачныхъ хребтовъ и скалистыхъ вершинъ, которые въ теченіе двухъ мѣсяцевъ окружали насъ изо дня въ день. Какъ ни хороши эти величественные, снѣговые хребты, съ ихъ вздымающимися къ небу вершинами, причудливыми скалами, мрачными ущельями, по которымъ стремительно бѣгутъ холодные ручьи, образуя красивые водопады, но послѣ продолжительнаго пребыванія среди нихъ они надоѣдаютъ; они какъ бы давятъ, какъ бы стѣсняютъ, нравственно утомляютъ человѣка. И вырвавшись изъ горъ на просторъ равнины, чувствуешь себя легко и свободно.

Въ этотъ день, на пути къ выселку Аракашъ, я впервые обратилъ вниманіе, что окрестности, даже довольно близкія, окутаны легкимъ туманомъ. Это явленіе я замѣтилъ, собственно, еще на нашемъ послѣднемъ переходѣ въ ущельи р. Улюгъ-су, но объяснялъ его стоявшей въ то время пасмурной погодой, во время которой туманъ спускается въ горахъ иногда очень низко. Но здѣсь, при выходѣ на равнины, это явленіе нуждалось, конечно, въ другомъ объясненіи. Въ дальнѣйшемъ своемъ путешествіи по равнинамъ Кашгаріи я ежедневно наблюдалъ его, причемъ замѣтилъ, что туманная дымка была прозрачнѣе къ западу отъ дороги, чѣмъ къ востоку отъ нея, то рѣдѣла, то сгущалась въ теченіе дня, а къ вечеру воздухъ дѣлался прозрачнѣе, оставляя туманную полоску лишь на горизонтѣ къ востоку. Мнѣ ка-

жется, что это атмосферическое явленіе находится въ тѣсной связи съ близкимъ сосѣдствомъ къ востоку большой песчаной пустыни Такла-Маканъ, раскинувшейся на многія сотни верстъ вглубь Центральной Азіи. Вѣроятно, вѣтры, проносясь надъ голыми песками пустыни, вздымая и перенося его тучами съ одного мѣста на другое, заносятъ на значительное разстояніе мелкій песокъ, который въ видѣ тончайшей пыли наполняетъ воздухъ, окутывая окрестности. Справедливость этого объясненія подтверждается направленіемъ господствующихъ вѣтровъ. Наблюдая ихъ ежедневно, я нашелъ, что вѣтры дули чаще всего съ сѣверо-востока и съ востока, т. е. со стороны сосѣдней пустыни.

Кашгарія.

По равнинамъ южной Кашгаріи.

Общій очеркъ страны.

На пути изъ Раскема къ границамъ Ферганской области мнѣ пришлось пересѣчь съ юга на сѣверъ западную часть Восточнаго Туркестана (такъ называемой Кашгаріи), заключающую въ себѣ: три округа—Кашгарскій (Янги-шаарскій), Яркендскій и Хотанскій и два уѣзда—Янги-Гисарскій и Каргалыкскій.

Эта территорія, вмѣстѣ съ другими провинціями Западнаго Китая, служила въ теченіе послѣднихъ 40 лѣтъ XIX ст. ареной постоянныхъ междоусобій. Въ началѣ 60-тыхъ годовъ здѣсь вспыхнуло мусульманское возстаніе, ниспровергнувшее китайское правленіе и превратившее эти провинціи въ груду развалинъ. Пока китайское правительство боролось съ возстаніемъ въ болѣе восточныхъ частяхъ территоріи, охваченной пламенемъ мятежа, въ западной ея части на развалинахъ Восточнаго Туркестана, Якубъ-бекъ, выходецъ изъ русскаго Туркестана, при содѣйствіи безпокойныхъ элементовъ въ то время еще независимаго Кокана, создалъ обширное государство; оно называлось Джитышааромъ (Семиградіемъ), по числу семи городовъ, входившихъ въ составъ его владѣній [1]). Якубъ-бекъ, утвердившись въ Кашгарѣ, вошелъ въ сношенія съ русскимъ и англо-индійскимъ правительствами и вступилъ въ борьбу съ китайцами, пытавшимися вернуть себѣ утраченныя ими вслѣдствіе возстанія провинціи. Эта борьба велась Якубъ-бекомъ довольно

1) Кашгаръ, Янги-Гисаръ, Яркендъ, Хотанъ, Аксу, Куча и Карашаръ.

успѣшно, но въ 1877 году онъ внезапно умеръ (предполагаютъ отъ отравленія), а послѣ его смерти китайцы безъ особеннаго труда овладѣли въ 1878 г. Кашгаромъ и подчинили себѣ весь Восточный Туркестанъ.

Съ тѣхъ поръ эта страна управляется китайцами, живетъ мирно и, вступивши путемъ торговли въ болѣе близкія сношенія съ сосѣдними владѣніями Россіи и Англіи, нѣсколько развивается, насколько это возможно подъ управленіемъ китайской администраціи.

Въ орографическомъ отношеніи эта страна (т. е. западная часть Восточнаго Туркестана) можетъ быть раздѣлена на двѣ рѣзко различающіяся другъ отъ друга части: западную — гористую, примыкающую непосредственно къ Памирамъ и имѣющую различную высоту, и восточную — равнинную, ограниченную съ востока песками пустыни Такла-Маканъ и приподнятую въ среднемъ на 4000—4500 ф. надъ ур. м. Восточная часть имѣетъ болѣе важное значеніе для края, чѣмъ западная: здѣсь сосредоточено большинство населенія, обрабатывающаго землю въ цѣломъ рядѣ оазисовъ, раздѣленныхъ между собой пустынными пространствами песковъ или солончаками, здѣсь расположены города и здѣсь же пролегаетъ важнѣйшій путь страны, связывающій между собою наиболѣе населенныя мѣстности. Западная, гористая часть имѣетъ рѣдкое, преимущественно кочевое, населеніе, небольшую площадь годныхъ для обработки земель и отличается полнымъ отсутствіемъ путей сообщенія.

Сѣверная часть страны орошается Кашгаръ-дарьей, ея средняя часть — Яркендъ-дарьей, а южная — Хотанъ-дарьей; къ востоку онѣ сливаются вмѣстѣ и образуютъ р. Таримъ, текущую въ озеро Лобъ-Норъ. Кромѣ этихъ большихъ рѣкъ, съ горъ сбѣгаютъ многочисленные ручьи, которые, впрочемъ, въ теченіе лѣта пересыхаютъ и лишь въ половодіе доносятъ свои воды къ предѣламъ обрабатываемыхъ земель. Вообще же, орошеніе края слѣдуетъ признать недостаточнымъ. Климатъ страны — жаркій,

континентальный и отличается необыкновенной сухостью и чрезвычайно малымъ количествомъ атмосферныхъ осадковъ; послѣднее объясняется географическимъ положеніемъ страны и характеромъ сосѣднихъ мѣстностей. Восточный Туркестанъ образуетъ собой огромную котловину, окруженную съ трехъ сторонъ, откуда могли бы приноситься вѣтрами атмосферные осадки, высокими горными хребтами, задерживающими влагу; эта котловина открыта лишь къ востоку, въ сторону безплодныхъ и безводныхъ пустынь Центральной Азіи, откуда сухіе восточные вѣтры приносятъ одинъ лишь песокъ.

Населеніе страны составляется изъ трехъ совершенно различныхъ этнографическихъ элементовъ: основного осѣдлаго населенія тюркскаго происхожденія—сартовъ, одноплеменныхъ съ осѣдлымъ населеніемъ русскаго Туркестана (смѣсь древняго арійскаго типа съ болѣе позднимъ тюркско-татарскимъ элементомъ), кочевого киргизскаго населенія и китайцевъ. Сарты и киргизы исповѣдуютъ исламъ и говорятъ на тюркскомъ языкѣ, немного отличающемся отъ нарѣчія, распространеннаго въ нашемъ Туркестанѣ (главнымъ образомъ отъ примѣси китайскихъ словъ). Сарты занимаются земледѣліемъ и торговлей, киргизы—исключительно скотоводствомъ, а китайцы составляютъ служилый класъ и войска, занимаясь, впрочемъ, въ небольшомъ количествѣ и торговлей. Населеніе.

Не лишнимъ будетъ привести здѣсь нѣкоторыя свѣдѣнія объ административномъ устройствѣ этой окраины Поднебесной Имперіи, хотя и пограничной съ нашими владѣніями въ Средней Азіи, но мало знакомой нашей читающей публикѣ.

Въ административномъ отношеніи Восточный Туркестанъ входитъ въ составъ самой западной изъ китайскихъ провинцій—Синь-цзянской. Административное устройство.

Подавивши возстаніе мусульманъ въ своихъ западныхъ провинціяхъ, Китай образовалъ въ концѣ 1884 г. изъ земель Джитышаара (Кашгаріи), занятаго имъ въ 1878 г. послѣ смерти Якубъ-бека, изъ Кульджи, возвращенной ему въ 1882 г. рус-

скими, и изъ Чжунгаріи, отнятой имъ въ 1878 г. отъ дунганъ, новую провинцію, названную Синь-цзянь-шэнъ. Во главѣ этой провинціи былъ поставленъ сановникъ со званіемъ гражданскаго губернатора (сюнь-фу или фу-юань или фу-тай), подчиненный генералъ-губернатору (Цзунъ-ду), вѣдающему тремя провинціями—Синь-цзянъ, Гань-су и Шэнъ-си. Мѣстопребываніе генералъ-губернатора находится въ г. Ланъ-Чжоу-фу въ провинціи Гань-су, а губернатора Синь-цзяна—въ г. Урумчи.

Округа Или и Тарбагатай, образованные изъ Кульджинскихъ и Чжунгарскихъ земель, въ административномъ отношеніи пользуются нѣкоторой самостоятельностью и вѣдаются особыми военными начальниками: цзянь-цзюнемъ въ Или и хебей-амбанемъ въ Тарбагатаѣ, подчиненными Синь-цзянскому губернатору. Остальная территорія провинціи раздѣлена на четыре даотайства—Кульджинское, Урумчинское, Аксуйское и Кашгарское. Каждое даотайство раздѣлено на различное число округовъ и уѣздовъ, ввѣренныхъ начальникамъ разныхъ степеней. Даотайства не имѣютъ опредѣленнаго территоріальнаго состава и могутъ заключать въ себѣ большее или меньшее количество округовъ. Дао-таи не представляютъ собой административныхъ лицъ, а исполняютъ въ предѣлахъ своихъ округовъ смѣшанныя обязанности контролера, прокурора и губернатора.

Пройденныя мною мѣстности принадлежатъ къ Кашгарскому даотайству, а потому мы и разсмотримъ болѣе подробно его административное устройство.

Кашгарское даотайство подраздѣляется на три округа (чжили-чжоу): Янги-шаарскій (Ханъ-чэнъ-чжили-чжоу), Яркендскій (Соцзюй-чжили-чжоу) и Хотанскій (Или-цы или Хотянь-чжили-чжоу) и два отдѣльныхъ уѣзда (чжили-тинъ): Маралъ-башинскій и Янги-гисарскій.

Во главѣ округовъ стоятъ окружные начальники (чжоу-гуани), во главѣ отдѣльныхъ уѣздовъ—уѣздные начальники 1-й степени (тинъ-гуани). Они живутъ въ Янги-шаарѣ, Яркендѣ, Хотанѣ, Маралъ-башахъ и Янги-гисарѣ. Въ Янги-шаарскомъ,

Яркендскомъ и Хотанскомъ округахъ выдѣлены участки, образующіе неотдѣльные уѣзды (сянъ) (по одному въ округѣ), подчиненные уѣзднымъ начальникамъ 2-ой степени (сянь-гуани): Кашгарскій (Су-фу-сянъ), Каргалыкскій (Ѣ-чэнъ-сянъ) и Керійскій (Юнъ-тянь-сянъ). Кромѣ этого, города Яркендъ и Хотанъ составляютъ особыя административныя единицы, подчиненныя сюнь-цзянамъ, а Сарыколъ образуетъ отдѣльный районъ, которымъ вѣдаетъ военный начальникъ въ Ташъ-Курганѣ, подчиненный Яркендскому чжоу-гуаню. Поименованныя китайскія должностныя лица имѣютъ въ своемъ распоряженіи низшую туземную администрацію: бековъ (волостныхъ), юзъ-баши (сотниковъ), онъ-баши (десятниковъ), кукъ-баши (завѣдывающихъ орошеніемъ) и др. Въ прежнее время всѣ эти должности были выборными, но нынѣ китайцы уже почти совсѣмъ упразднили эту систему и установили назначеніе на нихъ по усмотрѣнію окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ.

Послѣ этого краткаго очерка Кашгаріи я возвращаюсь къ описанію своего путешествія.

20-го іюля, утромъ, мы покинули нашъ бивакъ въ урочищѣ Аракашъ и направились къ сѣверу, вдоль праваго берега Чульгена; рѣчка течетъ здѣсь въ широкомъ галечномъ ложѣ, мельчаетъ, мѣстами разбивается на нѣсколько рукавовъ и, удаляясь отъ дороги, иногда совершенно скрывается изъ глазъ. Нѣсколько верстъ отъ ночлега мы шли по воздѣланной мѣстности, занятой полями ячменя. Сопровождающіе теченіе рѣки невысокіе, мягкіе холмы на лѣвомъ берегу тянутся близко къ рѣкѣ, а на правомъ—отступаютъ все далѣе и далѣе къ востоку. Скоро окончились поля и мы вступили на довольно безплодную равнину, мѣстами песчаную, мѣстами съ мергельнымъ грунтомъ и покрытую весьма рѣдкимъ кустарникомъ; у основанія каждаго куста образовались отъ вѣтра песчаные бугры, мало по малу засыпающіе ихъ и дающіе пріютъ безчисленному количеству черныхъ жуковъ (Carabus), доставившихъ обильную добычу моей колекціи насѣкомыхъ. Чѣмъ дальше, тѣмъ мѣстность становилась Акарекъ.

пустыннѣе и безплоднѣе и, наконецъ, превратилась въ голую равнину съ твердымъ глинистымъ грунтомъ, покрытымъ мелкой галькой. Характерными особенностями этой равнины являются—полное отсутствіе растительности и обиліе маленькихъ ящерицъ, которыя съ удивительнымъ проворствомъ бѣгали по раскаленной солнцемъ глинистой почвѣ, скрываясь въ ея многочисленныхъ трещинахъ. Такая безотрадная мѣстность продолжалась верстъ 10 до ближайшаго селенія Акарекъ, въ которое мы вступили около полудня. Это селеніе обозначаетъ на нашемъ пути южную границу земледѣльческаго осѣдлаго населенія Кашгаріи; южнѣе его мы встрѣчали лишь небольшія, разбросанныя въ предгоріяхъ, поля, да отдѣльные дворы, служащіе жилищами сторожей.

Акарекъ имѣетъ видъ обыкновеннаго сартовскаго кишлака русскаго Туркестана: тѣ же маленькія глинобитныя лачуги съ плоскими крышами, съ глухими стѣнами на улицахъ, а съ окнами въ грязныхъ, вонючихъ дворахъ, тѣ же обширные, но заброшенные сады, окружающіе жилища туземцевъ, тѣ же кривыя, узкія, тѣнистыя улицы и тѣ же арыки (оросительныя канавы) съ грязной водой. Жители селенія своей наружностью и одеждой вполнѣ напоминаютъ сартовъ нашего Туркестана.

Мѣстныя женщины, хотя и обнаруживаютъ нѣкоторую пугливость при видѣ европейца, но, вообще, не прячутся и не закрываютъ лицъ. У населенія, повидимому, имѣется много скота; преобладаютъ ослы (ишаки) и крупный рогатый скотъ, но лошадей мало.

На одной изъ улицъ селенія возлѣ огромнаго тѣнистаго сада, насъ встрѣтилъ одинъ изъ Шахидульскихъ киргизъ, выѣзжавшій съ пути впередъ для выбора мѣста для ночлега. Мои азіаты расположились при входѣ въ садъ, гдѣ около воротъ стояла небольшая мазанка съ печкой, въ которой можно было варить пищу и печь хлѣбъ, я же отправился вглубь сада, на траву, подъ тѣнь фруктовыхъ деревьевъ. Какъ хорошо я чувствовалъ себя въ этомъ тѣнистомъ саду! Уже давно я не пользовался такими прекрасными условіями бивачной жизни, какъ въ этомъ

селеніи. Кругомъ росли и шевелили своей листвой тополя, абрикосовыя и персиковыя деревья, груши и яблони. Деревья бросали на мои войлоки тѣнь, на которой мѣстами дрожали желтыя пятна отъ солнечныхъ лучей, просвѣчивавшихъ сквозь густую листву деревьевъ. Было прохладно, журчаніе воды въ ближайшихъ арыкахъ пріятно ласкало слухъ, трава, пестрѣвшая вокругъ меня полевыми цвѣтами, благоухала свѣжимъ, здоровымъ запахомъ....

Вскорѣ послѣ нашего прибытія, ко мнѣ явились хозяева сада — мѣстный старшина (аксакалъ) съ женой, люди пожилые, съ весьма красивыми чертами лица и принесли мнѣ на большомъ деревянномъ блюдѣ угощеніе, состоявшее изъ абрикосовъ, персиковъ и хлѣбныхъ пшеничныхъ лепешекъ, имѣвшихъ въ діаметрѣ до полутора футовъ. Поставивъ все это передо мной съ низкими поклонами, они удалились.

Передъ вечеромъ Корбанъ доложилъ мнѣ, что Шахидульскіе киргизы просятся домой и такъ какъ они уже не были намъ нужны въ качествѣ проводниковъ, то я рѣшилъ отпустить ихъ. Они получили отъ меня по подарку, денежное вознагражденіе и удостовѣреніе въ хорошемъ выполненіи возложенныхъ на нихъ китайскимъ амбанемъ обязанностей.

Съ появленіемъ воздѣланныхъ полей и богатой растительности начали встрѣчаться и болѣе многочисленные, чѣмъ раньше, представители пернатаго царства. Уже въ садахъ Акарека я замѣтилъ красиваго пестраго *удода* (Upupa epops), котораго не видѣлъ съ выступленія нашего изъ Ладака, *домашняго воробья* (Passer indicus) и слышалъ *кукушку*.

Въ дальнѣйшемъ своемъ пути по Кашгаріи я съ каждымъ днемъ встрѣчалъ все болѣе и болѣе птицъ, оживлявшихъ своимъ пѣніемъ и порханіемъ окрестности. Кромѣ упомянутыхъ только что, попадались: изъ хищныхъ *чеглокъ* (Falco subbuteo), *пустельга* (Falco tinnunculus) и *орланъ-чернохвостъ* (Haliaëtus leucogyphus), изъ воробьиныхъ — *ласточка деревенская* (Hirundo rustica), *иволга* (Oriolus kundoo), *чеканъ черногорлый* (Saxicola

atrogularis), *воронъ* (Corvus intermedius), *сойка саксаульная* (Podoces Hendersoni) (въ пустынныхъ мѣстахъ) и *скворецъ обыкновенный* (Sturnus vulgaris), изъ водяныхъ и болотныхъ — *песочникъ* (Tringa subarcuata и Actitis ochropus), *улитъ большой* (Totanus glottis), *крачка малая* (Sternula minuta), *ржанка* (Charadrius longipes) и *пигалица-чибисъ* (Vanellus cristatus).

Вечеромъ на безоблачное небо набѣжали облака, стало душно и собиралось къ дождю. Я приказалъ на случай дождя разбить палатку, но заснулъ на открытомъ воздухѣ. Нашъ бивакъ охраняли ночью два сторожа, приставленные къ намъ по распоряженію аксакала.

На слѣдующее утро, передъ нашимъ выступленіемъ, ко мнѣ явился аксакалъ съ депутаціей туземцевъ и поднесъ мнѣ на дорогу нѣсколько дынь, хлѣбныхъ лепешекъ и вареныхъ яицъ, за что я отблагодарилъ его подаркомъ. Онъ сопровождалъ насъ до окраины сельскихъ садовъ, гдѣ распрощался съ нами и уѣхалъ обратно.

Нашъ путь лежалъ къ сѣверу, въ сторонѣ отъ небольшого ручья Бунакъ, вдоль по его теченію. Ручей несетъ въ это время года весьма мало воды, а мѣстами и совсѣмъ пересыхаетъ, потому что вся его вода разбирается въ селеніи Акарекъ и въ его ближайшихъ окрестностяхъ оросительными канавами (арыками), проводимыми на поля туземцевъ. Размѣры селенія вдоль дороги значительно меньше чѣмъ вдоль ручья, а потому, выѣхавши изъ Акарека въ поле, мы еще долго видѣли слѣва густые сады, которые тянутся между ручьемъ и дорогой. На лѣвомъ берегу ручья его теченіе сопровождаютъ низкіе холмы, а на правомъ—разстилается песчаная равнина, покрытая рѣдкимъ невысокимъ кустарникомъ и раскинувшаяся къ сѣверу верстъ на 18, до того мѣста, гдѣ дорога въ видѣ нѣсколькихъ паралельныхъ тропъ, пересѣкаетъ ручей.

Недоходя верстъ трехъ до ручья, мы прошли небольшое селеніе Биштерекъ съ нѣсколькими выселками.

Около ручья насъ встрѣтилъ верховой сартъ, оказавшійся посланцемъ Каргалыкскаго уѣзднаго начальника; подъѣхавши къ намъ, онъ соскочилъ съ лошади, привѣтствовалъ меня отъ имени своего начальника, вручилъ мнѣ красную бумажку съ китайской надписью (нѣчто въ родѣ визитной карточки) и, разостлавъ на землѣ большой цвѣтной платокъ, выложилъ на него изъ своихъ дорожныхъ мѣшковъ (куржумовъ) 4 дыни и кучу разнообразныхъ сластей,—дастарханъ китайскаго начальника. Пришлось остановиться, слѣзть съ лошади, усѣсться возлѣ дастархана и отвѣдать всего понемножку. Послѣ этой неожиданной закуски мы тронулись далѣе. Посланецъ Каргалыкскаго уѣзднаго начальника.

Пересѣкши ручей, дорога идетъ уже его лѣвымъ берегомъ, по глинисто-галечной равнинѣ совершенно лишенной растительности. Вскорѣ ручей отходитъ въ сторону къ холмамъ, которые появляются здѣсь и на его правомъ берегу. Верстахъ въ 2 отъ Каргалыка мы прошли мимо небольшого кишлака съ мельницей (Лянгаръ).

Общій характеръ пути за селеніемъ Акарекъ—пустынный. Въ теченіе всего перехода дулъ сильный сѣверо-восточный вѣтеръ, вздымавшій тучи пыли, которая засыпала глаза и мѣшала обозрѣвать окрестности. День стоялъ жаркій, душный и воздухъ нисколько не освѣжался вѣтромъ, дувшимъ съ сосѣдней раскаленной пустыни. На пути мы встрѣчали туземцевъ, ѣхавшихъ на ишакахъ и китайцевъ въ повозкахъ; въ одной изъ нихъ, похожей на карету открытую спереди, съ окошечками въ боковыхъ стѣнкахъ, ѣхалъ въ Кугіаръ китайскій чиновникъ, а за нимъ въ двухъ арбахъ ѣхали его слуги.

Обширные Каргалыкскіе сады были видны уже издалека, рѣзко выдѣляясь темной полосой на фонѣ желтой равнины. Въ 3 часа пополудни мы вступили въ нихъ и послѣ продолжительнаго движенія по городу добрались до караванъ-сарая, въ которомъ уѣздный начальникъ приготовилъ мнѣ помѣщеніе. Г. Каргалыкъ.

Общій характеръ этого обширнаго селенія-города таковъ же, какъ и нашихъ туркестанскихъ городовъ: сады, узкія

улицы, отдѣленныя отъ нихъ длинными, глиняными стѣнами, арыки, глинистыя мазанки туземцевъ и т. д. Центральную часть города составляетъ обширный базаръ, состоящій изъ нѣсколькихъ улицъ, застроенныхъ лавками и крытыхъ отъ солнца камышевыми цыновками.

Заѣхавши въ караванъ-сарай, я остался весьма недоволенъ приготовленнымъ мнѣ помѣщеніемъ: оно состояло изъ темной, весьма душной комнаты, полъ которой былъ устланъ коврами и войлоками весьма сомнительной чистоты, хотя хозяинъ караванъ-сарая и увѣрялъ меня, что они присланы отъ уѣзднаго начальника; во дворѣ толпилась праздная толпа туземцевъ, вблизи подъ навѣсами стояли лошади на толстомъ слоѣ навоза и со всѣхъ сторонъ неслись очень непріятные запахи. Дѣйствительно, не досадно ли въ городѣ изобилующемъ тѣнистыми прохладными садами, сидѣть въ душномъ вонючемъ караванъ-сараѣ и взамѣнъ свободы и приволья бивака страдать отъ стѣсненій, неизбѣжныхъ отъ толпы любопытныхъ туземцевъ?

Я приказалъ посланцу Каргалыкскаго начальника отвести мнѣ помѣщеніе гдѣ-либо въ саду и подальше отъ базара. Одинъ изъ служащихъ при караванъ-сараѣ, индусъ изъ Шикарпура (городъ въ сѣверной Индіи), повелъ насъ въ смежный садъ, гдѣ и предложилъ мнѣ опять какую то темную конуру въ глиняной лачугѣ. Моимъ ладакцамъ хотѣлось, повидимому, расположиться поближе къ базару, а потому Корбанъ сталъ убѣждать меня, что здѣсь невозможно найти для расположенія бивака сада подобнаго Акарекскому; тогда я заявилъ ему, что если это дѣйствительно невозможно, то я не буду ночевать въ предѣлахъ города, а поѣду тотчасъ же дальше, чтобы поискать бивачнаго мѣста въ полѣ. Эта угроза немедленно же обнаружила свое дѣйствіе: послѣ короткихъ переговоровъ Корбана съ посланцемъ уѣзднаго начальника, мы проѣхали нѣсколько тѣсныхъ и кривыхъ переулковъ и въѣхали въ небольшой, тѣнистый и чисто содержимый садъ. Здѣсь подъ тѣнью огромныхъ развѣсистыхъ орѣховыхъ деревьевъ находились двѣ гли-

нистыя площадки, весьма удобныя для ночлега. Хозяинъ сада покрылъ ихъ войлоками и паласами [1]), приказалъ подмести вокругъ нихъ, пустилъ воду въ канавку, проходившую мимо этихъ площадокъ — и мѣсто для нашего бивака было готово. Въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ находилось даже нѣсколько небольшихъ глиняныхъ очаговъ, послужившихъ намъ для варки пищи.

Пока подошли наши вьюки, отставшіе въ пути, я отдохнулъ подъ тѣнистыми орѣховыми деревьями; хозяинъ сада принесъ чаю, яблокъ и персиковъ и мы съ Корбаномъ, въ ожиданіи нашего каравана, пили горячій ароматный чай изъ маленькихъ китайскихъ чашекъ съ крышками и лакомились вкусными фруктами.

Посѣщеніе Каргалыкскаго уѣзднаго начальника.

Когда прибыли вьюки, я тотчасъ же переодѣлся и въ сопровожденіи Корбана отправился верхомъ съ визитомъ къ мѣстному уѣздному начальнику. Онъ живетъ въ особомъ зданіи китайской архитектуры, окруженномъ стѣной; большія деревянныя ворота ведутъ въ просторный дворъ, въ глубинѣ котораго находится его домъ. Амбань былъ, конечно, предупрежденъ о моемъ намѣреніи посѣтить его, почему ворота его резиденціи были уже открыты, а въ смежныхъ улицахъ толпился народъ, уже узнавшій о пріѣздѣ въ городъ европейскаго путешественника; съ трудомъ пробираясь сквозь толпу любопытныхъ, мы добрались до воротъ и въѣхали въ небольшой продолговатый дворикъ, на противуположной стѣнѣ котораго былъ нарисованъ огромныхъ размѣровъ звѣрь, похожій частью на тигра, частью на дракона. Изъ этого дворика мы въѣхали въ большой дворъ, по сторонамъ котораго, вдоль боковыхъ стѣнъ, устроены помѣщенія для прислуги и разныхъ служащихъ амбаня. Не успѣлъ я проѣхать и двухъ десятковъ шаговъ по двору, какъ вдругъ совершенно неожиданно, справа отъ меня, въ нѣсколькихъ шагахъ раздался выстрѣлъ, за нимъ второй и третій. Наши ло-

1) Такъ называются простые мѣстные ковры.

шади шарахнулись въ сторону и мы съ Корбаномъ едва усидѣли въ сѣдлахъ, чуть было не свалившись на землю передъ самымъ входомъ въ помѣщеніе китайскаго начальника. Оказалось, что меня привѣтствуютъ, по распоряженію амбаня, салютомъ: вдоль одной изъ стѣнъ двора торчали вертикально воткнутыя въ землю короткія металическія трубки, набитыя взрывчатымъ составомъ; сартъ съ фитилемъ подходилъ поочередно къ каждой трубкѣ и поджигалъ ихъ столько, сколько полагалось по церемоніалу.

Встрѣча съ салютаціонной пальбой, конечно, весьма лестна для путешественника и свидѣтельствуетъ о томъ почтеніи, съ которымъ относятся китайскія власти къ европейцамъ, но если стрѣльба производится лишь въ нѣсколькихъ шагахъ отъ посѣтителя, то каждый предпочелъ бы быть предупрежденнымъ объ этомъ. Свалиться съ лошади у порога китайскаго начальника на виду у многочисленной толпы любопытныхъ—непріятное вступленіе къ парадной аудіенціи.

Въ глубинѣ большого двора находилось невысокое деревянное зданіе, крыша котораго поддерживалась столбами, разукрашенными различными изображеніями и китайскими надписями. Внутренность этого зданія, открытаго со двора, состояла изъ трехъ коридоровъ: широкаго по серединѣ и двухъ узкихъ по бокамъ. Въ лѣвомъ коридорѣ стояли экипажи и паланкины китайскаго амбаня; прочіе коридоры были пусты. Вслѣдъ за нами на дворъ резиденціи китайскаго начальника вошла и вся толпа туземцевъ, собравшихся на улицѣ. Корбанъ спѣшился при въѣздѣ въ большой дворъ, а я доѣхалъ до коридоровъ. Какъ только я слѣзъ съ лошади, которую принялъ отъ меня одинъ изъ слугъ амбаня, раскрылась, подобно воротамъ, задняя стѣна деревяннаго зданія и я увидѣлъ за коридорами третій небольшой дворъ, въ глубинѣ котораго находилось другое крытое зданіе, въ которомъ ожидалъ меня китайскій начальникъ.

Я присутствовалъ первый разъ при китайскихъ церемоніяхъ и все что я видѣлъ казалось мнѣ какимъ то театральнымъ пред-

ставленіемъ: раскрашенные и исписанные столбы, стѣны и двери, пальба, ворота внезапно раскрываемыя слугами-невидимками, цѣлый рядъ дворовъ и коридоровъ и, наконецъ, театральный причудливый костюмъ амбаня, стоявшаго неподвижно, подобно статуѣ, въ глубинѣ задняго двора—все это производило своеобразное впечатлѣніе.

Амбань былъ одѣтъ въ парадное платье: въ черную шелковую курму[1]) съ короткими узкими рукавами, богато расшитую на груди и спинѣ узорами, составлявшими четыреугольникъ; подъ курмой была надѣта свѣтлая шелковая рубашка съ широкими рукавами, уширявшимися книзу, а подъ ней — широкіе черные штаны, укрѣпленные завязками возлѣ ступни. На ногахъ амбань имѣлъ обыкновенные китайскіе сапоги чернаго цвѣта, напоминающіе наши валенки, съ толстыми бумажно-войлочными подошвами и загнутыми къ верху носками. Головнымъ уборомъ служила конусообразная шляпа съ подбородкомъ ремнемъ, отъ верхушки которой спадала красная бахрома.

Я прошелъ первое крытое помѣщеніе по широкому коридору, а у входа въ послѣдній дворъ былъ встрѣченъ амбанемъ, который поздоровался со мной и жестомъ пригласилъ меня войти во дворъ; пройдя его, мы вошли во второе крытое помѣщеніе, оказавшееся квартирой амбаня и повернули направо въ его пріемную. Амбань пропускалъ меня впередъ, указывая рукой направленіе движенія. Пріемная оказалась устроенной такъ же, какъ и у Шахидульскаго амбаня: у задней стѣны находился глинобитный покрытый краснымъ сукномъ помостъ, по серединѣ котораго стоялъ низкій столикъ, предназначенный для дастархана (угощенія). Слѣдуя европейскимъ обычаямъ, я, при входѣ въ пріемную, снялъ шляпу, но это, повидимому, не соотвѣтствуетъ китайскому этикету, потому что амбань, увидѣвши это, сталъ что то говорить мнѣ по-китайски, усиленно размахивая руками около своей головы; ничего не понимая, я обратился къ

1) Длинная кофта съ рукавами.

услугамъ переводчика: оказалось, амбань говорилъ мнѣ, что я могу одѣть свою шляпу. Это обстоятельство вызвало на минуту небольшое замѣшательство, но затѣмъ все пошло гладко. Мы сѣли по обѣ стороны столика и приступили къ разговорамъ. Толпа, слѣдовавшая за мной съ улицы, прошла большой дворъ, первое крытое помѣщеніе, наполнила внутренній дворикъ и даже часть ея вошла въ пріемную китайскаго начальника; не попавшіе сюда, смотрѣли на насъ въ открытыя окна, выходившія во дворъ. Удивительная простота нравовъ! Удивительное сочетаніе явленій повидимому исключающихъ другъ друга и находящихся въ естественномъ противорѣчіи! Дѣйствительно, власть китайскаго начальника въ этой странѣ, въ силу ли постановленій закона или въ силу злоупотребленій ими, почти безгранична, распространяясь не только на свободу личности и на имущество человѣка, но даже и на его жизнь, при чемъ проявленіе ея въ большинствѣ случаевъ зависитъ отъ одной лишь прихоти начальника и практикуется весьма неумѣренно. Столь грозный обликъ начальника, казалось, долженъ бы былъ создать между нимъ и населеніемъ преграду, не допускающую взаимнаго соприкосновенія, а между тѣмъ мы видимъ здѣсь такую простоту внѣшнихъ отношеній, которая нисколько не напоминаетъ о суровыхъ и жестокихъ мѣрахъ, употребляемыхъ китайскими начальниками въ дѣлѣ управленія мѣстнымъ населеніемъ. Въ 4—5 шагахъ отъ того самаго амбаня, выѣздъ котораго изъ своего дома возвѣщается жителямъ города пальбою, котораго подсаживаютъ въ экипажъ нѣсколько слугъ, который принимаетъ съ необыкновенной важностью и церемоніями европейскихъ путешественниковъ, который можетъ въ теченіе одного дня превратить богача въ нищаго, бросить въ тюрьму любого изъ встрѣтившихся ему на улицѣ, возлѣ этого человѣка, да еще во время его парадnаго свиданія съ европейцемъ, стоятъ—рябая сартянка въ грязной рубахѣ, кормящая отвислой грудью голаго ребенка, подслѣповатый старикъ, по временамъ добывающій насѣкомыхъ изъ складокъ своего рванаго халата и тутъ же казнящій ихъ ног-

тями большихъ пальцевъ своихъ закорузлыхъ рукъ, краснощекій загорѣлый мальчишка, поминутно пошевеливающій покрытыми лохмотьями плечами, чтобы облегчить зудъ, причиняемый тѣлу грязью и насѣкомыми....

Цѣлая толпа подобныхъ зрителей наполняетъ ближайшую къ выходу половину пріемной и весь внутренній дворъ. И грозный, властный и пышный китайскій начальникъ, повидимому, нисколько не стѣсняется этой обстановкой.

Во время бесѣды съ амбанемъ возлѣ меня стоялъ Корбанъ, служившій мнѣ переводчикомъ съ тюркскаго языка на индустани, а возлѣ амбаня—его переводчикъ, переводившій съ китайскаго на тюркскій; кромѣ нихъ здѣсь присутствовало нѣсколько китайцевъ въ парадныхъ одеждахъ и въ конусообразныхъ шляпахъ, украшенныхъ откинутымъ назадъ султаномъ изъ красной бахромы.

Амбань—среднихъ лѣтъ, невысокаго роста мужчина, съ некрасивымъ типичнымъ китайскимъ лицомъ; онъ говорилъ чрезвычайно отрывисто и поминутно смѣялся безъ всякой причины. Послѣ первыхъ привѣтствій я вручилъ ему подарокъ и передалъ свой китайскій паспортъ. Онъ задалъ мнѣ нѣсколько вопросовъ про Индію, обнаруживъ весьма слабыя познанія въ географіи, спросилъ—кто тамъ въ настоящее время вице-королемъ и справился объ условіяхъ моего путешествія въ китайскихъ предѣлахъ. Я отвѣтилъ, что въ дорогѣ не испытывалъ никакихъ лишеній, поблагодарилъ его за дастарханъ, высланный мнѣ навстрѣчу и сказалъ нѣсколько словъ объ Индіи. Вскорѣ намъ подали чай въ маленькихъ китайскихъ чашечкахъ съ крышками и различныя сладости, разложенныя на блюдечкахъ. Слуги амбаня поминутно замѣняли наши чашечки другими со свѣжимъ горячимъ чаемъ, потому что китайцы находятъ, что этотъ напитокъ хорошъ только пока онъ горячъ и что, остывая, онъ теряетъ большую часть своего аромата. Предупредительность и любезность амбаня принимали курьезныя формы. Когда онъ предложилъ мнѣ попробовать принесенныхъ сластей, я не рѣшался—

что взять, потому что, правду сказать, ихъ видъ не возбуждалъ особеннаго апетита; видя мою нерѣшительность и объяснивши ее по своему, онъ что то приказалъ стоявшему возлѣ него китайцу, который со всѣхъ ногъ бросился изъ комнаты и черезъ минуту вернулся съ вилкой, которую и подалъ мнѣ для того, чтобы брать ею леденцы!

Послѣ получасовой бесѣды, я всталъ и распрощался съ амбанемъ; онъ проводилъ меня до лошади, на которую я сѣлъ во второмъ большомъ дворѣ. Толпа зѣвакъ слѣдовала за нами.

При моемъ выѣздѣ изъ большого двора послѣдовалъ вторично салютъ изъ трехъ выстрѣловъ.

Вернувшись къ себѣ въ садъ, я тотчасъ же приступилъ къ приготовленіямъ для пріема амбаня. Одинъ конецъ глинобитной площадки покрыли цвѣтнымъ войлокомъ, поставили на него низкій табуретъ, а по сторонамъ табурета—двѣ красныя, плоскія подушки съ вальками, образовавшія сидѣнія.

Передъ пріѣздомъ амбаня намъ принесли отъ него дровъ, клеверу и ячменя, въ количествѣ болѣе чѣмъ достаточномъ на время нашего пребыванія въ Каргалыкѣ.

Ответный визитъ амбаня.

Но вотъ раздались три выстрѣла, возвѣщавшіе о выѣздѣ амбаня со двора своей резиденціи. Спустя нѣкоторое время ко мнѣ явился китаецъ съ увѣдомленіемъ, что амбань ѣдетъ, а вслѣдъ за нимъ—переводчикъ китайскаго начальника, вручившій мнѣ визитную карточку амбаня (красную бумажку съ китайской надписью) и доложившій, что его начальникъ уже пріѣхалъ. Я вышелъ навстрѣчу амбаню, встрѣтилъ его при входѣ въ садъ и провелъ его на мѣсто, приготовленное для свиданія. Во время разговора съ нимъ я угощалъ его чаемъ и остатками своихъ европейскихъ запасовъ. Узнавши, что я собираюсь на слѣдующій день уѣхать далѣе, амбань сталъ убѣждать меня погостить еще одинъ день въ Каргалыкѣ, при чемъ говорилъ это съ такой настойчивостью, будто своимъ присутствіемъ я доставлялъ ему большое удовольствіе. По окончаніи свиданія я проводилъ его до улицы. Экипажъ амбаня представ-

лялъ собой невысокую арбу на низкихъ колесахъ, запряженную рослымъ красивымъ муломъ, котораго велъ подъ уздцы пѣшій конюхъ; кузовъ арбы имѣлъ вертикальныя стѣнки, плоскую крышу и былъ обтянутъ зеленой матеріей; надъ оглоблями находилась деревянная рама, обтянутая холстомъ и прикрывавшая мула отъ солнца; она поддерживалась съ одной стороны крышей арбы, а съ другой деревянными стойками, укрѣпленными при наружныхъ концахъ оглобель. Около экипажа стояла скамейка для влѣзанія въ него; я хотѣлъ было помочь амбаню сѣсть въ арбу, но онъ ловко вспрыгнулъ въ нее и усѣлся въ ней по восточному. Затѣмъ онъ спросилъ меня — есть ли подобные экипажи въ Россіи, раскланялся и уѣхалъ, съ трудомъ пробираясь сквозь густую толпу народа, собравшагося на улицѣ.

Уже почти стемнѣло, когда покончивши съ китайскими церемоніями, я могъ отдохнуть и заняться обычными бивачными дѣлами. Въ этотъ день я не успѣлъ даже осмотрѣть города, а потому рѣшилъ послѣдовать приглашенію амбаня и провести въ Каргалыкѣ весь слѣдующій день.

Вскорѣ послѣ отъѣзда амбаня, къ намъ явились два сарта, одѣтые въ китайскихъ курмахъ и сообщили, что они назначены состоять при мнѣ, ночью — въ качествѣ ночныхъ сторожей, а днемъ — въ качествѣ полицейскихъ. Я передалъ ихъ въ распоряженіе Корбана.

Уставши за день, я рано легъ спать подъ густой листвой деревьевъ, осѣнявшихъ мѣсто ночлега.

На слѣдующій день, 22-го іюля, я всталъ поздно, около 8 часовъ утра, потому что ишаки и ночные сторожа долго не давали мнѣ спать. Первые кричали чуть ли не до полуночи, а сторожа, приставленные къ намъ амбанемъ, обнаруживали необыкновенную старательность и всю ночь разгуливали по саду съ трещетками, которыя громко свидѣтельствовали объ ихъ бдительности. За утреннимъ чаемъ мнѣ принесли отъ амбаня красную бумажку съ китайской надписью и въ подарокъ — барана и двухъ куницъ,

поступившихъ немедленно же на нашу кухню въ распоряженіе Азиса.

Около полудня ко мнѣ пришли два сарта, изъ которыхъ одинъ оказался русско-подданнымъ, уроженцемъ Маргелана, сообщили, что они собираются ѣхать съ торговымъ караваномъ въ Ладакъ и просили меня снабдить ихъ индійскими деньгами въ обмѣнъ на кашгарское серебро.

Мѣстная монета.

Серебро употребляется въ Кашгаріи въ двухъ видахъ: въ видѣ большихъ слитковъ, вѣсомъ въ $4^1/_2$ фунта, напоминающихъ своей формой корпусъ корабля и называющихся «ямбами» и въ видѣ монеты разныхъ размѣровъ. Основной монетной единицей въ Кашгаріи служитъ теньга. Въ бытность мою въ Кашгаріи индійская рупія (т. е. 60—65 коп.) стоила 6 кашгарскихъ тенегъ, слѣдовательно теньга равнялась 10—11 коп. Номинальная стоимость ямба равняется 1.100 теньгамъ, 183 индійскимъ рупіямъ и 120 рублямъ; хотя она и колеблется въ нѣкоторыхъ предѣлахъ, но, вообще, ямбъ стоитъ здѣсь нѣсколько дороже, чѣмъ въ Ладакѣ. Кашгарскія теньги бываютъ трехъ достоинствъ, въ зависимости отъ вѣса заключающагося въ нихъ чистаго серебра: въ 41,36 и 34 доли. Въ Каргалыкѣ я видѣлъ серебряныя монеты въ три, шесть и восемь тенегъ; на каждой изъ нихъ имѣется тюркская надпись.

Сарты купили у меня 300 индійскихъ рупій, снабдивъ меня большой кучей кашгарскихъ серебряныхъ монетъ, въ которыхъ я сначала съ трудомъ разбирался, не будучи еще хорошо знакомъ съ мѣстными денежными знаками.

Депутація индусовъ.

Вскорѣ послѣ ухода сартовъ, ко мнѣ явилась депутація отъ мѣстной колоніи индусовъ-шикарпурцевъ съ цѣлью засвидѣтельствовать свой «селямъ» «сахибу», прибывшему изъ Индіи. Шикарпурцами называютъ въ Кашгаріи выходцевъ изъ сѣверной Индіи, индусскихъ мусульманъ, занимающихся частью торговлей, а больше ростовщичествомъ по городамъ Джитышаара. Часть изъ нихъ дѣйствительно происходитъ изъ провинціи Синда и даже изъ города Шикарпура, но, въ общемъ, названіе «шикар-

пурцы» слѣдуетъ понимать для нихъ въ нарицательномъ смыслѣ, подобно тому, какъ названіе «андижанцы» — для всѣхъ выходцевъ изъ русскаго Туркестана.

Явившіеся ко мнѣ индусы были одѣты въ длинные, бѣлые брюки, короткія куртки съ шитьемъ и въ круглыхъ черныхъ шапочкахъ, расшитыхъ золотомъ и серебромъ. Нѣкоторые изъ нихъ уже очень давно живутъ въ Кашгаріи и хорошо владѣютъ языкомъ мѣстнаго населенія.

Когда жара спала, я пожелалъ осмотрѣть центральную, базарную часть города. Корбанъ сообщилъ мнѣ, что амбань сдѣлалъ распоряженіе, чтобы при моихъ прогулкахъ по улицамъ меня сопровождали двое полицейскихъ для предохраненія отъ назойливости толпы, а такъ какъ одинъ изъ нихъ ушелъ, то нужно было обождать его возвращенія. Пока мы ждали, другой полицейскій, усѣвшись на солнцепекѣ, приготовлялся къ прогулкѣ, чистя свою курму и съ ожесточеніемъ истребляя въ ней насѣкомыхъ. Когда вернулся отлучившійся, мы тронулись въ путь. Полицейскіе одѣли на себя внѣшніе знаки своего офиціальнаго положенія — китайскія форменныя курмы синяго цвѣта съ широкими рукавами, обшитыя по нижнему краю широкими, красными полосами; на спинѣ каждой курмы имѣлся большой, бѣлый кругъ съ китайской надписью. Одинъ изъ полицейскихъ шелъ впереди меня, другой сзади, оба — вооруженные палками.

Базаръ. Базаръ состоитъ изъ нѣсколькихъ узкихъ улицъ, сплошь застроенныхъ лавками и крытыхъ цыновками изъ чіи[1]) для предохраненія базарной толпы отъ солнечныхъ лучей; большинство лавокъ принадлежитъ, конечно, сартамъ; китайскихъ лавокъ очень немного. Сарты торгуютъ самыми разнообразными предметами, при чемъ преобладаетъ мелочная торговля; китайцы — произведеніями внутренняго Китая (чашки, матеріи и т. п.). Въ сартовскихъ лавкахъ я видѣлъ много предметовъ, вывезенныхъ изъ русскаго Туркестана — самовары, посуду, сахаръ, леденцы,

1) Особый видъ камыша.

пряники, пуговицы, ножи. Когда я проходилъ по улицамъ, то сидѣвшіе возлѣ лавокъ туземцы вставали и почтительно кланялись мнѣ, складывая руки на животѣ и слегка наклоняя голову. Сартовскія женщины ходятъ здѣсь съ непокрытыми лицами, однако молодыя сартянки прятались при моемъ приближеніи.

Окитаянныя лица встрѣчаются здѣсь довольно часто среди сартовскаго населенія; повидимому смѣшеніе крови путемъ браковъ или простого сожительства происходитъ здѣсь совершенно свободно. Китайцы, живущіе въ Кашгаріи, вообще, не держатъ при себѣ своихъ женъ, оставляемыхъ ими во внутреннемъ Китаѣ, а на время своего пребыванія въ Восточномъ Туркестанѣ, обзаводятся временными женами или любовницами изъ мѣстныхъ сартянокъ. Обыкновенный лѣтній костюмъ здѣшней женщины состоитъ изъ длинной грубой рубахи и головного платка. Дѣти бѣгаютъ совершенно голыя, что признается здѣсь, вѣроятно, болѣе удобнымъ и соотвѣтствующимъ климату. Сарты одѣваются въ разнообразные халаты, а въ качествѣ головного убора употребляютъ исключительно тюбетейки. Китайцы носятъ, какъ и вездѣ, гдѣ они встрѣчаются, традиціонныя курмы, рубашки съ широкими рукавами, широкіе штаны, свои оригинальные сапоги съ необыкновенно толстыми подошвами, а голову покрываютъ большими соломенными шляпами.

Несмотря на распорядительность и энергію, обнаруженныя полицейскими, толпа, по мѣрѣ нашего движенія, все росла и окружала насъ.

Когда мы подошли къ лавкѣ Маргеланскаго сарта, покупавшаго у меня утромъ индійскія рупіи, навстрѣчу мнѣ вышелъ хозяинъ и пригласилъ навѣстить его. Тотчасъ же былъ поданъ чай со сладостями и фруктами. Посидѣвши въ лавкѣ гостепріимнаго купца, мы направились домой, съ трудомъ пробираясь сквозь толпу зѣвакъ, успѣвшихъ въ теченіе моей непродолжительной остановки запрудить всю улицу. Полицейскіе нещадно били ротозѣевъ своими палками, при чемъ, кажется, не возбуждали никакого неудовольствія толпы за такое грубое съ ней обращеніе.

Когда я вернулся къ себѣ въ садъ, то вслѣдъ за мной маргеланскій сартъ принесъ мнѣ подносъ съ угощеніемъ и просилъ продать ему еще 150 индійскихъ рупій, при покупкѣ которыхъ онъ, конечно, обсчиталъ меня, пользуясь моимъ незнакомствомъ съ мѣстной монетой.

Вечеромъ, укладывая свои дорожные сундуки, я всыпалъ въ нихъ много кашгарскаго серебра, которое, спустя лишь нѣсколько дней, пришлось опять мѣнять, но уже на русскія деньги.

Отъѣздъ изъ Каргалыка.

23-го іюля утромъ я покинулъ Каргалыкъ.

Передъ нашимъ выступленіемъ, къ калиткѣ сада подъѣхали пять всадниковъ, которые слѣзли съ лошадей и, усѣвшись на землю, стали дожидаться нашего выѣзда. Одинъ изъ нихъ оказался сартовскимъ бекомъ[1]) изъ Каргалыка, двое—сартами-джигитами и двое—китайскими кавалеристами. Всѣ они были назначены амбанемъ для сопровожденія меня до Яркенда, частью для облегченія сношеній съ населеніемъ и выбора мѣстъ для ночлеговъ, а больше для почета. Кавалеристы своей одеждой ничѣмъ не отличались отъ обыкновенныхъ китайцевъ торговаго класа и вмѣсто головного убора носили синіе платки, подобно нашимъ деревенскимъ бабамъ. Они были вооружены однострольными, пистонными ружьями, содержимыми весьма неисправно; на прикладѣ каждаго ружья была приклеена красная бумажка съ китайской надписью. Конское снаряженіе у нихъ было обыкновеннаго сартовскаго типа.

Выѣхавши изъ города, я оставилъ вьюки позади и перемѣннымъ алюромъ двинулся къ сѣверу.

Отъ Каргалыка до Яркенда ведутъ двѣ дороги, которыя пересѣкаются у кишлака[2]) Посгамъ, почти на полпути между этими городами; обѣ онѣ почти одинаковой длины и одинаковаго качества. Я ѣхалъ по той, которая отъ Каргалыка до Посгама является западной, а далѣе становится восточной.

---

1) Низшее должностное лицо, въ родѣ волостного старшины.

2) Кишлакъ по тюркски — селеніе.

Отъ Каргалыка до Яркенда.

Общій характеръ мѣстности.

Мѣстность отъ Каргалыка до Яркенда въ ближайшихъ окрестностяхъ дороги густо населена и воздѣлана. Дорога почти повсемѣстно пролегаетъ среди глиняныхъ стѣнъ, огораживающихъ выселки, поля и сады, обсажена во многихъ мѣстахъ деревьями, преимущественно тополями и ивами, и пересѣкаетъ безчисленное количество арыковъ, несущихъ мутную воду для орошенія полей.

Характеръ этихъ окрестностей не оставляетъ никакого сомнѣнія въ томъ, что главнымъ занятіемъ мѣстнаго населенія является земледѣліе, хотя послѣднее и поставлено здѣсь въ неблагопріятныя условія, вслѣдствіе небольшой площади плодородныхъ земель, разбросанныхъ оазисами среди обширныхъ солончаковъ и песковъ, чрезвычайно сухого климата и недостаточнаго орошенія. Здѣсь, какъ и повсемѣстно въ Кашгаріи, изъ хлѣбныхъ растеній воздѣлываются—пшеница, рисъ, ячмень, просо, кукуруза, горохъ и бобы; изъ овощей—почти всѣ встрѣчающіеся въ южной Россіи; для корма лошадямъ сѣютъ такой же клеверъ (дженушку), какъ и въ Русскомъ Туркестанѣ. Изъ другихъ полезныхъ растеній воздѣлываютъ табакъ, ленъ, коноплю и хлопчатникъ. Изъ фруктовъ здѣсь произрастаютъ: виноградъ, персики, абрикосы, дыни, арбузы, яблоки и груши.

Саушамъ-базаръ.

Проѣхавши нѣсколько верстъ отъ города, мы сдѣлали непродолжительный привалъ въ кишлакѣ Саушамъ-базаръ, гдѣ въ чай-ханѣ[1]) напились чаю и освѣжились дынями, которыя здѣсь великолѣпны. Китайскіе солдаты, несмотря на то, что они были назначены сопровождать меня по приказанію своего начальства и знали, что ѣдутъ съ русскимъ офицеромъ, вели себя въ дорогѣ непозволительно: ѣхали то впереди меня, то рядомъ со мной, толкая меня и мою лошадь, распѣвали пѣсни, курили всю дорогу изъ своихъ китайскихъ металическихъ кальяновъ, заставляли

1) Народная чайная.

Дорога между Каргалыкомъ и Яркендомъ.

Сартовская арба и сарты около г. Кашгара.

Фототипія В. Класенъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Пресмя Н. Каминскій

сартовъ-джигитовъ везти ихъ ружья и т. п. На привалахъ они первые слѣзали съ лошадей, отдавая ихъ сартамъ, требовали себѣ въ чай-ханѣ безплатно чаю, хлѣба и фруктовъ и, развалившись на войлокахъ, дремали. Одинъ изъ нихъ, постоянно болтавшійся передъ моей лошадью и сильно пылившій, до такой степени обозлилъ меня, что я прикрикнулъ на него, приказавши ему ѣхать въ сторонѣ и черезъ Корбана передалъ, что если онъ съ товарищемъ будутъ и дальше вести себя такъ же плохо, то я прогоню ихъ и пожалуюсь на нихъ амбаню въ Яркендѣ.

Якшамъ-базаръ.

Въ полдень мы пріѣхали въ большой кишлакъ Якшамъ-базаръ, въ которомъ должны были остановиться на ночлегъ. Каргалыкскій бекъ указалъ намъ мѣсто для бивака, но здѣсь было такъ мало тѣни и такъ много грязной стоячей воды въ пруду, что я отказался здѣсь ночевать и выбралъ другое мѣсто подальше отъ кишлака, въ большомъ саду, гдѣ обильная тѣнь густыхъ деревьевъ спасала насъ отъ горячихъ лучей солнца.

Возлѣ бивака находился небольшой водоемъ—необходимая принадлежность кашгарскихъ селеній. Уже отъ Каргалыка, съ удаленіемъ отъ горъ, сталъ ощущаться недостатокъ въ хорошей водѣ для питья. Такъ какъ атмосферные осадки выпадаютъ здѣсь въ весьма небольшомъ количествѣ, а естественныхъ текучихъ водъ—очень мало, то все водоснабженіе мѣстности отъ Каргалыка до Яркенда основано на оросительныхъ каналахъ, выведенныхъ изъ р. Яркендъ-дарьи и развѣтвляющихся въ цѣлую сѣть арыковъ, покрывающихъ поверхность Яркендско-Каргалыкскаго оазиса. Недостатокъ воды въ арыкахъ и невозможность для жителей пользоваться ею въ любое время, вынуждаютъ ихъ дѣлать запасы воды, собирая ее около своихъ жилищъ въ небольшіе пруды или водоемы.

Въ дорогѣ намъ приходилось пользоваться для питья и варки пищи водой, по недѣлямъ застаивающейся въ водоемахъ и, конечно, мало пригодной къ употребленію даже послѣ кипяченія.

Наши вьюки пришли въ этотъ день часа на $1^1/_2$ позже насъ.

Все время на нашемъ бивакѣ толпились сарты изъ кишлака, бесѣдовавшіе съ моими тибетцами. Китайскіе солдаты нѣсколько притихли и вели себя уже скромнѣе, расположившись на отдыхъ въ нѣкоторомъ разстояніи отъ бивака.

Когда стемнѣло, то по распоряженію сопровождавшаго меня бека, на деревьяхъ повѣсили два огромныхъ красныхъ фонаря, внутри которыхъ горѣли фитили, погруженные въ сосуды съ саломъ. Фонари горѣли всю ночь, обозначая мѣсто нашего бивака, долго еще шумѣвшаго голосами туземцевъ.

Переходъ 24-го іюля, до селенія Игарчи-базара на р. Яркендъ-дарьѣ, пролегалъ по такой же мѣстности, какъ и наканунѣ: частыя селенія, выселки, воздѣланныя поля, сады, рощи, оросительныя канавы; дорога мѣстами такъ густо обсажена здѣсь деревьями, что солнечный лучъ не проникаетъ сквозь ихъ густую листву.

Этотъ переходъ я совершилъ къ своему удовольствію безъ свиты, успѣвшей уже надоѣсть мнѣ. Каргалыкскій бекъ съ китайскими солдатами, замѣшкавшись на почлегѣ, выѣхали позже и нагнали меня уже подъ Игарчи-базаромъ; сарты-джигиты, хотя и ѣхали за мной, но часто отставали, оставляя меня вдвоемъ съ моимъ неизмѣннымъ спутникомъ и собесѣдникомъ Корбаномъ. По пути мы проѣхали кишлаки Юсабазаръ и Посгамъ; въ послѣднемъ мы отдохнули въ саду и полакомились сочными дынями. На полпути между этими кишлаками меня встрѣтилъ конный сартъ, вручившій мнѣ письмо на тюркскомъ языкѣ отъ старшины Яркендскихъ купцовъ, русскихъ подданныхъ. Старшина привѣтствовалъ меня въ письмѣ съ пріѣздомъ и увѣдомлялъ, что, по приказанію нашего генеральнаго консула въ Кашгарѣ, онъ встрѣтитъ меня около Яркенда и будетъ къ моимъ услугамъ во время моего пребыванія въ этомъ городѣ. Туземецъ, привезшій письмо, сопровождалъ меня до почлега, но отсюда, не

отдыхая, уѣхалъ въ Яркендъ, чтобы извѣстить старшину о моемъ пріѣздѣ.

Въ предѣлахъ Кашгаріи живетъ очень много выходцевъ изъ русскаго Туркестана, преимущественно изъ сосѣдней Ферганы, сартовъ-купцовъ, занимающихся торговлей и извѣстныхъ здѣсь подъ именемъ «Андижанцевъ» (по имени города Андижана, Ферганской области). Всѣ они состоятъ въ вѣдѣніи нашего генеральнаго консула въ Кашгаріи, который руководитъ ихъ дѣятельностью черезъ старшинъ, выбираемыхъ ими въ каждомъ значительномъ городѣ изъ своей среды и утверждаемыхъ въ этихъ должностяхъ консуломъ. Эти старшины являются консульскими агентами, находящимися въ постоянныхъ сношеніяхъ съ консульствомъ и, конечно, весьма полезны для русскаго путешественника.

Въ нѣсколькихъ верстахъ отъ кишлака Игарчи-базара я вновь увидѣлъ Яркендъ-дарью, верхнее теченіе которой (Раскемъ-дарью) покинулъ 7-го іюля около урочища Маликъ-ша; рѣка подходитъ здѣсь очень близко къ дорогѣ и течетъ вдоль нея, то удаляясь, то приближаясь къ ней.

Игарчи-базаръ.

Около 2 ч. дня я добрался до Игарчи-базара, возлѣ котораго дожидался меня Корбанъ, выѣзжавшій впередъ для выбора бивачнаго мѣста.

Мы размѣстились въ небольшомъ тѣнистомъ саду, состоявшемъ изъ высокихъ тограковъ. День стоялъ жаркій (въ 1 часъ дня въ тѣни +35,1° Ц.) и переѣздъ, хотя и совершенный большую часть дороги среди деревьевъ, былъ утомителенъ. Въ этотъ вечеръ мнѣ пришлось устроиться гораздо лучше, чѣмъ въ предыдущіе; улучшеніе заключалось, главнымъ образомъ, въ простомъ деревянномъ столѣ, который нашелъ для меня Корбанъ. Постоянное сидѣніе на землѣ и необходимость поджимать подъ себя ноги, которыя затекали очень быстро въ этомъ положеніи, ужасно надоѣли мнѣ и я былъ очень доволенъ, получивши въ свое распоряженіе столъ, на которомъ могъ сидѣть, свѣсивши ноги.

На переходѣ до Игарчи-базара я сталъ встрѣчать въ попут-

ныхъ селеніяхъ туземцевъ съ зобами и чѣмъ дальше я подвигался къ сѣверу, тѣмъ чаще я встрѣчалъ ихъ. Мнѣ кажется, что среди женщинъ эта болѣзнь болѣе распространена, чѣмъ среди мужчинъ. Туземцы, за неимѣніемъ медицинской помощи, конечно, не лечатся и даютъ возможность зобамъ выростать до огромныхъ размѣровъ. Я видѣлъ одну старуху, у которой зобъ превосходилъ размѣрами ея голову и свисалъ на грудь безобразнымъ мѣшкомъ.

Сифилисъ, повидимому, весьма распространенъ среди мѣстнаго населенія, потому что мнѣ часто приходилось видѣть наружные признаки этой болѣзни.

Когда явились на бивакъ сопровождавшіе меня китайскіе солдаты, то Корбанъ для того чтобы избавить меня отъ этихъ нахаловъ посовѣтовалъ имъ устроиться на ночлегъ въ самомъ кишлакѣ, въ какомъ-либо караванъ-сараѣ. Они послѣдовали его совѣту и я уже больше не видалъ ихъ, потому что на слѣдующій день, опасаясь вѣроятно того, что я разскажу объ ихъ поведеніи Яркендскому начальству, они не выѣхали за мной и куда то исчезли.

Въ Кашгаріи обращаетъ на себя вниманіе необыкновенное обиліе ишаковъ (ословъ), имѣющихся у населенія. На нихъ ѣздятъ верхомъ и возятъ всевозможные грузы. На дорогѣ мнѣ часто приходилось встрѣчать групы въ нѣсколько десятковъ туземцевъ, ѣхавшихъ на базаръ на этихъ маленькихъ, но крѣпкихъ и выносливыхъ животныхъ. Несмотря на ихъ многочисленность, здѣсь много и лошадей, которыя отличаются большимъ ростомъ и широкой костью; туземцы отпускаютъ имъ весьма длинные гривы и хвосты. Мои кашмирскія лошади рядомъ съ мѣстными лошадьми казались жеребятами. Сѣдловка туземцевъ весьма похожа на нашу сартовскую, но здѣсь принятъ китайскій потникъ, который, свѣшиваясь ниже лошадинаго брюха, совершенно закрываетъ бока лошади.

Въ Игарчи-базарѣ уже начались виноградники, но виноградъ былъ въ то время еще не совсѣмъ зрѣлый; онъ поспѣваетъ здѣсь

нѣсколько позже, чѣмъ въ нашемъ Туркестанѣ, что, быть можетъ, слѣдуетъ объяснить значительнымъ превышеніемъ этой части Кашгаріи надъ уровнемъ моря (отъ 4.000 до 4.500 ф.).

Въ 6 ч. вечера на нашъ бивакъ пріѣхалъ изъ Яркенда старшина Яркендскихъ купцовъ, Андижанскій сартъ Мирза Джанъ Ходжа, въ сопровожденіи другого сарта. Послѣ первыхъ привѣтствій и рукопожатій, я усадилъ гостей на войлокъ, разостланный подъ деревьями и угощалъ ихъ чаемъ, фруктами и вареньемъ. Мирза Джанъ сказалъ мнѣ, что уже нѣсколько дней онъ поджидалъ моего пріѣзда и выразилъ желаніе видѣть меня своимъ гостемъ во время моего пребыванія въ Яркендѣ. Во время нашей бесѣды наступило время вечерней молитвы и мои мусульманскіе гости, надѣвши на головы, снятыя на время чаепитія, чалмы, обратились въ сторону Мекки, опустились на колѣни и благоговѣйно молились, кладя земные поклоны. Послѣ молитвы продолжалось чаепитіе съ разговорами. Посидѣвши у меня часа $1^1/_2$, сарты уѣхали ночевать въ ближайшій караванъ-сарай, условившись встрѣтиться со мной на слѣдующій день утромъ у перевоза на Яркендъ-дарьѣ.

Яркендъ-дарья.

На слѣдующее утро я выступилъ со своимъ караваномъ къ перевозу, чтобы перебраться на лѣвый берегъ Яркендъ-дарьи. На правомъ (восточномъ) берегу рѣка сопровождается полосой песковъ, образующихъ невысокіе барханы. Эти пески—признаки близкаго сосѣдства пустыни Такла-Маканъ, залегающей на сотни верстъ къ востоку; говорятъ, что подъ вліяніемъ господствующихъ здѣсь восточныхъ и сѣверо-восточныхъ вѣтровъ, они медленно, но неудержимо двигаются къ западу и юго-западу, отнимая у человѣка клочокъ за клочкомъ годныя для воздѣлыванія земли.

Около перевоза насъ нагнали Мирза Джанъ Ходжа, Каргалыкскій бекъ и прочіе сарты. Перевозъ черезъ рѣку производится здѣсь на большихъ баркасахъ, отталкиваемыхъ отъ берега и пускаемыхъ по теченію; нѣсколько человѣкъ гребцовъ, при помощи огромныхъ грубо обтесанныхъ веселъ и длинныхъ баг-

ровъ, причаливаютъ ихъ къ противуположному берегу. Мы всѣ, съ лошадьми, какъ верховыми, такъ и вьючными, размѣстились въ двухъ баркасахъ и быстро перебрались на другую сторону рѣки.

Яркендъ-дарья течетъ здѣсь широкой, могучей рѣкой, въ низкихъ, лесовыхъ берегахъ, сильно подмываемыхъ водой, особенно на поворотахъ теченія. Ширина рѣки достигаетъ до полуверсты, глубина весьма значительна, теченіе сильное, цвѣтъ воды—мутно-желтый.

Яркендъ-дарья—главнѣйшая рѣка Восточнаго Туркестана. Она беретъ начало въ одной изъ высочайшихъ въ мірѣ горныхъ областей,—на сѣверномъ склонѣ Каракорамскаго перевала, на высотѣ около 18.000 ф. надъ уровнемъ моря. Небольшимъ ручьемъ[1]) она протекаетъ по сѣверной половинѣ Каракорамскаго нагорья, у подножья Раскемскаго хребта круто поворачиваетъ на западъ и, обогнувши его, направляется сначала на сѣверъ, но на паралели г. Каргалыка поворачиваетъ къ сѣверовостоку и сохраняетъ это направленіе до сліянія съ р. Кашгаръ-дарьей (около селенія Маралъ-баши), гдѣ течетъ уже на востокъ. Отъ истоковъ до паралели г. Каргалыка она извѣстна подъ именемъ Раскемъ-дарьи, далѣе до сліянія съ Кашгаръ-дарьей—называется Яркендъ-дарьей, а, слившись съ послѣдней, принимаетъ названіе Тарима и несетъ свои воды въ озеро Лобъ-норъ.

Отъ Каракорамскаго перевала и до 38° сѣверной широты она течетъ среди горъ, принимая въ себя многочисленные притоки и мѣстами извивается въ тѣсныхъ ущельяхъ, гдѣ несется быстрымъ горнымъ потокомъ, ревущимъ среди скалъ и снѣговъ. На 38-й паралели она выходитъ на равнины Кашгаріи и прорѣзаетъ почти по серединѣ Яркендско-Каргалыкскій оазисъ, доставляя ему необходимое орошеніе. Пересѣкши дорогу изъ Каргалыка въ Яркендъ, рѣка оставляетъ предѣлы культурныхъ

1) См. страницы 137—142 настоящей книги.

мѣстностей и вступаетъ въ пустыню по которой течетъ уже сотни верстъ до впаденія въ замкнутый басейнъ Лобъ-нора.

Отъ выхода рѣки изъ горъ судоходство по ней возможно, но не производится, не вызываясь потребностями мѣстнаго населенія.

Встрѣчи.

За рѣкой въ ближайшемъ кишлакѣ меня встрѣтила група «Андижанцевъ», предложившихъ мнѣ дастарханъ. Напившись чаю и закусивши, мы поѣхали дальше въ сопровожденіи угощавшихъ меня сартовъ. Отъ этого селенія и до Яркенда моя свита постепенно увеличивалась: черезъ каждые 2—3 версты меня встрѣчали групы въ 5—6 верховыхъ сартовъ, русско-подданныхъ купцовъ, одѣтыхъ въ новые халаты и бѣлоснѣжныя чалмы. При каждой встрѣчѣ мы останавливались, я, Мирза Джанъ Ходжа и Корбанъ слѣзали съ лошадей и подходили къ спѣшившимся сартамъ; Мирза Джанъ Ходжа представлялъ мнѣ купцовъ, мы обмѣнивались привѣтствіями, пожимали другъ другу руки и садились опять на коней. Около 10 ч. утра я въѣзжалъ въ предмѣстія Яркенда во главѣ кавалькады, состоявшей изъ 25—30 человѣкъ «Андижанцевъ». Рослые стройные азіаты съ красивыми, смуглыми, чернобородыми лицами, оттѣняемыми бѣлоснѣжнымъ цвѣтомъ ихъ чалмъ, одѣтые въ яркіе халаты всевозможныхъ цвѣтовъ и сидѣвшіе на крупныхъ коняхъ, осѣдланныхъ азіатскими сѣдлами съ пестрымъ уборомъ, — представляли собой весьма живописное зрѣлище.

Прибытіе въ Яркендъ.

Проѣхавши нѣкоторое разстояніе по восточнымъ предмѣстіямъ Яркенда, мы, не доѣзжая базара, составляющаго центральную часть города, повернули налѣво, долго ѣхали садами и лишь въ 11 часовъ утра пріѣхали къ дому Мирзы Джанъ Ходжи. Домъ гостепріимнаго аксакала, какъ и всѣ дома Туркестанскихъ туземцевъ, состоитъ изъ одноэтажной, глинобитной избы, выходящей окнами во дворъ, а глухой стѣной—на улицу и нѣсколькихъ глинобитныхъ же помѣщеній для скота и домашнихъ запасовъ. Рядомъ съ домомъ находится большой, огороженный высокой глиняной стѣной тѣнистый садъ, по серединѣ котораго —

небольшой прудъ четырехугольной формы, густо обсаженный деревьями. Такіе пруды, какъ уже говорилось выше, служатъ водохранилищами мѣстному населенію и, вслѣдствіе недостатка проточной воды и атмосферныхъ осадковъ, снабжаютъ его водой для всевозможныхъ надобностей. Въ нихъ купаются, стираютъ бѣлье, изъ нихъ берутъ воду для питья, для варки пищи, для чаю и проч. и проч. Если къ этому добавить, что эта стоячая вода никогда вполнѣ не освѣжается, лишь разбавляясь свѣжей черезъ нѣкоторые промежутки времени для пополненія убыли и что она зацвѣтаетъ, пріобрѣтаетъ бурый цвѣтъ и гнилостный запахъ и даетъ пріютъ многочисленнымъ земноводнымъ, которыя кишатъ въ ней, то станетъ понятнымъ то плохое санитарное состояніе, въ которомъ живетъ мѣстное населеніе и то обиліе зобовъ, которое поражаетъ путешественника.

Въ домъ Мирзы Джана.

Для моего жительства хозяинъ приготовилъ небольшую бесѣдку, стоявшую около пруда и убралъ ее паласами, коврами и войлоками. Но такъ какъ въ день моего пріѣзда стояла жаркая погода и было душно, то я расположился на открытомъ воздухѣ подъ тѣнью великолѣпныхъ чинаровъ.

Мирза Джанъ Ходжа началъ меня угощать уже нѣсколько по-русски: былъ поданъ огромный ярко-вычищенный самоваръ, привѣтливо шипѣвшій и клокотавшій, колотый русскій сахаръ въ стеклянной сахарницѣ и толстые граненые стаканы на блюдечкахъ съ цвѣтными разводами. Обстановка чаепитія уже указывала на близость Россіи.

Гостепріимный хозяинъ просилъ меня не заботиться ни о своемъ продовольствіи, ни о продовольствіи моихъ людей и лошадей, потому что заботу обо всемъ этомъ онъ взялъ на себя. Между прочимъ, онъ добавилъ, что, бывая въ Ферганѣ, видѣлъ какъ ѣдятъ русскіе, а потому увѣренъ, что угодитъ мнѣ по вкусу.

Спустя часа два послѣ нашего пріѣзда, Мирза Джанъ Ходжа предложилъ намъ обѣдъ, правда, чрезвычайно вкусный и сытный, но не имѣющій рѣшительно ничего общаго съ русскимъ столомъ.

Раньше всего мнѣ подали «закуску», состоявшую изъ крутыхъ яицъ, свѣжихъ огурцовъ и пшеничнаго хлѣба, подающагося здѣсь, хотя бы для одного человѣка, въ огромномъ количествѣ, въ видѣ темно-желтыхъ лепешекъ. Послѣднія никогда не рѣжутся, а всегда ломаются руками. Онѣ, особенно когда свѣжи, весьма вкусны, но нѣсколько тяжелы, почему ихъ нельзя съѣсть такъ много, какъ нашего пшеничнаго хлѣба.

Послѣ закуски принесли нѣсколько чашекъ съ супами и вареное мясо, разложенное на тарелкахъ. Супы представляли собой, въ сущности, обыкновенную средне-азіатскую «шурпу», т. е. крѣпкій бульонъ изъ баранины, приготовляемый съ большимъ количествомъ различныхъ пряностей, кореньевъ и перцу, но различались овощами: одинъ былъ съ картофелемъ, другой съ капустой, третій съ морковью и т. п. Всѣ они были чрезвычайно вкусны, хотя и жгли ротъ и горло отъ стручковаго перца, плававшаго въ нихъ въ изобиліи. За «шурпой» слѣдовалъ традиціонный, неизмѣнный туркестанскій пловъ, составляющій въ Средней Азіи самую существенную часть обѣда. Онъ приготовляется изъ варенаго, съ курдючнымъ бараньимъ саломъ, риса, въ который кладется большими кусками жареная баранина, морковь, нарѣзанная длинными, узкими полосками и нѣкоторое количество изюма. Пловъ Мирзы Джана былъ прекрасно приготовленъ и отличался тѣмъ особеннымъ вкусомъ риса, который можно встрѣтить только въ Туркестанѣ и который составляетъ секретъ туземныхъ поваровъ.

Туземцы ѣдятъ пловъ такимъ образомъ: каждый изъ нихъ вооружается ножомъ и, вынимая изъ плова пальцами баранину, разрѣзаетъ ее на мелкія части и съѣдаетъ; когда вся баранина съѣдена, ножи прячутся и приступаютъ къ рису, который ѣдятъ руками; каждый захватываетъ рисъ пальцами, мнетъ его нѣкоторое время, чтобы выжать лишній жиръ и затѣмъ отправляетъ его въ ротъ. Передъ пловомъ всѣ обязательно моютъ руки, что впрочемъ нисколько не гарантируетъ чистоты, потому что омовеніе рукъ составляетъ лишь простую формальность. Пловъ

бываетъ, обыкновенно, чрезвычайно жирнымъ, почему туземцы за обѣдомъ пьютъ воду весьма часто. Въ первый же день своего пребыванія въ Яркендѣ я видѣлъ разнообразное пользованіе водой пруда, находящагося въ саду Мирзы Джана: сарты, обѣдавшіе у моего хозяина, передъ пловомъ мыли въ немъ руки, а затѣмъ зачерпывали изъ него же воды для питья, послѣ обѣда опять въ этой же водѣ мыли руки и полоскали ротъ, а одновременно съ этимъ изъ этого пруда хозяйскіе слуги набирали воду для самовара. Само собой понятно, что все это не могло способствовать апетиту; впрочемъ, чего не приходится испытывать путешественнику въ Центральной Азіи!

Обѣдъ закончился чаепитіемъ, распространеннымъ здѣсь не менѣе, чѣмъ въ нашемъ Туркестанѣ.

Уже темнѣло, когда послѣдніе изъ встрѣчавшихъ меня «Андижанцевъ» распрощались со мной и съ хозяиномъ и уѣхали. Скоро ушелъ и Мирза Джанъ, оставивши меня отдыхать на мягкихъ коврахъ и войлокахъ, разостланныхъ подъ чинаромъ.

Весь этотъ день мгла, о которой я уже упоминалъ раньше, густо заволакивала не только горизонтъ, но почти все небо, закрывая солнце, которое проглядывало сквозь нее въ видѣ блѣдно-желтаго диска. Только подъ вечеръ мгла разсѣялась, очистивъ небосклонъ и ближайшія окрестности.

На слѣдующій день послѣ утренняго чая я отпустилъ Каргалыкскаго бека, наградивши его за услуги подаркомъ и просилъ его передать мой поклонъ Каргалыкскому уѣздному начальнику.

Мирза Джанъ Ходжа сообщилъ мнѣ, что Яркендскій окружной начальникъ уѣхалъ изъ города по дѣламъ службы и пріѣдетъ только черезъ нѣсколько дней; это извѣстіе чрезвычайно обрадовало меня, потому что отъѣздъ китайскаго начальника освобождалъ меня отъ тѣхъ скучныхъ церемоній, которыя связаны съ визитами къ китайскимъ должностнымъ лицамъ. Будучи, такимъ образомъ, свободенъ, я рѣшилъ посвятить два или три дня на ознакомленіе съ городомъ.

Въ 10-мъ часу утра Мирза Джанъ предложилъ мнѣ и Корбану верховыхъ лошадей (наши лошади отдыхали) и мы вчетверомъ (старшину сопровождалъ одинъ сартъ) поѣхали въ городъ. Характеръ города.

Яркендъ, подобно всѣмъ туземнымъ городамъ Русскаго и Китайскаго Туркестана, представляетъ собой огромный кишлакъ (селеніе), изобилующій садами. Центральную и собственно городскую часть Яркенда образуетъ базаръ, состоящій какъ и въ Каргалыкѣ изъ нѣсколькихъ длинныхъ, узкихъ улицъ съ лавками, крытыхъ соломенными и камышевыми навѣсами. Большинство лавокъ принадлежитъ сартамъ, которые торгуютъ съѣстными припасами, фруктами и предметами сельскаго хозяйства; китайцы торгуютъ предметами роскоши и европейскими товарами (бумага, чернила, мыло, зонтики, зеркала, щетки и т. п.); почти всѣ сартовскія лавки тѣсны, невзрачны и грязны, но китайскія весьма чисты и просторны. Среди лавокъ часто попадаются чай-ханы (народныя чайныя), въ которыхъ продаютъ горячій чай и разныя туземныя кушанья. Отъ базара узкія и кривыя улицы расходятся во всѣ стороны къ окраинамъ города, образуя цѣлый лабиринтъ переулковъ, идущихъ среди глиняныхъ стѣнъ садовъ, внутри которыхъ разбросаны дома туземцевъ. Характеръ Яркендской базарной улицы—чисто туркестанскій: шумъ и гамъ несется изъ лавокъ, въ которыхъ покупатели и продавцы торгуются такъ громко, какъ это могутъ дѣлать только азіаты; въ чай-ханахъ потные, постоянно стоящіе возлѣ огня сарты съ засученными рукавами дикими голосами выкрикиваютъ названія различныхъ кушаній, разложенныхъ надъ огнемъ; въ уличномъ пескѣ и мусорѣ копаются голые ребятишки, поминутно подвергаясь опасности быть раздавленными; худые, голодные псы роются въ отбросахъ, въ изобиліи валяющихся возлѣ чайныхъ; пестрыя групы верховыхъ сартовъ медленно проѣзжаютъ по улицѣ и заглядываютъ въ лавки; десятки маленькихъ ишаковъ, нагруженныхъ хворостомъ или травой, изъ-подъ которыхъ ихъ почти не видно, бѣгутъ своей мелкой, быстрой ходой; кое-гдѣ сартянки робко пробираются вдоль стѣнъ и быстро исчезаютъ

въ калиткѣ сада или въ мракѣ грязной лавченки... Повсюду грязь и дурной запахъ.

Почти всѣ грузы перевозятся въ Яркендѣ вьюкомъ и, преимущественно, на ишакахъ (ослахъ); арбы, имѣющія здѣсь тѣ-же размѣры, какъ и у насъ въ Туркестанѣ, встрѣчаются сравнительно рѣдко.

Здѣшніе сарты одѣваются такъ же, какъ и ихъ сородичи въ Русскомъ Туркестанѣ: длинные, пестрые халаты, мягкіе «ичиги» съ кожаными калошами и узорчатыя тюбетейки на бритыхъ головахъ. Чалмы носятся здѣсь сравнительно мало и, преимущественно, въ офиціальныхъ и торжественныхъ случаяхъ. Сартянки не закрываютъ лицъ, но мало показываются на улицахъ; встрѣчая мужчинъ, особенно европейцевъ, онѣ, обыкновенно, отворачиваются въ другую сторону. Ихъ одежда одинакова съ одеждой Каргалыкскихъ туземокъ.

Мирза Джанъ Ходжа, повидимому, хорошо извѣстенъ въ городѣ, потому что почти вездѣ сарты вставали при его проѣздѣ и привѣтствовали его «селямомъ».

Осмотрѣвши базаръ, мы посѣтили Андижанскій караванъ-сарай; такъ называютъ здѣсь торговые склады, принадлежащіе русско-подданнымъ туркестанскимъ купцамъ, въ которые они складываютъ привезенные ими изъ Ферганы товары до продажи ихъ или до разсылки въ другія мѣста Кашгаріи. Изъ караванъ-сарая мы поѣхали осмотрѣть домъ, принадлежащій Мирзѣ Джану и предназначенный для пріема и помѣщенія гостей, пріѣзжающихъ въ холодное время года. Онъ построенъ внутри двора, снаружи имѣетъ вполнѣ европейскій видъ, но внутри убранъ по восточному: полы устланы яркими паласами, стѣны и потолки раскрашены въ различные цвѣта и т. п. Въ одной изъ комнатъ этого дома, былъ приготовленъ чай съ дастарханомъ. Во время чаепитія, къ намъ зашелъ одинъ изъ проживающихъ въ Яркендѣ индусовъ, родомъ изъ Джаму (южная провинція Кашмира), чтобы побесѣдовать съ Корбаномъ и узнать отъ насъ—не привезли ли мы какихъ-либо новостей изъ Индіи.

Отсюда мы поѣхали домой, но уже другой дорогой, проходившей черезъ Кашгарскія ворота, выходящія на дорогу въ Кашгаръ. Они имѣютъ видъ крѣпостныхъ воротъ, но не запираются; ихъ масивныя, желѣзныя двери стояли въ сторонѣ, прислоненныя къ стѣнѣ. Около воротъ находится небольшая караулка, въ которой помѣщается полицейскій постъ. На внутреннихъ стѣнахъ воротъ наклеено очень много различныхъ объявленій, написанныхъ по-китайски на красныхъ бумажкахъ всевозможныхъ размѣровъ. Недалеко отъ Кашгарскихъ воротъ находится резиденція Яркендскаго окружного начальника, которую я съ удовольствіемъ миновалъ, довольный отсутствіемъ «амбаня».

Послѣ полудня мы вернулись домой и остатокъ дня я провелъ въ саду Мирзы Джана. Когда сѣло солнце, мой любезный хозяинъ принесъ мнѣ ужинъ, послѣ котораго появился большой самоваръ и самъ Мирза Джанъ съ нѣсколькими сартами-гостями усѣлся возлѣ бесѣдки.

Покончивъ свои занятія, я слѣдилъ за туземцами. Они заварили чай въ большомъ бѣломъ чайникѣ, вокругъ котораго сѣли на землю и приступили къ чаепитію. Мирза Джанъ налилъ въ единственную стоявшую возлѣ чайника чашку немного слабаго чаю и передалъ ее одному изъ гостей, который сталъ прихлебывать чай маленькими глотками; пока онъ пилъ, всѣ остальные тихо разговаривали, поглаживая свои темныя, длинныя бороды и каждый терпѣливо дожидался своей очереди; когда первый кончилъ, Мирза Джанъ опять налилъ въ ту же чашку чаю и передалъ ее слѣдующему.... и такъ далѣе, чашка переходила отъ одного къ другому, пока продолжалось чаепитіе. Уже стемнѣло, когда сарты встали, попрощались съ хозяиномъ и поклонившись въ мою сторону, разошлись.

Скоро поднялся сильный вѣтеръ, шумѣвшій въ густой листвѣ деревьевъ сада. Онъ то стихалъ, то усиливался, то совсѣмъ замиралъ. Я долго слышалъ его шумъ, пробѣгавшій съ одного конца сада на другой, пока не заснулъ подъ тре-

петъ листьевъ чинара, низко спускавшаго надо мной свои длинныя вѣтви.

За ночь вѣтеръ нагналъ много тучъ, затянувшихъ все небо, а къ разсвѣту пошелъ дождь, заставившій меня перебраться изъ подъ чинара въ сосѣднюю бесѣдку. Онъ продолжался до полудня, а пасмурная погода продержалась до вечера, угрожая повтореніемъ дождя. Весь день 27-го я просидѣлъ въ саду Мирзы Джана, занимаясь чтеніемъ, пополненіемъ дневника и переборкой своего походнаго имущества. На четвертый и послѣдній день моего пребыванія въ Яркендѣ, 28-го іюля, погода стояла опять хорошая, хотя съ утра дулъ сильный вѣтеръ, подымавшій облака пыли, заволакивавшія окрестности.

Въ одиннадцатомъ часу утра мы съ Корбаномъ сѣли на лошадей и, въ сопровожденіи Мирзы Джана, отправились совершить прогулку по городу. Яркендъ, въ сущности, такъ бѣденъ достопримѣчательностями, что осматривать уже было нечего.

Китайская кумирня.

Однако, проѣзжая мимо базара, мы посѣтили китайскую кумирню. Она находится въ глубинѣ большого двора и состоитъ изъ трехъ фасовъ: средняго и двухъ боковыхъ, загнутыхъ во внутрь двора. Собственно кумирня помѣщается въ среднемъ фасѣ; въ боковыхъ живутъ служащіе при кумирнѣ и сторожъ. Внутреннее помѣщеніе кумирни—темное, безъ оконъ; прямо противъ двери, въ противуположной стѣнѣ сдѣлана широкая ниша, въ которой поставлено нѣсколько фигуръ боговъ въ сидячемъ положеніи, одѣтыхъ въ красныя мантіи съ коронами на головахъ. Одежды боговъ сдѣланы изъ какой то простой дешевой матеріи, а короны изъ сусальнаго золота. Ниша, съ сидящими въ ней богами, завѣшана красными занавѣсками. Передъ богами на невысокомъ столикѣ стоитъ лампада, которая зажигается только въ торжественныхъ случаяхъ. Кромѣ главныхъ боговъ, сидящихъ въ нишѣ по сторонамъ ея и вдоль боковыхъ стѣнъ, стоятъ нѣсколько человѣческихъ фигуръ, изображающихъ второстепенныя божества. Среди нихъ есть даже женскія, съ дѣтьми на рукахъ и на спинѣ, въ весьма странныхъ одеждахъ. Все это со-

браніе боговъ представляло удивительно смѣшное зрѣлище, едва ли способное благоговѣйно настроить посѣтителя. Сопровождавшій насъ китаецъ не могъ намъ объяснить значенія каждой изъ поставленныхъ здѣсь фигуръ и, повидимому, относился къ святости этого мѣста довольно скептически. Снаружи около дверей я замѣтилъ большой колоколъ, подвѣшенный къ перекладинѣ. Внутренность кумирни была грязна, снаружи она имѣла довольно ветхій видъ, а ея дворъ былъ заваленъ кучами какого то мусора. Вѣроятно она не привлекаетъ къ себѣ большого числа богомольцевъ.

Изъ кумирни мы отправились на непродолжительное время въ Андижанскій караванъ-сарай, гдѣ насъ встрѣтили туркестанскіе купцы и нѣсколько человѣкъ индусовъ, постоянно проживающихъ въ Яркендѣ.

Что касается отношеній мѣстнаго населенія къ выходцамъ изъ Индіи, то неоднократно встрѣчая въ предѣлахъ Джиты-шаара индусовъ и наблюдая ихъ отношенія съ туземцами, я пришелъ къ заключенію, что сарты недолюбливаютъ ихъ и относятся къ нимъ нѣсколько презрительно; это, впрочемъ, станетъ понятнымъ, если принять во вниманіе, что индусы занимаются здѣсь, преимущественно, ростовщичествомъ. Когда индусы ушли изъ караванъ-сарая, Мирза Джанъ, глядя имъ вслѣдъ, сказалъ: «о, индусъ-шайтанъ»! [1]), а присутствовавшіе андижанцы, улыбаясь, утвердительно качнули головами, подтверждая мнѣніе своего аксакала.

Изъ караванъ-сарая мы отправились на юго-восточную окраину города, гдѣ мѣстность нѣсколько возвышена и откуда съ крыши одного стараго, полуразвалившагося дома я любовался окрестностями во всѣ стороны. Къ сѣверу, на огромномъ пространствѣ раскинулся городъ съ его невзрачными, сѣрыми домиками, теряющимися среди густыхъ садовъ, опоясанныхъ сѣрыми лентами глиняныхъ стѣнъ; къ востоку за узкой полосой

1) Шайтанъ — чортъ.

культурной мѣстности уже проглядывали желтые, унылые пески, уходившіе за горизонтъ, въ безпредѣльную даль грозной пустыни; а къ югу и западу раскинулись сады, огороды и поля, изрѣзанные по всѣмъ направленіямъ арыками, несущими мутную, но драгоцѣнную влагу.

Вернувшись изъ города, я провелъ остатокъ дня въ саду Мирзы Джана.

Вечеромъ меня посѣтилъ яркендскій городской врачъ, оказавшійся знакомымъ Корбана; это—полуевропеецъ, полуазіатъ, христіанскаго вѣроисповѣданія, хорошо говорящій по-тюркски, плохо по-французски и совсѣмъ плохо по-русски. Онъ живетъ въ Яркендѣ давно, находясь на службѣ у китайцевъ. Онъ больше разговаривалъ съ Корбаномъ, чѣмъ со мной и скоро ушелъ отъ насъ.

Мои ладакцы гуляли почти весь день по Яркенду и дѣлали закупки для дальнѣйшаго путешествія. Къ заходу солнца они вернулись въ новыхъ сапогахъ желтой кожи съ длинными голенищами, которые должны были отнынѣ замѣнить имъ ихъ сношенную ладакскую обувь. Обновка, повидимому, занимала ихъ, потому что они то снимали сапоги, то опять одѣвали ихъ на ноги и прохаживались въ нихъ взадъ и впередъ по саду. Удовольствіе ихъ удвоилось, когда я сказалъ Корбану, что покупку обуви принимаю на свой счетъ и далъ ему необходимое количество кашгарскихъ монетъ для выдачи моимъ азіатамъ въ возвратъ израсходованныхъ ими денегъ.

Отъѣздъ изъ Яркенда.

29-го іюля, вполнѣ отдохнувши въ теченіе четырехъ дней, проведенныхъ въ домѣ гостепріимнаго Мирзы Джана, я покинулъ Яркендъ. Передъ отъѣздомъ я выдалъ ему удостовѣреніе въ отличномъ пріемѣ, оказанномъ мнѣ и вручилъ ему подарки.

Мирза Джанъ провожалъ меня нѣсколько верстъ по кашгарской дорогѣ. При выѣздѣ изъ города, насъ нагналъ верховой китаецъ, сообщившій мнѣ, что Яркендскій окружной начальникъ вернулся и можетъ сегодня принять меня; конечно, собравшись въ путь, я не намѣревался возвращаться обратно, а потому

приказалъ китайцу доложить амбаню, что я пробылъ въ Яркендѣ 4 дня и что, если въ теченіе этого времени намъ не пришлось повидаться, то видно такова ужъ судьба, а теперь я посылаю ему привѣтъ и буду продолжать свое путешествіе. Однако, въ скоромъ времени, насъ нагналъ другой посланецъ отъ амбаня, который передалъ мнѣ привѣтствіе своего начальника и сообщилъ, что вслѣдъ за нами выѣхали изъ Яркенда бекъ съ двумя саптами, которые должны были нагнать насъ и сопровождать до Кашгара. Пріѣхавшій гонецъ былъ единственный симпатичный и благообразный китаецъ изъ всѣхъ, видѣнныхъ мною въ Восточномъ Туркестанѣ. Онъ носилъ на головѣ соломенную шляпу съ удивительно широкими полями, покрывавшими своей тѣнью не только все его туловище, но и часть его лошади. Въ правой рукѣ онъ держалъ метелку изъ длинныхъ, мягкихъ волосъ, которой постоянно обмахивалъ голову своего рыжаго жеребца.

Выѣхавши за городъ, мы проѣхали мимо китайской крѣпости Янги-шаара, въ которой квартируетъ мѣстный китайскій гарнизонъ и гдѣ находятся различные склады. Крѣпость—типичный образецъ азіатскаго укрѣпленія: она построена изъ глины и имѣетъ двойную, четырехугольную ограду въ видѣ толстыхъ стѣнъ, въ промежуткахъ между которыми вырытъ глубокій сухой ровъ. Наружная стѣна значительно ниже внутренней. Въ оградѣ имѣется нѣсколько воротъ, возлѣ которыхъ постоянно находятся китайскіе караулы.

Мирза Джанъ Ходжа съ нѣсколькими андижанцами, которые присоединились къ намъ около крѣпости, а также и посланецъ амбаня доѣхали съ нами до кишлака Каракумъ, гдѣ предложили мнѣ дастарханъ, а затѣмъ уѣхали обратно въ Яркендъ.

На рубежѣ пустыни.

Характеръ мѣстности.

До селенія Каракумъ характеръ мѣстности въ ближайшихъ окрестностяхъ дороги почти такой же, какъ и на пути отъ Кар-

галыка до Яркенда, но за нимъ остаются одни лишь поля съ разбросанными кое-гдѣ небольшими выселками: сады, селенія и рощи исчезаютъ совершенно. Непріятно было разставаться съ тѣнистыми деревьями, окаймлявшими дорогу отъ Каргалыка и умѣрявшими своей прохладной тѣнью зной туркестанскаго іюля.

Теперь дорога шла по открытой мѣстности, частью по глинистой почвѣ, а частью по песку, лишь кое гдѣ прикрытому чахлой травянистой растительностью. Песчаные участки, чѣмъ дальше къ сѣверо-западу, тѣмъ встрѣчались чаще и становились обширнѣе; всякій разъ, когда копыта моего коня погружались въ мягкій, сыпучій песокъ и нашъ караванъ замедлялъ свое движеніе, я вспоминалъ о близкомъ сосѣдствѣ обширной пустыни, постоянно угрожающей своими песками культурной полосѣ Кашгаріи. Эти пески врѣзываются клиньями среди зеленыхъ садовъ, среди рисовыхъ и кукурузныхъ полей, среди сѣрыхъ мазанокъ сартовъ.... Они хотятъ поглотить и тѣ ничтожные клочки земли, которые еще обрабатываютъ для собственнаго пропитанія мѣстные жители. Результатъ этого медленнаго, постояннаго нашествія песковъ очевиденъ, тѣмъ болѣе, что никто съ нимъ не борется; мы видимъ здѣсь съ одной стороны—могучее, стихійное явленіе природы, а съ другой—молчаливое подчиненіе его разрушительной дѣятельности.

Селеніе Кукъ-раватъ.

Послѣ жаркаго, пыльнаго и довольно тяжелаго перехода, мы въ третьемъ часу пополудни достигли большого селенія Кукъ-раватъ, расположеннаго по обѣ стороны дороги. Здѣсь нѣтъ садовъ, а потому мы остановились на ночлегъ въ одномъ изъ дворовъ, гдѣ подъ навѣсами оказались три большія, глинобитныя площадки.

На этомъ ночлегѣ насъ нагнали бекъ съ двумя джигитами, но, отдохнувши, они поѣхали дальше, въ селеніе Кизылъ, чтобы сдѣлать всѣ необходимыя распоряженія для нашего слѣдующаго ночлега.

Жители Кукъ-равата отличаются необыкновенно большими

зобами; глядя на нихъ, я недоумѣвалъ, какъ они могутъ работать съ этими огромными безобразными мѣшками, свисающими подъ шеей!

Пустынный переходъ.

На слѣдующій день, 30-го іюля, мы выступили съ разсвѣтомъ, потому что намъ предстоялъ переходъ по пустынной мѣстности, гдѣ жара даетъ себя чувствовать гораздо сильнѣе, чѣмъ среди садовъ и селеній.

За Кукъ-раватомъ началась голая, глинисто-песчаная равнина, покрытая мелкой галькой и рѣдкимъ, низкимъ кустарникомъ—джантакомъ (Alhagi camelorum) и калигонумомъ (Calligonum comosum). Чѣмъ дальше, тѣмъ пустыннѣе становилась она и тѣмъ рѣже попадалась даже и эта жалкая растительность. Такой непривѣтливый характеръ мѣстность сохраняла на всемъ протяженіи перехода; на всемъ тридцативерстномъ пространствѣ — ни дерева, ни травинки, ни ручейка...

На полпути до селенія Кизылъ, возлѣ дороги стоитъ небольшой, глинобитный дворъ Акъ-рабатъ — убѣжище для проѣзжающихъ и промежуточная станція для почтовыхъ сношеній Яркенда съ Кашгаромъ. Здѣсь живутъ съ семьями сторожа — сарты. Поблизости нѣтъ никакого селенія, а потому въ Акъ-рабатѣ невозможно получить ни продовольствія, ни фуража. Вода добывается здѣсь изъ колодца, но она нехорошаго качества.

Верстахъ въ трехъ за Акъ-рабатомъ стоитъ одинокая могила какого то мусульманскаго святого; она имѣетъ видъ небольшой хижины и окружена съ трехъ сторонъ невысокой глиняной стѣной, внутри которой стоитъ большая каменная плита съ надписью.

На этомъ переходѣ намъ впервые стали попадаться китайскіе путевые знаки, служащіе для обозначенія разстояній. Единицей пути здѣсь служитъ «фотой», линейная мѣра, равная нашимъ тремъ верстамъ. Каждый фотой отмѣченъ возлѣ дороги большимъ глинянымъ сооруженіемъ, имѣющимъ видъ усѣченной пирамиды, вышиной въ 20—25 ф. и шириной по основанію 15—20 футовъ; бока пирамиды оканчиваются зубцами, придающими

ей видъ маленькаго укрѣпленія. Со стороны обращенной къ дорогѣ, на пирамидѣ прибита квадратная доска съ китайской надписью числа фотоевъ. Иногда возлѣ этихъ странныхъ сооруженій встрѣчались намъ подобныя же маленькія, обозначающія своимъ числомъ — число фотоевъ, оставшихся до ближайшей станціи.

Счетъ фотоевъ доставлялъ мнѣ нѣкоторое развлеченіе на скучномъ переходѣ по этой пустынной мѣстности и, миновавъ одну пирамиду, я съ нетерпѣніемъ всматривался въ сѣро-желтую даль пустыни, ища глазами слѣдующую, которая означала приближеніе къ ночлегу на три версты.

Сел. Кизылъ. Въ полдень мы достигли селенія Кизылъ, которое раскинулось на обширномъ пространствѣ среди пустыни. За отсутствіемъ садовъ, намъ пришлось расположиться во дворѣ на нѣсколькихъ глинобитныхъ площадкахъ.

Хотя по прибытіи въ селеніе въ моемъ распоряженіи оставалось еще много времени до захода солнца, но пришлось все это время провести на бивакѣ, потому что выйти было положительно некуда; непосредственно за домами селенія начиналась пустыня: окаменѣвшая отъ солнца и потрескавшаяся глина, песокъ и галька.

Общій характеръ Кашгаріи. Путешественника, проѣзжающаго по Кашгаріи, поражаетъ частая и рѣзкая перемѣна въ характерѣ окружающей его мѣстности. Вслѣдъ за хорошо воздѣланными, орошенными, зеленѣющими и тѣнистыми пространствами, онъ внезапно находитъ себя окруженнымъ безводной и голой пустыней съ сыпучими песками, галькой или солончаками. И обратно, послѣ болѣе или менѣе продолжительнаго перехода по пустынѣ, онъ встрѣчаетъ пересѣкающій дорогу арыкъ съ мутной водой, а за нимъ сразу—и поля, и рощи, и луга, и сады..

Это явленіе объясняется тѣмъ обстоятельствомъ, что земледѣльческая культура, а вмѣстѣ съ ней и населенные пункты, встрѣчаются здѣсь въ видѣ оазисовъ, разбросанныхъ среди необъятной пустыни и находящихся въ непосредственной зависимости отъ искуственнаго орошенія. Вся страна состоитъ изъ

ряда подобныхъ оазисовъ, отдѣленныхъ другъ отъ друга безплодными, иногда довольно обширными пустынными пространствами.

Каждый оазисъ состоитъ изъ одного, иногда двухъ крупныхъ населенныхъ пунктовъ (Кашгаръ, Яркендъ, Каргалыкъ, Хотанъ и т. д.), окруженныхъ многочисленными селеніями, образующими небольшой округъ; чѣмъ ближе къ центру, тѣмъ послѣднія гуще, чѣмъ дальше отъ центра, тѣмъ они рѣже; оазисы растянуты, преимущественно, вдоль большихъ дорогъ, связывающихъ ихъ съ сосѣдними округами. Все пространство между селеніями, верстъ на 20—30 вокругъ центральнаго населеннаго пункта, орошено, воздѣлано и покрыто садами.

Каждый оазисъ или округъ, находя въ своихъ собственныхъ предѣлахъ все необходимое для своей обыденной жизни, живетъ совершенно самостоятельно и обособленно отъ другихъ и рѣдко входитъ въ какія-либо сношенія со своими сосѣдями. На базарѣ центральнаго населеннаго пункта жители находятъ сбытъ произведеніямъ своей сельской промышленности и здѣсь же покупаютъ все имъ необходимое у туземныхъ купцовъ, преимущественно, выходцевъ изъ Русскаго Туркестана, снабжающихъ города и селенія Кашгаріи товарами изъ сосѣднихъ мѣстностей Средней Азіи. Восточный Туркестанъ, будучи страной въ этнографическомъ отношеніи весьма однообразной, въ то же время вслѣдствіе физическихъ условій мѣстности не представляетъ собой ничего цѣльнаго. Его жители уже давно не знаютъ общаго имени ни для обозначенія своего отечества, ни для обозначенія своего племенного происхожденія. И то и другое имѣетъ столько именъ, сколько отдѣльныхъ оазисовъ или округовъ. Здѣсь есть названія — кашгарцы, яркендцы, хотанцы, но нѣтъ общаго племенного названія для всего населенія; обособленность отдѣльныхъ оазисовъ уже давно привела населеніе къ утратѣ чувства одноплеменности. Эта обособленность всегда составляла слабую сторону Кашгаріи, лишая ее возможности сопротивляться нашествію многочисленныхъ авантюристовъ, грабившихъ и разоряв-

шихъ страну въ теченіе нѣсколькихъ столѣтій и ослабляя ее въ борьбѣ съ китайцами, легко овладѣвшими страной и легко возстановившими въ ней свое владычество послѣ смерти Якубъ-бека.

Покинувши два дня тому назадъ Яркендо-Каргалыкскій оазисъ, мы готовились уже черезъ день вступить въ предѣлы оазиса Кашгарскаго.

31-го іюля, выступивши рано утромъ, мы сдѣлали переходъ въ 12 фотоевъ (36 верстъ) до города Янги-Гисара. Нашъ путь пролегалъ частью по мѣстности столь же пустынной и безплодной, какъ и на предыдущемъ переходѣ, а частью по воздѣланнымъ участкамъ, встрѣчавшимся возлѣ селеній. Отъ ночлега до кишлака Кошъ-гумбезъ мы шли не по большой дорогѣ, дѣлающей изгибъ къ западу, а напрямикъ, тропой черезъ песчаную пустыню, покрытую маленькими барханами, поросшими низкими кустами джантака (Alhagi camelorum).

Пріѣздъ въ Янги-Гисаръ.

Отдохнувши въ селеніи Кильчунъ, мы съ Корбаномъ на рысяхъ проѣхали въ Тегерменъ, переправились по мосту черезъ рѣку Сахнустанъ, текущую къ сѣверо-востоку и вскорѣ уже въѣзжали въ предмѣстья Янги-Гисара; здѣсь насъ встрѣтилъ джигитъ уѣзднаго начальника, вручившій мнѣ его визитную карточку [1]). При въѣздѣ въ городъ, я былъ встрѣченъ старшиной мѣстныхъ туркестанскихъ купцовъ (русскихъ подданныхъ) и четырьмя «Андижанцами». Они проводили меня до сада, предназначеннаго для нашего ночлега и предложили мнѣ здѣсь дастарханъ.

Подобно тому, какъ и въ прочихъ городахъ Кашгаріи, китайскій начальникъ прислалъ мнѣ дровъ и фуража для потребностей моего каравана. Впрочемъ, щедрость китайскихъ амбаней имѣла, въ большинствѣ случаевъ, довольно ограниченные предѣлы и намъ не разъ приходилось докупать предметы первой необходимости.

---

1) Красную бумажку съ китайской надписью.

Сильно уставши за день, я рѣшилъ не ѣздить къ уѣздному начальнику, ограничившись посылкой ему подарка и своей визитной карточки.

Среди «Андижанцевъ», сидѣвшихъ на нашемъ бивакѣ, находился хорошо говорившій по-русски старикъ, служившій джигитомъ въ нѣсколькихъ средне-азіатскихъ походахъ въ отрядахъ генераловъ Черняева, Кауфмана и Абрамова. Онъ сохранилъ много воспоминаній изъ того героическаго періода исторіи Русскаго Туркестана, съ которымъ связаны славныя имена упомянутыхъ военоначальниковъ, гордился своими медалями, говорилъ, что охотно послужилъ бы еще и теперь, если бы представился подходящій случай и отчетливо титуловалъ меня съ солдатскимъ пошибомъ—«Ваше Высокоблагородіе». Узнавши изъ разговора со мной, что я офицеръ генеральнаго штаба, онъ извинился, что, по незнанію, титуловалъ меня ниже, чѣмъ слѣдовало и съ этой минуты уже величалъ меня «Ваше Превосходительство».

Около 8 часовъ вечера туземцы разошлись и на бивакѣ остались лишь два сарта, приставленные къ намъ «для содѣйствія». Какъ ни любопытно бываетъ наблюдать азіатовъ съ ихъ своеобразными костюмами, оригинальнымъ говоромъ и особенными движеніями, но всегда, когда они расходились къ вечеру и оставляли меня одного, я испытывалъ удовольствіе.

Ночь оказалась прохладной, въ чемъ обнаружилась значительная высота Янги-Гисара (около 5.000 ф. надъ ур. м.).

1-го августа мы поднялись съ бивака позже обыкновеннаго, потому что я рѣшилъ передъ отъѣздомъ изъ города посѣтить мѣстнаго уѣзднаго начальника. Вьюки были направлены прямо на кашгарскую дорогу, а я съ Корбаномъ отправился къ китайскому амбаню. Не буду описывать подробностей этого свиданія, потому что послѣ Каргалыка здѣсь не было ничего новаго: та же резиденція амбаня, тотъ же костюмъ, тѣ же церемоніи, та же пріемная, то же чаепитіе, разговоры и пр. Здѣсь было нѣсколько менѣе торжественности чѣмъ въ Каргалыкѣ, не было почти совсѣмъ уличныхъ зрителей, а амбань, маленькаго роста

худощавый невзрачный старичекъ, держалъ себя значительно проще Каргалыкскаго начальника.

Свиданіе продолжалось недолго и вскорѣ мы нагнали наши вьюки на кашгарской дорогѣ.

Городъ Янги-Гисаръ, въ которомъ мнѣ пришлось проѣхать нѣсколько улицъ по дорогѣ къ амбаню, ничѣмъ не отличается отъ прочихъ туземныхъ селеній; онъ обнесенъ высокой, глиняной стѣной съ воротами, выходящими въ сторону Кашгара.

Дорога, по которой мы слѣдовали, достаточно широка, проходитъ по песчано-глинистому грунту и удобна для колеснаго движенія. Арбы, рѣдко встрѣчавшіяся въ южной Кашгаріи, стали теперь попадаться все чаще и чаще; обыкновенно, онѣ имѣли цвѣтной крытый кузовъ и парусинный зонтъ надъ оглоблями.

Характеръ мѣстности.

Мѣстность за Янги-Гисаромъ становилась все болѣе и болѣе воздѣланной; пустынныя и песчаныя мѣста встрѣчались уже очень рѣдко, а вдоль дороги тянулись поля, выселки и сады. Эта культурная полоса занимала весьма большое пространство къ западу, протянувшись до горъ, замыкавшихъ горизонтъ въ эту сторону. Горы возвышались здѣсь неуклюжими, сѣрыми громадами, изъ-за которыхъ выглядывала снѣговая шапка великана Сарыкольскихъ горъ, величаваго Мустагъ-ата.

Въ теченіе этого дня воздухъ былъ чистъ и прозраченъ: мгла, надоѣвшая мнѣ въ продолженіе двухъ недѣль, не мѣшала видѣть окрестности на огромное разстояніе.

Къ востоку воздѣланныя мѣстности простирались недалеко: на горизонтѣ попрежнему была видна сѣро-желтая полоса песковъ, сопровождающая дорогу на всемъ пути отъ Каргалыка. Эти пески, кажется, ревниво слѣдятъ за человѣкомъ, который осмѣливается рядомъ съ ними орошать и воздѣлывать землю и строить селенія; они, кажется, ждутъ удобной минуты, чтобы дружно надвинуться на него и засыпать его глиняныя мазанки съ окружающими ихъ садами и его поля съ канавами мутной воды.

Сел. Япчанъ.

Около 2-хъ часовъ дня мы прибыли въ селеніе Япчанъ. Намъ

отвели здѣсь помѣщеніе въ прекрасномъ тѣнистомъ саду, изобиловавшемъ всевозможными фруктами.

Виноградъ въ Кашгаріи ростятъ, какъ и у насъ въ Туркестанѣ, на гнутыхъ жердяхъ, образующихъ длинныя галереи. Обросшія виноградомъ, большія грозди котораго свѣшиваются съ жердей, эти зеленыя галереи имѣютъ чрезвычайно красивый видъ.

Въ этотъ вечеръ я ложился спать съ особеннымъ, радостнымъ чувствомъ: на слѣдующій день намъ предстоялъ послѣдній переходъ до Кашгара, гдѣ я долженъ былъ встрѣтить своихъ соотечественниковъ и въ помѣщеніи русскаго консульства вступить на клочекъ русской земли.

Ночью набѣжали тучи и послѣ полуночи разразилась сильнѣйшая гроза съ проливнымъ дождемъ. Привыкши къ сухой погодѣ и теплымъ ночамъ Кашгаріи, я спалъ на открытомъ воздухѣ, не позаботившись о палаткѣ, которая уже нѣсколько дней была безъ употребленія. Пришлось будить людей, розыскивать палатку среди нашего походнаго имущества и разбивать ее въ темнотѣ среди деревьевъ сада.

Благодаря этому дождю, переставшему лишь къ утру, переходъ до города Кашгара былъ чрезвычайно легкимъ. Свѣжій, прохладный воздухъ и отсутствіе пыли дѣлали его однимъ изъ пріятнѣйшихъ въ теченіе всего моего путешествія въ предѣлахъ Кашгаріи. Въ Кашгаръ.

Дорога отъ селенія Япчана до Кашгара проходитъ по мѣстности вполнѣ воздѣланной и населенной, среди садовъ, полей и селеній. По пути мы обгоняли туземцевъ, ѣхавшихъ въ Кашгаръ на рослыхъ, ширококостныхъ лошадяхъ мѣстной породы съ длинными гривами и хвостами, на маленькихъ ишакахъ (ослахъ), бойко семенившихъ по мягкой дорогѣ и шевелившихъ поминутно своими большими ушами и на высокихъ арбахъ, скрипѣвшихъ своими деревянными осями.

На этихъ лошадяхъ, ишакахъ и арбахъ везли корзины съ фруктами, съ овощами, вязанки дровъ, снопы клевера, мѣшки съ

какимъ то зерномъ, доски, шкуры и многое другое. Сельчане, повидимому, торопились на базаръ, чтобы, шумно поторговавшись съ какимъ-либо плутоватымъ сартомъ-лавочникомъ, продать ему привезенный товаръ за безцѣнокъ и затѣмъ въ теченіе нѣсколькихъ часовъ отдыхать въ чай-ханѣ, развалившись на грязномъ войлокѣ и прихлебывать жиденькій чай, наливаемый мальчишкой изъ закопченаго кунгана въ чашку съ цвѣтными разводами. Чѣмъ ближе къ Кашгару, тѣмъ чаще мы встрѣчали ѣдущихъ на базаръ.

Нагнавши въ одномъ мѣстѣ нѣсколькихъ женщинъ, ѣхавшихъ на ослахъ, мнѣ удалось снять съ нихъ фотографію. Конечно, не легко было уговорить ихъ остановиться на минуту передъ моимъ апаратомъ, потому что туземныя женщины повсемѣстно въ Азіи не любятъ, чтобы ихъ снимали. Только особое искуство Корбана побѣдило упорство сартянокъ: онѣ остановились на дорогѣ, но двѣ изъ нихъ стыдливо закрыли свои лица; заслуживаетъ вниманія то обстоятельство, что обѣ были старухи.

Сартянки одѣваются здѣсь въ длинныя цвѣтныя рубахи, цвѣтные штаны и различнаго рода халаты. Головнымъ уборомъ служитъ или кусокъ цвѣтной матеріи, которымъ покрываютъ голову, или круглая мѣховая шапка; обувью — мягкіе сапоги съ кожаными калошами. Здѣсь уже начинаютъ встрѣчаться туземки, закрывающія свои лица.

Въ этотъ день горизонтъ былъ еще яснѣе, чѣмъ въ предыдущій и горы, высоко вздымавшіяся на западѣ, рѣзко обозначались на небѣ. Красивая и величественная картина открывалась въ ту сторону. Снѣговой хребетъ Сарыколъ и група Мустагъ-ата были отчетливо видны и я различалъ даже ледники, сползавшіе по крутымъ бокамъ послѣдняго. Горы громоздились одна на другую, покрытыя серебристыми шапками, составлявшими рѣзкій контрастъ съ темной синевой южнаго неба, а надъ всей ихъ громадой возвышался царственно-величавый Мустагъ-ата, гордо вздымавшій свою снѣговую вершину въ заоблачныя выси.

Кашгарскія женщины.

Нашъ пограничный постъ Иркештамъ.

Фототипія В. Класонъ, С. Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

Просим. Н. Каминскій

Янги-шааръ.

Въ 10 верстахъ отъ Кашгара мы миновали китайскую крѣпость Янги-шааръ (Новой городъ) такого же характера, какъ и Яркендскую. Въ ней живетъ командующій войсками Восточнаго Туркестана и здѣсь же квартируетъ нѣсколько китайскихъ лянзъ; остальная часть Кашгарскаго гарнизона расквартирована въ самомъ Кашгарѣ, гдѣ живетъ и помощникъ командующаго войсками.

Янги-шааръ, несмотря на свои толстыя и высокія стѣны, башни, ворота и рвы, не можетъ считаться крѣпостью, потому что имѣетъ многочисленное населеніе. Это—въ сущности китайскій городъ, китайскій Кашгаръ, съ базаромъ и торговыми заведеніями, въ которыхъ сосредоточена почти вся китайская торговля Кашгара. Дорога между Янги-шааромъ и Кашгаромъ чрезвычайно оживлена, застроена во многихъ мѣстахъ домами и служитъ какъ бы улицей, соединяющей двѣ удаленныя другъ отъ друга части одного и того же города.

Кашгаръ.

Кашгаръ лежитъ на сѣверномъ, лѣвомъ берегу Кашгаръ-дарьи, а потому подъ самымъ городомъ намъ пришлось перебраться въ бродъ черезъ рѣку; вода стояла въ то время весьма низкая и переходъ на противуположный берегъ не представилъ никакихъ затрудненій.

За рѣкой, проѣхавши 2—3 крытыя базарныя улицы и нѣсколько узкихъ переулковъ, мы подъѣхали къ большимъ воротамъ, на которыхъ я къ своему удовольствію увидѣлъ овальную доску съ Россійскимъ гербомъ и съ надписью «Императорское Россійское Генеральное Консульство въ Кашгарѣ». Теперь я былъ уже почти въ Россіи и, во всякомъ случаѣ, на клочкѣ земли, признаваемомъ частью Россійской территоріи.

Пребываніе въ Кашгарѣ.

Русское консульство.

Встрѣченный нашимъ консуломъ, я узналъ, что онъ получалъ отъ китайскихъ властей постоянныя извѣщенія о моемъ путешествіи и ожидалъ меня какъ разъ въ этотъ день. Навстрѣчу

мнѣ были высланы два казака изъ консульскаго конвоя, но они направились по другой дорогѣ и не встрѣтились со мной.

Въ консульствѣ мнѣ отвели прекрасное помѣщеніе, въ которомъ я прожилъ 12 дней, пользуясь любезнымъ, чисто русскимъ гостепріимствомъ со стороны нашего консула. Мои люди нашли себѣ достаточно помѣщеній въ стѣнахъ консульства, но лошадей пришлось поставить въ ближайшемъ караванъ-сараѣ.

Россійское Генеральное консульство въ Кашгарѣ, условленное дополнительнымъ Пекинскимъ договоромъ 1860 года, учреждено въ 1882 году [1]). Первымъ консуломъ былъ назначенъ хорошо знакомый уже тогда съ Средней Азіей Николай Ѳедоровичъ Петровскій, занимающій эту должность съ выдающимся успѣхомъ по сіе время, т. е. безпрерывно въ теченіе 20 лѣтъ. Всякій согласится, что оставаться такъ долго на такой должности, требующей немало знаній, трудолюбія и энергіи, вдали отъ родины, среди азіатовъ, при невозможности пользоваться благами европейской культуры—не малый подвигъ со стороны европейца. Продолжительное пребываніе Н. Ѳ. въ краѣ создало ему здѣсь совершенно исключительное положеніе, сравнительно съ положеніемъ нашихъ другихъ консуловъ въ Центральной Азіи. Онъ пользуется большимъ вліяніемъ въ Восточномъ Туркестанѣ и мѣстныя китайскія власти не предпринимаютъ ничего серьезнаго безъ его одобренія. Онъ успѣшно борется съ англійскимъ вліяніемъ, проникающимъ сюда изъ Индіи, и отражаетъ всякое поползновеніе Англіи усилить его въ этой странѣ, естественно тяготѣющей, по своему географическому положенію, къ Средне-Азіатскимъ владѣніямъ Россіи. Рядомъ съ нашимъ консуломъ присутствіе въ Кашгарѣ британскаго политическаго агента мало замѣтно. Въ своихъ сношеніяхъ съ китайскими властями Н. Ѳ. энергиченъ, настойчивъ и съ честью поддерживаетъ на этой окраинѣ Поднебесной Имперіи престижъ Россіи. Нашъ консулъ хорошо извѣстенъ повсемѣстно въ Восточномъ Туркестанѣ

1) Генеральнымъ оно стало нѣсколько позже.

и не только среди служилаго и торговаго класа, но и вообще среди населенія, пользуясь рѣдкой для представителя иностранной державы популярностью. Извѣстность Н. Ѳ. какъ консула далеко заходитъ за предѣлы Восточнаго Туркестана: о немъ знаютъ въ Тибетѣ, въ Кашмирѣ и даже въ Индіи, въ чемъ мнѣ приходилось лично убѣждаться. Живя въ пунктѣ, который является узломъ важнѣйшихъ сообщеній Русскаго Туркестана съ Центральной Азіей и западнаго Китая съ Индіей, Н. Ѳ. Петровскому часто приходилось оказывать гостепріимство и содѣйствіе европейскимъ изслѣдователямъ, среди которыхъ онъ пользуется рѣдкимъ уваженіемъ и почетной извѣстностью. Во многихъ географическихъ сочиненіяхъ, посвященныхъ Центральной Азіи, его имя упоминается съ благодарностью за серьезныя услуги, оказанныя имъ авторамъ.

Отрадно видѣть въ предѣлахъ азіатской державы дѣятельность нашего представителя, клонящуюся къ утвержденію русскаго вліянія и къ распространенію обаянія русскаго имени.

Обратимся теперь къ другимъ членамъ нашего консульства, образующимъ небольшую русскую колонію въ столицѣ Кашгаріи. Эта колонія состояла въ то время изъ слѣдующихъ лицъ: секретаря консульства С. А. Колоколова, начальника конвоя сотника В. П. Шебалина, врача С. Д. Безпалеца и таможеннаго чиновника М. А. Кошкарова.

Конвой при консульствѣ состоитъ изъ полусотни, командируемой отъ одного изъ казачьихъ полковъ, расположенныхъ въ Семирѣченской области (Семирѣченскаго или Сибирскихъ), въ составѣ 60 человѣкъ при 20.000 патроновъ. Въ то время конвой былъ отъ 1-го Семирѣченскаго казачьяго полка. Полусотня смѣняется каждые два года по распоряженію военнаго губернатора Семирѣченской области.

При консульствѣ не существуетъ постоянной должности врача, что слѣдуетъ, конечно, признать весьма ненормальнымъ явленіемъ, потому что ближайшій къ Кашгару пунктъ, въ которомъ можно получить врачебную помощь—г. Нарынъ, Семирѣ-

ченской области, расположенный въ 200 верстахъ отъ него. Въ теченіе нѣсколькихъ послѣднихъ лѣтъ, въ виду появленія въ Индіи чумы, въ Кашгаръ командируютъ изъ Русскаго Туркестана ежегодно на разные сроки врачей для наблюденія за санитарнымъ состояніемъ Кашгаріи. С. А. Безпалецъ былъ командированъ изъ г. Пржевальска, Семирѣченской области и въ скоромъ времени ожидалъ уже смѣны.

Въ Кашгарѣ не существуетъ таможни, но сюда назначенъ недавно, по ходатайству нашего консула, таможенный чиновникъ, который регистрируетъ и пломбируетъ товары, отправляемые изъ Кашгара въ Россію. Это освобождаетъ товары отъ досмотра въ пограничномъ пунктѣ Иркештамѣ, хотя не освобождаетъ торговцевъ отъ обязанности переходить границу только въ этомъ мѣстѣ.

Изъ перечисленныхъ мною лицъ только начальникъ конвоя и секретарь консульства имѣли при себѣ семьи; остальные, оставивъ свои въ Россіи, жили на холостомъ положеніи.

Консульство расположено на берегу р. Кизылъ-су (Кашгаръ-дарьи), на одной изъ окраинъ города на участкѣ земли, подаренномъ въ его полное владѣніе китайскимъ правительствомъ. Его зданія состоятъ изъ нѣсколькихъ одноэтажныхъ глинобитныхъ домиковъ съ плоскими крышами, расположенныхъ весьма близко другъ отъ друга; они образуютъ внутри небольшой дворъ и окружены невысокой глинобитной оградой.

Въ смыслѣ обороноспособности, имѣющей для консульствъ не малое значеніе въ Центральной Азіи, наше Кашгарское консульство оставляетъ желать весьма многаго; однако, въ этомъ отношеніи помощь должна прійти уже извнѣ, потому что въ распоряженіи консула нѣтъ достаточныхъ денежныхъ средствъ для приведенія своей резиденціи въ оборонительное состояніе и имъ сдѣлано уже все, что возможно. На случай безпорядковъ въ Кашгарѣ, въ консульствѣ составлено соображеніе о способѣ обороны своихъ зданій и даже намѣчены мѣста, гдѣ необходимо поставить посты для лучшаго наблюденія за окружающей мѣстностью.

Весь день до поздняго вечера мы провели въ оживленныхъ разговорахъ. Уходя къ себѣ спать, я взялъ у консула пачку русскихъ газетъ и, несмотря на усталость, еще долго читалъ ихъ; хотя многія изъ нихъ были за прошлые мѣсяцы, но интересовали меня не менѣе новыхъ: вѣдь я не зналъ почти ничего, что дѣлалось въ отечествѣ за послѣдніе семь мѣсяцевъ.

Британскій агентъ.

Европейская колонія Кашгара не исчерпывается русскими. Здѣсь есть и англійскій представитель, не имѣющій, впрочемъ, консульскаго званія, а именующійся «политическимъ чиновникомъ при британскомъ резидентѣ въ Кашмирѣ, откомандированнымъ въ Кашгаръ по китайскимъ дѣламъ». Служебное положеніе британскаго агента, его вліяніе и авторитетъ гораздо слабѣе, чѣмъ нашего консула, что покажется нѣсколько страннымъ, если принять во вниманіе, что англичане уже лѣтъ 30—35 упорно стремятся къ утвержденію своего политическаго и торговаго вліянія въ Кашгаріи, направляя туда цѣлый рядъ научныхъ и торговыхъ экспедицій съ разнообразными цѣлями, поддерживая съ начала 80-хъ годовъ торговое движеніе между Ладакомъ и Яркендомъ и принимая всевозможныя мѣры для оживленія торговли, особенно индійскимъ чаемъ, который сулитъ имъ въ будущемъ большіе барыши на рынкахъ Средней Азіи.

Въ бытность мою въ Кашгарѣ, британскимъ политическимъ агентомъ состоялъ мистеръ Мекертни, бывшій въ то время въ отпуску въ Европѣ.

Говоря о европейской колоніи Кашгара, слѣдуетъ упомянуть также и о миссіонерахъ (преимущественно католическихъ), которые въ томъ или другомъ числѣ, но постоянно находятся въ этомъ городѣ. Какимъ путемъ обращаютъ они, да и обращаютъ ли кого-нибудь, въ христіанство — неизвѣстно, какія обстоятельства привели ихъ сюда—объ этомъ извѣстно еще менѣе, но зато достовѣрно извѣстно, что они ведутъ здѣсь жизнь не приличествующую миссіонерамъ и не внушаютъ мусульманамъ ни малѣйшаго уваженія къ христіанской религіи.

Характеръ города.

На слѣдующій день послѣ пріѣзда я отправился осматривать городъ, надѣясь найти въ столицѣ Кашгаріи что-либо заслуживающее обозрѣнія; однако, я былъ сильно разочарованъ, увидѣвши такой же грязный и тѣсный городишко, какъ и всѣ, видѣнные мною раньше. Кашгаръ, пожалуй, даже и не больше Яркенда; его базары ни своими размѣрами, ни оживленіемъ, ни разнообразіемъ своихъ товаровъ не превосходятъ Яркендскихъ. Общій характеръ города точно такой же, какъ и прочихъ городовъ Кашгаріи: тѣ же узкія кривыя улицы, извивающіяся среди сѣрыхъ глиняныхъ стѣнъ садовъ, тѣ же грязныя базарныя площади съ навѣсами изъ тростниковыхъ цыновокъ, тѣ же лавки и чай-хане, та же пестрая, грязная толпа, безпрестанно двигающаяся по базару и наполняющая воздухъ шумомъ и гамомъ, ревъ ишаковъ, ржаніе лошадей, дикіе окрики погонщиковъ... и надъ всѣмъ этимъ и сильнѣе всего—вонь, врывающаяся на улицу со дворовъ, служащихъ свалками для всевозможныхъ нечистотъ въ самомъ неограниченномъ количествѣ...

«Андижанцы» и здѣсь держатъ въ своихъ рукахъ всю торговлю; они имѣютъ въ Кашгарѣ большіе караванъ-сараи, куда складываются привозимые товары и гдѣ устанавливаются на нихъ цѣны.

Въ одинъ изъ первыхъ дней своего пребыванія въ Кашгарѣ я отправился съ визитомъ къ Кашгарскому дао-таю.

Китайская администрація.

Но раньше, чѣмъ описывать мое свиданіе съ китайскимъ сановникомъ, считаю не лишнимъ, въ дополненіе къ тѣмъ краткимъ свѣдѣніямъ, которыя я уже сообщилъ при общемъ обзорѣ административнаго строя Кашгаріи (см. стр. 191—193), сказать еще нѣсколько словъ о китайской администраціи вообще и о должностяхъ дао-таевъ въ особенности.

Я уже говорилъ, что должность дао-тая представляетъ нѣчто среднее между губернаторомъ, контролеромъ и прокуроромъ и что власть его не всегда распространяется на опредѣленную территорію. Слово дао-тай означаетъ—«столбъ закона», человѣкъ, указывающій правые пути, человѣкъ, дающій дѣя-

тельности мѣстной администраціи извѣстное направленіе, но самъ, вообще говоря, не вмѣшивающійся въ управленіе. Впрочемъ, въ этомъ общемъ положеніи бываютъ различныя исключенія и на дао-таевъ иногда возлагаютъ непосредственное завѣдываніе какой-либо отдѣльной отраслью управленія.

Кашгарскій дао-тай вѣдаетъ орошеніемъ, надзоромъ за земледѣліемъ, собираетъ подати и завѣдуетъ почтами въ раіонѣ своего дао-тайства. По судебной части его власть весьма ограничена: онъ лишь представляетъ, со своими заключеніями, всѣ поступающія къ нему отъ окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ судебныя дѣла въ Урумчи, въ управленіе Нѣ-тая (Ань-Ча-шэ-сы), имѣющее значеніе главной судебной инстанціи Сянь-цзянской провинціи. Всѣмъ дао-таямъ Восточнаго Туркестана предоставлена исполнительная и судебная власть надъ кочевымъ населеніемъ дао-тайства; такимъ образомъ, дао-таи вѣдаютъ этимъ населеніемъ непосредственно. Кашгарскому дао-таю, кромѣ того, поручено завѣдываніе внѣшними сношеніями Кашгаріи и торговлей съ сосѣдними странами (съ Русскимъ Туркестаномъ, съ Тибетомъ и съ Афганистаномъ). Власть дао-таевъ надъ войсками совершенно ничтожна и ограничивается общимъ наблюденіемъ за службой пограничныхъ постовъ. Войсками непосредственно вѣдаетъ командующій войсками Кашгаріи (Ти-ду), живущій въ крѣпости Янги-шаарѣ.

Офиціальный титулъ Кашгарскаго дао-тая довольно громкій: «Великаго Дайцинскаго государства завѣдующій гражданскими и торговыми дѣлами и военный начальникъ въ Кашгарѣ», хотя вмѣсто него иногда употребляется другой, болѣе скромный — «Дао-тай четырехъ открытыхъ для торговли городовъ» [1]).

Изъ вышеизложеннаго видно, что кругъ административной дѣятельности дао-таевъ довольно неопредѣленный. Столь же неопредѣленны кругъ обязанностей и размѣръ власти и болѣе низшихъ начальниковъ, что, конечно, вполнѣ естественно

1) Кашгаръ, Янги-Гисаръ, Яркендъ и Хотанъ.

въ малокультурной странѣ съ еще неустановившимися формами административнаго строя. Окружные и уѣздные начальники собираютъ подати, завѣдуютъ орошеніемъ, полиціей, почтовыми сношеніями и вѣдаютъ гражданскимъ и уголовнымъ судомъ въ первой инстанціи, за исключеніемъ брачныхъ и наслѣдственныхъ дѣлъ, предоставленныхъ вѣдѣнію туземныхъ судей-казіевъ.

По наложенію взысканій на населеніе окружные и уѣздные начальники пользуются весьма большой властью, которая, въ сущности, не ограничена никакими законоположеніями. Одна лишь смертная казнь изъята изъ ихъ власти и присуждается властью губернатора. Несмотря на это, смертные приговоры встрѣчаются довольно часто въ судебной практикѣ китайцевъ; казнь назначается, обыкновенно, за убійство и производится съ тѣмъ необыкновеннымъ цинизмомъ и съ той холодной жестокостью, которая свойственна, кажется, однимъ лишь китайцамъ. Преступника ставятъ на колѣни съ опущенной головой, обнажаютъ ему шею, палачъ мечомъ сначала дотрогивается до нея, какъ бы нацѣливаясь, а затѣмъ однимъ ударомъ отрубаетъ голову. Изъ наказаній, практикуемыхъ китайцами, заслуживаетъ упоминанія — надѣваніе на шею 4-угольной доски, аршина полтора въ квадратѣ и толщиной дюйма два, съ прорѣзомъ для шеи. Преступникъ, носящій такую доску, не можетъ, конечно, лежать и испытываетъ ужасныя неудобства.

Управленіе каждаго китайскаго начальника изобилуетъ низшими чиновниками, писарями и переводчиками. Непосредственно около населенія стоитъ туземная администрація: беки (волостные), юзъ-баши (сотники), онъ-баши (десятники) и кукъ-баши (завѣдующіе орошеніемъ), являющіеся непосредственными исполнителями распоряженій окружныхъ и уѣздныхъ начальниковъ.

Какъ видно изъ этого краткаго очерка кашгарской администраціи, она весьма и даже слишкомъ многочисленна для этой несчастной страны, разорявшейся въ теченіе нѣсколькихъ вѣковъ

Китаецъ съ дочерью.

Преступники, отбывающіе наказаніе.

Фототипія В. Клосонъ С. Петербургъ Кадетская лин. № 7-2

Пресмы Н. Каминскій

всякими проходимцами, раздиравшейся междоусобіями и обиженной самой природой, надвинувшей на нее изъ сосѣдней пустыни море песковъ. Если принять во вниманіе, что вся эта армія чиновниковъ всевозможныхъ степеней или недостаточно обезпечена содержаніемъ отъ казны, или не получаетъ такового вовсе, вслѣдствіе чего вынуждена вознаграждать себя изъ средствъ населенія, то станетъ понятнымъ тяжелое положеніе послѣдняго. Вообще, грустную картину являетъ собой административная жизнь этой китайской окраины! Продажа должностей, начиная отъ высшихъ до низшихъ, взятки съ злоупотребленіями, незаконные поборы, конфискаціи имущества и виноватыхъ и невинныхъ — вотъ система управленія Кашгаріей. Населеніе изнываетъ подъ бременемъ этого гнета, но терпитъ и, вѣроятно, еще долго будетъ терпѣть, не будучи въ состояніи сбросить съ себя это бремя; разбросанное въ этой обширной странѣ небольшими группами по оазисамъ, отдѣленнымъ другъ отъ друга пустынными мѣстностями, привыкшее въ теченіе вѣковъ къ ихъ обособленности, а иногда и враждебности, лишенное національнаго самосознанія, несмотря на свою одноплеменность, оно не можетъ оказать дружнаго сопротивленія этимъ могучимъ волнамъ алчности, сребролюбія и жестокости, которыя уже столько времени неудержимо несутся изъ-за сѣро-желтыхъ песковъ Гобійской пустыни....

Однако, вернемся къ Кашгарскому дао-таю.

Визитъ къ дао-таю.

Во время моего пребыванія въ Кашгарѣ нашъ консулъ велъ переговоры съ дао-таемъ о какихъ то контрабандистахъ, китайскихъ подданныхъ, обнаруженныхъ на нашей территоріи, убившихъ нашего стражника и убѣжавшихъ въ Кашгаръ. Ихъ, повидимому, укрывали китайскія власти, подкупленныя преступниками, а нашъ консулъ требовалъ ихъ розыска и привлеченія къ отвѣтственности. Не получивши къ тому времени удовлетворительнаго отвѣта отъ дао-тая, Н. Ф. Петровскій не считалъ удобнымъ ѣхать къ нему, почему и поручилъ сопровождать меня секретарю консульства. Предупре-

дивши заблаговременно дао-тая о нашемъ желаніи посѣтить его, мы отправились къ нему пѣшкомъ, запросто. Несмотря, однако, на нашу скромность, мы встрѣтили въ ямынѣ дао-тая ту же театральную и смѣшную торжественность, которую мнѣ приходилось наблюдать нѣсколько разъ въ своемъ путешествіи по Кашгаріи: рядъ большихъ и малыхъ дворовъ, нѣсколько воротъ, внезапно распахиваемыхъ, шеренги какихъ то слугъ въ смѣшныхъ одѣяніяхъ и наконецъ комически серьезная фигура самого дао-тая, ожидавшаго насъ при входѣ въ пріемную. Послѣ первыхъ привѣтствій, мы сѣли на почетныхъ сидѣньяхъ, предназначенныхъ для аудіенцій, и начали, при помощи переводчиковъ, тѣ странные разговоры, которые говорятся въ подобныхъ случаяхъ съ китайскими сановниками.

Бесѣда разнообразилась чаемъ, подававшимся въ маленькихъ, закрытыхъ крышечками китайскихъ чашечкахъ и дастарханомъ.

Дао-тай еще не старый по лѣтамъ, но уже довольно дряхлый мужчина, съ тѣмъ типичнымъ китайскимъ лицомъ, по которому легко ошибиться лѣтъ на 20 въ опредѣленіи возраста человѣка. Во время разговора онъ былъ съ нами необыкновенно любезенъ и смѣялся безъ всякой причины, почти за каждой фразой, предполагая, вѣроятно, что этимъ онъ проявляетъ особенное вниманіе къ нашимъ словамъ. С. А. Колоколовъ, хорошо зная подобныхъ «сановниковъ», обращался съ дао-таемъ довольно свободно и, между прочимъ, на прощаньи похлопалъ его по животу, приглашая приходить въ консульство пить русскую водку. Дао-тай, весьма польщенный такимъ дружескимъ обращеніемъ, смѣялся и крѣпко пожималъ наши руки.

Чиновники дао-тая.

При дао-таѣ состояли два китайскихъ чиновника; съ обоими я вскорѣ же познакомился, встрѣчая ихъ въ консульствѣ, куда они приходили почти каждый день. Одинъ изъ нихъ, драгоманъ, назывался Фудалоемъ, а другой, чиновникъ для дипломатическихъ сношеній, — Джендалоемъ. Оба они хорошо владѣли русскимъ языкомъ, которому выучились въ школѣ переводчиковъ въ Урумчи. Съ Фудалоемъ я встрѣчался рѣже, чѣмъ съ Дженда-

лоемъ, съ которымъ хорошо познакомился. Это былъ молодой, добродушный китаецъ, съ весьма благообразнымъ для китайца лицомъ, прозванный нами Иваномъ Данилычемъ. Онъ имѣлъ жену, маленькую китаянку съ густо набѣленнымъ лицомъ, сильно подведенными глазами и ногами, изуродованными китайской обувью и ребенка, симпатичную съ черными глазками дѣвочку, еще не тронутую ни китайской косметикой, ни кокетствомъ китаянокъ.

Находясь въ Кашгарѣ, я хотѣлъ ознакомиться съ китайской кухней, о произведеніяхъ которой могъ судить въ то время только по разсказамъ. Я надѣялся получить приглашеніе на обѣдъ къ дао-таю, но когда стало ясно, что онъ по скупости не устроитъ званаго обѣда, мы съ С. Д. Безпалецемъ откровенно признались Джендалою въ своемъ желаніи ознакомиться съ ихъ столомъ и на слѣдующій же день были приглашены къ нему обѣдать.

Китайскій обѣдъ.

У Ивана Данилыча мы нашли почти европейскую обстановку, хотя онъ жилъ въ довольно грязномъ помѣщеніи вблизи китайскаго ямына (присутственнаго мѣста). Сервировка стола оказалась смѣшанная, русско-китайская: возлѣ каждаго прибора лежали и традиціонныя китайскія палочки для ѣды. Послѣднія дѣлаются изъ бѣлаго или чернаго гладко обточеннаго дерева, размѣрами нѣсколько больше обыкновеннаго карандаша, четырехгранны въ основаніи и круглы на концѣ; онѣ доставляются изъ внутренняго Китая, гдѣ главное ихъ производство сосредоточено въ Кантонѣ. Китайцы чрезвычайно ловко ѣдятъ этими палочками, держа ихъ въ одной рукѣ, но мы никакъ не могли справиться съ ними, почему были вынуждены обратиться къ содѣйствію ножей и вилокъ.

Обѣдъ состоялъ изъ многочисленныхъ блюдъ, подававшихся на европейской посудѣ. Здѣсь были щи съ рисомъ (ши-фанъ), вареныя молодыя поросли бамбука (юй-ланъ-пенъ), вареный молодой камышъ, грибы (мо-гу-танъ), маринованныя водоросли, битая яичница съ какой-то икрой, жареная баранина (ян-ё), жа-

реныя утки (сяо-яо) и крутыя яйца, подверженныя особымъ способомъ гніенію. Послѣднія оказались такими же, какъ и тѣ, которыя я получилъ въ подарокъ въ Шахидулѣ отъ пограничнаго китайскаго начальника и выбросилъ на первомъ же бивакѣ, считая ихъ тухлыми.

Однимъ изъ лучшихъ лакомствъ китайскаго стола считается «еен-во», гнѣзда морскихъ ласточекъ, особеннымъ способомъ маринованныя. Гнѣздо состоитъ изъ слизистаго, студенистаго вещества, выдѣляемаго ласточками и служащаго матеріаломъ для его постройки. Говорятъ, что добываніе этихъ гнѣздъ сопряжено съ большими трудностями, потому что строящія ихъ морскія ласточки водятся у скалистыхъ морскихъ береговъ юго-восточнаго Китая; однако, большой спросъ на нихъ и хорошая цѣна заставляютъ промышленниковъ преодолѣвать всѣ препятствія. Въ Кашгарѣ коробка еен-во, величиной съ большую коробку омаровъ, стоитъ около 30 рублей. Къ сожалѣнію, намъ не пришлось отвѣдать этого блюда, потому что въ то время его невозможно было достать въ городѣ.

Китайцы очень любятъ свиное и собачье мясо; для послѣдняго они даже откармливаютъ особую породу маленькихъ собакъ.

Не скажу, чтобы я остался доволенъ китайскимъ обѣдомъ; конечно, можетъ быть все, что намъ подавали и не скверно само по себѣ, но, во всякомъ случаѣ, ко всему этому нужно привыкнуть. Бывали минуты, когда я жалѣлъ, что напросился на этотъ обѣдъ, потому что необходимо было, если и не ѣсть, то хоть пробовать кушанья. Я легко вздохнулъ, когда послѣ обѣда мы вышли изъ столовой въ сосѣднюю комнату, гдѣ былъ приготовленъ чай.

Отвѣтный визитъ дао-тая.

Черезъ нѣсколько дней дао-тай отдалъ мнѣ визитъ при довольно торжественной обстановкѣ. Наканунѣ ко мнѣ явился китаецъ съ визитной карточкой дао-тая (красной бумажкой съ китайской надписью), предупреждавшей о прибытіи китайскаго сановника.

Дао-тай ѣхалъ въ невысокой арбѣ, запряженной муломъ, котораго вели подъ уздцы разряженные слуги. Десятка два людей, частью китайцевъ, а частью мусульманъ, одѣтыхъ въ разноцвѣтныя курмы, халаты и плащи, въ разнообразныхъ и довольно смѣшныхъ головныхъ уборахъ, несли на длинныхъ шестахъ какіе то значки, знамена и булавы. На знаменахъ находились грубыя изображенія драконовъ, на значкахъ—китайскія надписи. Нѣсколько музыкантовъ извлекали изъ какихъ то мѣдныхъ и деревянныхъ инструментовъ очень непріятные и несогласные звуки.

Дао-тай во время бесѣды часто смѣялся, какъ и при первомъ нашемъ свиданіи, но, выйдя на дворъ, сразу принялъ серьезный и торжественный видъ. Когда онъ уѣхалъ изъ консульства, еще долго были видны медленно двигавшіеся значки и знамена, колыхавшіеся среди плоскихъ крышъ узкихъ, извилистыхъ переулковъ.

Зяфетъ у купеческаго старшины.

Незадолго до моего пріѣзда въ Кашгаръ, среди мѣстныхъ Ферганскихъ сартовъ, русско-подданныхъ торговцевъ, состоялись выборы новаго торговаго старшины (аксакала), служащаго посредникомъ между ними и консуломъ. По установившемуся здѣсь обычаю, вновь избранный старшина угощаетъ всѣхъ мѣстныхъ купцовъ обѣдомъ. Зяфетъ (какъ называется это угощеніе у туземцевъ) состоялся въ саду на одной изъ окраинъ города. Кромѣ нѣсколькихъ десятковъ «Андижанцевъ», на зяфетѣ присутствовали: нашъ консулъ со всѣмъ составомъ консульства и гостями и дао-тай со своими чиновниками. Слѣдованіе консула на зяфетъ отличалось подобающей торжественностью. Аксакалъ во главѣ коннаго отряда «Андижанцевъ» заѣхалъ за нами въ консульство и мы отправились въ слѣдующемъ порядкѣ: впереди ѣхало отдѣленіе казаковъ съ начальникомъ конвоя, за ними—консулъ съ врачемъ въ экипажѣ, за консуломъ остальные чины консульства и я верхами, за нами «Андижанцы», а въ хвостѣ—опять отдѣленіе казаковъ. По пути къ мѣсту обѣда пришлось проѣхать почти весь городъ, населеніе котораго пришло въ

большое смятеніе отъ такого рѣдкаго зрѣлища; улицы и переулки немедленно же оказались запруженными любопытной толпой, собравшейся изъ ближайшихъ кварталовъ. Когда мы прибыли къ саду, избранному для зяфета, здѣсь уже собралось много туземцевъ, стоявшихъ рядами по обѣ стороны входа и почтительно привѣтствовавшихъ нашего консула. Дао-тай прибылъ со своими чиновниками послѣ насъ.

Для насъ и китайцевъ былъ приготовленъ подъ навѣсомъ, убраннымъ красной матеріей, большой столъ. Сарты усѣлись по восточному, на землѣ вокругъ большого пруда, составляющаго здѣсь такую же необходимую принадлежность каждаго сада, какъ и въ Яркендѣ. Передъ ними лежали длинныя цыновки, уставленныя фруктами, леденцами, орѣхами и пряниками. Подобное же угощеніе стояло на столѣ, поставленномъ для насъ подъ навѣсомъ. Какъ извѣстно, на востокѣ обѣдъ начинается со сладкаго и идетъ въ порядкѣ, совершенно обратномъ европейскому, а потому какъ мы, такъ и сарты начали со сластей. Сидя за дастарханомъ, мнѣ пришлось наблюсти презабавный случай съ дао-таемъ. Наѣвшись вдоволь всевозможныхъ сладостей, онъ вынулъ изъ кармана большой красный платокъ и началъ накладывать въ него различныя лакомства; глядя на это занятіе, мы съ трудомъ удерживались отъ смѣха. Набравши полный платокъ, онъ завязалъ его, уложилъ въ объемистый карманъ своей парадной курмы и сказалъ, что съѣстъ эти сладости дома.

Сидя въ сторонѣ отъ сартовъ, я слѣдилъ за ихъ движеніями, ихъ пріемами ѣды и ихъ разговоромъ. Азіатская трапеза не лишена извѣстной оригинальности, сопровождаясь нѣкоторыми пріемами, весьма характерными для Востока. Первое, что поражаетъ наблюдателя, — это торжественная тишина и серьезное настроеніе, царящія во время ѣды; всѣ имѣютъ видъ людей, совершающихъ весьма важное дѣло. Насколько эти туземцы подвижны, дѣятельны, разговорчивы и крикливы на базарѣ, настолько они серьезны, малоподвижны и молчаливы за обѣдомъ.

Когда гости въ достаточной мѣрѣ оказали вниманіе сладос-

тямъ и фруктамъ, прислуга убрала большіе подносы съ остатками дастархана. За сладкимъ слѣдовалъ пловъ (паляу). Но пока это кушаніе еще не было подано, прислуга принесла нѣсколько кунгановъ съ большими металическими чашками и, зачерпнувши ими грязной воды изъ пруда, обходила гостей, умывавшихъ этой водой свои руки. Когда умыванье рукъ было окончено, слуги разнесли большіе подносы съ горячимъ дымящимся пловомъ. Гости засучили широкіе, длинные рукава своихъ яркихъ халатовъ и торжественно, среди тишины, прерываемой лишь голосами, раздававшимися изъ-за нашего стола, приступили къ ѣдѣ. О томъ, какъ туземцы ѣдятъ пловъ, я говорилъ въ описаніи своего пребыванія въ Яркендѣ, а потому не буду теперь повторять этого. Поѣвши плова, всѣ облизывали пальцы и вытирали ихъ своими длинными цвѣтными полотенцами, которыми подпоясываются сарты. Послѣ плова подали шурпу, которую пили чашками, зачерпывая ими изъ большихъ сосудовъ, разставленныхъ на землѣ.

Обѣдъ, поданный намъ, былъ въ сущности такой же, но столъ былъ сервированъ по-европейски. Послѣ обѣда подали чай и мы еще долго сидѣли въ тѣнистомъ прохладномъ саду, ведя безконечные разговоры.

Уже солнце клонилось къ закату, когда, поблагодаривши хозяина за угощеніе, мы направились къ выходу. Туземцы, собравшіеся у воротъ сада, съ низкими поклонами проводили консула и дао-тая. Мы вернулись въ помѣщеніе консульства тѣмъ же порядкомъ и при той же торжественной обстановкѣ, какъ и при слѣдованіи въ ту сторону.

Войска Кашгаріи.

Кончая описаніе своего пребыванія въ Кашгарѣ, мнѣ еще остается сказать нѣсколько словъ о китайскихъ войскахъ Кашгаріи.

Въ гарнизонахъ этой провинціи постоянно содержится отъ 15 до 25 лянзъ (отдѣльныхъ частей), изъ коихъ не болѣе трети—конницы. Артилерійскихъ лянзъ, кажется, здѣсь нѣтъ. Пушки состоятъ въ извѣстномъ количествѣ при пѣхотныхъ и конныхъ

лянзахъ. Штатная численность лянзы: пѣхотной — 500, а конной — 250 человѣкъ; въ дѣйствительности же всегда менѣе, по крайней мѣрѣ, на половину. Деньги, отпускаемыя на содержаніе недостающихъ до штата солдатъ, поступаютъ, конечно, въ карманъ войсковыхъ начальниковъ. Вообще же, взятки, злоупотребленія, продажа должностей и обогащеніе высшаго насчетъ низшаго, составляютъ въ войскахъ столь же обычныя явленія, какъ и въ мѣстной администраціи.

Кашгаръ имѣетъ наибольшій гарнизонъ, отъ 8 до 12 лянзъ, остальные же крупные населенные пункты (Яркендъ, Хотанъ, Аксу и Маралъ-баши) отъ 1 до 3 лянзъ. Гарнизоны Кашгара и Яркенда расквартированы въ Янги-шаарахъ, укрѣпленныхъ китайскихъ кварталахъ, а прочіе гарнизоны — въ импаняхъ, или укрѣпленныхъ казармахъ. Слѣдуетъ однако замѣтить, что Янги-шаары и импани укрѣплены весьма плохо.

Вооруженіе и снаряженіе солдатъ весьма плохи. Оружіе содержится отвратительно.

Китайскій солдатъ имѣетъ очень непривлекательный видъ. Форменная одежда, состоящая, собственно, изъ одной лишь курмы съ большими цвѣтными кругами (вродѣ мишеней) на спинѣ и груди, одѣвается только во время ученій, а въ остальное время солдаты ходятъ въ собственныхъ лохмотьяхъ. Плохое питаніе, вслѣдствіе скуднаго продовольствія и постоянное куреніе опіума дѣлаютъ китайскихъ солдатъ слабыми, худыми и блѣдными; увлеченіе наркозами, кромѣ того, придаетъ ихъ лицамъ тупоумное выраженіе.

Несомнѣнно, что войска этой отдаленной провинціи Китая весьма плохи и что китайское владычество можетъ опираться на подобную военную силу только въ странахъ съ такимъ мирнымъ населеніемъ, каково населеніе Кашгаріи.

Приготовленія къ отъѣзду.

Передъ своимъ отъѣздомъ изъ Кашгара я получилъ подарки отъ дао-тая и его дипломатическаго чиновника; первый прислалъ мнѣ двѣ коробки чая и двѣ фарфоровыя вазы, второй—одну коробку чаю и четыре фарфоровыя чашки. Поблагодаривши ихъ

обоихъ черезъ одного изъ переводчиковъ консульства, я покончилъ свои сношенія съ китайскими властями Кашгара.

Передъ выступленіемъ изъ города мнѣ пришлось сформировать свой маленькій караванъ въ нѣсколько иномъ составѣ, чѣмъ прежде. Двое изъ моихъ ладакскихъ туземцевъ, Умаръ-шахъ и Рахимъ, попросились у меня обратно въ Лей, на что я охотно согласился, имѣя возможность нанять людей изъ Кашгара. Консулъ совѣтовалъ мнѣ отпустить всѣхъ моихъ людей, продать лошадей, а путешествіе окончить на наемныхъ лошадяхъ, которыхъ я могъ нанять здѣсь съ проводниками, но такому рѣшенію воспротивился Корбанъ, заявившій, что, взявшись сопровождать меня до г. Оша, онъ хочетъ непремѣнно совершить со мной весь путь до этого города. Вмѣстѣ съ нимъ изъявилъ желаніе слѣдовать дальше и Азисъ. При такой готовности этихъ добрыхъ туземцевъ раздѣлять со мной и впредь трудности путешествія, мнѣ было жалко отказываться отъ ихъ услугъ и отсылать ихъ обратно въ Ладакъ. Я рѣшилъ продолжать путешествіе съ ними, а взамѣнъ ушедшихъ ладакцевъ нанялъ двухъ кашгарцевъ, изъ коихъ одного съ вьючной лошадью. Такимъ образомъ, мой караванъ состоялъ теперь изъ двухъ верховыхъ (моя и Корбана), 4 вьючныхъ лошадей (3 мои, 1 наемная) и 4 туземцевъ. Вьючную лошадь съ проводникомъ до г. Оша я нанялъ за 11 рублей, что представляетъ собой обыкновенную плату за вьюкъ въ торговыхъ караванахъ, совершающихъ путь между Кашгаромъ и Ошемъ.

Въ добавленіе къ туземному штату моего каравана, консулъ назначилъ въ мое распоряженіе двухъ казаковъ конвойной полусотни, которые сопровождали меня до Иркештама.

Итакъ, довольно сидѣть въ Кашгарѣ, гдѣ любезность и гостепріимство консула и удобства, доставленныя мнѣ въ консульскомъ помѣщеніи, успѣли уже разбаловать меня. Пора двигаться дальше, пора опять углубиться въ сѣро-желтую выжженую степь, а затѣмъ въ узкія ущелья горъ, отдѣляющихъ меня отъ отечества! Пора опять подъ открытое небо, съ его знойнымъ

солнцемъ въ теченіе дня и холоднымъ блескомъ безчисленныхъ звѣздъ ночью!

Въ предгорьяхъ Тянь-Шаня.

Опять въ дорогѣ.

12-го августа утромъ я выслалъ свой караванъ подъ начальствомъ Азиса впередъ, до урочища Андижанъ-кичикъ, гдѣ я рѣшилъ ночевать, а самъ съ Корбаномъ остался еще въ городѣ. Наконецъ, въ первомъ часу дня, послѣ обѣда у консула, напутствуемый добрыми пожеланіями членовъ русской колоніи, я покинулъ Кашгаръ.

Въ этотъ день стояла очень жаркая погода, что въ связи съ пылью, покрывавшей толстымъ слоемъ дорогу и вздымавшейся тучами изъ-подъ лошадиныхъ копытъ, дѣлало переходъ весьма непріятнымъ. Верстъ пять отъ Кашгара мы ѣхали садами, между глинобитными стѣнами, а затѣмъ выѣхали на равнину, почти лишенную растительности и усѣянную мелкой галькой. Къ югу эта равнина простиралась далеко за р. Кизылъ-су, но къ сѣверу она ограничивалась верстахъ въ двухъ отъ дороги невысокими сѣрыми возвышенностями — крайними южными предгоріями Тянь-Шаня. На этой пустынной равнинѣ мы перешли въ бродъ нѣсколько узкихъ и неглубокихъ протоковъ р. Кизылъ-су, вода которой имѣетъ весьма характерный для этой рѣки кирпично-красный цвѣтъ.

Около 4 часовъ пополудни мы прибыли къ отдѣльно стоящему среди равнины двору (курганчѣ), на берегу одного изъ упомянутыхъ протоковъ. Это мѣсто называется Андижанъ-кичикъ (Андижанская переправа). Мой караванъ уже расположился здѣсь на ночлегъ, а Азисъ уже что-то варилъ въ наскоро сложенномъ очагѣ. Шагахъ въ 30 отъ курганчи находилась небольшая группа деревьевъ, подъ тѣнью которыхъ я разбилъ свою палатку. Въ 4 часа дня туркестанское солнце грѣетъ лѣтомъ еще весьма сильно, а потому тѣнь древесной листвы оказалась весьма благодѣтельной. Спустя часъ послѣ моего при-

Андижанъ-кичикъ.

бытія на бивакъ, пріѣхалъ посланецъ отъ Кашгарскаго дао-тая, привезшій для насъ послѣдніе подарки: нѣсколько сноповъ клевера, мѣшокъ ячменя, нѣсколько дынь и корзину персиковъ.

На нашемъ бивакѣ отдыхалъ консульскій почтовый джигитъ, выѣхавшій изъ Кашгара одновременно съ моимъ караваномъ. Почтовое сообщеніе Кашгарскаго консульства съ г. Ошемъ поддерживается конными почтарями-туземцами (джигитами), состоящими на службѣ у консула. Они выѣзжаютъ въ опредѣленные дни изъ конечныхъ пунктовъ и совершаютъ переѣздъ отъ г. Кашгара до г. Оша (424 версты), безъ перемѣны лошадей, въ 12 сутокъ.

Почтовый джигитъ, отдохнувши и наболтавшись вдоволь съ моими туземцами, съ закатомъ солнца выѣхалъ дальше. Впослѣдствіи оказалось, что, ѣдучи всю дорогу до г. Оша впереди насъ, онъ въ попутныхъ селеніяхъ предупреждалъ сельскихъ властей о скоромъ прибытіи моего каравана, почему мы вездѣ находили безъ труда продовольствіе, фуражъ и удобныя мѣста для биваковъ.

Къ вечеру дневная жара смѣнилась прохладой; съ заходомъ солнца быстро сгущались сумерки и на окружавшую насъ равнину незамѣтно спустилась темная, южная ночь. Я лежалъ на буркѣ возлѣ своей палатки и любовался яркими звѣздами, разсыпанными по небосклону. Итакъ, я опять на свободѣ среди горъ, опять подъ открытымъ небомъ, съ высоты котораго теперь такъ кротко сіяютъ безчисленныя звѣзды. Какъ хорошо чувствуешь себя въ этой простой, но величественной обстановкѣ! Какъ ясно и безмятежно становится на душѣ отъ общенія съ природой!

На слѣдующій день мы продолжали наше движеніе къ западу. Дорога, пригодная для колеснаго движенія, пролегаетъ попрежнему по широкой песчано-галечной равнинѣ; горы подходятъ здѣсь и съ южной стороны, отдѣляя дорогу отъ рѣки рядомъ невысокихъ, безплодныхъ холмовъ. Пройдя болѣе половины пути до селенія Минъ-юлъ, мы встрѣтили у дороги на холмѣ

развалины какого то древняго укрѣпленія. Къ сожалѣнію, съ нами не было никого, кто могъ бы дать мнѣ какія-либо поясненія какъ объ этихъ развалинахъ, такъ и о многихъ другихъ, которыя мы встрѣчали на нашемъ пути въ Россію.

Селеніе Минъ-юлъ.

Вблизи этихъ развалинъ, у дороги, обнаруживается небольшой ручей Силь-абъ, несущій свои воды отъ с. Минъ-юлъ въ р. Кизылъ-су. Слѣдуя вверхъ по Силь-абу, мы въ 11-омъ часу утра достигли этого селенія. Здѣсь находится китайскій постъ, на которомъ осматриваютъ паспорты проѣзжающихъ и гдѣ я долженъ былъ предъявить свой билетъ, выданный мнѣ консуломъ на проѣздъ до русской границы.

Около поста меня встрѣтилъ сельскій староста, сартъ, предложившій мнѣ угощеніе. Оказалось, онъ приготовилъ для меня помѣщеніе для ночлега, но я, желая проѣхать въ этотъ день нѣсколько болѣе, отказался здѣсь ночевать. Я выслалъ свои вьюки впередъ, а самъ вмѣстѣ съ Корбаномъ принялъ приглашеніе старосты напиться чаю. Отдохнувши, мы скоро нагнали свой караванъ.

За селеніемъ горы нѣсколько отступаютъ къ сѣверу и къ югу, давая возможность галечной равнинѣ шире развернуться въ стороны. Кругомъ — совершенная пустыня: ни селеній, ни киргизскихъ кочевій, а однѣ лишь рѣдкія развалины, придающія этой мѣстности еще болѣе унылый и грустный характеръ. За Минъ-юломъ мы встрѣтили ихъ въ двухъ мѣстахъ: верстахъ въ 12 отъ этого селенія, — небольшой, старый караванъ-сарай съ двумя юртообразными помѣщеніями изъ глины и въ 18 верстахъ за нимъ — укрѣпленіе Каранглик. Послѣднее состоитъ собственно изъ двухъ укрѣпленій, одного у дороги, а другого въ верстѣ отъ нея къ сѣверу. Оба они находятся на лѣвомъ берегу ручья Урюкъ, пересѣкающаго дорогу и текущаго съ сѣвера. Укрѣпленія состоятъ изъ земляныхъ валовъ и глинобитныхъ стѣнокъ, сильно попорченныхъ отъ времени, но, повидимому, не очень старой постройки; вѣроятно, ихъ давность не восходитъ далѣе временъ Якубъ-бека, прилагавшаго въ по-

слѣдніе годы своего правленія Кашгаріей огромныя усилія къ укрѣпленію сѣверной границы своего государства и, въ особенности, въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ проходятъ караванные пути изъ Кашгаріи въ Русскій Туркестанъ.

Мы хотѣли заночевать возлѣ Каранглика, но по близости не оказалось ни топлива, ни подножнаго корма, а потому пришлось идти далѣе. За укрѣпленіями горы опять съ обѣихъ сторонъ близко подходятъ къ дорогѣ и мѣстами послѣдняя превращается въ узкое дефиле, по дну котораго медленно струится бѣдный водою ручей, впадающій въ Урюкъ вблизи укрѣпленій.

Канъ-джуганъ.

Лишь около 6 часовъ вечера мы добрались до селенія Канъ-джуганъ, широко раскинувшагося на обширной, междугорной равнинѣ, смѣнившей пройденное нами дефиле. Селеніе состоитъ изъ нѣсколькихъ десятковъ киргизскихъ зимовокъ или отдѣльныхъ дворовъ съ высокими глинобитными стѣнами; внутри каждаго двора находится сакля съ навѣсами, служащая въ зимнюю стужу помѣщеніемъ для мелкаго скота и домашней птицы, потому что сами хозяева-киргизы даже зимой предпочитаютъ жить въ юртахъ, разставляемыхъ возлѣ или внутри этихъ дворовъ. На крышахъ навѣсовъ бываютъ иногда сложены скудные запасы клевера, хотя заготовленіе фуража на зиму не въ обыкновеніи у лѣнивыхъ, беззаботныхъ кочевниковъ. Въ серединѣ августа зимовки еще пустовали, а потому я нашелъ въ одной изъ нихъ достаточно помѣщенія для своего каравана. Я расположился внѣ двора, потому что толстый слой навоза, покрывавшій всю его внутренность, показался мнѣ непривлекательной подстилкой для моихъ походныхъ войлоковъ. Съ закатомъ солнца рядомъ съ нашимъ бивакомъ сталъ на ночлегъ китайскій транспортъ, слѣдовавшій въ Кашгаръ и состоявшій изъ нѣсколькихъ арбъ, нагруженныхъ различными товарами. Каждая арба была запряжена четырьмя лошадьми весьма оригинальнымъ способомъ: одна лошадь въ корню, въ оглобляхъ, а три въ рядъ—въ уносѣ.

Среди возчиковъ былъ одинъ лишь сартъ, остальные были китайцы, въ короткихъ синихъ штанахъ и синихъ рубахахъ.

Съ шумомъ, гиканьемъ и щелканіемъ длинныхъ бичей подъѣхали они къ зимовкѣ, съ трудомъ установили всѣ арбы въ рядъ, отпрягли лошадей и пустили ихъ въ поле.

Скоро возлѣ арбъ запылалъ огонь небольшого костра, вокругъ котораго усѣлись арбакеши (возчики) и еще долго доносились въ мою палатку странные звуки непонятной мнѣ рѣчи и трескъ сучьевъ, пылавшихъ въ кострѣ. Вблизи пофыркивали лошади, бродившія вокругъ бивака въ поискахъ за травой, а гдѣ то вдали заливались звонкимъ лаемъ собаки.

Флора. Флора равнинной Кашгаріи, на пути отъ Раскемскихъ горъ до южныхъ предгорій Тянь-Шаня, не богата и не разнообразна.

Древесная растительность, не считая, конечно, различныхъ культурныхъ видовъ, состоитъ, преимущественно, изъ *тополя* (Populus alba), *тограка* (Populus diversifolia), *ивы* (Salix sp.), *шелковицы* (Morus nigra), *абрикосоваго дерева* (Armeniaca vulgaris), *яблони* (Pyrus Malus) и *груши* (Pyrus communis).

Изъ кустарниковъ я встрѣчалъ здѣсь, главнымъ образомъ вдоль по теченіямъ рѣкъ и ручьевъ, гдѣ они образуютъ мѣстами густыя заросли: *джиду* (Elaeagnus sp.), *облѣпиху* (Hippophaë rhamnoides), *шиповникъ* (Rosa sp.), *мирикарію* (Myricaria elegans и M. germanica), *тамариксъ* (Tamarix sp. gallica?), *барбарисъ* (Berberis sp. ulicina?) и *камышъ* (Phragmites communis), на старыхъ поляхъ возлѣ селеній—Sophora alopecuroides, а на пустынныхъ мѣстахъ — *джантакъ* (Alhagi camelorum) и Calligonum comosum.

Изъ травянистыхъ растеній попадались слѣдующія: Leyrodiclis glandulosa, *просвирникъ* (Malva verticillata), *горохъ* (Pisum arvense), *медунка* (Medicago lupilina), *донникъ* (Melilotus officinalis), *бобы* (Oxytropis sp. diffusa?), Tribulus silvestris и T. terrestris, *дикая рута* (Peganum Harmala), *дурнишникъ* (Xanthium strumarium), *полынь* (Artemisia sp. stricta?), *астра* (Aster

sp.), Karelina Caspia, *крестовникъ* (Senecio pedunculatus), *чертополохъ* (Carduus nutans), *салатъ* (Lactuca sativa), *одуванчикъ* (Taraxacum officinale), *осота* (Sonchus sp. spinosus?), Mulgedium Tataricum, *ковыль* (Stipa sibirica), *вьюнокъ* (Convolvulus arvensis), *капуста* (Brassica arvensis), *крессъ* (Lepidium latifolium), *рѣдька* (Raphanus sp.), *подмаренникъ* (Galium sp.), *паслена* (Solanum nigrum), *мята* (Mentha arvensis) и *млечникъ* (Glaux maritima).

Равнина Кизылъ-ой.

14-го утромъ китайцы уѣхали съ разсвѣтомъ, а мы выступили около 8-ми часовъ утра. Колесная дорога шла дальше на западъ по равнинѣ, ограниченной уже довольно высокими горами и покрытой во многихъ мѣстахъ киргизскими кочевьями; особенно къ сѣверу отъ дороги, вдоль горъ, на протяженіи 7—8 верстъ были разбросаны юрты кочевниковъ, уже спустившихся съ сосѣднихъ хребтовъ и бывшихъ на пути къ своимъ зимовьямъ. Верстахъ въ 16-ти отъ Канъ-джугана эта равнина, извѣстная у мѣстныхъ киргизъ подъ названіемъ Кизылъ-ой, съуживается. Вообще, слѣдуетъ замѣтить, что почти вся мѣстность, по которой пролегаетъ дорога изъ Кашгара до русской границы, состоитъ изъ послѣдовательныхъ расширеній и съуженій, образующихъ то междугорныя равнины, то неширокіе проходы въ горахъ.

Киргизскія скачки.

Въ 2-хъ верстахъ за бивакомъ мы прошли развалины какого то селенія, а верстахъ въ 4-хъ встрѣтили обширное киргизское кладбище, возлѣ котораго застали большую толпу конныхъ киргизъ. Изъ разспросовъ оказалось, что жители окрестныхъ кочевій устраиваютъ сегодня скачки, составляющія одно изъ любимыхъ развлеченій кочевниковъ. Мы хотѣли посмотрѣть на нихъ, но не могли ихъ дождаться: киргизы безъ конца съѣзжались со всѣхъ сторонъ, а скачки все не начинались. Скачущіе нагнали насъ уже въ дальнѣйшемъ пути. Ихъ было человѣкъ пятнадцать, все мальчики не старше 12—15 лѣтъ. Проскакавши верстъ 5 отъ кладбища, они поворачивали и скакали обратно. Въ одномъ мѣстѣ мы встрѣтили киргиза, который

везъ на своей лошади одного изъ скакавшихъ мальчиковъ, лежавшаго поперекъ сѣдла въ безчувственномъ состояніи съ окровавленной головой; бѣдняга сильно расшибся, свалившись съ лошади на полномъ скаку.

Верстахъ въ 6 недоходя рабата[1]) Кургашинъ-кани, дорога развѣтвляется; я съ Корбаномъ ѣхалъ впереди вьюковъ и по ошибкѣ повернулъ на правую, которая вывела насъ вверхъ по сухой лощинѣ къ невысокому перевалу, съ котораго мы спустились къ небольшому ручью. Не видя за собой вьюковъ, мы, однако, усомнились въ вѣрности взятаго направленія и, вѣроятно, еще долго сомнѣвались бы, теряя напрасно время, если бы не встрѣтили киргиза, набиравшаго изъ ручья воду въ бурдюки, навьюченные на осла. Онъ объяснилъ намъ, что дорога на Иркештамъ пошла влѣво, а та, по которой мы шли, ведетъ на угольныя копи, разрабатываемыя китайцами въ горахъ, при истокахъ ручья.

Получивши это указаніе, мы переправились черезъ ручей и поѣхали внизъ по его правому берегу. Ручей течетъ въ высокихъ и крутыхъ берегахъ по ложбинѣ шириной отъ 30 до 40 саженей и подходитъ то къ одному, то къ другому берегу. Мѣстами у воды встрѣчаются травянистыя полянки, одиночныя деревья (дикая груша, карагачъ) и кусты шиповника, облѣпихи и барбариса. Добравшись до рабата Кургашинъ-кани, мы вышли на прежнюю дорогу и рѣшили остановиться здѣсь на ночлегъ. Скоро прибыли вьюки и мы стали хозяйничать въ одинокомъ рабатѣ, вѣроятно, давно не видавшемъ такого оживленія, какое мы внесли въ него со своимъ караваномъ. Одинъ изъ моихъ кашгарцевъ съѣздилъ на сосѣднее кочевье за хозяиномъ-кирги-

Кургашинъ-кани.

1) Рабатомъ называется въ Средней Азіи отдѣльный дворъ, служащій для отдыха путешественникамъ. Рабаты строятся на караванныхъ путяхъ богатыми туземцами, ханами, эмирами и т. п. лицами; постройка ихъ считается дѣломъ угоднымъ Богу. Большинство рабатовъ въ Кашгаріи и Русскомъ Туркестанѣ построены давно, еще въ періодъ управленія страной туземными ханами.

зомъ, который сообщилъ намъ, что на кочевьи насъ ждали и приготовили для нашего ночлега юрты по требованію консульскаго почтоваго джигита, предупредившаго аульнаго старшину о нашемъ пріѣздѣ. Но намъ было хорошо и въ рабатѣ, вдали отъ кочевниковъ съ ихъ назойливымъ любопытствомъ, вдали отъ грязи ихъ юртъ и вдали отъ свирѣпыхъ киргизскихъ собакъ, не дающихъ прохода постороннимъ посѣтителямъ кочевій.

Къ вечеру, когда лошади достаточно выстоялись, ихъ погнали на пастбище на другую сторону ручья, гдѣ онѣ паслись подъ присмотромъ двухъ кашгарцевъ и казака.

На слѣдующій день первая половина нашего перехода пролегала по невысокимъ холмамъ, сложеннымъ изъ песчаника и глинистыхъ сланцевъ. Колесная дорога прекратилась у западной оконечности Кизылъ-оя, а дальше пошла тропа, то ясно обозначавшаяся на мягкихъ скатахъ холмовъ, то терявшаяся среди гальки въ сухихъ руслахъ горныхъ потоковъ. Мѣстами въ лощинахъ мы встрѣчали рѣдкій кустарникъ, но травы здѣсь нигдѣ не было, а окружавшія насъ возвышенности были совершенно безплодны. Верстахъ въ 20 отъ ночлега, тропа круто повернула къ югу и мы вошли въ широкую долину ручья Кушъ-уякъ, покрытую травянистой растительностью и зарослями облѣпихи, ивняка и другихъ кустарниковъ.

Пройдя версты двѣ по ручью, мы прошли мимо киргизскаго кладбища съ мазарами и круто повернули къ западу, обогнувъ большой горный мысъ, служащій водораздѣломъ Кушъ-уяка и ручья Уксалыръ, въ долину котораго мы вышли. Долина Уксалыра изобилуетъ травой, кустарниками и даже небольшими группами деревьевъ, оживляющихъ унылый видъ сосѣднихъ пустынныхъ возвышенностей. Влѣво отъ тропы попадаются обширныя, болотистыя, топкія луговины съ кочками, среди которыхъ встрѣчаются глубокія впадины съ водой, какъ бы естественные колодцы, которые, собирая въ себя воду, испаряющуюся въ нихъ быстрѣе, чѣмъ на травянистой поверхности болота, способ-

Долина Уксалыра.

ствуютъ осушенію мѣстности. Я съ однимъ изъ казаковъ ѣхалъ лѣвѣе тропы и мы, незамѣтно для себя, попали въ эти болота, изъ которыхъ едва выбрались послѣ продолжительныхъ блужданій по кочкамъ.

Пройдя развалины бывшаго здѣсь когда то китайскаго поста, мы спустились къ руслу Уксалыра, на противуположномъ берегу котораго нашли небольшое киргизское кочевье. Переправившись въ бродъ черезъ ручей, мы расположились возлѣ него бивакомъ.

Въ этомъ мѣстѣ мы оставили долину р. Уксалыра и повернули опять къ западу, чтобы пересѣчь одинъ изъ горныхъ отроговъ, отдѣлявшихъ насъ отъ р. Кизылъ-су и выйти въ ея долину. Мѣстность до послѣдней, несмотря на сильно гористый характеръ, представляетъ одинъ изъ самыхъ однообразныхъ, самыхъ унылыхъ и самыхъ безплодныхъ переходовъ за весь нашъ путь по Кашгаріи.

Вскорѣ за кочевьемъ намъ пришлось подниматься на сравнительно высокое (около 8,500 Ф. надъ ур. м.) плоскогорье, раскинувшееся верстъ на 10 къ западу. Подъемъ — крутой и весьма неудобный. Тропа идетъ зигзагами по узкому коридору, сжатому скалистыми, крутыми, мѣстами почти отвѣсными боками, высоко поднимающимися надъ дномъ этого ущелья. Весной, когда окрестные снѣга сильно таютъ или послѣ большихъ дождей, по дну этого коридора стремительно бѣжитъ грозный потокъ, сокрушающій все встрѣчаемое имъ на пути своего движенія. Не дай Богъ случиться здѣсь въ это время какому-нибудь каравану!

Машрупъ. Поднявшись на край плоскогорья, мы оказались у развалинъ стараго укрѣпленія Машрупъ, построеннаго когда то правителемъ Кашгаріи Якубъ-бекомъ, и, повидимому, прикрывавшаго входъ въ долину р. Уксалыра. Мои кашгарцы разсказывали мнѣ, что въ этомъ укрѣпленіи было когда то колодецъ, глубина котораго, вслѣдствіе возвышеннаго положенія мѣстности, достигала до 1.000 Ф.; если принять во вниманіе несовершенство способовъ и инструментовъ, которыми могла произво-

диться здѣсь эта работа, то глубина колодца представляется, конечно, невѣроятной. Впрочемъ, тотъ кто знаетъ, съ какой непреклонной рѣшимостью и упорствомъ приводилъ Бадаулетъ въ исполненіе свои замыслы, тотъ можетъ быть и повѣритъ, что подобный колодецъ существовалъ, если Якубъ-бекъ хотѣлъ сдѣлать это укрѣпленіе обитаемымъ для гарнизона.

За развалинами форта разстилается къ западу плоскогорье, покрытое безчисленными, невысокими, безплодными холмами. Сѣро-желтые и однообразные, они тянутся одинъ за другимъ, наводя грусть и тоску на путешественника. Тропа причудливо извивается среди нихъ и приводитъ, наконецъ, на высшую точку плоскогорья, на перевалъ Шуръ-булакъ (8.600 ф. надъ ур. м.), отъ котораго нужно уже спускаться къ р. Кизылъ-су. Спускъ въ долину этой рѣки идетъ сначала по узкой, а затѣмъ по широкой лощинѣ, извѣстной подъ названіемъ Тугракъ-сая. По сухому галечному дну этой лощины мы спустились къ рѣкѣ, оставленной нами еще подъ самымъ Кашгаромъ. Она течетъ здѣсь въ высокихъ берегахъ нѣсколькими рукавами, раздѣленными между собой галечными отмелями. Вода въ рѣкѣ имѣетъ такой же кирпично-красный цвѣтъ, какъ и въ Кашгарѣ, что происходитъ отъ присутствія въ ней красныхъ глинъ, вымываемыхъ рѣкой въ своемъ верховьи изъ береговыхъ осадочныхъ пластовъ. На днѣ лощины, вблизи воды, встрѣчаются въ большомъ количествѣ травянистыя полянки, заросли кустарниковъ и отдѣльныя деревья; ея же скаты, а также и окрестныя горы—совершенно безплодны.

Рѣка Кизылъ-су.

Съ этого мѣста окружающая природа принимаетъ уже величественный видъ: горы становятся болѣе высокими и широкая долина рѣки, раздвигая ихъ, придаетъ горной картинѣ грандіозный характеръ.

Мы поѣхали лѣвымъ берегомъ, постепенно спускающимся ко дну рѣки, среди густыхъ, кустарныхъ зарослей. Скоро рѣка, постепенно приближаясь къ лѣвому краю долины, подошла вплотную къ нему, сдѣлавъ движеніе по этому берегу невозможнымъ. Приходилось переходить въ бродъ на другую сторону.

На Кизылъ-су нѣтъ опредѣленныхъ бродовъ; быстрое теченіе, песчано-глинистый грунтъ и рѣзкое повышеніе уровня воды въ извѣстные часы дня отъ таянія горныхъ снѣговъ при истокахъ рѣки, все это мѣняетъ положеніе и качество бродовъ. Поэтому каждый караванъ отыскиваетъ броды самъ для себя, что, вообще говоря, весьма утомительно, а иногда и опасно. Къ нашему удовольствію, вблизи того мѣста, гдѣ мы подошли къ водѣ, уже переправлялся въ бродъ большой караванъ на ишакахъ, нагруженныхъ тюками съ хлопкомъ, а потому намъ не приходилось терять времени на поиски брода. Послѣдній оказался очень глубокимъ, почему погонщики этого каравана, подмочивши нѣсколько вьюковъ, развьючили ишаковъ, перегнали ихъ вплавь на другой берегъ рѣки, а хлопковые тюки стали перевозить на четырехъ верховыхъ лошадяхъ. Тюковъ было весьма много и переправа затянулась до поздняго вечера. Мы уже давно стояли бивакомъ на правомъ берегу рѣки, въ рощѣ, въ урочищѣ Сары-ташъ, около какихъ то заброшенныхъ хижинъ, когда они закончили утомительную переправу и собрались вблизи нашего бивака, чтобы отогрѣться у костра послѣ многочисленныхъ холодныхъ ваннъ въ красныхъ волнахъ Кизылъ-су.

Урочище Сары-ташъ.

Переходъ 17-го августа былъ нашимъ послѣднимъ переходомъ по китайской землѣ.

Выступивши съ бивака въ 7 часовъ утра, мы пошли правымъ берегомъ рѣки и верстахъ въ двухъ отъ ночлега прошли мимо китайскаго укрѣпленія Улюгчатъ, расположеннаго вправо отъ караванной дороги, среди обширной, луговой поляны, поросшей вблизи рѣки деревьями и кустами. Улюгчатъ—глинобитный фортъ, четырехугольной формы, съ зубчатыми стѣнами. Снаружи онъ имѣетъ довольно внушительный видъ, но въ дѣйствительности едва ли заслуживаетъ названія укрѣпленія. Вокругъ него ютятся глиняныя избушки, служащія, повидимому, для жительства гарнизона. Ни возлѣ нихъ, ни около укрѣпленія не было видно ни души, хотя Улюгчатъ занятъ небольшимъ китай-

Китайскій фортъ Улюгчатъ.

скимъ гарнизономъ изъ нѣсколькихъ десятковъ солдатъ, состоящихъ подъ командой какого то опальнаго генерала, сосланнаго сюда изъ внутренняго Китая.

Мы миновали фортъ, не будучи замѣчены китайцами, которые непремѣнно задержали бы насъ подъ предлогомъ осмотра нашихъ документовъ, а въ дѣйствительности для того, чтобы поглазѣть на насъ или что-нибудь выпросить.

Отъ Улюгчата мы шли то по дну долины, постоянно пересѣкая многочисленные протоки рѣки, то по высокимъ береговымъ терасамъ. Въ 15 верстахъ отъ форта въ рѣку Кизылъ-су впадаютъ одинъ противъ другого съ сѣвера и юга два ручья. При впаденіи южнаго стоитъ небольшое заброшенное укрѣпленіе, постъ Награ-Чалды. Противъ него на лѣвомъ берегу рѣки находятся какія то развалины. Пройдя укрѣпленіе, мы перешли Кизылъ-су въ бродъ и вступили въ ущелье сѣвернаго ручья, называемаго то Награ, то Игиномъ. Онъ несетъ поразительно чистую, прозрачную воду, что особенно бросается въ глаза послѣ красныхъ водъ Кизылъ-су. Нижняя часть ущелья поросла лиственнымъ лѣсомъ и кустарникомъ и покрыта густымъ травянистымъ покровомъ. Послѣ сѣрыхъ голыхъ горъ, безплодныхъ лощинъ, однообразныхъ, унылыхъ плоскогорій пройденнаго нами отъ Кашгара пути, это ущелье показалось намъ восхитительнымъ. Пройти мимо такого мѣста не останавливаясь представлялось невозможнымъ, а потому, доѣхавши до какой то землянки, возлѣ которой киргизы косили траву, мы сдѣлали привалъ, чтобы отдохнуть въ благодатной тѣни деревьевъ; вѣдь уже цѣлую недѣлю мы шли подъ горячими лучами солнца, не имѣя возможности гдѣ-либо укрыться отъ нихъ. Наши лошади съ жадностью бросились щипать сочную траву, доходившую имъ до брюха. Киргизы принесли намъ откуда то творогу и мы закусили.

Награ-Чалды.

Ущелье ручья Награ составляетъ излюбленное мѣсто киргизъ, кочующихъ по Кизылъ-су. Кочевники находятъ здѣсь все, что необходимо для нихъ и для ихъ многочисленныхъ стадъ: хорошую воду, топливо и великолѣпныя пастбища.

Когда мы собирались тронуться въ дальнѣйшій путь, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ насъ изъ лѣсу показались два китайца; одинъ изъ нихъ потребовалъ отъ меня, черезъ одного изъ казаковъ, говорившихъ по-тюркски, предъявленія ему моего паспорта. Я освѣдомился—кто онъ? Оказалось, что это какой то «старшій» изъ Улюгчата, обязанный осматривать документы у проѣзжающихъ. Я приказалъ казаку передать китайцу, что если онъ и дѣйствительно тотъ, за кого онъ выдаетъ себя, то онъ долженъ производить осмотръ документовъ или въ укрѣпленіи, или на какомъ-либо пропускномъ посту, а не приставать къ путешественникамъ въ лѣсу; а потому, не считая себя обязаннымъ предъявлять своего паспорта всякому встрѣчному китайцу, я предлагаю ему убираться. Китаецъ помялся, нѣсколько сконфуженный и отошелъ въ сторону. Мы уѣхали.

Проѣхавъ верстъ 5 по ручью, мы достигли обширной луговой поляны, среди которой стоитъ четырехугольное, глинобитное укрѣпленіе Игинъ, занятое гарнизономъ изъ нѣсколькихъ солдатъ, набранныхъ изъ мѣстныхъ киргизъ. Около него находилось въ то время нѣсколько киргизскихъ кочевій. Здѣсь тропа круто поворачиваетъ налѣво и переходитъ на правый берегъ ручья, возлѣ заброшеннаго мусульманскаго кладбища.

Рѣка Кизылъ-су.

Отъ Игина мы шли уже на юго-западъ, по невысокимъ горамъ лѣваго берега р. Кизылъ-су и около 7 часовъ вечера спустились опять къ рѣкѣ въ 4-хъ верстахъ отъ нашего пограничнаго поста Иркештама. Мнѣ хотѣлось въ тотъ же день перейти границу и ночевать уже на русской землѣ, а потому, несмотря на сгущавшіяся сумерки, я приказалъ искать брода для переправы на правый берегъ. Къ сожалѣнію, вслѣдствіе жаркой погоды и сильнаго таянія снѣговъ въ горахъ, вода въ Кизылъ-су стояла высоко и затрудняла переправу. Потерявши съ часъ въ напрасныхъ поискахъ брода, рѣшили ночевать на этомъ берегу, надѣясь, что за ночь вода спадетъ, какъ это, обыкновенно, бываетъ въ горныхъ рѣкахъ, вытекающихъ изъ ледниковъ.

Мы разбили свой бивакъ на берегу, у одной изъ большихъ пещеръ, которыми изобилуютъ высокіе, отвѣсные, конгломератовые бока рѣчной долины. Полная луна, кротко сіявшая на темномъ небѣ, освѣщала нашъ бивакъ и отражалась серебристымъ, дрожащимъ дискомъ въ рѣкѣ, съ шумомъ проносившей мимо насъ свои красныя воды.

Алай.

Русско-китайская граница.

Утромъ въ Кизылъ-су дѣйствительно оказалось меньше воды и мы безъ труда перебрались въ бродъ на правый ея берегъ. Пройдя затѣмъ по этому берегу около 4-хъ верстъ, мы перешли русско-китайскую границу, обозначенную невысокимъ каменнымъ столбомъ и прибыли въ нашъ пограничный постъ Иркештамъ, находящійся лишь въ полуверстѣ отъ границы. Случайно оказалось, что я вступилъ въ предѣлы Россіи ровно черезъ 7 мѣсяцевъ послѣ своего отъѣзда изъ Одессы въ Константинополь (18 января) для слѣдованія въ Египетъ и Индію.

Иркештамъ.

Иркештамъ состоитъ изъ укрѣпленія, расположеннаго на правомъ берегу р. Кизылъ-су при впаденіи въ нее ручья Иркештамки и таможеннаго двора, раскинутаго ниже укрѣпленія, у подошвы высокаго берега. Укрѣпленіе имѣетъ продолговатую форму, довольно высокую каменную стѣну съ бойницами и редюитъ въ видѣ широкой башни. Въ редюитѣ устроены казармы, въ которыхъ помѣщается гарнизонъ укрѣпленія, состоящій изъ казачьяго взвода, командируемаго сюда на 1—2 года отъ одного изъ полковъ, стоящихъ въ Ферганской области. Я засталъ здѣсь 20 казаковъ 6-го Оренбургскаго казачьяго полка при одномъ офицерѣ.

Мѣстоположеніе Иркештама выбрано неудачно. Всѣ возвышенности, окружающія его, командуютъ имъ и даютъ возможность свободно обозрѣвать и обстрѣливать его внутренность. Въ самомъ укрѣпленіи нѣтъ воды, а въ рѣкѣ Кизылъ-су, къ которой нужно спускаться по высокому крутому берегу, вода невкусна, вслѣдствіе значительной примѣси въ ней красныхъ глинъ;

хорошая вода имѣется только въ родникахъ, находящихся въ верховьи ручья.

Таможенный дворъ состоитъ изъ нѣсколькихъ домиковъ, въ которыхъ живутъ таможенный чиновникъ (начальникъ переходнаго пункта) и стражники.

Стѣны и башня Иркештамскаго укрѣпленія окрашены въ бѣлый цвѣтъ и сильно блестятъ подъ яркими лучами солнца. Издалека Иркештамъ выглядитъ очень красиво и оживляетъ собой унылую картину безплодныхъ горъ, окружающихъ это мѣсто.

Прибывши сюда, я заѣхалъ на таможенный дворъ, гдѣ меня радушно привѣтствовалъ временно исправлявшій въ то время должность начальника переходнаго пункта (самъ начальникъ былъ въ отпуску) В. И. Доценко; онъ пригласилъ меня остановиться въ его квартирѣ, занимавшей отдѣльный домикъ изъ 4-хъ заново отремонтированныхъ, свѣтлыхъ и уютныхъ комнатъ, съ окнами на рѣку.

Мои туземцы размѣстились въ помѣщеніи стражниковъ, а лошадей мы отправили на траву вверхъ по Иркештамкѣ, гдѣ паслись казачьи лошади. Отдохнувши и позавтракавши у любезнаго Вл. Ив., я отправился съ нимъ къ начальнику гарнизона. Сотникъ, оказавшійся семейнымъ, помѣщался съ женой и сыномъ (мальчикомъ лѣтъ 7—8) въ одной небольшой комнатѣ рядомъ съ казармой казаковъ. Странно, что на той большой площади, которую занимаетъ укрѣпленіе, не нашли возможнымъ построить болѣе просторнаго и удобнаго помѣщенія для офицера.

Послѣ первыхъ разспросовъ, сотникъ повелъ меня по укрѣпленію, ознакомивъ со всѣми его подробностями.

Узнавши, что здѣсь есть фельдшеръ и небольшая аптечка, я просилъ начальника гарнизона оказать медицинскую помощь Корбану, который съ каждымъ днемъ кашлялъ все сильнѣе и сильнѣе, а послѣдніе дни жаловался и на боль въ животѣ. Фельдшеръ осмотрѣлъ его и далъ ему какихъ то пилюль на дорогу.

Оставшись обѣдать у сотника, мы провели у него время до поздняго вечера. Ночью, возвращаясь съ В. И. Доценко на его

квартиру, мнѣ казалось, что я посѣтилъ сегодня заключенныхъ въ тюрьмѣ и мнѣ стало жалко этихъ людей, которые должны лучшіе годы своей жизни проводить въ такомъ заточеніи. Но вмѣстѣ съ этимъ меня охватило радостное ощущеніе при мысли, что я нахожусь на свободѣ, что завтра я покину это унылое мѣсто и что съ каждымъ днемъ я буду все больше и больше приближаться къ мѣстамъ и людямъ близкимъ моему сердцу.

Раньше чѣмъ покинуть Иркештамъ, я считаю не лишнимъ сказать нѣсколько словъ о торговлѣ нашего Туркестана съ Кашгаріей и о значеніи Иркештамской таможни.

Торговля Русскаго Туркестана съ Кашгаріей.

Торговля съ Кашгаріей ведется нами со времени занятія Семирѣчья т. е. съ 50-хъ годовъ XIX ст.; она возросла въ 70-хъ годахъ съ утвержденіемъ нашимъ въ Ферганѣ, а съ постройкой Средне-азіатской ж. д. развилась еще болѣе. Желѣзная дорога отвлекла отъ Семирѣчья большое количество грузовъ, сосредоточивши, такимъ образомъ, торговое движеніе по одному направленію. Изъ нашихъ предѣловъ вывозятся въ Кашгарію—мануфактурные товары, желѣзо, сталь, металическія издѣлія, сахаръ, спички, стекло, краски и пр.; изъ Кашгаріи къ намъ—шерсть, хлопокъ, кожи, войлоки, ковры, шелкъ, чай и т. п.

Въ 1883 году цѣнность вывоза изъ нашего Туркестана въ Кашгарію составляла около 1 мил., а ввоза изъ Кашгаріи—около 800.000 рублей. Въ 1893 г. вывозъ и ввозъ составляли соотвѣтственно 2.700 тыс. и 2.100 тыс., т. е. увеличились почти въ три раза. Не подлежитъ сомнѣнію, что въ нынѣшнее десятилѣтіе эти цифры возрастутъ еще болѣе.

Торговый путь между Кашгаромъ и Ферганой до Иркештама совпадаетъ съ путемъ нашего слѣдованія, а отъ Иркештама раздѣляется на три вѣтви, переваливая Алайскій хребетъ по переваламъ Талдыкъ, Шартъ-даванъ и Терекъ-даванъ. Спустившись съ перевалова, эти вѣтви соединяются въ долинѣ р. Куршъ-аба, у урочища Суфи-курганъ, въ одинъ путь, слѣдующій далѣе черезъ Гульчу въ г. Ошъ, Ферганской об-

ласти. Дорога отъ перевала Талдыкъ до г. Ошъ — колесная; дорога отъ Иркештама черезъ перевалъ Таунъ-Мурунъ до Талдыка можетъ служить для колеснаго движенія при незначительныхъ исправленіяхъ; дороги на Шартъ-даванъ и Терекъ-даванъ — исключительно вьючныя. Число людей, ѣздящихъ между Кашгаромъ и Ошемъ, достигаетъ нынѣ до 2.000 человѣкъ въ годъ. Стоимость провоза на вьючной лошади средняго груза въ 8 пудовъ колеблется между 8 и 15 рублями, что даетъ на пудъ отъ рубля до двухъ рублей. Грузы возятся здѣсь почти исключительно вьюкомъ на лошадяхъ или ослахъ; верблюды и арбы употребляются весьма рѣдко.

Вдоль торговаго пути нѣтъ телеграфной линіи, которая доходитъ только до Гульчи, въ 74 верстахъ отъ г. Ошъ.

Что касается Иркештамской таможни, то трудно сказать — какими соображеніями оправдывается ея существованіе. Вывозъ изъ Россіи въ Кашгарію, конечно, производится безпошлинно, изъ ввозимыхъ же къ намъ Кашгарскихъ товаровъ облагается пошлиной только чай и иностранные, ввезенные въ Китай изъ другихъ странъ товары. Послѣднихъ весьма мало, почему остается одинъ чай, ради котораго и содержится Иркештамскій переходный пунктъ на этой пустынной границѣ. Можетъ быть, было бы лучше, если бы Иркештамскую таможню перевели въ Кашгаръ, гдѣ содержаніе ея стоило бы дешевле и что доставило бы нѣкоторыя удобства торговцамъ.

Въ Кашгарѣ, правда, имѣется таможенный чиновникъ, но онъ только осматриваетъ и пломбируетъ товары, а уплата пошлины должна производиться обязательно въ Иркештамѣ, почему каждый караванъ долженъ переходить границу непремѣнно здѣсь, а не въ другомъ мѣстѣ. Между тѣмъ мѣстоположеніе Иркештамскаго переходнаго пункта для каравановъ весьма неудобное: находясь на правомъ берегу р. Кизылъ-су, онъ заставляетъ ихъ два раза переходить рѣку въ бродъ, а будучи окруженъ на многія версты пустынными горами, не можетъ предоставить караванамъ ни подножнаго корма, ни продовольствія во время ихъ

остановки для выполненія таможенныхъ формальностей. Наконецъ, нужно же подумать и о тѣхъ несчастныхъ людяхъ, которымъ приходится здѣсь влачить невозможное существованіе ради чьей-то странной затѣи создать Иркештамскій пунктъ.

Вообще, давно пора обратить вниманіе на этотъ торговый путь, связывающій между собой двѣ родственныя области Средней Азіи. Улучшеніе колесной дороги, ведущей черезъ перевалъ Талдыкъ, разработка пути черезъ перевалы Терекъ-даванъ или Шартъ-даванъ, что сократило бы общую длину Кашгарско-Ошскаго пути верстъ на 70, и, наконецъ, устройство въ Кашгарѣ таможни взамѣнъ Иркештамской,—вотъ главнѣйшія мѣропріятія, которыя могутъ поставить здѣшнюю торговлю въ лучшія условія.

На ряду съ этимъ является настоятельно необходимымъ продолжить желѣзную дорогу отъ Андижана до Оша, гдѣ кончается вьючная доставка грузовъ. Въ настоящее время торговцамъ приходится въ Ошѣ перекладывать товары съ вьюковъ на арбы, а въ 30 верстахъ далѣе перегружать ихъ на желѣзную дорогу. Продолженіе рельсоваго пути едва ли представитъ затрудненія, потому что, хотя г. Ошъ и лежитъ на высотѣ 4.000 ф. надъ ур. м., но мѣстность къ нему повышается постепенно. Странно, что желѣзная дорога не доведена до этого города, служащаго исходнымъ пунктомъ для торговли Русскаго Туркестана съ западнымъ Китаемъ.

Отъѣздъ изъ Иркештама.

Однако, пора ѣхать далѣе. Солнце стоитъ уже высоко на небѣ, вьюки уже выступили и, сидя за утреннимъ чаемъ въ квартирѣ гостепріимнаго начальника таможни, я вижу черезъ окно на дворѣ осѣдланныхъ лошадей и готоваго къ выступленію Корбана, болтающаго съ двумя стражниками, назначенными для указанія намъ бродовъ на р. Кизылъ-су.

Въ Иркештамѣ я разстался съ консульскими казаками, повернувшими отсюда обратно.

Около 10 часовъ утра я оставилъ Иркештамъ, рѣшивши перевалить Алайскій хребетъ по перевалу Шартъ-даванъ, ко-

торый, считаясь менѣе доступнымъ, чѣмъ другіе, рѣже посѣщался путешественниками.

До Алайской долины нашъ путь шелъ по большой караванной дорогѣ, соединяющей Иркештамъ черезъ перевалъ Талдыкъ съ Гульчей и Ошемъ. Дорога идетъ сначала правымъ берегомъ Кизылъ-су, пересѣкаетъ ея правый притокъ, быструю и глубокую горную рѣчку Нуру и вскорѣ переходитъ на лѣвый берегъ рѣки. Затѣмъ, постепенно удаляясь отъ нея, она направляется къ перевалу Таунъ-Мурунъ по небольшимъ возвышенностямъ, въ общемъ безплоднымъ, но покрытымъ мѣстами травой и низкорослымъ древовиднымъ можевельникомъ (арчей) (Juniperus Pseudo Sabina).

Перевалъ Таунъ-Мурунъ.

Таунъ-Мурунъ находится въ боковомъ кряжѣ Заалайскаго хребта, замыкающемъ съ востока Алайскую долину и служащемъ водораздѣломъ для басейновъ двухъ Кизылъ-су—Кашгарскаго, только что покинутаго нами, и Алайскаго, къ верховьямъ котораго мы приближались; онъ имѣетъ высоту въ 11.200 ф. надъ ур. м., но весьма небольшое превышеніе надъ возвышенностями, по которымъ пролегаетъ дорога. Въ ближайшихъ окрестностяхъ перевала встрѣчаются обширныя пастбища, посѣщаемыя киргизами Ферганской области; мы еще застали здѣсь нѣсколько киргизскихъ кочевій, вокругъ которыхъ паслись большіе табуны лошадей. Я заѣхалъ на ближайшее изъ нихъ, посѣтилъ нѣсколько юртъ и въ одной изъ нихъ напился отличнаго кумысу, предложеннаго мнѣ радушнымъ хозяиномъ-киргизомъ.

Безоблачная погода давала возможность любоваться величественными красотами Заалайскаго хребта. Его главный вѣчноснѣговой гребень, направляясь съ запада на востокъ, вздымается у верховьевъ Кашгарскаго Кизылъ-су на огромную высоту, образуя снѣговую групу Курумды (20.600 ф. надъ ур. м.), за которой хребетъ сильно понижается. Почти отъ самаго Иркештама была видна ея колосальная снѣговая шапка, горделиво вздымавшаяся къ голубымъ небесамъ надъ снѣговымъ барьеромъ восточной оконечности Заалая.

Перевалившн обширную сѣдловину Таунъ-Муруна, мы спустились нѣсколькими послѣдовательными лощинами къ верховьямъ Алайскаго Кизылъ-су, истоки котораго находятся нѣсколько сѣвернѣе перевала. Мы находились теперь въ долинѣ Алая.

Алайская долина.

Алайской долиной называютъ широкую и длинную междугорную равнину, залегающую между двумя высокими горными хребтами, Алайскимъ и Заалайскимъ. Высота ея надъ уровнемъ моря весьма значительна, отъ 9.000 ф. въ западной до 11.300 ф. въ восточной оконечности. Длина — около 115, средняя ширина 10—12 верстъ. Она по всей своей длинѣ орошается р. Кизылъсу Алайской [1]), которая питается водой многочисленныхъ горныхъ ручьевъ, стекающихъ съ обоихъ хребтовъ, а особенно съ Заалайскаго. Зимой эта обширная долина, вслѣдствіе своего возвышеннаго положенія, изобилуетъ снѣгомъ, который стаиваетъ лишь къ началу, а мѣстами и къ серединѣ лѣта. Вслѣдствіе этого, влага сохраняется здѣсь въ достаточномъ количествѣ почти до осени, хотя дожди на Алаѣ бываютъ очень рѣдко. Обиліе влаги, въ связи съ южнымъ солнцемъ, вызываетъ въ долинѣ лѣтомъ роскошную травянистую растительность, покрывающую ее чуднымъ пестрымъ ковромъ. Богатыя пастбища, обиліе хорошей горной воды и прохладный климатъ создаютъ здѣсь лѣтомъ прекрасныя условія для жизни кочевниковъ. Уже въ маѣ долина оживаетъ послѣ продолжительнаго зимняго запустѣнія; медленно тянутся съ сѣвера, съ Алайскихъ переваловъ, длинные караваны верблюдовъ, нагруженныхъ различнымъ скарбомъ, поверхъ котораго мѣрно раскачиваются женскія фигуры въ пестрыхъ халатахъ и съ бѣлыми тюрбанами на головахъ. Впереди и по сторонамъ ихъ ѣдутъ верхомъ киргизы, подгоняя стада овецъ, рогатаго скота и табуны лошадей. Кони, чуя запахъ свѣжей травы и приволье обширныхъ пастбищъ, рѣзвятся, обгоняютъ другъ друга и наполняютъ воздухъ звонкимъ и веселымъ ржаніемъ.

1) Басейна р. Пянджа.

Это — Ферганскіе киргизы сосѣднихъ уѣздовъ двинулись со своихъ зимовій на лѣтнія кочевья.

Къ серединѣ іюня вся долина уже покрыта киргизскими кочевьями и жизнь, простая, первобытная жизнь кочевника закипаетъ ключемъ на Алаѣ.

Отъ перевала Таунъ-Мурунъ мы поминутно встрѣчали норы неуклюжихъ рыжихъ байбаковъ (Arctomys bobac), вылѣзавшихъ погрѣться на солнцѣ. Эти животныя развлекали насъ своими движеніями; часто мы видѣли, какъ два сосѣда сходились между своими норами и затѣвали борьбу, презабавно прыгая и катаясь по землѣ, но съ нашимъ приближеніемъ стремительно бросались къ своимъ подземнымъ жилищамъ.

Спустившись въ долину, мы пересѣкли Кизылъ-су, текущую здѣсь небольшимъ ручьемъ, и, пройдя верстъ 8 внизъ по долинѣ, около 7 часовъ вечера остановились на ночлегъ на одномъ изъ немногочисленныхъ киргизскихъ кочевій, оставшихся еще на Алаѣ. Большинство киргизъ уже тронулось на свои зимовья за Алайскій хребетъ.

На киргизскомъ кочевьи.

Мы застали кочевье наканунѣ выступленія къ сѣверу: часть юртъ была уже уложена и верблюды лежали возлѣ нихъ, готовые принять ихъ на свои спины.

Послѣ захода солнца сдѣлалось холодно. Киргизы снабдили насъ сухимъ коровьимъ пометомъ и мы развели костеръ.

Сидя возлѣ огня, я любовался Заалайскимъ хребтомъ.

Густыя сумерки уже спустились въ долину и окутывали горы все выше и выше, приближаясь къ ихъ бѣлымъ вершинамъ. Снѣговой гребень хребта протянулся на огромное разстояніе, рѣзко выдѣляя на темномъ фонѣ вечерняго неба свои снѣговыя шапки, еще освѣщенныя блѣдно-розовымъ отблескомъ вечерней зари, быстро потухавшей на западѣ. Чѣмъ больше блѣднѣло на снѣгахъ отраженіе зари, тѣмъ яснѣе становился мягкій серебристый свѣтъ, зарождавшійся за снѣговыми вершинами. Но вотъ они погрузились уже въ мракъ и обозначаются теперь темными громадами на свѣтломъ фонѣ неба, залитаго мо-

гучимъ заревомъ. Еще нѣсколько минутъ, и изъ-за горъ медленно выплыла полная луна, освѣтившая дремлющій снѣговой хребетъ и лежащую у его подножія обширную долину. Какая чудная и величественная картина!

Киргизскій лагерь оказался шумнымъ и ночью: мычаніе коровъ, ревъ верблюдовъ, ржаніе лошадей и лай собакъ долго не давали мнѣ спать и разбудили меня еще до зари. Когда я вышелъ утромъ изъ палатки, уже полное оживленіе царило на кочевьи; складывались юрты, навьючивались верблюды, сгонялся скотъ и сѣдлались лошади; и все это оживленіе вносилось работой неутомимыхъ киргизокъ, хлопотавшихъ во всѣхъ концахъ обширнаго кочевья. Киргизы сидѣли кружками возлѣ потухавшихъ ночныхъ костровъ, курили и лѣниво переговаривались. Удивительно симпатичный типъ представляетъ собой киргизская женщина. Дѣятельная, работящая, терпѣливая, веселая, привѣтливая, она воплощаетъ въ себѣ свѣтлыя стороны жизни кочевника. Въ кочевомъ быту киргиза—женщина все. Она ходитъ за дѣтьми, стряпаетъ, стираетъ бѣлье, ставитъ и убираетъ юрты, вьючитъ и развьючиваетъ верблюдовъ, доитъ скотъ и т. д. и т. д. Мужчины-киргизы дѣлаютъ очень мало и болѣе легкую работу: сгоняютъ табуны къ кочевью, ловятъ изъ нихъ лошадей подъ сѣдло, выѣзжаютъ впередъ на 2—3 версты выбрать удобное мѣсто для кочевья и т. п. Бо́льшую же часть своего времени они проводятъ въ дружеской бесѣдѣ со знакомыми съ сосѣдняго кочевья, въ поѣздкахъ въ гости, въ болтовнѣ у костра и вообще въ бездѣльи.

Въ 8 часовъ утра мы покинули пестрый лагерь киргизъ и выступили къ перевалу. Пройдя отъ ночлега не болѣе 2—3 верстъ внизъ по долинѣ Алая, до урочища Кара-Киндыкъ, мы повернули направо въ извилистое ущелье ручья, которое черезъ нѣсколько верстъ привело насъ къ перевалу Шартъ-даванъ (11.400 ф. надъ ур. м.). Подъемъ на перевалъ идетъ по крутой, сухой лощинѣ у истоковъ ручья, среди мягкихъ, но крутыхъ боковъ ущелья; тропа хотя и крута, но малокамениста и, въ

Перевалъ Шартъ-даванъ.

Долина Алая. Киргизы снимаются съ кочевья.

Р. Куршъ-абъ. Урочище Янгрыкъ.

Фототипія В. Класонъ, С.Петербургъ, Кадетская лин. № 7-2

общемъ, сносна для движенія съ вьючными лошадьми. Спускъ съ перевала гораздо длиннѣе подъема, потому что долина ручья, текущаго по сѣверную сторону Шартъ-давана, ниже Алайской долины. Сначала весьма крутой, покрытый шиферомъ и сползающими осыпями, онъ становится затѣмъ положе и удобнѣе; тропа идетъ зигзагами, медленно спускаясь въ глубокую долину. На сѣверной сторонѣ перевала встрѣчается въ изобиліи древовидный можевельникъ, единственное дерево, которое мы видѣли на нашемъ пути отъ ущелья р. Игина.

Спускъ съ перевала привелъ насъ къ истокамъ небольшого ручья, гдѣ мы нашли киргизское кочевье изъ нѣсколькихъ дырявыхъ юртъ, разбросанныхъ на полянѣ. Отсюда мы повернули къ сѣверу по теченію ручья, по его широкой долинѣ, среди желтыхъ безлѣсныхъ горъ, прошли мимо трехъ небольшихъ поселковъ, состоявшихъ изъ нѣсколькихъ глиняныхъ избушекъ съ плоскими крышами, на которыхъ былъ сложенъ заготовленный на зиму клеверъ, и верстахъ въ 15 отъ перевала вышли въ долину р. Куршъ-абъ [1]), имѣющей истоки подъ переваломъ Талдыкъ и несущей свои воды къ сѣверу.

Въ долинѣ Куршъ-аба мы опять вышли на колесную дорогу, ведущую изъ Иркештама черезъ Талдыкскій перевалъ на Гульчу и Ошъ, которую покинули передъ вчерашнимъ ночлегомъ въ верхней долинѣ Алая. Уже вечерѣло, солнце зашло за горы, стало свѣжѣть и мы начали искать мѣста, удобнаго для ночлега; но отсутствіе подножнаго корма, уже выгорѣвшаго за лѣто, и недостатокъ топлива вынуждали насъ идти все далѣе и далѣе, пока наконецъ уже въ темнотѣ (луна всходила поздно) мы не добрались до Суфи-Кургана.

Суфи-Курганъ. Суфи-Курганъ — дорожная станція для проѣзжающихъ по дорогѣ изъ Оша на Памиры. Здѣсь находится небольшой дворъ, обнесенный глиняной стѣной, а внутри двора — помѣщеніе для живущихъ въ Суфи-Курганѣ лѣсообъѣздчика и

1) Эта рѣчка называется въ своемъ верхнемъ теченіи то Талдыкъ-су, то Гульчей.

двухъ почтовыхъ джигитовъ, юрта для проѣзжающихъ и навѣсы для лошадей.

Около Суфи-Кургана въ долину Куршъ-аба выходитъ тропа, ведущая съ Терекъ-даваннаго перевала.

Я расположился на ночлегъ въ юртѣ, въ которой уже оказался жилецъ, какой-то волостной управитель-киргизъ, ѣхавшій изъ Гульчи на Алай; мои туземцы помѣстились съ почтовыми джигитами.

Лѣсообъѣздчикъ оказался русскимъ, запаснымъ рядовымъ 4-го Туркестанскаго линейнаго (нынѣ 10-го стрѣлковаго) баталіона, прослужившимъ два года въ Памирскомъ отрядѣ, бывшимъ ординарцемъ одного изъ русскихъ членовъ Памирской разграничительной комисіи и, вообще, человѣкомъ бывалымъ. Сидя со мной въ юртѣ возлѣ горячаго чайника, изъ котораго мы наливали себѣ чай въ азіатскія чашки, онъ долго разсказывалъ мнѣ о Памирахъ, о житьѣ на Памирскомъ посту, объ Андижанской рѣзнѣ и о многихъ своихъ приключеніяхъ.

Волостной уже крѣпко спалъ, покрывшись своими халатами, когда старый солдатъ окончилъ свои разсказы, пожелалъ мнѣ спокойной ночи и вышелъ изъ юрты на дворъ, уже залитый свѣтомъ луны.

21-го августа, рано утромъ, мы выступили внизъ по рѣкѣ Куршъ-абу къ Гульчѣ. Тотчасъ же за Суфи-Курганомъ мы перешли на лѣвый берегъ рѣки и затѣмъ переходили еще два раза съ одного берега на другой по мостамъ.

Куршъ-абъ течетъ здѣсь въ одномъ руслѣ, имѣетъ ширину отъ 3 до 6 саженей, весьма сильное теченіе и проходимъ въ бродъ только въ нѣкоторыхъ мѣстахъ.

Хорошая, колесная дорога идетъ все время почти вплотную къ рѣкѣ, мѣстами поднимаясь высоко надъ рѣкой, несущей въ этихъ мѣстахъ свои воды въ крутыхъ, обрывистыхъ берегахъ. По дну ущелья и вдоль дороги встрѣчаются большія рощи, придающія этой мѣстности весьма привлекательный характеръ. Горы, сопровождающія теченіе рѣки, постепенно мельчаютъ, онѣ

такъ же безлѣсны, какъ и прежде, но въ нижнихъ своихъ частяхъ покрыты превосходными пастбищами, впрочемъ, къ тому времени уже выгорѣвшими отъ жаркаго лѣтняго солнца и недостатка дождей. На этомъ участкѣ теченія Куршъ-аба встрѣчаются весьма красивыя мѣста; одно изъ нихъ — урочище Янгрыкъ, верстахъ въ 15-ти отъ Суфи-Кургана, гдѣ рѣка дѣлаетъ поворотъ налѣво, образуя живописную излучину; здѣсь перекинуты черезъ рѣку два желѣзныхъ моста, по которымъ дорога перебѣгаетъ сначала съ праваго на лѣвый берегъ, а затѣмъ обратно на правый. Скаты боковыхъ возвышенностей покрыты высокой, густой травой, въ которой мы застали десятка два верблюдовъ встрѣчнаго каравана. Хорошая трава сильно соблазняла нашихъ лошадей, которыя поминутно останавливались щипать ее, а потому мы сдѣлали здѣсь привалъ. Отъ урочища Янгрыкъ мы шли все время по правому берегу рѣки; на пути встрѣтили военнаго врача, ѣхавшаго въ телѣжкѣ съ семьей въ Памирскій отрядъ и большой караванъ съ продовольствіемъ для этого отряда.

Урочище Янгрыкъ.

Я думалъ пріѣхать въ тотъ же день въ Гульчу для ночлега, но въ нѣсколькихъ верстахъ отъ этого селенія мы нашли весьма удобное мѣсто для бивака, гдѣ и расположились ночевать. Мы разбили свой лагерь ниже дороги, на травянистой полянѣ возлѣ ключа. Съ заходомъ солнца это мѣсто оказалось весьма сырымъ, но, утомившись за день, я не хотѣлъ мѣнять его и послѣ чаю легъ спать подъ открытымъ небомъ.

На слѣдующій день утромъ мы тронулись далѣе. Садясь на лошадь, я почувствовалъ слабость и боли въ ногахъ, но не обратилъ на это въ ту минуту никакого вниманія.

Скоро показалась и Гульча. Это — небольшое сартовское селеніе, пріютившееся на правомъ берегу рѣки Куршъ-аба, въ небольшомъ расширеніи долины, среди небольшихъ травянистыхъ возвышенностей, полого спускающихся къ рѣкѣ. Когда то здѣсь было укрѣпленіе, но нынѣ оно совершенно заброшено. Въ Гульчѣ имѣется гарнизонъ изъ сотни казаковъ, расквартированныхъ въ

Гульча.

казармахъ на южной окраинѣ селенія. Казармы выкрашены въ бѣлый цвѣтъ и видны издалека, выдѣляясь бѣлымъ пятномъ на сѣро-желтомъ фонѣ рѣчной долины.

Отъ Гульчи начинается правительственная телеграфная линія, идущая на г. Ошъ. Соотвѣтственно этому, здѣсь имѣется и почтово-телеграфная контора. Когда то въ Гульчѣ находилась и таможня, но въ послѣднее время ее перенесли въ Иркештамъ.

Проѣзжая черезъ селеніе, мы остановились на нѣсколько минутъ на базарѣ, гдѣ купили продовольственныхъ припасовъ и поѣхали дальше.

Отъ Гульчи можно проѣхать въ Ошъ двумя путями: одинъ идетъ по большой колесной дорогѣ черезъ перевалъ Чигирчикъ (7.300 ф. надъ ур. м.) долиной р. Талдыкъ (70 верстъ), а другой — сначала по вьючной тропѣ до этой рѣчки, а затѣмъ по большой колесной дорогѣ (63 версты). Мы избрали второй путь, какъ болѣе короткій.

Сѣвернѣе Гульчи въ Куршъ-абъ впадаетъ съ правой стороны ручей Джубале, поросшій густыми зарослями кустарниковъ. Все пространство между этимъ ручьемъ и селеніемъ занято огородами, лугами и рощами. За ручьемъ мы повернули влѣво, перешли рѣку въ бродъ и на лѣвомъ берегу почти сразу стали подниматься по крутому, каменистому скату на перевалъ Шальбели, доступный только для движенія съ вьюками. Съ перевала мы спустились въ лощину небольшого ручья, гдѣ нашли нѣсколько рваныхъ юртъ, населенныхъ киргизами, а затѣмъ поднялись на второй перевалъ Така, спускъ съ котораго привелъ насъ въ широкую, луговую долину ручья Турукъ, текущаго паралельно Куршъ-абу. Въ то время, когда мы поднимались на второй перевалъ, мнѣ какъ-то сразу сдѣлалось холодно и я почувствовалъ сильный ознобъ. Чѣмъ дальше я ѣхалъ, тѣмъ хуже становилось мнѣ; боли въ ногахъ усилились и такія же начались въ поясницѣ, въ рукахъ и въ спинѣ; голова разболѣлась и я началъ чувствовать себя настолько дурно, что, доѣхавши до перваго киргизскаго кочевья, встрѣтившагося въ лощинѣ, верстахъ

Внезапная болѣзнь.

въ 2—3 отъ перевала, приказалъ Корбану остановиться здѣсь для ночлега. Сильно ослабѣвши, я слѣзъ при помощи Корбана съ лошади, легъ возлѣ палатки на бурку и пролежалъ цѣлый день на солнцѣ.

Здѣсь въ первый разъ за свое путешествіе мнѣ пришлось обратиться къ моей походной аптечкѣ и хининъ оказалъ мнѣ большую услугу. Съ заходомъ солнца я перебрался въ палатку, укрылся всѣмъ, что имѣлось у меня теплаго, принялъ хинину и заснулъ больнымъ, тревожнымъ сномъ, не разъ прерывавшимся тяжелыми сновидѣніями.

Пріемы хинина оказали благотворное дѣйствіе на лихорадку, и на слѣдующее утро, 23-го августа, я былъ въ состояніи сѣсть на лошадь съ помощью двухъ туземцевъ и ѣхать шагомъ.

Въ 2—3 верстахъ отъ злополучнаго ночлега, мы вышли опять на большую колесную дорогу, близкое присутствіе которой издалека обнаруживали телеграфные столбы. Здѣсь дорога идетъ по ручью Турукъ, то правымъ, то лѣвымъ берегомъ, а мѣстами и по его руслу, весьма бѣдному водой въ это время года.

Въ томъ мѣстѣ, гдѣ вьючная тропа, по которой мы шли изъ Гульчи, соединяется съ колесной дорогой, находится небольшое сартовское селеніе, состоящее изъ нѣсколькихъ дворовъ и водяной мельницы. Это мѣсто называется Лянгаръ.

Лянгаръ.

Здѣсь 16-го іюля 1876 г. шайка кара-киргизъ подъ начальствомъ Ишимъ-бека сдѣлала нападеніе на караванъ капитана генеральнаго штаба А. Н. Куропаткина, слѣдовавшаго съ особымъ порученіемъ отъ Туркестанскаго генералъ-губернатора къ покойному правителю Кашгаріи Якубъ-беку.

За Лянгаромъ началась весьма скучная дорога. Горы сильно помельчали, превратившись въ большіе холмы, долина ручья стала шире и однообразнѣе, исчезли киргизскія кочевья....

Пройдя по такой мѣстности около 20 верстъ, мы остановились на ночлегъ около сельскаго двора, недоходя верстъ двухъ до селенія Мады. До Оша оставалось лишь верстъ 16, но мнѣ

не хотѣлось пріѣзжать туда вечеромъ, а потому я рѣшилъ ночевать еще одну ночь по походному въ своей маленькой палаткѣ, въ густой тѣни тополей, окружавшихъ глиняную стѣну двора.

Отъ вчерашней лихорадки осталась лишь небольшая слабость и легкое головокруженіе.

24-е августа было послѣднимъ днемъ моихъ странствованій, послѣднимъ переходомъ на длинномъ пути отъ жаркихъ равнинъ Индіи къ Ферганскимъ предѣламъ. Укладываясь утромъ на бивакѣ, я волновался тѣмъ страннымъ, но пріятнымъ ощущеніемъ, которое испытываютъ люди, возвращающіеся въ отечество послѣ продолжительнаго пребыванія за границей.

Не успѣли мы выѣхать съ бивака, какъ къ намъ подъѣхали два конныхъ джигита, слѣзли съ лошадей и одинъ изъ нихъ подалъ мнѣ конвертъ, въ которомъ оказалась визитная карточка Ошскаго уѣзднаго начальника Вас. Ник. Зайцева съ любезнымъ приглашеніемъ остановиться у него въ домѣ. Сопровождаемые прибывшими джигитами, мы тронулись къ Ошу. Въ двухъ верстахъ отъ ночлега намъ пришлось проѣхать большое селеніе Мады, весьма оживленное въ этотъ день по случаю базарнаго дня. Главная улица селенія была заполнена арбами, лошадьми, ишаками и пестрой толпой сартовъ и киргизъ, гудѣвшей сотней разнообразныхъ голосовъ. Джигиты уѣзднаго начальника проявляли замѣчательное усердіе въ прокладываніи намъ свободнаго пути и, вѣроятно для того, чтобы дать понять встрѣчнымъ, что они сопровождаютъ «тюрю» [1]), били своими нагайками куда попало зазѣвавшихся арбакешей [2]), которые осмѣлились на одну минуту преградить намъ дорогу. Я съ трудомъ унималъ ихъ, объясняя имъ, что намъ спѣшить некуда и что толпа и безъ того разступается передъ нами.

Сел. Мады.

Настоящее названіе этого кишлака — Шейхъ-ады; оно происходитъ отъ имени одного арабскаго святого, пришедшаго

---

1) «Тюря» по тюркски — баринъ.

2) Возчиковъ, ѣздящихъ съ арбами.

когда то изъ Мекки и погребеннаго здѣсь. Могила этого святого (мазаръ) находится возлѣ селенія на небольшомъ холмѣ, среди карагачевой рощи. Жители поклоняются мазару и вѣрятъ въ его цѣлебную силу, помогающую, будто бы, отъ нѣкоторыхъ болѣзней. Карагачи, растущіе около могилы, считаются священными, потому что преданіе гласитъ, что они выросли изъ посоха святого, воткнутаго здѣсь послѣ его смерти.

Дорога отъ сел. Мады до г. Ош идетъ по мѣстности, имѣющей почти равнинный характеръ, съ разбросанными лишь коегдѣ небольшими возвышенностями; по сторонамъ дороги разстилаются воздѣланныя поля, изрѣзанныя оросительными канавами, съ сельскими дворами, окруженными рощами различныхъ деревьевъ. На дорогѣ поминутно встрѣчаются арбы, пѣшіе и конные туземцы, верблюжьи караваны, стада крупнаго и мелкаго скота; все это поднимаетъ ѣдкую пыль, стоящую густымъ облакомъ надъ дорогой. Но вотъ уже видны обширные сады Ош. Еще полчаса ѣзды и мы въѣзжаемъ въ тѣнистыя, прохладныя алеи города, по сторонамъ которыхъ журчитъ въ канавахъ вода, омывающая корни высокихъ и стройныхъ тополей.

Г. Ошъ изобилуетъ растительностью и хорошей проточной водой, что въ связи съ его довольно высокимъ положеніемъ надъ уровнемъ моря (4.000 ф.), смягчающимъ знойность Туркестанскаго лѣта, дѣлаетъ его весьма пріятнымъ и здоровымъ мѣстомъ жительства для европейцевъ. Г. Ошъ.

Проѣхавши нѣсколько туземныхъ кварталовъ, мы выѣхали на открытое, незастроенное пространство, среди котораго на возвышенности, въ полуверстѣ отъ русскаго города, стоитъ большой, одноэтажный каменный домъ уѣзднаго начальника. Здѣсь меня радушно привѣтствовала супруга уѣзднаго начальника О. А. Зайцева, предоставившая въ мое распоряженіе отдѣльную комнату. Самъ Вас. Ник. отсутствовалъ; онъ встрѣчалъ въ этотъ день генералъ-губернатора генералъ-лейтенанта Духовского, пріѣхавшаго изъ Андижана. Черезъ нѣсколько часовъ онъ вер-

нулся домой и встрѣтилъ меня съ той чисто русской любезностью и съ тѣмъ гостепріимствомъ, которыя свойственны, кажется, только намъ, русскимъ.

Я провелъ въ Ошѣ нѣсколько дней, въ теченіе которыхъ, между прочимъ, представлялся г.-л. Духовскому и докладывалъ ему о ходѣ и результатахъ моего путешествія.

Роспускъ каравана.

Въ Ошѣ я распустилъ свой караванъ и разсчитался съ туземцами; Корбану и Азису я подарилъ по лошади и отдалъ имъ всю оставшуюся у меня провизію, теплую одежду и много походныхъ вещей.

Корбанъ ходилъ въ городскую больницу, гдѣ врачъ нашелъ у него серьезную болѣзнь кишекъ, требовавшую немедленнаго лѣченія. В. Н. Зайцевъ предложилъ ему поступить въ больницу для безплатнаго лѣченія, но онъ отказался, желая скорѣе вернуться домой и ограничился пріемомъ порошковъ, выданныхъ ему врачемъ на дорогу. Онъ выглядѣлъ очень плохо, и, смотря на него, я недоумѣвалъ, какъ доберется онъ въ такомъ состояніи до Ладака [1]).

28-го августа, утромъ, къ подъѣзду была подана почтовая тройка, которая должна была увезти меня въ Андижанъ, гдѣ въ то время уже раздавался свистокъ паровоза, добравшагося и до этой отдаленной окраины нашего отечества. Простившись съ гостепріимными хозяевами, я вышелъ къ экипажу. У подъѣзда стояли Корбанъ и Азисъ, пришедшіе пожелать мнѣ счастливой дороги. Тоскливое чувство разлуки шевельнулось во мнѣ: какъ скоро сживаются и привыкаютъ люди другъ къ другу въ путешествіи!

Отъѣздъ въ Андижанъ.

Лошади тронули и черезъ нѣсколько минутъ Ошъ остался позади, скрывшись въ тучахъ пыли, вздымавшихся тройкой.

И, сидя теперь одинъ въ почтовомъ экипажѣ, окутанномъ клубами дорожной пыли, я перебиралъ въ умѣ впечатлѣнія послѣднихъ мѣсяцевъ. И прошли передо мной, словно въ волшебной

---

1) Вернувшись въ Лей, онъ вскорѣ умеръ.

панорамѣ, картины недавняго прошлаго, обозначающія мой путь отъ экватора до Ферганы, и мнѣ стало жалко и голубого неба далекой Индіи, и могучей природы Гималаевъ, и чарующей прелести Кашмирскихъ горъ, и суровой пустынности необъятныхъ Тибетскихъ нагорій, и моихъ добрыхъ тибетцевъ, служившихъ мнѣ съ такой преданностью и охотой въ тяжелыхъ условіяхъ путешествія. И въ эту минуту всѣ затрудненія и неудачи забылись, пріятныя впечатлѣнія воскресли съ новою силою, и меня охватило то безотчетное, могучее влеченіе къ природѣ, которое понятно всякому, кто отвѣдалъ ея дикаго, первобытнаго приволья и ея величественныхъ красотъ.

Приложеніе 1-е.

МЕТЕОРОЛОГИЧЕСКАЯ ТАБЛИЦА

съ наблюденіями, произведенными на пути отъ г. Сринагара (въ Кашмирѣ) до г. Кашгара.

Мѣсяцъ и число 1898 г.	Время дня.	Температура въ тѣни въ градусахъ Ц.	Мѣста ночлеговъ.	Разстоян. въ верст. отъ предыд. ночл.	Высота надъ ур. моря въ футахъ.	Общій характеръ погоды. Атмосферные осадки. Вѣтры.
Іюнь.			*Отъ Сринагара.*			
9	6 ч. у.	—				Ясная пог., жарко; неб. облачн., къ вечеру с.-з. вѣт.
	8 ч. в.	+21,0	Канганъ.	28	5.900	
10	6 ч. у.	+14,8				Ясная погода, небольшая облачность, жарко.
	8 ч. в.	+12,6	Сонмаркъ.	30	8.900	
11	6 ч. у.	+ 5,0				
	8 ч. в.	+12,0	Матіюнъ.	30	10.200	
12	6 ч. у.	+ 5,0				
	8 ч. в.	+21,0	Ташгамъ.	31	9.000	
13	6 ч. у.	+17,5				
	8 ч. в.	+22,9	Каргиль.	20	8.700	Ясная погода, жарко, безоблачное небо.
14	6 ч. у.	—				
	8 ч. в.	+21,1	Мульбекъ.	26	11.300	
15	6 ч. у.	+12,9				
	8 ч. в.	+20,6	Ляма-Юру.	39	11.200	
16	6 ч. у.	+14,1				
	8 ч. в.	+25,0	Снурля.	26	10.900	До пол. ясно, жарко, без. н.; затѣмъ з. вѣт., обл. и прохл.
17	6 ч. у.	+16,0				
	8 ч. в.	+22,9	Базго.	20	11.500	
18	6 ч. у.	+17,5				
	8 ч. в.	—				Облачная погода, прохладно.
19—23	6 ч. у.	+10 до +15	Лей.	26	11.300	
	8 ч. в.	+12 до +20				
24	6 ч. у.	—	Лей.	—	—	
	8 ч. в.	+11,0	Ганлисъ.	8	15.700*	Ясная погода, жарко, перемѣнная облачность.
25	6 ч. у.	+ 3,7				
	8 ч. в.	+17,5	Кардунгъ.	27	13.800	
26	6 ч. у.	+15,0				Облачная погода.
	8 ч. в.	+23,7	Сати.	13	11.700	
27	6 ч. у.	+15,1				Облачная погода, вечеромъ небольшой дождь.
	8 ч. в.	+17,7	Кіагуръ.	21	11.400	
28	6 ч. у.	+15,4				Облачная погода, прохладно, маленькій дождь.
	8 ч. в.	+17,0				
29	6 ч. у.	+16,0	Панамикъ.	21	11.500	Облачн. погода, прохладно, вечеромъ небольш. дождь.
	8 ч. в.	+18,0				
30	6 ч. у.	+17,0				Облачная погода, вечеромъ пасмурно и дождь.
	8 ч. в.	+17,2	Чанглюнгъ.	17	11.700	

Мѣсяцъ и число 1898 г.	Время дня.	Температура въ тѣни въ градусахъ Ц.	Мѣста ночлеговъ.	Разстоян. въ верст. отъ предыд. ночл.	Высота надъ ур. моря въ футахъ.	Общій характеръ погоды. Атмосферные осадки. Вѣтры.
Іюль.						
1	6 ч. у.	+13,0	Чанглюнгъ.	17	11.700	Пасмурная погода, съ утра дождь, вечеромъ снѣжная крупа.
	1 ч. д.	+15,7				
	8 ч. в.	+ 6,0	Маргистангъ [1]).	12	14.200*	
2	6 ч. у.	—				Пасмурная погода, временами дождь, вечеромъ снѣгъ.
	1 ч. д.	+10,0				
	8 ч. в.	+ 2,5	Пангтанса.	7	16.250*	
3	6 ч. у.	± 0,0				Облачная погода, сильный сѣв.-зап. вѣтеръ, вечеромъ снѣжная крупа.
	1 ч. д.	+23,7				
	8 ч. в.	+ 5,2	Сирсиль.	14	15.400*	
4	6 ч. у.	+10,0				Облачная погода, сильный сѣв.-зап. вѣтеръ.
	8 ч. в.	+ 6,4	У р. Шейокъ.	23	15.800*	
5	6 ч. у.	+ 5,6				Облачн. погода, сильн. с.-з. вѣтеръ, вечеромъ снѣгъ.
	8 ч. в.	+ 3,0	Чаждежильга.	34	17.000*	
6	6 ч. у.	± 0,0	Чаждежильга.	—	—	Облачная погода, сильный юго-зап. вѣтеръ.
	8 ч. в.	+ 4,5				
7	6 ч. у.	+ 3,1	Кизылъ-тагъ.	30	16.700*	Пасмурн. погода, сильный ю.-з. вѣт., снѣжная крупа.
	8 ч. в.	+ 6,2				
8	6 ч. у.	± 0,0	Маликъ-ша.	33	15.900*	Облачная погода, временами снѣгъ, сильный юго-зап. вѣтеръ.
	1 ч. д.	+ 7,2				
	8 ч. в.	+ 5,0	Кутасъ-джильга	37	15.800*	
9	6 ч. у.	+ 1,6				Ясная погода, небольшая облачность, къ вечеру зап. вѣтеръ, пасмурно и дождь.
	1 ч. д.	+28,4				
	8 ч. в.	+13,7	Шахидула.	13	11.900	
10	6 ч. у.	+10,0				Ясная погода, малая облачность; сильный сѣверо-восточный вѣтеръ.
	1 ч. д.	+26,5				
	8 ч. в.	+15,1	У р. Хотанъ-дарьи.	9	12.700*	
11	6 ч. у.	+11,9				Ясная погода, жарко, небольшая облачность.
	1 ч. д.	+25,0				
	8 ч. в.	+13,5	Ущелье Тагра-су (1-й ночлегъ).	13	12.700*	
12	6 ч. у.	+12,9				Облачная погода, сильный сѣв.-зап. вѣтеръ.
	8 ч. в.	+10,6	Ущелье Тагра-су (2-й ночлегъ).	14	13.500*	
13	6 ч. у.	+ 3,2				Ясная погода, малая облачность.
	8 ч. в.	+ 8,7	Ущелье Тагра-су (3-й ночлегъ).	14	14.500*	
14	6 ч. у.	+ 2,5				Ясная погода, малая облачность.
	8 ч. в.	+ 7,1	Ущелье Улюгъ-су (1-й ночлегъ).	9	14.800*	
15	6 ч. у.	+ 4,1				Облачная погода, ночью дождь.
	1 ч. д.	+25,8	Ущелье Улюгъ-су (Такенъ-Тосъ).	5	13.300*	
	8 ч. в.	+12,1				
16	6 ч. у.	+ 5,6				Облачная погода, послѣ полудня сѣверный вѣтеръ.
	1 ч. д.	+27,2				
	8 ч. в.	+14,4	Ущелье Улюгъ-су (3-й ночлегъ).	21	11.900*	
17	6 ч. у.	+ 9,2				Облачная погода.
	1 ч. д.	+18,7				

1) Наблюденія температуры въ 1 часъ дня производились иногда на пути, но такъ какъ мѣста этихъ наблюденій всегда были ближе къ ночлегу того же дня, чѣмъ предыдущаго, то къ нимъ они и пріурочиваются.

Мѣсяцъ и число 1898 г.	Время дня.	Температура въ тѣни въ градусахъ Ц.	Мѣста ночлеговъ.	Разстоян. въ верст. отъ предыд. ночл.	Высота надъ ур. моря въ футахъ.	Общій характеръ погоды. Атмосферные осадки. Вѣтры.
	8 ч. в.	+15,9	Ущелье Улюгъ-су (4-й ночлегъ).	19	10.600*	Облачная погода, временами небольшой дождь.
18	6 ч. у.	+11,1				
	8 ч. в.	+14,0	У р. Чульгенъ.	20	11.500*	
19	6 ч. у.	+11,7				Ясная погода, жарко, безоблачное небо.
	1 ч. д.	+30,1				
	8 ч. в.	+19,7	Аракашъ.	21	8.600*	
20	6 ч. у.	+18,1				Ясная погода, жарко, безоблачное небо, на горизонтѣ мгла.
	1 ч. д.	+29,7				
	8 ч. в.	+21,9	Акарекъ.	20	7.300*	
21	6 ч. у.	+17,9				
	1 ч. д.	+34,5				
	8 ч. в.	+25,0				
22	6 ч. у.	—	Каргалыкъ.	21	4.400	
	8 ч. в.	+25,0				Ясная, жаркая погода, безоблачное небо, на горизонтѣ густая мгла, закрывающая и часть небосклона.
23	6 ч. у.	+18,2				
	1 ч. д.	+28,1				
	8 ч. в.	+23,4	Якшамъ-базаръ.	24	4.000	
24	6 ч. у.	+16,1				
	1 ч. д.	+35,1				
	8 ч. в.	+27,5	Игарчи-базаръ.	26	—	
25	6 ч. у.	+19,4				
	1 ч. д.	+30,7				
	8 ч. в.	+24,4				
26	6 ч. у.	+19,4				Ясная, жаркая погода, мгла, къ вечеру сильный сѣв.-вост. вѣтеръ.
	1 ч. д.	+33,5				
	8 ч. в.	+23,0				
27	6 ч. у.	+16,9	Яркендъ.	12	3.900	Пасмурная погода, дождь до полудня.
	1 ч. д.	+23,4				
	8 ч. в.	+20,0				
28	6 ч. у.	+19,5				Ясная погода, сильный сѣв.-вост. вѣтеръ.
	1 ч. д.	—				
	8 ч. в.	+20,7				
29	6 ч. у.	+17,1				
	1 ч. д.	+29,4				
	8 ч. в.	+25,0	Кукъ-ратъ.	34	3.800	
30	6 ч. у.	+20,7				Ясная жаркая погода, перемѣнная облачность, на горизонтѣ мгла.
	1 ч. д.	+28,7				
	8 ч. в.	+27,7	Кизылъ.	33	—	
31	6 ч. у.	+20,9				
	1 ч. д.	+32,6				
Августъ.	8 ч. в.	+20,7	Янги-Гисаръ.	38	4.800	
1	6 ч. у.	+18,5				Ясная жаркая погода, малая облачность, мгла, ночью дождь.
	1 ч. д.	+29,1				
	8 ч. в.	+22,1	Япчанъ.	34	—	
2	6 ч. у.	+14,8				
			до Кашгара.	34	4.200	Ясная, прохладная погода.

Примѣчаніе. 1) Метеорологическія наблюденія отъ Кашгара до Оша, кромѣ общихъ замѣчаній, вошедшихъ въ текстъ, утеряны.

2) Высоты отмѣченныя звѣздочкой опредѣлены авторомъ; прочія взяты съ картъ.

3) Высоты опредѣлялись анероидомъ, вывѣреннымъ передъ отъѣздомъ изъ Петербурга на Главной Физической Обсерваторіи.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

географическихъ названій, встрѣчающихся въ книгѣ.

Азія 19, 34, 39, 185, 236.
Акарекъ 193, 194, 195, 196, 197, 288.
Аксу 189, 252.
Акъ-рабатъ 229.
Акъ-тагъ 141, 142, 152.
Акъ-ташъ 131.
Алай 268, 276, 278.
Алайская долина 273, 274, 277.
Алайскій хребетъ 270, 272, 274.
Англія 190.
Андижанъ 31, 213, 272, 283, 284.
Андижанъ-кичикъ 254.
Аписъ 70.
Аракашъ 186, 187, 193, 288.
Аральское море 147.
Аруну 112.
Афганистанъ 1, 243.

Базго 85, 286.
Байкалъ 147.
Балталь 56, 58.
Балти Брангса 138, 140.
Балтистанъ 35, 70.
Барамуля 6, 8, 9, 10, 11, 12, 13, 14, 15, 20, 43, 44, 48.
Бахсумъ-булакъ 141.
Бенаресъ 32.
Биштерекъ 196.
Больголюкъ-даванъ 181, 183.
Болярумъ 1.
Бунакъ 196.
Вакха 70, 72, 74.
Васкинъ 108.
Венеція 32.
Вогабъ-джильга 141.
Вуларъ 18, 19, 44.

Гайдерабадъ 1.
Гангъ 33.
Гандербаль 41, 45, 46, 48, 49, 55.
Ганлисъ 98, 286.
Гапь-су 192.
Гари 9, 10.
Гильгитъ 1, 2, 3, 35.
Гималаи 4, 9, 23, 35, 64, 65, 284.
Гоби 245.
Гульмаркъ 14, 22, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 35.
Гульча 270, 271, 273, 277, 278, 279, 280, 281.
Гумбасъ 133, 134.
Гумулюнъ 121.
Гундъ 50.
Гунза-Нагаръ 3.

Давлетъ-бегъ-ульды 133.
Дарджилингъ 23, 32.
Дехни-Мурги 128, 135.
Джаму 33, 35, 222.
Джелюмъ 6, 7, 8, 11, 12, 15, 17, 19, 21, 26, 28, 33, 41, 44, 45, 48.
Джитышааръ 189, 191, 206, 225.
Джубале 280.

Доркитъ 73.
Драсъ 47, 59, 60, 61, 62, 63, 65, 66, 67, 68, 69, 70, 81, 97, 109, 114.

Египетъ 11, 268.

Заалайскій хребетъ 273, 274, 275.
Заскаръ 86, 99, 100.
Зоджи-ля 48, 50, 52, 55, 56, 59, 60, 62, 63, 65, 66, 117.

Игарчи-базаръ 212, 213, 214, 288.
Игинъ 265, 266, 277.
Или 192.
Индійская Имперія 77.
Индійскій океанъ 64.
Индія 1, 3, 4, 5, 7, 10, 11, 14, 16, 21, 22, 25, 26, 34, 64, 83, 90, 91, 92, 93, 115, 131, 138, 141, 198, 203, 206, 222, 225, 239, 240, 268, 282, 284.
Индостанъ 65.
Индъ 63, 65, 66, 67, 70, 75, 80, 81, 82, 83, 84, 85, 86, 87, 97, 102, 114, 186.
Иогмайюль 70.
Иркештамъ 31, 240, 253, 260, 266, 268, 269, 270, 271, 272, 273, 277, 280.
Искардо 70.

Іонъ 80, 81.

Кавказъ 122, 127.
Каксаръ 70.
Каляти 82.
Калькута 2.
Канганъ 46, 49, 50, 54, 286.
Канджутъ 1.
Канкнаи 49.
Кантонъ 247.
Канъ-джуганъ 257, 259.
Каракашъ 145, 189.
Кара-Киндыкъ 276.
Каракорамское нагорье 3, 97, 112, 115, 116, 118, 119, 122, 131, 133, 139, 143, 145, 152, 156, 184, 216.
Каракорамскій перевалъ 134, 136, 140, 216.
Каракорамскій ручей 134, 135.
Каракумъ 227.
Карапгликъ 256, 257.
Карбу 70, 75.
Каргалыкъ 156, 177, 181, 186, 197, 204, 205, 206, 209, 210, 211, 216, 221, 228, 230, 233, 234, 288.
Каргиль 57, 66, 68, 69, 71, 72, 73, 74, 286.
Кардунгъ 96, 97, 98, 100, 101, 102, 103, 104, 105, 286.
Карликъ-даванъ 150, 156, 170, 177, 182.
Кашгарія 3, 90, 92, 97, 137, 138, 145, 146, 149, 150, 152, 166, 171, 187, 189, 191, 193, 194, 195, 206, 207, 208, 210, 213, 214, 215, 216, 222, 228, 230, 231, 232, 234, 235, 240, 241, 242, 243, 245, 246, 251, 252, 253, 257, 258, 260, 262, 270, 271.
Кашгаръ 3, 4, 5, 91, 92, 137, 184, 189, 196, 212, 227, 229, 230, 234, 235, 236, 237, 238, 239, 240, 241, 242, 243, 245, 247, 248, 249, 251, 252, 253, 254, 255, 257, 259, 263, 265, 271, 272, 286, 288.
Кашгаръ-дарья 190, 216, 240.
Кашмиръ 1, 2, 3, 5, 6, 8, 9, 10, 12, 14, 20, 21, 23, 25, 27, 34, 35, 37, 38, 39, 40, 43, 48, 51, 53, 56, 59, 62, 67, 71, 114, 122, 146, 166, 222, 239, 286.
Кіагуръ 107, 108, 286.
Кизылъ 228, 229, 230, 288.
Кизылъ-ой 259, 261.
Кизылъ-су 240, 254, 256, 262, 263, 264, 265, 266, 268, 271, 272, 273, 274, 275.
Кизылъ-тагъ 138, 287.
Киліангъ 149, 156, 157.
Киликъ 3.
Кильчунъ 232.
Киркичу 70.
Китай 89, 115, 146, 189, 207, 208, 239, 247, 252, 264, 271, 272.

Когатъ 7.
Кокапъ 189.
Константинополь 268.
Кохала 7.
Кошъ-гумбезъ 232.
Кубетъ 112.
Кугіаръ 197.
Кукъ-раватъ 228, 229, 288.
Кулянъ 51.
Кульджа 191.
Курамъ 7.
Кургашинъ-кани 260.
Кури 108.
Курумды 273.
Куршъ-абъ 270, 277, 278, 279, 280.
Кутасъ джильга 143, 287.
Куча 189.
Кушъ-уякъ 261.
Куэнь-люнь 113, 114, 115.

Лагоръ 35, 65.
Ладакъ 2, 3, 35, 37, 40, 47, 48, 56, 57, 59, 60, 62, 63, 64, 65, 67, 68, 69, 73, 75, 78, 79, 82, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 95, 102, 103, 104, 107, 108, 112, 113, 114, 122, 123, 128, 129, 134, 150, 156, 163, 206, 241, 253.
Ладакъ-Купкъ 86.
Ланъ-Чжоу-фу 192.
Ласса 79, 89, 162.
Лей 30, 40, 41, 55, 65, 67, 77, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 92, 93, 94, 95, 96, 97, 99, 102, 103, 107, 113, 120, 122, 253, 284, 286.
Лобъ-норъ 137, 190, 216, 217.
Лоцумъ 73.
Лякзунъ 107.
Лямаюру 75, 76, 77, 80, 82, 286.
Лянгаръ 197, 281.
Ляоучи 97.
Лярдо 84.
Ляскетъ 116, 117, 118, 119.

Мады 281, 282, 283.
Малпкъ-ша 141, 213, 287.
Манга 22, 24, 26, 27, 28, 31.
Маралъ-баши 192, 216, 252.
Маргеланъ 206.
Маргистапгъ 119, 120, 121, 287.
Матіюнъ 61, 286.
Машрупъ 262.
Мекка 215, 283.
Минъ-юлъ 255, 256.
Моргю 84.
Моцехой 60.
Мульбекъ 72, 73, 74, 76, 77, 286.
Мурги 108.
Мустагъ-ата 234, 236.
Мэри 4, 5, 6, 7, 10.

Награ-Чалды 265.
Намійка 75.
Нарынъ 239.
Нпму 86.
Нубра 102, 104, 107, 108, 109, 112, 114, 116, 117, 119, 122, 163.
Нура 273.

Одесса 268.
Ошъ 31, 253, 255, 270, 271, 272, 273, 277, 280, 281, 282, 283, 284, 288.

Памиры 1, 140, 190, 277, 278.
Панамикъ 108, 109, 112, 119, 286.
Пангонкъ 97.
Пангтанса 122, 287.
Пашкіумъ 72, 73.
Паянгъ 86, 88.
Пейваръ-Коталъ 7.
Пекинъ 94.
Пенджабъ 4, 6, 7, 8, 33, 35.
Петербургъ 288.
Покачу 112.
Посгамъ 209, 212.
Пржевальскъ 240.
Пулё 133.
Пянджъ 274.

Равальпинди 4, 6, 7.
Раскемъ 134, 152, 189, 258.
Раскемъ-дарья 137, 138, 140, 141, 142, 146, 152, 213.

Раскемскій хребетъ 137, 145, 149, 150, 152, 155, 156, 161, 170, 182, 184, 216.
Ревиль 51.
Ризамъ 50, 51, 52.
Россія 1, 15, 19, 38, 41, 90, 91, 190, 203, 210, 218, 237, 238, 240, 256, 268, 271.

Санджу 149, 156, 157.
Санилюмъ 75.
Сарыколъ 8, 193, 236.
Сарыташъ 264.
Сасонга 112, 117.
Саспуль 84, 85.
Сасыръ 112, 121, 122, 126, 135.
Сати 105, 107, 286.
Саушамъ-базаръ 210.
Сахнустанъ 232.
Семирѣченская область 155, 239, 240, 270.
Серванъ 50.
Сибирь 147.
Силь-абъ 256.
Синдъ 41, 45, 46, 47, 48, 49, 50, 51, 52, 53, 56, 57, 58, 59, 67, 69, 83, 166, 206.
Синъ-цзянь-шэнъ 192.
Симла 2, 3, 4, 31.
Сирсиль 128, 129, 130, 131, 287.
Снурля 82, 83, 84, 286.
Сонмаркъ 50, 51, 52, 54, 56, 57, 286.
Сопуръ 16, 17, 19.
Спангтынгъ 84.
Средняя Азія 1, 145, 191, 219, 231, 238, 241, 260, 272.
Сринагаръ 3, 4, 5, 6, 7, 10, 12, 13, 14, 19, 20, 21, 22, 23, 25, 26, 27, 28, 29, 31, 32, 33, 34, 35, 38, 39, 40, 43, 44, 49, 53, 55, 56, 57, 77, 83, 88, 91, 123, 286.
Сумуръ 107.
Сыръ-Дарьинская область 155.
Сугетъ 142, 143, 144, 145, 153.
Суру 62, 70, 71, 72, 90.
Суфи-курганъ 270, 277, 278, 279.

Тагра-су 155, 156, 157, 158, 160, 161, 162, 163, 165, 166, 168, 169, 287.
Такенъ-Тосъ 177, 178, 179, 180, 183, 287.
Такла-Маканъ 188, 190, 215.
Таксей 112.
Талдыкъ 270, 271, 272, 273, 277.
Талдыкъ-су 277, 280.
Талямъ 117, 118, 120, 121.
Тарбагатай 192.
Таримъ 137, 190, 216.
Тару 86.
Таунъ-Мурунъ 271, 273, 274, 275.
Ташгамъ 67, 68, 69, 70, 286.
Ташкентъ 147.
Ташъ-курганъ 3, 193.
Тегерменъ 232.
Терекъ-даванъ 270, 271, 272, 278.
Тзо 132.
Тибетъ 34, 37, 38, 56, 57, 59, 65, 71, 74, 79, 89, 90, 94, 109, 110, 114, 152, 239, 243.
Тиритша 108.
Тиритъ 107.
Трунгженъ 62.
Тугракъ-сай 263.
Тупалянгъ-даванъ 182, 183.
Туркестанъ 26, 37, 89, 90, 92, 93, 111, 116, 137, 138, 147, 155, 189, 190, 191, 194, 207, 208, 210, 213, 215, 216, 219, 220, 221, 222, 227, 231, 233, 235, 237, 238, 239, 240, 243, 257, 260, 270, 272.
Турукъ 280, 281.
Тянь-Шань 254, 258.

Уксалыръ 261, 262.
Улюгчатъ 264, 265, 266.
Улюгъ-су 176, 177, 178, 179, 180, 181, 182, 183, 184, 187, 287, 288.
Ури 8, 11.
Урумчи 192, 246.
Урюкъ 256.

Ферганская область 189, 213, 218, 222, 268, 270, 273, 282, 284.

Фоту-ля 75, 80.

Хаджи Пиръ 8.
Халь Чушкинъ 146, 154.
Хардусъ 70.
Хотанъ 189, 192, 193, 230, 243, 252.
Хотанъ-дарья 114, 118, 143, 144, 145, 146, 152, 153, 154, 155, 156, 158, 161, 190, 287.

Центральная Азія 1, 47, 63, 68, 90, 137, 188, 191, 220, 238, 239, 240.

Чаждженьга 154, 287.
Чанагундъ 70.
Чанглюнгъ 112, 114, 116, 117, 119, 286, 287.
Чамшингъ 108.
Чараса 108.
Четп 105, 107.
Чжунгарія 192.
Чибра 142.
Чигирчикъ 280.
Чилискомо 70.
Чипчакъ 132, 133.
Читыкурмозинъ 160.
Чуги-ля 85, 86.
Чульгенъ 183, 184, 185, 186, 193, 288.
Чумъ Хумданъ 131.

Шальбели 280.
Шартъ-даванъ 270, 271, 272, 276, 277.
Шахидула 109, 110, 134, 135, 138, 143, 144, 145, 146, 149, 150, 152, 153, 154, 157, 166, 182, 248, 287.
Швейцарскіе Альпы 122.
Шейокъ 96, 97, 102, 104, 105, 107, 113, 128, 129, 130, 131, 132, 287.
Шейхъ-ады 282.
Шерголь 73, 74.
Шинго 70.
Шикарпуръ 198, 206.
Шуръ-булакъ 263.
Шэнъ-сп 192.

Эй 112.
Энса 108.

Юса-базаръ 212.

Якшамъ-базаръ 211, 288.
Янги-Гисаръ 189, 192, 232, 233, 234, 243, 288.
Янги-шааръ 192, 227, 237, 243, 252.
Янгрыкъ 279.
Янчанъ 234, 235, 288.
Яркендъ 42, 65, 89, 92, 107, 138, 142, 146, 156, 189, 192, 193, 209, 210, 211, 212, 213, 215, 217, 220, 221, 222, 224, 225, 226, 227, 228, 229, 230, 241, 242, 243, 250, 251, 252, 288.
Яркендъ-дарья 137, 190, 211, 212, 213, 215, 216.

АЛФАВИТНЫЙ УКАЗАТЕЛЬ

латинскихъ (ботаническихъ и зоологическихъ) названій, встрѣчающихся въ книгѣ.

Abies sp. 53, 57.
Acer caesium 53, 54.
Achillea Millefolium 54.
Actitis hypoleucus 52.
Actitis ochropus 196.
Adonis sp. 66.
Adonis chrysocyathus 54.
Adonis vilosa 54, 57.
Agropirum sp. 66.
Alauda triborhynchus 67.
Alcedo bengalensis 52.
Alhagi camelorum 229, 232, 258.
Allium polyphilum 66, 145.
Anagallis arvensis 54.
Anemone narcissiflora 54.
Anemone obtusilobe 54.
Anemone rupicola 54, 66.
Anemone tertasepala 54.
Androsace Aizoon 54, 66.
Androsace globifera 185.
Androsace rotundifolia 54.
Androsace villosa 66.
Antilope subgutturosa 139.
Antilope Hodgsoni 139.
Aquilegia kunawarensis 54.
Aquilegia vulgaris 57, 66.
Arctomis bobac 275.
Arenaria musciformis 145.
Armeniaca vulgaris 53, 104, 113, 258.
Artennaria contorta 54, 66.
Artemisia sp. 66, 185, 258.
Artemisia Dracunculus 144, 185.
Artemisia laciniata 144.
Artemisia stricta 113.
Artemisia vulgaris 54.
Asperula humifusa 66.
Aster sp. 258.
Aster alpinus 75, 113, 144.
Astragalus sp. 66, 145.
Astragalus adesmiaefolis 66.
Astragalus multiceps 57.

Barbaraea arcuata 66.
Berberis sp. 258.
Berberis Kashgarica 184.
Berberis umbellata 53.
Berberis vulgaris 68.
Betula alba 53, 54, 57, 184.
Betula Bhojputra 59.
Biberstenia odora 113.
Brassica arvensis 259.
Braya sp. 145.
Braya alpina 66.
Bromus sp. 66.

Calandrella brachydactyla 52, 67.
Calligonum comosum 229, 258.
Capparis spinosa 80, 81.
Capsella Bursa pastoris 53.
Carabus 193.

Carduus nutans 259.
Carpodacus erythrinus 52, 67.
Castanea vesca 53.
Certhia familiaris 51.
Charadrius longipes 196.
Cicer songaricum 66, 113, 144.
Clematis Orientalis 53, 54, 57, 65, 113, 184.
Clematis Tangutica 155.
Cnicus argyracanthus 113, 185.
Colaeus monedula 52.
Columba rupicola 67.
Comarum Salessovi 185.
Convolvulus arvensis 54, 67, 259.
Corocias garrula 52.
Corydalis crassifolia 66.
Corvus intermedius 52, 67, 196.
Corvus Thibetanus 99, 114, 145, 166.
Cotoneaster sp. 65.
Cotoneaster nummularia 53.
Cotyle rupestris 67, 114.
Crataegus sp. 53.
Cristolea pamirica 145, 185.
Cristolea crassifolia 66.
Cuculus canorus 51.
Cuscuta planiflora 54.
Cynoglossum sp. 54, 66.
Cynoglossum maerostilum 66.

Datura stramonium 54.
Delphinium sp. 54.
Desmodium tiliaefolium 53.
Dipsacus inermis 54.
Dracocephalum Heterophyllum 145.
Dracocephalum *) nutans 54.

Echinospermum sp. 75.
Elaeagnus sp. 258.
Elaeagnus hortensis 113, 184.
Emberiza cia 52.
Ephedra vulgaris 184.
Epilobium sp. 145.
Eremurus sp. 66.
Erigeron acris 54.
Erysimum sp. 54.
Euphorbia sp. 54.
Euphorbia Thomsoniana 75.
Euphorbia Tibetica 75.
Eurotia ceratoides 113, 134, 135, 145, 185.

Falco subbuteo 195.
Falco tinunculus 67, 114, 195.
Ferula Iaeschkeana 54, 66.
Fragaria elatior 54.
Fraxinus sp. 53.
Fregilus graculus 52, 67.
Fulica atra 52, 67.

Galium verum 54.
Galium sp. 259.
Geranium collinum 184.
Geranium Himalaense 66.
Glaux maritima 185, 259.
Gups himalayensis 145.
Gypaëtus barbatus 51, 67, 145, 166.

Haliaëtus leucoryphus 195.
Heracleum Candicans 66.
Hippophaë rhamnoides 53, 54, 65, 68, 113, 184, 258.
Hirundo rustica 52, 195.
Holalachne shawiana 184.
Hydrobata asiatica 67.
Hydrobata cashmiriensis 52.
Hyoscyamus niger 54.
Hypericum perforatum 54.

Impatiens laxiflora 54.
Iris *) Kumaonensis 57, 66.

Juncus membranacium 66.
Juniperus excelsa 66.
Juniperus **) Pseudo Sabina 273.

Karelina Caspia 259.
Karelina nigrum 185.

Lactuca Dissecta 54.
Lactuca longifolia 185.

*) По недосмотру, въ текстѣ допущена опечатка въ этомъ названіи (вмѣсто Dracocephalum – Drococephalum).

*) На стр. 66-й допущена опечатка: Jris вмѣсто Iris.

**) Въ текстѣ – опечатка: Jniperus.

Lactuca sativa 66, 259.
Lamium album 54.
Lathyrus tuberosus 54.
Lathyrus sativus 66.
Leontopodium alpinum 57, 75.
Lepidium latifolium 259.
Lepyrodiclis glandulosa 66, 258.
Lonicera sp. 65.
Lonicera Caprifolium 53.
Lotus corniculatus 54, 66.
Lycium Ruthenicum 113.

Malva rotundifolia 54.
Malva verticillata 258.
Medicago cashmiriana 66.
Medicago falcata 66.
Medicago lupilina 54, 57, 258.
Megaloperdix himalayensis 114, 116, 145, 166.
Melilotus officinalis 66, 113, 258.
Mentha arvensis 259.
Mentha silvestris 66.
Mergus castor 67.
Morus nigra 53, 65, 73, 258.
Motacilla luzoniensis 67, 166.
Mulgedium Tataricum 185, 259.
Myosotis silvatica 66.
Myricaria sp. 65, 184.
Myricaria elegans 68, 113, 258.
Myricaria germanica 53, 54, 57, 258.
Myricaria Hoffmeisteri 65.

Nepeta sp. 66.
Nepeta longebracteata 113.
Nephrodium odontolona 54.

Origonum vulgare 54.
Oriolus kundoo 52, 195.
Otocorys longirostris 145, 166.
Oxyria digyna 113.
Oxytropis sp. 75, 258.
Oxytropis myriophylla 113, 145.

Parus cunereus 52.
Passer indicus 52, 67, 195.
Pedicularis Himalaica 145.
Peganum Harmala 258.
Perowskia abretanioides 113.
Petrocossyphus cyaneus 67, 114.
Phragmites communis 184, 258.
Phylloscopus tristis 67.
Physoclaina prealta 66, 113, 145.
Pica bactriana 67.
Picus himalayanus 51.
Pinus silvestris 53, 57, 184.
Pisum arvense 258.
Plantago lanceolata 54.
Plantago tibetica 67.
Platanus Orientalis 45, 53, 54.
Pleurospermum sp. 145, 185.
Polemonium coeruleum 54.
Polygonum sp. 54.
Polygonum rumicivalium 66.
Polygonum viviparum 66, 145, 185.
Podoces Hendersoni 196.
Populus sp. 53, 184.
Populus alba 53, 258.
Populus diversifolia 181, 258.
Populus nigra 53, 62.
Populus tremula 53, 54.
Porzana pygmaea 167.
Potentilla sp. 67.
Potentilla bifurca 67, 185.
Potentilla fruticosa 185.
Potentilla multifida 113, 145, 185.
Potentilla sericea 113.
Prangos pabularia 54, 66.
Pratincola rubicola 52, 167.
Primula sp. 57, 66, 185.
Pyrethrum pamiricum 144.
Pyrrhula aurantica 52.
Pyrus communis 53, 258.
Pyrus Malus 53, 258.

Ranunculus sp. 54, 57, 66.
Ranunculus aquatilis 66.
Raphanus sp. 54, 259.
Rheum Webbinus 145.
Ribes orientale 68, 113.
Rosa sp. 53, 54, 57, 68, 113, 116, 184, 258.
Rumex sp. 57.
Rumex orientalis 66.
Ruticilla erythrogastra *) 67, 166.

*) По недосмотру, въ этомъ названіи

Salix sp. 53, 113, 144, 284, 258.
Salix acutifolia 65.
Salix elegans 65.
Salix rubra 65.
Salix tetrasperma 65.
Sambucus nigra 53.
Saussurea sp. 144.
Saxicola atrogularis 67, 114, 195.
Sedum Rhodiola 66, 113, 145.
Senecio sp. 185.
Senecio pedunculatus 259.
Silene Wallichiana 66.
Sisymbrium Irio*) 66.
Sitta leucopsis 52.
Solanum nigrum 185, 259.
Sonchus sp. 259.
Sonchus oleraceus 54.
Sophora alopcuroides 186, 258.
Stachys sp. 66, 113.
Stellaria crispata 57.
Sternula minuta 196.
Stipa sibirica 66, 259.
Sturnus nitens 52.
Sturnus vulgaris 196.
Sylvia curruca 166.

Tamarix sp. 65, 68, 113, 258.
Taraxacum officinale 54, 57, 66, 144, 185, 259.
Thalictrum minus 54, 57, 66.
Thermopsis alpina 145.
Thymus Serpyllum 53, 65.
Tichodroma muraria 52, 67.
Totanus glottis 196.
Tribulus silvestris 258.
Tribulus terrestris 258.
Trifolium pratense 54, 66.
Triglochin palustre 185.
Tringa subarcuata 196.
Tschitrea paradisi 52.
Turtur vitticollis 52.
Tussilago Farfara 54, 57.

Upupa epops 52, 67, 195.
Urtica sp. 145.

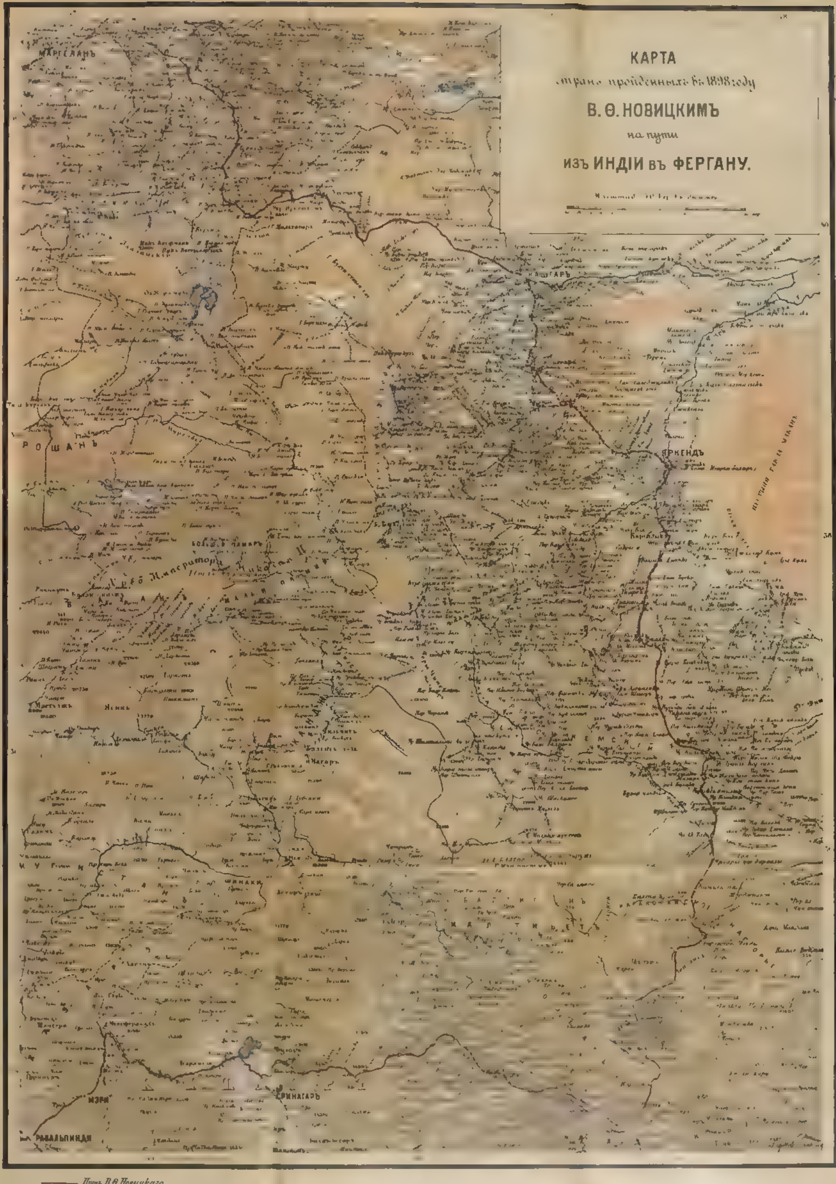
Vanellus cristatus 196.
Veronica Aragallis 57.
Vicia Narbonensis 66.
Viscaria parviflora 66.

Xanthium strumarium 258.

допущена опечатка въ текстѣ и этотъ видъ названъ: на стр. 67-й—R. erythrogaster, а на стр. 166-й—R. erythrogasta.

*) Въ этомъ словѣ въ текстѣ допущена опечатка: Jrio вмѣсто Irio.

ОБЪЕДИНЕННАЯ БИБЛИОТЕКА И. К. П.



БИБЛИОТЕКА Н. К. П.

Приложеніе 2ое

Графическое изображеніе

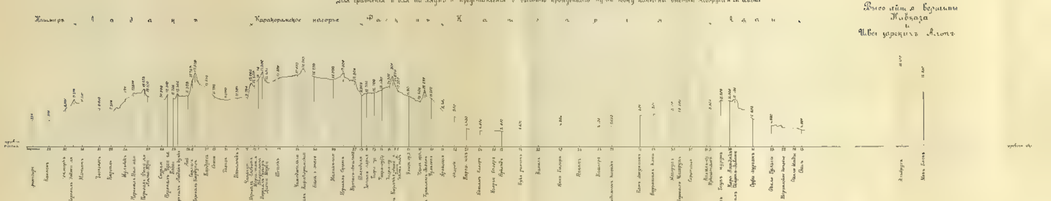
пути отъ г. Сринагара (въ Кашмирѣ) до гор. Оша пройденнаго въ 1898 году

В. Е. Новицкимъ

Для наглядности вертикальный масштабъ увеличенъ [illegible]

Масштабъ высотъ — 10 000 футовъ въ дюймѣ, масштабъ [illegible] 75 верстъ въ дюймѣ

Для сравненія и для нагляднаго представленія о высотѣ пройденнаго пути сбоку нанесены высоты Эльбруса и М. Блана



Т. VIII, вып. 1, 1879 г., ц. 1 р. 50. к. — Общій очеркъ теоріи постоянныхъ морскихъ теченій (съ чертежами); барона Н. Г. Шиллинга. — Пояснительная записка къ картѣ Персіи (съ картою); І. И. Стебницкаго. — **Вып. 2, 1879 г., ц. 1 р. 50 к.** — Историческій очеркъ Уссурійскаго края, въ связи съ исторіей Манчжуріи: Палладія. — Наблюденія надъ замерзаніемъ соляного озера близъ г. Илецка, Оренбург. г. (съ картою) Ю. А. Листова. — Краткій топографическій очеркъ пути, пройденнаго русскою экспед. по Китаю въ 1875 г. отъ Ханькоу до Зайсанскаго поста; З. Матусовскаго. — Журналъ байдарной экспедиціи, назначенной для описи сѣв. берега Америки, съ 5-го іюля 1838 г. по 6-е сент. того-же года; Кашеварова. — О видѣ земли и уровнѣ океановъ (съ картою); Р. Э. Ленца.—Прибавленіе къ пояснительной запискѣ къ картѣ Персіи; І. И. Стебницкаго.

Т. IX, 1881 г., ц. 3 р.—Низовья Аму-Дарьи (съ картою); барона А. В. Каульбарса. Съ приложеніемъ атласа примѣровъ, произведенныхъ въ 1873 г. въ низовьяхъ р. Аму-Дарьи бар. А. В. Каульбарсомъ и полнаго списка примѣровъ. 1888 г. Ц. 5 р.

Т. X, 1883 г., ц. 2 р. 50 к.—Путешествія Г. С. Карелина по Каспійскому морю (съ картами).

Т. XI, 1888 г., ц. 3 р.—Очеркъ пути отъ Тзянь-цзина до Чжень-цзянь (съ картою). П. Ѳ. Унтербергера.—Путевыя замѣтки отъ Чень-дуфу до Чжея переводъ П. Попова. — Карта Джунгаріи, составл. шведомъ Ренатомъ во время его плѣна у Калмыковъ въ 1716—1733 г.; А. Макшеева.—Путешествіе на Алтай и за Саяны въ 1881 г. (съ чертежами); А. В. Адріанова.

Т. XII, вып. 1, 1882 г., ц. 75 к.—Поступательное движеніе циклоновъ и антициклоновъ въ Европѣ и преимущественно въ Россіи; П. Броунова.—**Вып. 2, 1882 г., ц. 20 к.**—Новѣйшія изслѣдованія ледниковъ и причинъ ихъ измѣненій; А. И. Воейкова.—**Вып. 3, 1882 г., ц. 30 к.**—Нѣкоторые результаты нивеллировочныхъ изслѣдованій между Оренбургомъ, Аральскимъ моремъ и Каратугаемъ; К. К. фонъ-Шульца. — **Вып. 4, 1884 г., ц. 1 р. 50 к.** Записки переводчика, составленныя переводчикомъ при окружномъ управленіи на островѣ Цусимѣ. Отано Кигоро; П. Дмитревскаго (очеркъ Кореи конца прошлаго столѣтія).

Т. XIII, 1886 г.; ц. 3 р.—Орографическій очеркъ Памирской горной системы Н. А. Сѣверцова.

Т. XIV*, 1885 г., ц. 2 р. Россія дальняго востока; Ф. Шперка.

Т. XV, вып. 1, 1885 г., ц. 1 р. Результаты сибирской нивеллировки; В. Фуса.—**Вып. 2*, 1885 г., ц. 20 к.**—Снѣжный покровъ, его вліяніе на климатъ и погоду; А. И. Воейкова (второе изданіе, дополненное, см. т. XVII, вып. 2.)—**Вып. 3*, 1886 г. ц. 2 р.**—О результатахъ изслѣдованія озера Байкала; И. Д. Черскаго (съ картою на двухъ большихъ листахъ).—**Вып. 4, 1884 г., ц. 20 к.**—Верхнее и среднее теченіе судоходной Аму; Н. Н. Зубова.—**Вып. 5, 1886 г., ц. 60 к.**—О причинахъ обваловъ морскаго берега въ окрестностяхъ Одессы; Д. Ѳ. Жаринцова.—**Вып. 6, 1886 г., ц. 30 к.**—Объ установкѣ термометровъ для опредѣленія температуры и влажности воздуха; Р. Н. Савельева.—**Вып. 7, 1886 г., ц. 50 к.**—О поѣздкѣ въ сѣверо-восточную Персію и Закаспійскую Область; А. М. Никольскаго.—**Вып. 8, 1887 г., ц. 40 к.** Нѣкоторыя приложенія теоріи вѣроятностей къ метеорологіи; І. А. Клейбера.

Т. XVI, вып. 1, 1885 г., ц. 2 р.—Поѣздка по Лапландіи; Д. Н. Бухарова.—**Вып. 2, 1886 г., ц. 50 к.**—Физико-географическое описаніе юго-восточной части Олонецкой губ.; И. С. Полякова.

Т. XVII, вып. 1*, 1887 г., ц. 1 р.—Сѣверно-уссурійскій край; И. П. Надарова. **Вып. 2, 1887 г., ц. 50 к.**—Засуха 1885 г.; А. И. Воейкова.—**Вып. 3, 1888 г., ц. 60 к.**—Метеорологическія сельско-хозяйственныя наблюденія въ Россіи въ 1885 и 1886 гг. А. И. Воейкова.—**Вып. 4, 1887 г., ц. 2 р.**—Древнѣйшія русла Аму-дарьи; А. В. Каульбарса. — **Вып. 5, 1888 г., ц. 75 к.** — Объ опредѣленіи географической широты по соотвѣтственнымъ высотамъ двухъ звѣздъ; М. В. Пѣвцова.

Т. XVIII, вып. 1, 1888 г., ц. 30 к.—Барометрическія наблюденія на удаленныхъ метеорологическихъ станціяхъ и во время путешествій;Р. Н. Савельева.—**Вып. 2, 1889 г., ц. 1 р.**—Снѣжный покровъ, его вліяніе на почву, климатъ погоду, и способы изслѣдованія; А. И. Воейкова (изданіе второе). — **Вып. 3, 1888 г., ц. 30 к.** — Укрѣпленіе и облѣсеніе летучихъ песковъ въ Западной Европѣ С. Ю. Раунера.—**Вып. 4, 1888 г., ц. 20 к.** Результаты сравненія нормальныхъ барометровъ нѣкоторыхъ изъ главнѣйшихъ метеорол. учрежд. Европы; П. Броунова.

Т. XIX, 1888 г., ц. 2 р. 50 к.—Опытъ исторіи развитія флоры южной части вост. Тянь-Шаня; А. Н. Краснова.

Т. XX, вып. 1*, 1896 г., ц. 1 р. 50 к.—Дневникъ экспед. Чекановскаго по Нижн. Тунгуски, Оленеку и Ленѣ въ 1873—75 гг.; **вып. 2, 1890 г., ц. 1 р.**—Объ измѣненіи уровня Каспійскаго моря; Н. Ф М. Филипова.—**Вып. 3*, 1890 г., ц. 2 р.**—Закаспійская низменность; В. А. Обручева.

Т. XXI, 1890 г., ц. 7 р. — Распредѣленіе атмосфернаго давленія на пространствѣ Россійской Имперіи и Азіятскаго материка (съ атласомъ); А. А. Тилло.

Ц. 20 р.

Т. XXII, вып. 1*, 1892 г. — [illegible]ожныя замѣтки на пути по Монголіи въ 1847 и 1859 гг.; Архимандрита Палладія.—**Вып. 2*, 1893 г., ц. 1 р.**—Утай, его прошлое и настоящее; Д. Покотилова.—**Вып. 3, 1890 г., ц. 30 к.**—Наблюд. надъ снѣжнымъ покровомъ въ Россіи въ 1888—89 гг.; А. И. Воейкова.—**Вып. 4, 1892 г., ц. 60 к.**—Метеорол. сельскохоз. наблюд. въ Россіи въ 1888 и 1889 гг.; А. И. Воейкова.

Т. XXIII, вып. 1, 1891 г., ц. 1 р.—Зоогеографическій характеръ фауны полужесткокрылыхъ Туркестана; В. Ошанина.—**Вып. 2, 1891 г., ц. 2 р.**—Кульджа и Тянь-Шань; С. Алфераки.—**Вып. 3, 1891 г., ц. 2 р.**—Элементы средиземноморской области въ зап. Закавказьѣ; Н. Кузнецова.

Т. XXIV, вып. 1, 1890 г., ц. 1 р. 60 к.—Наблюденія надъ качаніями поворотныхъ маятниковъ Репсольда на Новой Землѣ и въ Архангельскѣ; А. Вилькицкаго.—**Вып. 2, 1891 г., ц. 1 р.**—Наблюденія надъ качаніями поворотныхъ маятниковъ Репсольда въ Орлѣ, Липецкѣ и Саратовѣ; А. Вилькицкаго.—**Вып. 3, 1891 г., ц. 30 к.**—Наблюденія надъ качаніями поворотныхъ маятниковъ Репсольда, произвед. на Желтухинѣ, Б. Шереметевкѣ, Погостѣ, Казани, Солонихѣ, Сергѣевкѣ и Знаменскомъ; П. К. Штернбергомъ.—**Вып. 4*, 1892 г.**—Наблюденія надъ качаніями повор. маятн. Репсольда, произвед. въ Пулковѣ, Варшавѣ и Бобруйскѣ въ 1888 г. и въ Пулковѣ, Москвѣ, Самарѣ и Оренбургѣ въ 1890 г.; А. Соколовымъ.

Т. XXV, вып. 1, 1891 г., ц. 60 к.—Матеріалы къ вопросу объ отрицательномъ движеніи берега въ Бѣломъ морѣ и на Мурманскомъ берегу; В. Фаусека.—**Вып. 2*, 1893 г., ц. 1 р.**—Проектъ предохраненія С.-Петербурга отъ наводненія; Э. Тилло.—**Вып. 3, 1893 г., ц. 50 к.**—Астроном., магн. и баром. набл. въ 1886 г., въ Бухарѣ, Дарвазѣ, Каратегинѣ, Зеравшанской, Ферганской и Сыръ-Дарьинской обл.; Ф. Шварца.—**Вып. 4, 1893 г., ц. 1 р.**—Метеорол. сельскохоз. набл. въ Россіи въ 1890—91 гг.; А. Воейкова.

Т. XXVI, 1893 г., ц. 3 р.—Каталогъ землетрясеній Россійской Имперіи; И. Мушкетовъ и А. Орловъ.

Т. XXVII, 1895 г., ц. 3 р.—Очерки Астраханскаго края; Ф. Шперка.

Т. XXVIII, вып. 1, 1896 г., ц. 2 р.—Дневникъ Витимской экспед. 1865 г.; И. Лопатинъ.—**Вып. 2, 1897 г. ц. 2 р.** Дневникъ Туруханской экспедиціи 1866 г.; И. А. Лопатина.

Т. XXIX, вып. 1*, 1895 г., ц. 50 к.—Изслѣд. земнаго магнет. въ вост. Сибири; Ф. Ф. Миллера.—**Вып. 2, 1896 г., ц. 50. к.**—О барометрическомъ нивеллированіи.—**Вып. 3, 1895 г., ц. 50 к.**—Метеорологич. сельскохозяйств. наблюд. въ Россіи въ 1892—93 г.г.; А. Воейкова.—**Вып. 4*, 1895 г., ц. 50 к.**—О колебаніяхъ уровня почвенн. водъ въ С. П. Б.; А. Тилло.

Т. XXX, вып. 1*, 1896 г., ц. 60 к.—Наблюд. надъ качан. повор. маятн. Репсольда, произвед. въ Пулковѣ, Москвѣ и Московской губ.; И Иверонова.—**вып. 2, 1896 г., ц. 60 к.**—Наблюд. надъ качан. повор. маятн. Репсольда, произвед. въ Парижѣ и въ Пулковѣ съ 1893—94 гг.; А. Соколова.

Т. XXXI, вып. 1, 1897 г., ц. 50 к.—Орограф. очеркъ сѣв. Сибири; К. Гикиша.—**Вып. 2, 1901 г., ц. 3 р.**—Каталогъ высотъ Азіатской Россіи; К. Гикиша.

Т. XXXII, Вып. 1, 1897 г., ц. 1 р. 50 к.—Ископаемые ледники Н. Сибирск. о-въ; бар. Э. Толь.—**Вып. 2*, 1899 г., ц.**—Объ опред. геогр. шир. по соотв. выс. зв.; М. В. Пѣвцова.—**Вып. 3., 1898 г., ц. 1 р.** Determinations magnétiques; Moureaux.—**Вып. 5, 1901 г., ц. 1 р.**—Опредѣленіе по телегр. разн. долготъ Москва—Можайскъ и Звенигородъ; И. А. Иверонова.

Т. XXXIII, вып. 1*, 1897 г. ц. 2 р. Разъясненіе вопроса о древн. теченіи Аму-Дарьи; А. М. Коншина.—**Вып. 2*, 1896 г., ц. 2 р. 50 к.**—Мраморное море; І. Шпиндлера, Н. Андрусова и А. Остроумова.—**Вып. 3*, 1898 г., ц. 30 к.** Барометр. дневн.; P. Lauwaert.

Т. XXXIV, вып. 1, 1900 г., ц. 1 р.—Сѣв. Ледов. ок.; Н. Андреева.—**Вып. 2, 1902 г., ц.** —Пут. зам. по Урянхайской землѣ; П. Крыловъ.

Т. XXXVI, вып. 1, 1902 г., ц. 3 р.—Экскурсія по Восточной Персіи; Заруднаго.

Лица, непосредственно обращающіяся въ Географическое Общество (Спб. Чернышевская площадь, зданіе Министерства Народнаго Просвѣщенія) за его изданіями, пользуются уступкою съ объявленной цѣны въ 20%, при требованіи менѣе 5 экземпляровъ, и въ 30%, при требованіи 5 и болѣе экземпляровъ одного сочиненія. (Постановленіе Совѣта И. Р. Г. О. отъ 7 марта 1883 г.). Кромѣ того изданія Общества находятся въ продажѣ въ С.-Петербургѣ: въ Географическомъ магазинѣ Главнаго Штаба, Географическомъ магазинѣ Ильина и магазинѣ «Новаго Времени». Въ Москвѣ, Харьковѣ и Одессѣ: въ магазинахъ «Новаго Времени» и въ Томскѣ: въ магазинѣ Макушина и Михайлова.

Напечатано по распоряженію Императорскаго Русскаго Географическаго Общества.